

Ольга Митрохина

Храм Морзе

Хранитель
Тайного Плана

Annotation

Много лет длится противостояние между богиней нежити Мортис и богом асов Одином. Наконец, Один находит способ сокрушить магические стены вокруг страны неумерших, и богиня нежити оказывается перед неотвратимой угрозой уничтожения всего своего народа. Тогда она делает шаг, которого никто не ожидал.

Пролог: Дикая охота

Эет

Ночной ливень хлестал по стонущему лесу. Тяжело раскачивались деревья, над мокрыми вершинами разрывали мрак молнии, шумели отчаянно листья — и, сорванные ветром, уносились в темноту.

Молодой человек, скорчившийся от холода в просторном, как комната, дупле старого вяза, лишь сильнее сжимал губы с каждым громовым раскатом, пытаясь вслушиваться в завывания бури. Рядом на влажной трухе лежала его потёртая дорожная сумка. Там был и кремень, было и кресало, но...

Но кто из Смертных в здравом уме станет разжигать огонь в такую пору?

Юноша вздрогнул и нервно провёл рукой по светлым волосам. Показалось? Или в самом деле он различил отдалённый лай гончей стаи?..

— Богиня, отведи их... — прошептал путник.

Лай и вой приближались. Неожиданно в тёмном проёме дупла возник ещё более тёмный человеческий силуэт, и в укрытие юноши, перекатившись через край, кто-то спрыгнул. Молодой странник слышал тяжёлое хриплое дыхание.

— Они гонятся за тобой?.. — негромко спросил он у гостя. От неожиданности тот даже подскочил.

— Кто здесь?!

— Смертный, — успокоил "хозяин" дупла. — Не бойся.

— Уффф... — человек, переведя дух, тяжело упал на влажный слой прелой трухи. — Ну и напугал ты меня, парень...

— Они гонятся за тобой, — сам ответил на свой вопрос юноша. Гость подобрался.

— Прогонишь?

Молчание. Затем тяжёлый вздох.

— Нет. Даст богиня, пройдут мимо.

— А и то, — закивал беглец. — Вон какой дождь хлещет, смоев весь запах.

На губах белокурого юноши появилась скептическая улыбка, невидимая в темноте.

— Что молчишь, а? Смоев ведь?

— Я бы не шибко на это рассчитывал... но, может, и смоев. Что приключилось?

Сосед непонимающе уставился на молодого человека. Тот задал вопрос прямо:

— Отчего ты в такую ночь пошёл через лес?

— Да будь прокляты эти Бессмертные! — взвился гость. — Подзадержался у приятеля, думал, успею. Ну, выпили! — Он сплюнул и выругался. — Ну, заплутал я спьяну. С кем не бывает? А тут ещё эта гроза! Чтоб им пропасть, гадам!

Блондин поморщился.

— Тихо. Они близко.

Лай и в самом деле приближался.

Беглец скорчился и в отчаянии закрыл голову руками.

— Нашли... Нашли, будь они прокляты...

Юноша, скрипнув зубами, полез в свою сумку и извлёк оттуда белёсо светившийся

шарик. А потом, подтянувшись, сел на край дупла.

— Ты что?! — всполошился сосед и, вскочив, начал дёргать блондина за ногу. — С ума сошёл?! Увидят! Увидят!..

Не отвечая, юноша отпихнул паникёра и замер, напряжённо вглядываясь в ночь.

Долго ждать не пришлось.

Бледный зеленоватый свет вспыхнул среди деревьев: стремительные хищные тени замелькали меж стволов. Призраки псов, сквозь туманную плоть которых просвечивали кости — не касаясь лапами земли, Дикая Охота мчалась к укрытию людей.

— Отведи, богиня, — прошептал юноша и бросил сферу в сторону, подальше от дерева.

Там тут же возник тёмный силуэт — бегущий человек. Стая резко переменяла направление и помчалась следом.

Переведя дыхание, юноша упал на труху, раскинув руки.

— Ушли... — одними губами прошептал он. — Хвала богине, с ними не было хозяев. Не было с ними хозяев, хвала богине!

— Ты что это? — подобрался сосед. — Маг?

— Нет, — устало выдохнул молодой человек, глядя на тёмный свод пустого ствола над головой.

— Так что... Колдун, что ли?

— Даже не адепт.

— Врёшь!

— Не кричи. Где Гончие, там и хозяева. Хочешь, чтобы Бессмертные тебя услышали?

— Ты врёшь! — снизив голос, зашипел сосед. — Сферы действуют только в руках магов! А я видел, ты бросил сферу!..

— Ну да, — всё так же безразлично вздохнул блондин. — Я не колдун, дуралей ты этакий. Правильно, есть способности к магии, вот меня и слушаются волшебные безделушки. Безделушки, не артефакты. Я даже заклятий настоящих не знаю. А сферы — так... Чтобы из принцип понять, не надо быть гением. Эту вот в магической лавке прикупил, на дорогу. На всякий случай. И вон, пригодилась... Расслабься.

Человек вздохнул с облегчением и растянулся во весь рост на животе, подперев голову руками.

— Так что ж, ты, поди, в столицу идёшь? Поступить в университет хочешь, точно?

Юноша молчал, пытаясь сдержаться, но не выдержал и широко улыбнулся.

— Угадал. Я очень хочу стать магом!

— Ну, ясно, в Бессмертные метишь, — с ноткой зависти протянул сосед. — Способности есть, так и отчего бы не попробовать...

— Да нужно мне оно, это бессмертие! — смешливо фыркнул парень. — Просто заклятия — это интересно. Узнавать новое, проводить эксперименты, создавать что-то из ничего, искать залежи волшебных кристаллов... Летать на драконах...

— Э, дуралей сам и вышел. О чём думаешь! Ты представь: поступишь — ни одна зараза бессмертная тебя больше не посмеет просто так ни на опыты схватить, ни своим слугам на корм отдать, ни сама тобой закусить. А он — "интересно"...

— Так думать надо, — лениво вымолвил юноша. — И не таскаться почём зря не в том месте не в то время. И никто тебя не тронет.

— Ты откуда, такой наивный, в столицу-то идёшь? — хмыкнул мужчина. — Ты бы возвращался к себе домой подобру-поздорову. Может, там у вас, в каких-нибудь Нижних

Болотах, Бессмертные ласковые, а у нас, где к столице поближе — держи ухо остро!

— Это не за мной гнались, а за тобой, — заметил юноша.

Какое-то время царила тишина. Потом сосед сказал убеждённо:

— Не получится из тебя никакого верховного вампира. Те только о развлечениях своих думают. Гонор, выпендрёж этот их вампирский, аж тошнит... Лич из тебя будет. Первосортный лич. Это они... наукой одержимые. А захочешь свою мордашку смазливую сохранить — Смертных станешь жрать. Так что, рассудив здраво, прибить мне тебя сейчас...

Юноша подобрался.

— Ты сумасшедший?

— А почему ты Гончих только со следа сбил? Почему бы тебе их, скажем, какой молнией не шандарахнуть? Пожалел будущих дружков-помощничков?

Молодой человек вскочил, сжав кулаки.

— Послушай меня внимательно, ты! Я никогда. Никого. Не убивал. И не собираюсь. Никогда. Тебе ясно? И если ты ещё пикнешь, я тебя вышвырну отсюда к чёртовой матери, понял?!

— Отдашь Гончим? — незримо в темноте прищурился сосед. — А говоришь, что не убийца?

— Я просто предоставляю тебе свободный выбор между молчанием и бегством от Дикой Охоты. Что ты выберешь — решать тебе.

— Вот они какие, адепты будущие... — хмыкнул мужчина, отворачиваясь к стенке. — Ну давай, посмотрим, сколько ты в столице проживёшь, с такими горделивыми намерениями... Удачи.

Юноша постоял над ним какое-то время, сжимая и разжимая кулаки, а потом сухо сплюнул и улёгся на другой стороне дупла, положив под голову свою потёртую сумку.

Часть первая

Глава I

Экзамены

Ларинна

Щедрое весеннее солнце заливало просторный университетский двор, и цветы яблони, что покачивались у самого окна, пахли головокружительно...

И хотелось забыть обо всех консультациях и экзаменах на свете.

Черноволосая девушка, надув губки, с тяжёлым вздохом облокотилась на парту и подпёрла щеку рукой. Речь профессора, гулко разносившаяся в тишине аудитории над головами юных колдунов, казалась бесконечной... А главное — совершенно непонятной. Мэтр бубнил какую-то абракадабру, вычерчивая на доске круги и магические формулы, походившие на ряд бессмысленных символов.

— Ларинна, ты чего не пишешь? — распахнула глаза сидевшая рядом подруга, миловидная девушка с русыми волосами, бросив короткий взгляд в её тетрадь. — Ведь экзамен завтра!

— Перевели на второй курс, переведут и на третий! — досадливо отмахнулась названная Ларинной. — Куда они денутся... Знаешь что, Фрей? — шаловливо сверкнув чёрными глазами, повернулась она к подруге. — Давай поедем купаться? Жара такая стоит, озёра наверняка уже прогрелись!

— После экзамена, Ринн, после экзамена, — покачала головой кареглазая Фрей, вновь склонившись над своим конспектом. — У меня же нет таких влиятельных родителей, как у тебя.

— Да у меня мировые родители! Чего ты их стесняешься? Они...

— Я не стесняюсь, — невольно рассмеялась подруга. — Но ты всё время великодушно забываешь, что я — Смертная. Если я провалюсь на экзамене, меня до пересдачи лишат неприкосновенности, и твои мировые родители первые будут иметь право отправить меня в лаборатории на опыты. Или на корм своим личам. — Фрей примирительно улыбнулась, увидев полный обиды взгляд Ринн. — Ну, не твои предки, так, вон, Вирлисса, — она кивком указала на сидящего через ряд ослепительного молодого человека. Что сей молодой человек ослепителен, было понятно даже со спины. — Тот ещё фрукт, как и его семейка.

Вирлисс, небрежным жестом перебросив через плечо роскошные серебристые волосы, обернулся и послал девушкам многообещающую улыбку. Его ровные зубы с чуть удлинёнными клыками блеснули под солнцем, как полярный снег.

— Ах, у всех вампиров невероятный слух, особенно у Рождённых, — хмыкнула Фрей.

— Крошка, я сделаю тебя Бессмертной без пересдачи, можешь не волноваться об этом... — одними губами прошептал Вирлисс, но обе девушки услышали. — Может, хоть тогда ты не будешь столь жестока со мной, Фрери...

Ларинна фыркнула от смеха.

— Слушайте, когда вы наконец прекратите друг друга подначивать и нормально заявите

о своих отношениях?

— Ты у меня спрашиваешь? — сделал обиженные глаза Вирлисс. — Я молюсь Мортис, чтобы она провалилась. Может, это и будет моим единственным шансом...

Фрей показала ему язык.

— Размечтался, кровосос!

— Кхм!.. — многозначительно покашлял лектор. — Я вижу, некоторые наши молодые колдуны настолько уверены в своих знаниях, что болтают даже на консультации. Не смею задерживать.

Подруга Ларинны побледнела и явно подыскивала слова для оправданий, но Вирлисс её опередил.

— Мы просим прощения, господин профессор, — встал он. — Мы допустили ошибку, но клянёмся, что не повторим её.

Лектор поморщился, но взмахом руки позволил Рождённому вампиру сесть, тем самым разрешая остаться и девушкам.

"С тебя причитается", — прошелестел в голове у Фрей бархатный голос Вирлисса.

"Перетопчешься!" — так же мысленно ответила она.

— Экзамены завтра в девять утра, опоздавшим просьба не беспокоить, — наконец прозвучали заключительные слова лектора — пожалуй, единственные, понятые Ларинной за эти бесконечные два часа.

Второкурсники высыпали из аудитории шумной толпой и потекли по мраморной лестнице к выходу из родного универа. Вирлисс тут же возник возле Фрей и, обхватив её за талию, под взаимные шуточки и поддразнивания увлёк по направлению к библиотеке.

— Я тебе объясню высшие заклятья подчинения. Должна же моя будущая жена знать, как управляться с кланом... Я очень огорчусь, если ты выберешь не вампирскую специализацию... Ой! За что??? — донёсся до Ларинны из глубин коридора его обиженный вопль.

Ринн усмехнулась. Если эти двое в такой замечательный весенний день хотят торчать в душевной библиотеке над учебниками, — а Вирлисс, насколько было известно Ларинне, и в самом деле серьёзно помогал Фрей — то это их дело. А она пойдёт развлекаться!

Домой идти уж точно не хотелось.

Узкая чёрная мантия с бледно-зелёной каймой — знак ученика магического Университета — мягко шелестела по камням двора.

Девушка присела на бортик тихо журчащего фонтана и плюхнула рядом сумку с учебниками.

Мимо, смеясь, пробежали юные адепты, без пяти минут колдуны; проходили, уткнувшись в учебники, молодые маги-старшекурсники; важно шествовали в чёрных мантиях с фиолетовой оторочкой профессора...

В воздухе звенело то будоражащее напряжение, которое бывает только перед экзаменами.

Солнце, дробясь в воде, бликами дрожало на тёмном мраморе купели.

Ларинна опустила руку в воду, глядя, как лучи золотят кожу в зеленоватой глубине.

— Госпожа!

От неожиданности она вздрогнула.

Перед ней стоял белокурый юноша в дорожной куртке. С плеча свисала облезлая сумка. Ларинна невольно поморщилась.

Смертный. Да ещё и бродяга.

Конечно, на ней не написано, что она бессмертна, а в ученической форме все равны...

Брезгливо поджав губы, Ринн смерила его с ног до головы холодным взглядом.

— Чего тебе? — кисло осведомилась она.

— Госпожа, как мне пройти в зал приёмной комиссии?

Час от часу не легче. Этот оборванец собрался поступать? В университет?

Она, Рождённая Бессмертная, еле сдаёт экзамены, и то благодаря связям родителей, известнейших магов... а на что надеется этот свинопас?

— Поднимешься по парадной лестнице на второй этаж, там налево, — надменно процедила она сквозь зубы.

— Благодарю, госпожа, — парень учтиво поклонился, и, насвистывая, направился к лестнице.

— Невежа, — прошептала девушка.

— Ларинн, вот вы где! Я ищу вас всё утро!

Ларинна закатила глаза. О Мортис, ну нигде не скрыться!..

Рядом с ней на бортик фонтана опустился средних лет мужчина в серой куртке военного покроя и штанах для езды на драконе.

Умные карие глаза внимательно и чуть печально взглянули на девушку.

По виду его можно было принять за офицера, если бы не широкие пластины наплечников — носить их имели право лишь пять человек на всей Атариде: пять верховных жрецов, правивших страной.

Ибо рядом с Ларинной сейчас сидел один из лучших магов — причём далеко не университетских, но из служителей Храма Мортис. Старый друг их семьи, Бессмертный, Иккон.

Иккон, как и её родители, был человеком, а не личом и не верховным вампиром. Иными словами, он принадлежал к высшей касте страны. Рождённый Бессмертный, маг от природы своей, маг милостью богини. Что и помогло ему со временем стать одним из пяти верховных жрецов, возглавлявших Совет магов.

— Вас предки послали? — буркнула она, глядя себе под ноги.

— Нет. Ларинна, вы понимаете...

— ...что завтра экзамен, что вы — надежда такой влиятельной семьи, что не надо подтверждать правило, будто на детях гениев природа отдыхает...

— Ринн, я этого не говорил.

— Так и что же? — она с вызовом вскинула голову. — Так все думают, все на кафедре некромансии! "Что эта девица тут делает, она не сумеет отличить Круг Призыва от Круга Подчинения"... И вы тоже так думаете!

— А вы сумеете? — мягко спросил Иккон.

Девушка покраснела, и на глазах её закипели злые слёзы.

— Нет!.. — крикнула она в лицо мужчине и вскочила, собираясь уйти. Иккон поймал её за руку.

— Девочка, с чем у тебя затруднения? Хочешь, я позанимаюсь с тобой на каникулах?

— Это значит, все будут отдыхать, а я вкалывать?

— По-моему, вы хорошо наотдыхались за два года в Университете, — холодно произнёс наставник. — Ларинна, послушайте меня. Сейчас не лучшее время для легкомыслия. И я говорю не об экзаменах. — Он оглянулся и чуть понизил голос. — Пламя на Алтаре Храма

гаснет. Жрецы и маги делают всё, чтобы поддержать его, но день ото дня оно всё слабее и слабее.

Девушка, нахмурившись, взгляделась в лицо профессора.

— Да правда? — недоверчиво хмыкнула она. — Вот только сочинять не надо, Иккон...

— Вы думаете, я осмелился бы придумать такое?

— И... что это значит? — облизнув пересохшие губы, прошептала она, вновь опускаясь на бортик фонтана.

— Вы знаете, что из себя представляет наша страна?

— Атарида?.. Остров, — с недоумением ответила Ларинна, не понимая, ради чего ей задали вопрос, ответ на который известен каждому школьнику.

— Да, это остров, отделённый от остального мира не только океаном, но и магическими стенами, — кивнул Иккон. — Не секрет, что попасть сюда и уйти отсюда возможно только через портал... иначе Бессмертные весьма и весьма скоро лишились бы материала для опытов, а университет — новых адептов. Вот об этом вы никогда не задумывались?

— Что, Смертные осмелились бы покинуть Атариду? — фыркнула она.

— Запросто, — пожал плечами Иккон. — Но я не имею намерения беседовать с вами о социологии или географии. Я скажу о том, о чём вы вряд ли знаете. Наш остров, согласно записям из тайных храмовых архивов, некогда был заселён пришельцами из иного мира, волей богини перенесённых сюда. Что это за мир, известно весьма смутно, но там нашей богине принадлежали огромные земли... И Смертным на этих землях давалось лишь одно право: умереть по прихоти Бессмертного. Даже обучаясь в Университете, они не получали неприкосновенности... У них в том мире не было надежды. Никакой.

И вот, согласно летописям, Смертные восстали, и им помогали жители других стран, и вели их боги. Мортис не могла устоять против этой мощи, и всё, что сумела — перенести в иной мир свой Храм и несколько верных жрецов. Здесь, на этом острове, была создана Атарида. Богиня отделила её от остального мира и дала своим служителям новый Закон. Отныне жрецы позволяли Смертным безопасно учиться на магов. Позволяли безопасно работать и передвигаться по стране в дневное время. Конечно, убийцы, грабители и прочие мерзавцы по закону доставляются в корм нежити, так было всегда. Но именно поэтому преступлений на Атариде мало... — Иккон меланхолично улыбнулся. — От слуг Бессмертных уйти почти невозможно. Именно из-за дефицита корма Бессмертным разрешено охотиться на простых граждан Атарида, да и то лишь ночью и в глухих местах... да ещё в Университете — на тех, кто не имеет статуса неприкосновенности. В Университете — исключительно для нужд научных лабораторий, вы знаете это.

Однако боги не потеряли надежды стереть государство Мортис с лица земли. Они готовы терпеть даже демонов, но не страну, в основе которой лежит магия Смерти.

Девушка опустила голову.

— Наверное... их можно понять? — тихо спросила она.

— Наверное, — криво усмехнулся Иккон. — Но я бы не хотел лишиться своего дома.

— Конечно, — так же тихо ответила Ларинна, не поднимая глаз.

— Если Стены Мортис не выдержат, если пламя на Алтаре потухнет, то боги не станут разбирать, и их гнев одинаково обрушится как на Бессмертных, так и на Смертных. Атарида падёт. Сейчас на счету каждый опытный маг. Вы унаследовали огромную силу, Ларинна, вы — Рождённая Бессмертная, Живая Рождённая. Есть ли у вас право отлынивать в такой

ситуации?

— Я... поняла вас, Иккон. Я готова заниматься с вами, — прошептала Ринн.

— Прошу, не говорите никому раньше времени. Быть может, нам удастся укрепить Стены и раздуть пламя на Алтаре. Нам не нужна паника среди жителей.

— Я понимаю.

Иккон улыбнулся уголком рта.

— Вот и хорошо, девочка, вот и хорошо. Значит, я сейчас иду в деканат и договариваюсь, чтобы тебе перенесли экзамены на осень. Да?

— Да, — убито вздохнула Ларинна.

— С чего начнём занятия?

— Ну... Ритуал Поднятия я знаю. Заклятие Подчинения... У меня даже своих слуг нет, — призналась девушка, не поднимая глаз. — Может, какого-нибудь скелета поднять? Или попробовать вампа отбить у главы клана?..

— Ринн, ты же знаешь, что для новичков встреча с этими типами нежители слишком опасна. А связываться с главами кланов — это ещё и лишняя неразбериха с законом... а на будущее запомни: никогда не отбирай чужих слуг. Ты можешь подчинять себе вампиров только с позволения их хозяев. Словом, начни с простого. Почему бы тебе не поднять зомби?..

— Зомби?

— Да, зомби, — ободряюще улыбнулся Иккон. — Этого вполне достаточно, чтобы понять принцип Заклятия Подчинения, и притом совершенно безопасно. Приходи завтра ко мне в Храм, я объясню тебе теорию. А послезавтра мы придём сюда, в Лаборатории Университета, и перейдём к практике. Договорились?

Ларинна уныло кивнула.

Глава II

Лик богини

Эет

Университет кипел.

По лестницам и переходам сновали адепты, маги и колдуны, и в этой толчее невозможно было разобрать, где Бессмертные, а где Смертные. Повсюду раздавались взрывы смеха и весёлые, возбуждённые голоса. В самом воздухе, казалось, витал дух братства и сплочённости.

Просторные коридоры, залитые щедрым солнцем, вовсе не производили гнетущего впечатления, как, надо признаться, предполагал молодой человек, сейчас стоявший перед высокими дверями зала, за которыми заседала приёмная комиссия.

Беглец, с которым они вместе укрывались в дупле от бури, утром пожелал страннику доброго пути и ехидным тоном выразил надежду, что юный поступающий не достанется на прокорм какому-нибудь университетскому драколичу. Не то чтобы юноша поверил злобной и завистливой болтовне, но слова эти невольно омрачили его душу. Впрочем, ничто из увиденного тут, в столице, не подтверждало слов неприятного знакомца. Даже забавное высокомерие той девочки, указавшей дорогу так, словно сделала невероятное снисхождение.

Юноша глубоко вздохнул. Сейчас он узнает, напрасен ли был его путь через весь остров, и чего стоили мечты...

— Что, решается судьба? — весело осведомился парень с убранными в хвост белыми, почти серебристыми волосами. — Издалека?

Молодой человек пожал плечами. Какое значение имели все расстояния на свете — здесь, перед этими дверями?

— И в деревне ты был самым крутым волшебником, да? — подмигнул незнакомый студент, то ли колдун, то ли уже маг.

Юноша чуть улыбнулся, вспомнив прошлую ночь и неприятного соседа.

— Я никогда не был волшебником, тем более крутым.

— А чего тогда тащился сюда? — широко ухмыльнулся собеседник, словно невзначай показав удлинённые клыки. — Если ты не волшебник? Знаешь, что тут делают с такими, ни на что не годными?

Юноша прищурился, и взгляд его стал цепким и холодным, как у воина перед схваткой.

— Расслабься! — расхохотался парень. — И в следующий раз думай, что говоришь.

— Вир! — высунулась из соседних дверей худенькая девушка с тёмными волосами. — Книги принесли!

— Ага, я сейчас, Фрери, — Вир тут же сорвался с места. — Бывай! Удачи! — только и крикнул он на бегу, махнув на прощанье.

И скрылся в дверях.

Молодой человек невольно улыбнулся. В его родной деревне ни один Бессмертный не позволил бы себе разговаривать со Смертным, как с равным...

Глубоко вздохнув, юноша потянул на себя массивную тёмную дверь.

Она запахнулась неожиданно легко, открыв перед ним огромный зал, залитый солнцем, заполненный бурлящей толпой. Юноша проскользнул внутрь.

Вдоль стен вытянулись столы с табличками факультетов: "Драконоведение", "Боевая магия", "Алхимия", "Некромансия", "Спиритизм"...

Возле столов толкались и шумели поступающие: и гладко причёсанные, одетые с иголки отпрыски Бессмертных из самых влиятельных семей, и скромные, аккуратные выходцы из средних сословий — Смертные соискатели.

Его собственная дорожная куртка выглядела здесь, как нищенские лохмотья.

"Богиня, что я тут делаю?.. — пронеслась предательская мысль. — Надо мной потешаться станут!"

Подумав так, юноша лишь крепче сжал губы и протиснулся к столу драконоведения.

— Мама, — пищала рядом совсем маленькая девчушка, видимо, сестра кого-то из поступающих. — Мама, а чем некромансия отличается от некромагии?

— Некромагия — это магия Смерти, она лежит в основе любого нашего колдовства, — услышал он ответ, за который был очень благодарен. — А некромансия — одна из её дисциплин, работа с мёртвыми, детка...

— Ну?.. — вернул молодого человека к действительности скрипучий голос. Профессор в седом парике и чёрной мантии, сидевший за столиком "Драконоведения", недовольно взирал из-под очков. — Вы пришли сюда, чтобы молчать?

— О, простите... — пробормотал юноша. — Я хотел бы поступить на ваш факультет. Что для этого нужно?

— Богиня, ну почему ты приводишь сюда и подобных невежд? — воздел очи горе

профессор. — Имя ваше скажите, откуда вы и каков ваш уровень магии.

— Уровень? — в замешательстве пробормотал соискатель. — Я, право... я не знаю...

— Имя и происхождение. Не тратьте моё время.

— А... Ну да, конечно, — молодой человек смущённо улыбнулся. — Простите... Меня зовут Эет. Я из Верхних Бродов, это в окрестностях Колиноса...

Профессор усмехнулся уголком рта, не поднимая головы от листа, на котором записывал.

— Да, не близко, не близко... А теперь вернёмся к определению вашего уровня. Кто с вами занимался?

— Никто... Я самоучка. Заговаривал коров от болезни. Отпугивал низшую нежить. И сферами пользоваться умею.

— Какими?

— Вчера я использовал Сферу Иллюзии, чтобы спасти Смертного от Дикой Охоты. Например... — смущённо закашлявшись, добавил молодой человек.

Преподаватель поднял голову и впервые заинтересованно взглянул на собеседника.

— Говорите, вам удалось сбить со следа Дикую Охоту с помощью... всего лишь... сферы?

— Ну... да, — невольно улыбнулся соискатель. — Я попросил о помощи богиню, как обычно.

— Гм... Оставим в покое богиню. Послушайте меня... — преподаватель скользнул взглядом по листку, — Эет. Я не хочу ни ругать, ни хвалить вас. Но то, что вы сейчас мне рассказали, либо враньё невиданной наглости, либо невиданной редкости и силы талант. У вас в роду были Бессмертные?

Эет отрицательно помотал головой.

— И такая искренность, — хмыкнул маг. — При таком вот заявлении. Откуда ж к вам свалилась подобная сила, если не от благородных родителей? Молчите?

— Я... не вижу ничего особенного во владении сферами. Они и раньше выручали меня, — пожал плечами Эет.

Волшебник пошамкал губами.

— Ну ладно... Пока напишем: "Заявленный уровень выше среднего". Вот так... под знаком вопроса. А теперь вот что, молодой человек. Пока вы не подтвердите свои способности — о знаниях, заметьте, речь не идёт — никто не имеет права дать вам неприкосновенность, но... если вы сказали правду... Одним словом, послушайтесь доброго совета. Если вы сказали правду, ваша сила неоценима, и обидно было бы потерять её из-за досадного недоразумения. Не оставайтесь на территории университета. Переночуйте в городе, лучше всего в Храме Мортис — там вы будете в полной безопасности. А послезавтра, к девяти утра, придёте на вступительный экзамен в тридцатую аудиторию. Советую вам найти её заранее, потому что на экзамен нельзя опаздывать. Вот вам пропуск, на нём поставят резолюцию о прохождении или непрохождении. Кроме него, с собой ничего не брать. Идите.

Эет, не умея сдержать радости, взял тонкий листочек пропуска и, не отрывая взгляда от сияющей на нём печати, направился к выходу.

— У мальчика есть шанс стать Живым Бессмертным, не трансформируя себя в высшую нежить... — задумчиво глядя ему вслед, покачал седой головой профессор. — Не Рождённый, но Обращённый живой бессмертный! Последний раз такое случилось полторы

тысячи лет назад... Молю богиню, чтобы он пережил эти два дня!

...Найти тридцатую аудиторию оказалось непросто: Эет совсем было запутался в переплетениях лестниц, коридоров и переходов, но адепты и колдуны ни разу не отказали ему в помощи, и в конце концов аудитория нашлась.

Хорошенько запомнив дорогу к ней, Эет покинул университет.

Над городом задувал холодный ветер, и с моря наплзали тяжёлые серые тучи. Похоже, к ночи снова соберётся гроза.

Люди спешили по своим делам, не обращая на бедно одетого прохожего никакого внимания. Эет медленно шёл между витринами богатых лавок, глядя на цены и прикидывая, на какие деньги купит себе университетскую форму. Впрочем, кажется, студентам платят пособие?

У лавки булочника живот дал о себе знать голодным урчанием. Порывшись в карманах, юноша извлёк на свет две медные монетки — всё, что у него оставалось. В дороге он добывал себе на пропитание, показывая в деревнях магические фокусы или выполняя для крестьян незначительную работу, вроде лечения скота или поиска утерянных предметов... Но кого здесь, в столице, таким удивишь?

Интересно, сколько стоит ночлег в Храме?

Есть хотелось немилосердно. Со вчерашнего вечера Эет не проглотил ни крошки. Отбросив колебания, молодой человек зашёл в лавку.

От упоительного запаха свежего хлеба рот наполнился слюной. Мягкие розовые булочки и хрустящие крендельки с маком словно улыбались с прилавка.

— Чем могу быть полезен? — неприветливо буркнул дородный усач-пекарь, с первого взгляда оценив покупателя.

— Простите, а сколько у вас стоит булочка? — стараясь скрыть смущение, осведомился Эет.

— Два медяка.

— А крендель?

— Три.

Эет вздохнул и выложил на прилавок свои последние деньги.

— Тогда булочку, пожалуйста.

— Приятного аппетита.

Завернув булку в бумажный пакетик, усач протянул покупателю еду.

— А... как пройти к Храму? — осторожно любопытствовал Эет, беря хлеб.

— К какому? К главному, что ль?

— А при котором можно переночевать?

— При любом. Но при главном ещё и ужин бесплатно, милостью богини. Тебе, наверное, не лишнее.

Молодой человек покачал головой.

— Ну, дело твоё. Словом, сейчас выйдешь и пойдёшь по улице в гору. Всё прямо и прямо. Упрёшься в главные ворота. Да не задерживайся, а то скоро стемнеет... по переулкам таскаться, сам знаешь оно как...

Эет задумчиво кивнул и вышел из лавки. В пепельных сумерках начинали загораться огни окон, по небу волоклись тяжёлые сизые тучи. Ветер задувал неистово, осыпал на землю порошу яблоневых лепестков, рвал куртку.

Запахнувшись плотнее, Эет медленно двинулся вверх по улице, жуя булку. Фонари

стояли редко, роняя зеленоватый свет на брусчатку.

Ночь нагоняла. Она упала на город, накрыла его темнотой, как плотной шалью, и вместе с ней на мостовую упали первые капли дождя.

Эет прибавил шаг, торопясь укрыться от непогоды и мрака.

И через пять минут остановился.

Он очутился на перекрёстке. Улица раздваивалась, огибая парк за витой оградой. Только одинокий фонарь тускло озарял пустые скамейки.

Булочник ничего не упоминал о развилке, и оставалось лишь гадать, направо повернуть или налево...

Юноша в замешательстве огляделся. Никакого указателя, и ни души, чтобы спросить дорогу.

Что ж, видимо, придётся использовать магию. Эет полез в сумку, когда холодный порыв ветра заставил замереть. Рука в сумке медленно отпустила шарик направления и сжала одну из сфер. Эет не знал, какую, но, как бы там ни было...

Он быстро развернулся.

Его серебристые волосы светились в темноте, развеваясь на ветру нитями невиданной паутины. Бледная кожа испускала свет, подобный лунному, а полы чёрного огромного плаща вздымались под порывами ветра, как крылья.

Улыбка вампира завораживала.

Эет прищурился, внутренне собравшись.

"О... — прошелестел в голове бархатный голос. — Кого я вижу... Старый знакомый. Заблудился, бедолага?"

— Охотишься, Вир? — ровно осведомился Эет.

— Охочусь.

На сей раз Вирлисс заговорил нормально, не применяя телепатию, но всё равно — речь его звучала вкрадчивой музыкой, что поглощала разум и волю.

"Выпендрёж этот их вампирский, аж тошнит"... — вспомнились Эету слова вчерашнего беглеца.

— Тогда охоться в другом месте, — спокойно проговорил молодой человек. — Удачи. Приятно было тебя снова увидеть.

Плащ вампира опал, утратив всякое сходство с крыльями, а сверхъестественное свечение кожи и волос исчезло. Вирлисс схватился за живот, сложившись от хохота.

— Нет, ну ты мне нравишься! — выдохнул он наконец. — Короткий у тебя разговор с Бессмертными, нечего сказать... Н-да... — вампир выпрямился, промокнув слёзы в уголках глаз. — Ты куда идёшь-то?

— В Храм Мортис.

— В главный, что ли?

Эет кивнул.

— А чего припозднился?

— Я не знаю дороги.

— Ну пошли, провожу!

Молодой человек испытующе взгляделся в Вирлисса, но рассудил, что, если бы Бессмертный хотел напасть, то вряд ли стал затевать какие-то сложные игры, и потому кивнул:

— Если тебе не трудно.

— Надо говорить: "Если тебе не в лом!" — рассмеялся Вир, хлопнув его по плечу. — Так вот, мне — не в лом. Пошли, а то ещё нарвёшься на кого без чувства юмора. Пошли...

Молодые люди — а теперь Вира и не отличить было от человека — свернули направо и быстро зашагали дальше вверх по улице.

Дождь заморосил сильнее.

— Кстати, у тебя потенциал, — небрежно, словно невзначай, бросил спутнику вампир. — К тебе нельзя подкрасться незаметно, и ты не поддаёшься нашему обаянию. А я старался, можешь поверить, — сверкнув зубами в своей фирменной улыбке, заявил Вир.

— И ты бы напал?

— Можешь не сомневаться, — кивнул молодой Бессмертный. — Если бы не встретил тебя сегодня в универе. Но я ж тебя узнал... А нападать на своих — дурной тон.

Эет усмехнулся.

— Я рад это слышать, но я ещё не поступил.

— Не имеет значения, — покачал головой Вирлисс. — Ты поступишь! Ну и погода... — поёжился он, накидывая капюшон.

— Ты уверен? — Эет даже остановился, вглядываясь в лицо колдуна-вампира.

— В том, что погода мерзопакостная? — улыбнулся тот. — Уверен! — В полной мере насладившись выражением лица своего спутника, Вирлисс соизволил прекратить валять дурака. — Пошли давай, чего встал? Говорю же, у тебя потенциал, какого нет у иных магов. Даже у Живых Рождённых. Вот учится с нами на курсе одна... ну, как учится? Юбочку свою от лучших портных на лекциях протирает. Дура полная. Хотя моя девушка с ней вроде как общается... В голове у этой фифы только родословная и ноль интеллекта. Фрери надо готовиться к экзаменам, а эта идиотка её на озёра зовёт. Ну ты подумай, ум есть?.. — Вир даже фыркнул от возмущения, и глаза его в темноте блеснули. — Фрери — Смертная... Понимаешь, чем грозит ей провал, да? А Ринн, которая не отличит вампа в обличье нетопыря от обычной летучей мыши, на консультации провоцирует Фрей поболтать! Самой-то ничего не сделается... Сегодня было такое желание припереть эту девицу где-нибудь и сказать всё, что думаю! Ну ладно, тебе, конечно, не интересно... Прости, — Вирлисс немного нервно улыбнулся.

— А когда у вас экзамен?

— Завтра, — коротко бросил Вир, глядя в сторону.

— Если ты так волнуешься, почему не учишь? — серьёзно спросил Эет. — Ты бы повторял, а не шатался по улицам...

— Перед смертью, друг мой, не надышишься! — широко усмехнулся Вир, блеснув клыками. — Знаешь? А потом... — Вирлисс снова посерьёзnel и опустил голову. — Я не за себя беспокоюсь, а за Фрери. Каждая сессия — как... А, — он горько махнул рукой. — Тебе не понять. Ты ведь наверняка ни разу ни в кого даже не влюблялся, — молодой вампир попробовал улыбнуться, но получилось не очень убедительно. — А я Фрери люблю. По-настоящему.

Эет молчал. Он и правда не знал любви и никогда о ней не задумывался. С одной стороны, вроде как считается, что любовь — это счастье. С другой... Например, Вир особо счастливым не выглядел.

— Почему бы ей не сдать? — спросил наконец Эет.

— Она умница, — кивнул Вирлисс. — О, кстати, хорошо, что ты меня тащишь в Храм. Я как раз помолюсь богине за Фрей!

— А далеко ещё?

— Не очень.

Улица сделала крутой поворот и втиснулась меж двух оград: городским парком и чьим-то развесистым садом. Здесь, под густым переплетением ветвей, царила непроглядная тьма. Эет щёлкнул пальцами и засветил над головой шарик белёсого света.

Вирлисс не сумел сдержать смешливое фырканье.

— Ха! Это "не умеет" он ничего?.. Ты что на первом курсе будешь делать? Отстающим уроки давать? Куда поступаешь-то?

— На драконоведение, — пожал плечами молодой человек, стараясь скрыть радость в голосе.

— Виверны, дракончики, драколичики... — с шутовским умилением пропищал вампир. — Какая прелесть! — И уже нормальным тоном добавил: — А я на некроманта учусь.

— Ну... — чуть смущённо пожал плечами Эет. — Ты же Неживой... Бессмертный.

Вир картинно закатил глаза.

— Ой-ой. Ну, раз вампир, значит, обязательно некромант! А у меня, прикинь, есть знакомые-вампы, на алхимиков учатся. Что скажешь?

Эет невольно улыбнулся. С Виром было... легко. И почему-то росла и крепла уверенность, что они — ровесники, что если Вирлисс и старше, то максимум года на два-три, а не на сотню-другую лет...

— Ты классный парень! — только ответил он, дружески ткнув спутника кулаком в плечо. И чуть смущённо добавил: — Меня зовут Эет...

— Ты тоже ничего, Эет... — довольно хмыкнул Вирлисс и, запрокинув голову, подставил лицо холодным каплям. — Вот ведь собачья погода... Не замёрз в своей курточке? Хочешь, дам плащ?

— Да ну, брось! А ты?

— А что мне сделается? — опять ухмыльнулся вампир. — Ты ж сам сказал — я нежить. А вот если ты накануне экзамена схватишь простуду, будет скверно.

Не слушая более возражений, Вир стянул с себя свои "крылья", оставшись в тонкой чёрной рубашке, и накинул их на спутника. Они оказались удивительно лёгкими и тёплыми, и избыточное тело сразу расслабилось, словно погрузившись в нагретую ванну.

— Не заморачивайся! — фыркнул Вирлисс на возражения. — Да и почти пришли, к тому же.

Дорога наконец вынырнула из узкого проулка на широкий проспект, по обеим сторонам которого дремали тёмные дома.

— Вон он. Видишь? — Вир кивком указал вперёд.

Там, темнее ночного неба, высился силуэт грандиозной ступенчатой пирамиды, и на вершине её ровно горел свет.

— Наверху жрецы живут, — тихо ответил Вир на невысказанный вопрос. — А внизу, под главным Храмом, лежат подземелья. Говорят, в них скрыто тайное святилище богини.

— Тайное святилище? А что в нём?

— Разные слухи ходят... — неопределённо ответил Вирлисс. — Что-то, связанное с самой богиней... Там, внизу, самый настоящий лабиринт. С кучей ловушек. Всех его переходов, говорят, сами жрецы уже не помнят. Так-то, приятель...

Дальнейший путь молодые люди проделали в молчании. Каждый думал о своём...

Молча они вступили на выщербленные столетиями ступени храма и, минуя террасу за террасой, стали подниматься к огоньку, то и дело скрывающемуся за облаками.

Пирамиду, ровно на полпути к вершине, опоясывала широкая площадка, и тут, врезанные в каменную толщу, перед прихожанами представляли врата в Храм.

— Выше мы не пойдём, — сказал Вир. — Там кельи жрецов. Нам сюда.

Вампир подошёл к металлическим створкам, украшенным причудливыми изображениями, и уверенно толкнул их.

Они отворились совершенно бесшумно.

Эет зашёл вслед за Вирлиссом в пустынный зал, освещённый лишь мерцающими зеленоватыми светильниками да живым пламенем на высоком алтаре перед огромной фреской, изображение на которой терялось в пляске смутных теней.

На стенах зачем-то намалевали пустые чёрные прямоугольники — иные вытянутые и узкие, иные широкие... словно места для сюжетной росписи, которую забыли нанести.

— Здесь красиво, — вздохнул негромко Вир, подходя к ближайшей чёрной "фреске". — Знаешь, я любил сюда приходить в детстве. И размышлять... Видишь? Здесь богиня создаёт вампиров. Как думаешь, правда, нет? — он обернулся с улыбкой. — А погляди, у этого типа лицо такое, будто он... ты что так смотришь?

— Здесь ничего нет, Вир.

— В смысле?

— Здесь просто чёрная краска.

Вампир обернулся, озадаченно глядя на Смертного.

— А там? — наконец ровно спросил он, кивком указывая на противоположную стену.

— И там.

Предупреждая вопрос Вирлисса, Эет произнёс:

— Здесь только одна фреска — над алтарём.

— Сама богиня? — уточнил Вир.

— Сама богиня, — кивнул Эет.

— Интересно... — протянул вампир. — Фрери тоже Смертная, а все росписи видит. Очень интересно... Чем же ты так не угодил Мортис?.. Ну-ка, пойдём!

Он схватил юношу за руку и потянул вперёд, к алтарю, через весь зал.

— Её ты видишь?

Эет поднял голову — и обомлел.

Богиня была прекрасна.

С высоты на него взирала лёгкая, почти невесомая девушка с пепельными волосами, похожими на туман над рекой. Её бледное, чуть исхудалое личико было печально и полно невероятной, нечеловеческой усталости. Огромные тёмные глаза, казалось, наполняли слёзы, а взгляд безмолвно зывал о помощи.

И эту богиню могли звать как угодно, но только не Мортис.

В своих молитвах он никогда не называл её так.

И вот сейчас... Имя... шёпот, ускользающий звук... который так важно услышать...

Эет не мог!

Молодой человек преклонил колени. В их бедном деревенском храме росписи не было, но именно такой видел он богиню во сне, именно такой представлял в минуты опасности. Не мог только предположить, что столько безысходности увидит в её глазах.

Рядом опустился на колени Вирлисс.

— Богиня, молю, помоги завтра Фрери на экзамене... — услышал Эет шёпот вампира. — Ты же знаешь, как это важно для неё. Молю тебя!

Пламя на алтаре качнулось от вздоха Вира, и тени на фреске заплясали. И от этой ли призрачной игры света, но Эету показалось, что богиня грустно улыбнулась.

Словно умирающая, у которой просят сбегать на кухню и принести для гостя стакан воды.

— Не проси у неё! — быстро выдохнул, помимо воли, Эет. — Фрери в силах справиться сама, не проси ничего!

— Ты чего, переутомился?.. — Вирлисс озадаченно смотрел на нового знакомого.

— Ей же плохо! Она сама просит нас о помощи, неужели ты не видишь?

Вирлисс резко поднялся.

— Я ничего не вижу. Это всего лишь фреска, причём нарисовать можно и получше! Например, серп в её руке намалевали косо!..

— Какой серп?.. — Эет тоже поднялся. — У неё нет никакого серпа в руке. У неё... — юноша бросил взгляд на кисти богини. Прежде он не обратил на них пристального внимания, пленённый тихой красотой лица и его кроткой безысходной печалью. — У неё роза! Ты с ума сошёл?

— Какая роза? — скрестив руки на груди, насмешливо осведомился вампир. — Зачем розы богине Смерти? Кто из нас сошёл с ума? Нет, ты точно переволновался перед экзаменами... Ладно, пошёл я! — буркнул молодой колдун, направляясь к выходу из храма.

— Вир! — немного растерянно окликнул его Эет. — Плащ-то возьми...

— Оставь! — махнул рукой Вирлисс, не оборачиваясь. — Потом как-нибудь отдашь.

— Вир!

— Да забей!

Эет стоял и беспомощно смотрел, как уходит этот красивый весёлый парень, с которым они могли бы подружиться. И в самом деле, какого дьявола его дёрнуло что-то указывать Виру? Ну, влюблён тот без памяти, так и помолился бы за свою девушку. Богиня сама разберёт, помогать или нет... Как нелепо получилось...

У самых дверей Вир всё-таки обернулся.

— За алтарём есть комнатка, — нехотя произнёс он. — Там дежурный служба. Пни этого соню, пусть принесёт тебе ужин и проводит в гостевую келью. Это его обязанность, между прочим.

— Но...

— Спать в святилище — дурной тон, — отрезал вампир, и двери за ним с гулом захлопнулись.

Глава III

Визит в Храм

Арит

Небо опьяняло высью. Внизу проносились облака, холодный ветер пробирал до костей, но от ослепительного солнца хотелось петь — петь, как в юности. Огромные кожистые крылья взмахивали ровно и мощно, и далеко под ними всадник дракона мог различить и бескрайнюю дугу моря, и воздушные, практически незримые, корабли Бессмертных у причалов порта, и городские улицы в зелени садов.

Под солнцем кроны сверкали так, словно на них накинули тончайшую драгоценную сеть — то переливались в утреннем свете капли росы и ночного ливня.

Лишь хмурая и гордая громада Храма Мортис вздымалась над облаками, чёрная и неизменная, словно её не касались ни дожди, ни солнце, ни ветер.

Всадник уверенно направил своего зверя вниз, к боковой террасе Храма, предназначенной для посадки драконов.

Ящер опустил, распластав огромные крылья, и человек легко съехал вниз, как по горке.

Чёрный дракон сразу поджал их, аккуратно уместив на боках — а потом замер, нахохлившись, похожий на древнюю скалу.

— Ждать, Пончик, — ласково велел профессор драконоведения и направился было к лестнице, но радостный возглас остановил его:

— Ба, кого я вижу! Сколько лет, сколько зим!

Маг обернулся — и сразу попал в объятия Иккона. Тот, в белоснежной жреческой тоге, ничуть не заботясь об её сохранности, прижал к груди профессора в грубой одежде драконьего всадника.

— Ты в кои-то веки наведался к нам, Арит — и тут же норовишь сбежать? — укорил жрец. — То у тебя экзамены, то лекции, то ещё какая забота... совсем забыл о друзьях! Если ты решил помолиться Мортис, прежде шепни о проблеме её служителю, и, может, богине не придётся утруждаться, а?.. — посмеиваясь, Иккон подхватил гостя под руку и увлёк по лестнице вверх, под сень портика Верхнего святилища, за которым располагались кельи жрецов.

— Так ведь и ты, собственно, — бормотал под нос седовласый Арит, оглядываясь на лестницу. — Право, Иккон, дело важное, и я не хотел бы...

— Любое важное дело может подождать полчаса! Ты никуда не уйдёшь, пока не выпьешь со мною чая. Кстати, ты не хочешь есть?.. — тон, которым был задан этот простой, в общем-то, вопрос, намекал, что речь идёт не о простой пище. — Мне тут архонты доставили преступников — за одним насилие над несовершеннолетней воспитанницей, а второй — главарь разбойничьей шайки, попался наконец... Я думал обоих отдать своему личу, но одного с удовольствием уступлю тебе, если надо.

— Благодарю, благодарю... — помотал головой профессор. — Я вот как раз по этому поводу... вчера поел, собственно, у друга... Твой достойный слуга, думаю, заслужил небольшой запас... когда ещё подвернутся преступники в нашем спокойнейшем государстве? — маг улыбнулся. — Остаётся охота... Только охота.

Разговаривая, маги миновали портик и зашли в небольшой уютный зал. Лучи солнца косо перечёркивали пространство, падая с балкона за изящной колоннадой, откуда открывался вид на море. Крики чаек нисколько не нарушали светлую тишину.

Бронзовые камины у дальней стены курились, окутывая благовонной поволокой фрески.

Иккон усадил своего гостя в просторное кресло возле терракотового столика, а сам занял место напротив.

— Ты же знаешь, Иккон, — чуть поморщился профессор. — Я бы с удовольствием отказался от охоты, но начальство университета против.

— Да, — тая улыбку в глубине глаз, кивнул жрец с самым серьёзным выражением лица. — Голодные личи скверно выглядят. Зачем же шокировать студентов?

— Голодные вампиры выглядят не лучше. Просто они редко доводят себя до неприглядного состояния.

— Они хуже переносят голод... — примирительно произнёс Иккон.

— Возможно, — кивнул Арит. — Я бы сказал, они переносят его болезненно. Мы, личи, ощущаем его как глубинный холод: неприятно, но терпеть можно. Именно потому, чисто физиологически, мы чаще можем позволить себе роскошь не подражать Живым. Кстати, к их же благу.

— Я понимаю тебя. Ты, вон, дожил до седых волос, прежде чем решиться на Обращение...

— По-хорошему всегда завидовал Живым Бессмертным, — мягко улыбнулся Арит. — А уж появление Смертного, способного стать обращённым к бессмертию, не теряя человеческой сути... Я бы расценил это, по нынешним беспокойным временам, как Знак.

— Таких не было уже очень, очень давно, — покачал головой Иккон. — Таким был дед Ларинны... Около полутора тысяч лет назад. И с тех пор... увы.

Жрец протянул руку к изящному чайнику на бронзовой подставке и наполнил две чашки.

— Прошу.

— Служители богини всегда великолепно заваривали чай... — Арит прикрыл глаза от наслаждения. — Так, собственно, к нашим баранам. Я вчера заприметил одного соискателя. На первый взгляд — деревенский мальчик, ничего особенного... Но, ты знаешь, Иккон... Он заявил, что с помощью сферы сбил со следа Дикую Охоту.

— О, я заявлю, что с помощью пилы сделаю портал в Завесе. Ты мне поверишь? — рассмеялся Иккон.

— Я понимаю твою иронию. Но я пожил не меньше твоего и чуток разбираюсь в людях. Мальчик не врал... Словом, я поставил в его документах знак вопроса. И что ты думаешь? Вечером отправляюсь к приятелю. Он, разумеется, готовился... Дикая Охота, для будущего ужина. И вот мой знакомец рассказывает, какая петрушка курьёзная приключилась с его Сворой... Ты не поверишь, говорит, дорогой. Моих Гончих сбили со следа с помощью Иллюзии... словом, история один в один повторяет рассказ моего соискателя. Сам понимаешь, что я должен был чувствовать! — маг даже привстал, сверкнув глазами. — Мальчишка не солгал. Он едва не сорвал нам ужин, — улыбнулся уголками губ лич. — Не напади Гончие на след ещё какого-то остолопа... полагаю, кого-то из недобитой шайки главаря, что ожидает знакомства с твоим Слугой... так вот, не наткнись они на другого несчастного, сейчас я бы согласился поесть у тебя.

Иккон хмыкнул, покачав головой.

— Трудно поверить. Но, если правда... Тогда это невероятной силы талант, ты прав! Сравнимо с дедом Ринн. Кстати, Ринн придёт сюда сегодня.

— Я слышал, девочка звёзд с неба не хватает, прямо скажем, — вздохнул лич. — Ну, она не моя слушательница, так что с чужих слов говорить не буду.

Иккон побарабанил по столу пальцами, но ничего не сказал. Арит продолжил:

— Так вот, я, на свой страх и риск, выхлопотал у ректора для мальчика иммунитет. До сдачи экзаменов, понимаешь? Молюсь Мортис, чтобы с парнем ничего не стряслось.

— У нас спокойная обстановка, — пожал плечами Иккон. — Нежить в дома не вламывается. Так что я не понимаю твоего беспокойства. Где твой протеже остановился?

— Я посоветовал ему остановиться в Храме.

— Тем более!

— Но университет! Имеем ли мы право подвергать случайностям мага такого уровня, каким обещает стать этот мальчик? Сейчас, когда пламя на Алтаре...

— Не карчай! — почти с суеверной поспешностью вскинул руку Иккон. — Ты прав. Я просто... — он скупно улыбнулся. — Просто боюсь поверить в такую удачу.

— А я в неё поверил, друг мой! Поверил и не хочу упустить! И сейчас тороплюсь порадовать мальчика... молюсь, чтобы он никуда не ушёл!

— Пойдём вместе, — сразу же встал Иккон. — Я тоже взгляну на это чудо. Быть может, богиня шлёт нам избавителя в его лице?

Он перевёл взгляд на потемневшую от дыма фреску. Мортис, в летящем над плечами плаще, с реющими на ветру чёрными волосами, мчала сквозь тьму верхом на чёрном ягуаре в окружении стаи волков, и глаза богини сияли хищной зеленью наравне с волчьими. Мортис Охраняющая, Мортис Заступница...

Там, внизу, в общем святилище храма, на алтарной фреске, богиня представала перед верующими в самой грозной своей ипостаси, Мортис Карающей. Сама Смерть, кости, лишённые плоти — и Серп в руках. Её благую ипостась прихожане могли видеть на сюжетных фресках, но обращаться к ней имели право лишь жрецы.

В задумчивости Иккон потёр переносицу. Вспомнились записи из храмовой библиотеки... О якобы ещё одном лике богини. Но сколько тысячелетий тем обрывкам пергамента! Обрывкам, пришедшим с первыми жрецами из иного мира. Текст испорчен и неясен... Ещё одна ипостась. Изначальная. Истинный лик... Истинное имя.

Если не будет на то воли самой богини, сейчас ничего уже не узнать.

Хотя, возможно, сведения эти дали бы жрецам новые силы? Из иного источника, что не принят в расчёт их врагами?

О Мортис, спаси! Пошли нам надежду!

— Иккон, ну что ты там застрял? — уже от дверей понукал Арит.

Его можно понять, чёрт возьми!

— Иду, — отозвался он, быстрым шагом направляясь следом за магом.

Арит почти бегом мчался по ступеням.

"О, о, о как приспичило!" — ворчал про себя Иккон, но темпа не сбавлял.

— погоди! — у самого входа в общее святилище простонал он, хватаясь за сердце. — Ты убить меня хочешь... Я ж живой, в отличие от тебя... Сто лет так не бегал.

— Иккон!

Он обернулся.

По ступеням к святилищу поднималась девушка в тёмной накидке, и её пышные чёрные волосы, обрамляя лицо, мягкими прядями ниспадали из-под капюшона на плечи.

И жрец внезапно поразился, как же Ларинна похожа на Мортис в благой ипостаси. Особенно сейчас, в плаще. Разве что глаза тёмные. Почему же он раньше не замечал?

И... может ли это быть простым сходством? Именно теперь, когда пламя на Алтаре...

Бред! Кажется, он начинает во всём видеть знаки и предзнаменования. А это плохо. Так недолго и дров наломать... Сейчас её группа в полном составе сдаёт, а этой девочке экзамены перенесли на осень, и то по его личной просьбе. При чём тут богиня?

— Иккон, ты идёшь? — от дверей святилища крикнул Арит.

— Иди без меня, — ответил ему Иккон. — Ларинна пришла.

— У вас кто-то в гостях, Иккон? — спросила девушка, откидывая капюшон. — Я не

вовремя?

— Нет-нет, девочка! Старый друг заходил, идём.

Жрец посторонился, пропуская свою гостью к верхним лестницам.

— Идёмте, Ларинна, идёмте.

Арит, покачивая головой, смотрел вслед приятелю и дочери знаменитейших магов Атариды. Н-да... Кто бы мог подумать? Учитывая, что доносилось до его ушей затихающим голосом Иккона...

— Кажется, мы сегодня должны с вами обсудить принцип Заклятья Подчинения? В основе каждого подчинения лежит знание Имени. Имя — это суть. Это сама наша личность. Это единственное, что остаётся неизменным после смерти человека, когда меняется всё. По имени поминают усопших, по имени обращаемся мы к богине...

— М-да-а-а-а... — протянул Арит, вздыхая и проходя в храм. — Увы.

Он прошёл в просторный сумрачный зал, освещённый лишь трепетанием пламени на алтаре. Тут, преклонив колени, молилось несколько прихожан. Маг невольно хмыкнул: народ ни о чём не подозревает. Если бы они знали... Знали о Тайном Алтаре глубоко в храмовых подземельях: пламя на нём агонизировало, захлёбывалось, держалось лишь невероятными усилиями служителей. Фреска над тем Алтарём стала совсем чёрной. Богиня отвернула свой лик и не желала его никому являть. Даже лик Карающей ипостаси жрецы восприняли бы сейчас как благословение...

Не обращая более внимания на прихожан, лич прошёл за алтарь, к келейке дежурного служки. Тот уже собирался уходить, передавая пост своему сменщику.

— Хорошо, что я вас застал, — вежливо кашлянул маг, постучавшись в двери. Оба служителя, склонившиеся над книгой сдачи дежурства, распрямились так резко, что едва не столкнулись лбами.

— Простите, — чуть смущённо улыбнулся посетитель. — Скажите, пожалуйста, а много ли постояльцев, милостью Мортис, вчера остановилось в Храме?

— А что? — подобрался молоденький служка, невольно потирая лоб, так удачно избежавший столкновения.

— Я, видите ли, маг из университета. Тут должен был остановиться один из моих слушателей...

— А, ну так человек пять вчера пришло, все Смертные, — отмахнулся жрец. — Они сейчас в трапезной для гостей, по коридору прямо.

И он отвернулся, перестав обращать внимание на Арита.

Арит, не задерживаясь более, размашистым шагом двинулся в глубь Храма по сумрачному коридору, перечерченному лишь узкими полосами света, что падали из бойниц.

Эта он заметил сразу. Юноша сидел за длинным столом в унылой сводчатой зале, почти теряясь в своей серой куртке на сером фоне стен и пола. Лишь волосы, волнистые волосы цвета светлого золота сияли под лучами солнца.

Лич подошёл и остановился над молодым человеком.

— Эет, — негромко позвал он. — Добрый день.

Парень поднял голову, и его удивительные синие глаза расширились при виде посетителя. Маг невольно подумал, что этот юноша выглядит здесь настолько ярким, настолько живым... что доходит до вызова.

Мортис, сохрани его!

— Господин профессор? День добрый...

— Что ж, я хочу тебя порадовать, Эет, — улыбнулся волшебник. — Твоя история подтвердилась. Потому... Словом, я выхлопотал для тебя у ректора иммунитет. Держи!

В руки юноши лёг желтоватый, прозрачный листок бумаги, похожий на осенний лист, пронизанный светом.

— Держи, Эет, — строже повторил волшебник. — Значок ректор тебе повременил давать, но это — важнее. Покажи этот документ при любой опасности, и тебя оставят в покое. Неладов с законом никто не хочет.

— Так ведь...

— Никаких "так ведь". Любой Бессмертный, причинивший вред Смертному с иммунитетом, считается убийцей, а убийц отправляют... сам знаешь, куда. Живых на корм законопослушной нежити. Тут никакое бессмертие не поможет... А Неживых убивают. Вампирам кол и костёр, личам — разбивание филактерии[1]. Разговор короткий. Главное, держи завтра свою грамоту на виду, хоть вроде значка приколи — и всё будет хорошо.

— Но, господин профессор! — Эет встал. — Что же, завтра все придут сдавать на равных, а я один буду светить с этой бумажкой? Да меня за труса примут... или за любимчика. С первых же шагов!

— Не важно, за труса или за любимчика! — рявкнул профессор так, что на него оглянулись немногие люди, находившиеся в трапезной. — Важно, чтобы за лёгкую жертву не приняли!

— Но...

— Разговор закончен. Завтра не опаздывать!..

Арит развернулся и, широко шагая, пошёл прочь.

Каков мальчишка! С гонором, тоже.

Эет, с белыми от гнева губами, возмущённо смотрел вслед старому учителю.

Чёрт возьми, он не просил ни о каком иммунитете!

Скомкав злосчастный листочек, юноша отправил его в карман и сел доедать свой завтрак.

Глава IV

Заклятие Подчинения

Ларинна

За окном плыла ночь. Холодные капли дождя опять стучали по стеклу, хранившему смутное отражение её лица: темноволосая девушка с чёрными глазами...

Ларинна вздохнула. Улица внизу, под окнами их особняка, сейчас была пустынна, лишь шумел тихо ветер в юной листве.

На душе было печально...

Сегодня в Храме она видела преступника. Кажется, какой-то разбойник... Грабитель и убийца. Его привели связанного к Иккону, и, пока тот подписывал документы, разбойник стоял в зале, не поднимая глаз, лишь сжимая и разжимая кулаки. Она тогда обратила внимание на его руки. Запястья стягивала толстая верёвка — путы Мортис. Магическая вещь.

А потом за преступником явился молчаливый сухощавый слуга Иккона. Бандит взглянул на него — и лицо задрожало, как у маленького ребёнка.

Ларинна тогда отвернулась, не в силах более выносить это зрелище.

Лич увёл свою жертву, но пойманный бандит так и стоял перед её внутренним взором, беспомощный и жалкий.

Она с трудом заставила себя сосредоточиться на объяснениях Иккона.

— Прости, девочка, — сказал тогда жрец. — Мне следовало бы покончить с такими вопросами до твоего прихода. Подобные сцены не для юных глаз... — Он поднялся и подошёл к ней. Отечески положил руку на плечо, и девушка с трудом удержалась, чтобы не отпрянуть гадливо от прикосновения жреца. — Не жалея его! Этот мерзавец никогда никого не жалел. И сейчас, уверяю тебя, он получил по заслугам. В конце концов закон писан для всех — и для Бессмертных, и для Смертных. Ни один служитель богини не вправе его нарушить. Убийца должен быть казнён! И довольно об этом...

Довольно...

Да, Иккон был прав, полностью прав. С точки зрения закона.

Но...

Ларинна вздохнула. Она сама не могла бы сказать, почему ей стало так горько и противно. Дальнейшие объяснения наставника о заклетиях она слушала как из-под воды, прилагая невероятные усилия, чтобы воспринимать эту речь.

Иккон не торопился, понимая её состояние, делал перерывы, и она, с грехом пополам, убив почти весь день, поняла принцип Заклетья Подчинения.

Оставалось только отработать это фундаментальное заклинание некромансии на практике, и Иккон ожидал её завтра в университете...

Университет...

Ларинна вздохнула.

После длиннющей лекции в Храме она, чтобы хоть как-то развеяться, отправилась в универ.

Экзамен заканчивался, и в потемневшем вечернем коридоре никого уже не осталось — если не считать Вира, который угрюмо стоял, опершись локтями о подоконник.

— Ты что тут? — спросила Ларинна, подходя к вампиру. — Не сдал, что ли? Привет, кстати.

— Привет, — буркнул Вирлисс, не глядя на неё, и резким движением отбросил за плечо свои серебристые волосы, заплетённые в длинную косу. — Сдал.

— Так что, оценка не нравится?.. — Ринн вскинула брови.

— Отлично-то? — хмуро хмыкнул вамп.

— А что тогда?.. — девушка осторожно дотронулась до его руки.

— Фрери в последнем потоке сдаёт, — почти прошипел Вирлисс. — Я ей говорил, чтобы шла первой, когда преподы хорошие и не уставшие, так нет же! "Я боюсь, я боюсь"! Как будто, если подождёт, новые знания в голове появятся.

— Скрестим пальцы? — подмигнула Ринн.

— Милая моя! — Вирлисс резко развернулся к ней, блеснув глазами. — А кто ей на консультации мешал? Послушай меня! Если она не сдаст, я!..

Чем собирался пригрозить вампир-колдун, Ларинна так и не узнала: дверь аудитории распахнулась, выпустив полоску света, и в коридор выпорхнула сияющая Фрей. Тёмно-каштановые завитки её пышных волос падали на плечи из-под сдвинутой набекрень студенческой шапочки, лицо разгасилось, а над головой девушка победно крутила свою зачётку.

— Сдала! Вир, сдала на отлично!.. Последний экзамен, всё! Я просто уложила препода

высшими закланиями подчинения! Спасибо, Вир!..

Не заметив Ларинну, Фрей кинулась на шею онемевшему от счастья Вирлиссе и чмокнула его в щёку.

— Ага-а!.. — издал Вир ликующий вопль и, подхватив Фрей на руки — прямо так, стоя, — принялся, хохоча, кружить её по коридору. И Фрей, поджав ноги и обнимая его, тоже смеялась, запрокидывая голову...

"Ну, с этими двумя всё ясно, — с какой-то светлой печалью улыбнулась Ларинна. — Фрери счастливица. За меня бы кто так переживал, как за неё Вир!"

Наконец парочка вернулась с небес на землю, и каблучки Фрей вновь коснулись каменного пола. Обнявшись, вампир и Смертная двинулись к выходу, и тут Фрей увидела Ларинну.

Охнув, она хотела было отпрянуть от Вирлисса, но молодой Бессмертный удержал девушку.

— Фрери, спокойно, Ринн всё уже поняла, — тихо сообщил он, сдерживая улыбку.

— И ты мне не сказал! — возмущённо ахнула девушка.

— Ты её не заметила, а я про неё забыл, — вамп даже бровью не повёл. — Да забей! Подумаешь, велика проблема — Ринн видела, как ты меня поцеловала... Ой! — вампир дёрнулся от тычка Фрей, и девушка высвободилась из его объятий. — Так в щёчку же... — просипел он, согнувшись и держась за бок.

— Вирлисс, кончай придуриваться! — метая глазами молнии, скрестила руки на груди Фрей. — Ты — самовлюблённый, дерзкий, самонадеянный тип, который не отличает порыв благодарности от...

— От чего?.. — разогнувшись, заулыбался вамп — и взмыл на подоконник, удачно увернувшись от очередного тычка. — От чего это я не отличу порыв благодарности? О чём это вы подумали, госпожа Фрей? Неужели о каком-то неприличии?..

— О, с меня довольно! — Фрей резко развернулась — и налетела на Ринн, о которой эти двое опять благополучно забыли. — Ах, Ларинна, прости. Не обращай на него внимания. Он невыносим. Кажется, ты приглашала меня на озёра? Я с радостью поеду!

— Ага, мы с радостью, — присоединился из района подоконника Вирлисс — на сей раз он взлетел почти к потолку, чтобы избежать тумака от Фрери. — Ты скажи, во сколько и куда подходить, мы подойдём... Ой! — в него полетела сумка. — Там же твои сферы лежат! — возопил он, схватив имущество подруги. — Я их спас!

— Верни!

— А извинения?

— Что-о?..

— Скажи: "Вир, прости меня. Я больше не буду ничем в тебя швырять, не буду тебя бить и не буду тебя стесняться".

При последних словах Фрей захлопнула рот, проглотив собравшуюся было сорваться колкость.

— Я... не стесняюсь тебя, Вир, — ошеломлённо прошептала она, распахнув глаза. — С чего ты взял?..

— А почему ты тогда шарахаешься в сторону, едва кто из знакомых завидит нас вместе?

— Ты думаешь, это стыд? — Фрей побледнела от негодования. — Идиот! Ты не отличаешь стыд от стыдливости?

— О! — Вирлисс с грохотом рухнул из-под потолка на пол. — Ринн, ты слышала? Она

признала, что моё общество опасно для её девичьей стыдливости! Это обнадеживает, право слово.

— Однажды я его убью, — закатила глаза Фрей. — Так что ты скажешь, Ринн? Завтра на озёра?

— Завтра у меня практика с Икконом, — кисло улыбнулась Ларинна. — Здесь, в университете, в девять утра.

— А когда закончите?

— Я не знаю, — Ринн пожала плечами. — Как только подниму зомби.

— И только-то? — рассмеялась Фрей. — Так это минутное дело!

"Кому как", — хмуро подумала Ларинна, но вслух, конечно же, не сказала.

— Помнишь, мы же зомби на первом курсе поднимали, экзамен за первый семестр?

Ринн дёрнула уголок рта.

Сессия за сессией... укоризненные взгляды родителей, разговоры с деканом... подарки ректору...

И вот теперь за её обучение взялся сам Иккон.

Видимо, Фрей поняла свою бестактность.

— Ты сможешь, — ободряюще хлопнула она по плечу подругу. — Это же очень просто. И совершенно безопасно. Подвалы универа сейчас полны материалом, специально для экзаменов. Неужели не выделяют тебе мертвеца посимпатичнее? Значит, мы с Виром подойдём завтра к девяти утра и подождём тебя, хорошо? У главного входа, ладно?

Ларинна кивнула.

...Значит, завтра на озёра. Хоть что-то приятное. Конечно, если всё гладко пройдёт с Поднятием.

Зомби, зомби... Что же она знает о зомби? Иккон очень много рассказывал о принципе Заклятия Подчинения, но ни слова не упомянул о материале, с которым придётся работать. Предполагалось, что сведения элементарны и общеизвестны.

Ха.

Ларинна опустила на окно полупрозрачную штору, отгородив свою уютную спальню от непогоды и мрака. Наверное, на море опять шторм. Последнее время по ночам всегда шторм...

Завеса. Стены Атариды...

Словно кто-то извне пытается их пробить.

Так, довольно! Надо сделать всё, чтобы её сила служила Атариде, а что может сила без знаний?

Начнём с изучения зомби!

Ларинна решительно подошла к книжной полке и, вытащив оттуда толстенный чёрный талмуд, плюхнула его на стол.

Широко расставив локти, Ринн склонилась над книгой и подпёрла щёки руками. Светильник струил мягкий свет, бросая его на пожелтевшие страницы, заключая в мягкий круг сидящую девушку, стол и часть пушистого ковра на полу. И тень Ларинны, изгибаясь, тянулась через всю комнату, сливаясь с другими тенями — там, за границей светового круга...

"Зомби — разновидность нежити, поднятой магией к служению волшебнику, который провёл Ритуал Поднятия, закрепив его Заклятием Подчинения. Зомби неприхотливы, дешёвы в содержании и не имеют собственной воли. Они не могут даже принять пищу без

дозволения на то хозяина, но приказ выполняют неукоснительно, и нет ничего, что могло бы остановить их. Они полезны как простые слуги, часто использовались преступными магами как убийцы в Эпоху Становления. Чтобы не разлагаться, нужна зомби живая — или очень свежая — плоть. Как правило, лучшим и самым необременительным для хозяина вариантом является кормление мясом животных. Однако зомби необходимо вкусить человечины, чтобы в нём пробудилось сознание. Если смерть исходного материала произошла недавно, то не обязательно давать человечины много, и, как правило, хозяин для улучшения связи со слугой даёт ему немного собственной крови в момент Подчинения — одного укуса довольно".

Ларинна поёжилась. Значит, завтра какой-то мертвец будет кусать её руку своими грязными зубами?..

Девушку передёрнуло, но, совершив гигантское усилие, она заставила себя читать дальше.

"Сознание не равнозначно собственной воле, но "пробуждённый" зомби всё ясно понимает. Однако и речи не может быть о выходе из-под контроля, поскольку это противно не только природе данной нежити, но и Заклятию Подчинения, которое накрепко привязывает слугу к господину узами преданности, благоговения и восхищения. В основе Заклятия — любовь слуги к господину как к источнику и подателю жизни. Слуга не может не любить господина, и правило это едино как для зомби, так и для личей и вампиров".

Щёки Ларинны чуть зарделись, а губы невольно расплзлись в глупой улыбке. Ну вот, хоть что-то приятное...

А Вир любит Фрей без всяких заклятий...

Девушка прерывисто вздохнула.

"Однако есть среди зомби исключения из общего правила, — прочитала она далее и замерла. О чём это тут?.. — Очень редкие зомби могут обладать собственной волей, могут сами найти себе пропитание и, подобно высшей нежити, планировать свои действия, выполняя приказ. В отсутствие хозяина их поступки непредсказуемы, как поступки любого существа, одарённого свободой воли. Такие зомби очень редки, и некроманты спорят, от чего зависит их появление. Возможно, дело в исходном материале, из которого создаётся немертвый. Однако и речи не может быть о неподчинении, если ритуал Заклятия проведён правильно"...

Ларинну затрясло. Это что же получается? Нарвётся она случайно завтра на какого-нибудь покойничка, обладавшего неведомыми чертами характера или странными способностями... совершит какую-нибудь ошибку в ритуале — а запросто! — и что? Вместо одного укуса он ею пообедаёт?

Девушка лихорадочно начала листать страницы. Где же они? Боевые заклятия... А, вот!

Зажав уши руками и вся превратившись во внимание, Бессмертная углубилась в чтение.

Она так и уснула над книгой, уронив голову на пожелтевшие страницы с изображениями черепов и пентаграмм.

Снились скелеты.

Часа через два Ринн проснулась с ноющей шеей и, выключив свет, перебралась на кровать, чтобы сразу провалиться в сон.

Остаток ночи ей виделись гниющие мертвецы, от которых она бегала по всему университету... Боевые заклятья не действовали, или их принцип забывался в самый последний момент.

Ларинна встала разбитая, с большой головой и в прескверном настроении. Через силу

запахнув в себя бутерброд и что-то буркнув матери вместо приветствия, она без энтузиазма начала собираться на практическое занятие. Мысль, что какой-то лежалый покойник станет её кусать, вызывала тоску и тошноту.

Раздумья, что Заклятие может выйти из-под контроля или пойти не так, она гнала подальше. В конце концов, чего ей бояться, если рядом будет Иккон?

"А потом меня спрашивают, почему я не люблю некромансию!" — шипела она, запихивая в сумку магический жезл, сырую говядину в пакетике и купальный костюм. Ещё на озёра эти сегодня тащиться после практики...когда хочется упасть на кровать и спать, спать...спать!!! Ну почему, скажите пожалуйста, она должна служить буфером между этими чокнутыми влюблёнными?

Натянув чёрные мешковатые штаны и простую чёрную куртку, злая на весь свет, девушка отправилась в университет.

День стоял омерзительно, тошнотворно ясный и радостный. Мимо неё, оживлённо чирикающая, бегом проносились к корпусам юные соискательницы — разряженные в пух и прах, чуть ли не с белыми бантами в причёсках. Проходили собранные, важные соискатели, одетые торжественно и аккуратно, и в самой их важности сквозило нервное напряжение. Мальчики, пожалуй, больше нервничали из-за своей, непривычной многим парням, отутюженности.

Ринн тяжело вздохнула. Ну да, сегодня же вступительные экзамены. О Мортис, дай, чтобы никто не шарахался по подвалам, потеряв дорогу в аудиторию...

У крыльца уже толпился возбуждённый народ.

Ларинна бросила взгляд на университетские часы. Без четверти девять. Скоро начнутся экзамены.

Протолкавшись через шумную толпу поступающих, Ринн взбежала на крыльцо.

Естественно, вход был заперт!

Раздражённо фыркнув, она прислонилась к тёплому дереву дверей. Придётся ждать либо Иккона, либо когда откроют.

Виски ломило.

Ну как же всё бесит! Околачивается тут с начинающими, как соискательница...

Она почувствовала на себе взгляд. В толпе, на ступенях лестницы, стоял синеглазый юноша с золотистыми волосами. Стоял и, улыбаясь, смотрел на неё, Ринн!

Ларинна прикусила губу, чтобы не сорваться. Чего он пялится? Ну ладно, пусть бы себе пялился... чего он лыбится-то?

"Пришибу, чёрт побери..."

Она ещё раз взглянула на него, холодно и высокомерно. Смерила взглядом с головы до пят.

Улыбка блондина стала ещё шире.

Ринн затрясло. Что же за невежа... Ну что за невежа?! Как он смеет, свинопас вшивый... Одет хуже всех, а туда же!

Где же Иккон, чёрт бы его подрал?!

Тут, словно отвечая её мыслям, дверь приоткрылась — толпа соискателей жадно подалась вперёд, — но их ждало разочарование. На крыльцо выглянул Иккон в своей куртке военного покроя и поманил к себе Ларинну.

Бросив полный презрения взгляд на белобрысого парня и задрав кверху нос, она, преисполненная сознанием собственной значимости, скрылась за дверями.

Если бы она только видела, как Эет покачал головой, глядя вслед...

В сумеречном главном холле Иккон с озабоченным видом развернулся к Ринн.

— Ларинна, придётся немного подождать. Возникла небольшая накладка...

— Что случилось? — спросила она. Сердце бешено застучало и замерло. "Что-то с пламенем на Алтаре..." — пронеслась паническая мысль.

Поняв её состояние, жрец улыбнулся.

— Ничего страшного, девочка, просто в данный момент университет отказывается предоставлять для практикантов запасы своего материала. Он только для экзаменов. Придётся подождать, когда они закончатся. Нам разрешат использовать то, что осталось.

— А когда они закончатся? — ахнула Ларинна.

— Ну, это же вступительные. Так что часа в два... Не дольше, — ободряюще улыбнулся Иккон.

В сердцах девушка топнула. Да что же это такое? С минуты на минуту явятся Вир с Фрей, что она им скажет?

Решение пришло мгновенно, злое и неотвратимое. Какого чёрта? Ей же для учебных нужд, сиречь — нужд университета...

— Подождите меня, Иккон, — бросила она, толкая дверь.

— Куда вы, Ринн?..

— За материалом! — коротко ответила Бессмертная. — Вон сколько его толпится, на выбор!

— Но, Ринн... — маг невольно сделал движение, чтобы удержать её. — С девяти ноль-ноль вступает в силу экзаменационный иммунитет!

— Девять ещё не било!

Дверь за спиной Ларинны захлопнулась.

Она вылетела на крыльцо, белая от лихорадочного возбуждения. Взгляд скользнул по толпе соискателей, метнулся на башенные часы.

Без трёх минут.

Зажмурившись, почти без сил, девушка прислонилась к дверям. Голова раскалывалась, словно кто-то давил на виски ледяными ладонями.

"О Мортис, за что мне это, за что?.."

Галдёж соискателей доносился до неё, как сквозь толстенное одеяло.

Может, чёрт побери, плюнуть и вернуться домой? Придёт в два часа, не переломится...

Ринн открыла глаза.

Во двор заворачивали Вирлисс и Фрери, одетые попроще, для похода. За спиной у Вира громоздился рюкзак. Конечно, с палаткой... чего они туда ещё напихали...

Внутри что-то надломилось. Ну как им объяснить?

Фрей, завидев её, помахала рукой.

Ларинна отвернулась, сделав вид, что не заметила однокурсников.

И снова натолкнулась на взгляд этого парня, одетого как бродяга. На сей раз юноша глядел внимательно и чуть ли не участливо, словно спрашивал себя, что такого могло с ней случиться...

Слишком! Это слишком! Чтобы какой-то смертный охламон смел её жалеть!..

Ларинна вскинула подбородок, метая взглядом чёрные молнии. Парень снова улыбнулся ей — на сей раз с несмелым ободрением. Что он себе позволяет?.. Понравилась, да? Понравилась?..

Разум захлестнуло волной безумного гнева. Ах, понравилась? — так и служи мне вечные времена!..

Рука её вскинулась — и с губ слетело боевое заклятие.

Вся нерастроченная сила Бессмертной, помноженная на ярость и гнев, устремилась зелёной вспышкой на юношу. Парень упал как подкошенный, а толпа соискателей, ахнув как один человек, отшатнулась назад. Через мгновение на крыльце уже никого не было, все разбежались, попрятавшись за скамейки и деревья.

В оглушительной тишине Ларинна одиноко стояла на крыльце, и тёплый ветер шевелил завитки её чёрных волос.

А у её ног лежало тело юноши в дорожной серой куртке...

Будто во сне слышала она испуганный вскрик Фрей, видела, как Вирлисс одним движением скинул с плеча рюкзак и гигантским плавным прыжком перелетел на ступени.

— Чёрт, это ж Эет...

Эет? Какой Эет? Что Вир говорит? Это всё происходит на самом деле, или кошмары продолжаютя?..

— Эет... Эет! — Вампир бил её мертвеца по щекам, потом хлестал, потом тряс тело за плечи. Голова убитого моталась из стороны в сторону, и удивительные, сияющие волосы цвета светлого золота мели пыльные ступени.

— Ты же прикончила его, идиотка! Ты же прикончила его!.. — орал Вирлисс, глядя на неё снизу вверх, бережно держа тело Смертного. — Ты что натворила, дура?!

Ларинна вскинула голову ещё выше, хоть это и казалось невозможным.

— Я просто обеспечила себя материалом для опыта.

— Материалом для опыта?.. — Вир аккуратно положил мёртвого на ступени и поднялся, с прищуром глядя на неё. Нехорошая вкрадчивость появилась в его голосе. — Ты чокнулась?

— А что такого? — презрительно скривила она губы.

— Да ты права не имела! — потеряв терпение, рявкнул Вирлисс. — Он почти студент!..

— Я была вправе!.. — заорала ему в лицо Ларинна, сжав кулаки. — У него нет иммунитета, и до девяти я могу делать, что захочу!.. Я права по закону, и ты не смеешь на меня кричать!..

— А о неписанных законах ты не слышала?! Он был почти студент!.. Он на экзамен пришёл, а ты, со своими куриными мозгами... Да у этого парня в одном мизинце было больше таланта, чем у тебя под бигудями ума!..

— Я Бессмертная, а он Смертный — вот и всё, что тебе надо знать, вампир! — фыркнула Ларинна. — Мне нужен был материал для эксперимента, и я его взяла!

— Ты... — взгляд Вирлисса обжигал презрением. — Какая же ты... Я раньше думал, что ты всего лишь пустоголовая бездельница, а ты... Ты — просто мразь!

Ларинну захлестнула волной бешеная злость.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать? — негромко отчеканила девушка. — Ты, Нежить по рождению, со мной, Живой Рождённой? Твои предки были в услужении у таких, как я. И только благодаря милости своих хозяев получили свободу. Потомок рабов не смеет повышать голос на меня, дочь хозяев Атариды!

Вирлисс побледнел и отступил на шаг. Глаза его расширились.

— Мои родители... никогда не были ни в чём услужении... — вытолкнул он из себя, словно не веря, что всё это происходит на самом деле. — Они были Смертными... они

добились Бессмертия сами...они всего добились сами, они... А такие, как ты... всё на готовеньком... Да если бы у нас была возможность не охотиться...

Ларинна усмехнулась ему в лицо.

— Ты — нежить, Вирлисс. Ты никогда не сравнишься с такими, как я.

— Да уж, до тебя мне далеко... — прошептал молодой вампир и, резко развернувшись, сбежал вниз по ступеням крыльца.

Он молча прошагал через двор, молча вскинул на плечо рюкзак и пошёл прочь.

Проходя мимо, он бросил лишь один взгляд на замершую Фрей.

"Ты с ней или со мной?"

Девушка резко развернулась и пошла рядом с вампиром.

— Я с тобой, Вир!

Юноша крепко обнял Фрери за плечи, и пара завернула за угол, скрывшись из глаз Ларинны.

Над двором висела мёртвая тишина, и в этой тишине, заскрипев, натужно начали бить университетские часы.

Девять...

— Ты! Да, ты! — ткнула Ринн пальцем в первого попавшегося на глаза смертного соискателя. — Бери его, — она кивнула на тело своего мертвеца, — и иди со мной!

Парень беспомощно оглянулся на других.

— Иди, — шепнул кто-то рядом. — Скажи, как тебя зовут, мы на перекличке за тебя ответим... Иди, а то тоже шандарахнет...больная!

Мальчишка кивнул, шёпотом назвал доброй душе своё имя и, оглядываясь, несмело пошёл к Ларинне.

— Что ты еле шевелишься?! — взвизгнула она. — Бери его и быстро в Лаборатории! Иди за мной!..

Парень почти бегом сорвался с места, схватил убитого и двинул за Ларинной, которая, не дожидаясь более, резко развернулась и скрылась в дверях университета.

В холле её ждал Иккон. Завидев свою ученицу во главе столь живописной группы, жрец только покачал головой, но ничего не сказал, а просто направился к лестнице в подполье, указывая дорогу.

Ларинна догнала его и несмело дотронулась до руки. Иккон отстранился.

— Учитель... — прошептала она. — Я до девяти... я до первого удара часов убила его.

— Знаю, — сухо ответил жрец. — Я почувствовал заклинание. Ты думаешь, я позволил бы тебе всё ещё разгуливать на свободе, если бы ты нарушила закон об иммунитете?

— Я...

— Ринн, ты совершила убийство, — остановившись и повернувшись к ней, просто сказал жрец. — Тебя спасает простая формальность: две с половиной минуты до вступления в силу иммунитета. Знаешь, с моральной точки зрения твоё оправдание — чистой воды софистика. Мне жаль твоих родителей... В вашей семье никто не нарушал закон до сей поры.

— Я его тоже не нарушила! — сдавленно выпалила Ринн со слезами на глазах. — У него не было иммунитета!..

— Это наш последний практикум, Ларинна. Я больше не желаю заниматься с тобой. Как ты сдашь осенью, меня не волнует. Будь уверена, ректора после этой истории репутация твоей семьи тоже волновать не будет.

— Я же не нарушала... Да что я такого сделала... Иккон, вы лицемер! — крикнула она, забегая вперёд и ища его взгляд. — Сами отправляете на смерть людей... хладнокровно подписываете приказы и отдаёте связанных, пленников, своему личу... Сами для нужд университета убили не одного Смертного... из тех, что документы подавали, или пришли в универ по какой-то надобности... а на меня решили клеймо убийцы поставить? Вы же хуже! Я, по крайней мере, не придумываю себе высокопарных оправданий, а прямо говорю, что — да, я убила, но я сделала это в учебных целях и до первого удара часов! Кстати, это ваша идея была... если бы не вы, я бы сейчас спала у себя дома!..

Ларинна разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Нужен мне этот зомби, как шестой луч пентаграмме, а вы!..

Иккон остановился.

— Ну хорошо, ладно... Не спорю, тут есть и моя вина. Я мог бы тебя удержать... Мы продолжим занятия, а сейчас иди, подними своего красавца. Ведь не зря же ты его убила...

Он распахнул перед Ларинной и её носильщиком тонкие и лёгкие створки. Открылась угрюмая тёмная комната с низким сводчатым потолком и одиноко стоявшей кушеткой, рядом с которой высился небольшой постамент — очевидно, для мага.

— Кладите его, юноша, — велел Иккон белому как мел соискателю, который старался вести себя тише воды, ниже травы во время бурного диалога Бессмертных. — И бегите скорее на экзамен. Если у комиссии будут какие-то вопросы по вашему опозданию, сошлитесь на меня. Моё имя Иккон.

Парень кивнул, аккуратно уложил тело убитого на кушетку и, бросив благодарный взгляд на Иккона, убежал прочь.

— Я выйду, — сказал Ларинне жрец. — Ты всё будешь делать сама. Но я жду снаружи, и, если что-то пойдёт не так, крикни. Хотя я не думаю, чтобы что-то могло пойти не так...

С этими словами он закрыл за собою двери лаборатории.

— Ба!.. — тут же донёсся до Ларинны его радостный голос. — Арит! Ты за материалом? Ну что, явилась твоя знаменитость?..

Ответа девушка не слышала. Видимо, знакомец жреца стоял дальше и говорил тише.

Тяжело вздохнув, Ларинна уселась на кушетку, подвинув ноги мертвеца, и печально уставилась на него.

Красивый... И подвернулся же ты мне...

— Знаешь, быть зомби, конечно, не сахар, — сказала она вслух, словно убитый мог её услышать. — Но это всё же лучше, чем... чем вот так лежать и гнить... Ты совсем ещё тёпленький, тебе будет довольно нескольких кусочков... Кстати!

Ринн встала и вытряхнула из своей сумки пакетик с мясом. Для свежего мертвеца более чем достаточно...

Девушка уронила голову на столик кафедры. Ну, чёрт же побери... Не хотела она его убивать... Это было какое-то затмение...

И ничего уже не исправить.

Только поднимать. Поднимать нежитью.

Как же там возрастает аппетит живых мертвецов? Кажется, это рассчитывается по первой... или второй?.. формуле Ниграэля... По ним же рассчитывают не только для поднятия... а, кажется, и для пробуждения сознания... или восстановления немертвого... Смотря сколько прошло времени с момента смерти... Или каков был срок голодовки... Зависит от стадии разложения. Сколько магической энергии надо затратить мёртвому телу

на восстановление... Что же там... сначала кровь стекает в нижние части тела, а потом начинается самопереваривание внутренних органов, или сначала самопереваривание, а потом кровь стекает?..

Ринн стукнулась лбом о прохладную кафедру. Чего она тянет? У неё абсолютно свежий мертвец! Он ещё даже не остыл!

— Я не хотела тебя убивать. Не хотела... — прошептала она.

Девушка спустилась с кафедры и вновь подошла к мёртвому юноше. Надо хоть куртку с него снять...

Она выполнила своё намерение, оставив убитого в одной тунике — ветхой и серой, но аккуратной. Открыла сумку — там обнаружилось много магических вещей, в основном сфер. Шарик направления... Так... Немного еды в тряпице, кремьень, кресало, нитка с иглой... Ринн усмехнулась. Запасливый. Какие-то травы...

Настал черёд карманов куртки.

Ларинна чувствовала себя воровкой.

Какого чёрта... Он уже, считай, её слуга, и всё его имущество с полным правом принадлежит ей!

Кажется, карманы пусты. Хотя... нет, постойте-ка... какая-то бумажка! Что там у нас?..

Ларинна вытащила на свет прозрачный желтоватый листочек.

Глаза её расширились. По всему телу разлился цепенящий холод.

Как это... не может быть...

Медленно, надеясь на чудо, она развернула листок.

Иммунитет!

Свидетельство об иммунитете.

Ларинна закрыла глаза.

Потом бросила испуганный взгляд на мёртвого парня.

— Чёрт бы тебя побрал, что ж ты его в кармане носил?!

Не помня себя, девушка бросилась к выходу — и замерла на полпути.

Как наяву она увидела себя в Путах Мортис, а в ушах зазвучал суровый голос Иккона...

Закон един для всех. Убийца должен быть казнён!

Нет, Иккону ни слова!

Ларинна метнулась обратно. Что же делать?.. Что делать? Только без паники...

Откуда у этого мальчишки свидетельство об иммунитете?

Наверняка у кого-нибудь украл!

Она бросила взгляд на листочек.

Эет... Грамота о неприкосновенности для Эета из Верхних Бродов, что близ города Колинос.

Какое же имя называл Вирлисс? Ведь он же называл какое-то имя! Нет, не может быть, чтоб Эет...

Ларинна, кусая губы, механически рвала на части тонкий листочек. Что же делать? Что делать?..

В ладонях уже оставался мелкий мусор, а Ларинна всё рвала и рвала, и не могла остановиться...

Ключки... Сжечь?.. Нет, Иккон почувствует всплеск магии. И это будет не Заклятье Подчинения. Если парня будут искать... наверняка к ней появятся вопросы.

Она сожжёт. Дома.

Ринн аккуратно высыпала бумажки в карман своей куртки. Так... что теперь? Главное, не подавать виду, будто она что-то знает. Надо делать своё дело. Без эмоций. Ей не в чем себя винить... ей нечего бояться.

Богиня, помоги!

Девушка на цыпочках подкралась к дверям и прислушалась. Собеседник Иккона, видимо, подошёл ближе — она его теперь слышала. Они заканчивали разговор.

— Так что ещё не видел. Как увижу, обязательно представлю...ручаюсь!

— Стораю от нетерпения. Судя по всему, твой Эет — просто дар Мортис. Очень жалею, что не сумел увидеть его тогда, в Храме. Уверен, результаты этого соискателя потрясут всех, от адептов до ректора. Ты ведь вручил ему свидетельство?

— Вручил, — маг недовольно крикнул. — Представь, мальчишка тоже, с гонором оказался. "За кого меня примут, за кого примут"... В карман засунул, представь! Ну, ничего, надеюсь, это он передо мной только хорохорился... Ладно, побегу я. Не терпится его разыскать и узнать результаты!

Ларинна, боясь вздохнуть, отпрянула от дверей и прислонилась к стене.

Чёрт!

Что же ей теперь делать? Если этого парня будут искать...

Надо же как-то его убрать отсюда!..

Стоп. Если она поднимет его как зомби, он уйдёт отсюда. Сам. Ножками. И выполнит любой её приказ... можно будет выиграть время и что-нибудь придумать...

Ларинна решительно подошла к кушетке с мёртвым телом и, достав из своей сумки жезл некроманта, простёрла над убитым.

Наконечник жезла вспыхнул мертвенным изумрудным светом...и, заискрив, во все стороны с треском посыпались крохотные молнии.

Ларинна прерывисто вздохнула. Разрядов не должно было быть... по идее. Они появляются... когда... кажется, на лекциях что-то говорили. Магическое поле. Контакт двух магических полей. Умершего и Взывающего. Так бывает, когда... да, когда с момента смерти прошло совсем немного времени и магическое поле умершего не исчезло. Если оно у него было, конечно.

Чёрт, у этого оно точно было! Лишь бы жезл не треснул.

Ничего. Это... побочный эффект. Всё идёт по плану.

Не время отступать!

Она контролирует своё поле, а он — нет. Вся его сила, какой бы мощной она ни была, покорится ей...

Рассыпающим молнии жезлом она очертила в воздухе круг над кушеткой.

Круг Подчинения.

Стоя над мертвецом, Ринн изливала свою силу внутрь Круга, и энергия этой силы наполняла тело молодого Смертного, пронизывала его изумрудным свечением, нащупывала каналы, соединявшие тело с душой... чтобы связать порванные нити... чтобы притянуть отлетевший дух обратно.

Вот оно! Как провал. Провал в головокружительную бездну. Лишь не соскользнуть туда... не упасть...

Поле Подчинения искрило фейерверком, но Ринн уже этого не видела. Она летела в сияющем тёплом тумане, сквозь странные формы и образы, летела... а там, скрытая за этой вкрадчивой мглой, её ожидала фигура... Юноша с волосами цвета светлого золота, в лёгкой

серой тунике. И его удивительные синие глаза вопросительно взглянули на неё, когда он обернулся.

— Скажи мне своё Имя!

— Зачем?..

Такой простой вопрос...

Иккон не говорил, чтобы души умерших задавали своим Призывающим какие-то вопросы...

— Имя — суть твоей души, ты сам. Знающий имя может привязать душу к телу, чтобы её бессмертие и живая плоть других не давали ему умереть.

— Зачем мне возвращаться в мёртвое тело?

— Назови мне своё Имя!

Ларинна чувствовала, что её, как и дух юноши, плавно, но стремительно уносит куда-то в убаюкивающую безбрежность, нежными завитками гасившую сознание. Ещё чуть-чуть, и не хватит силы вернуться...

— Ты не должна тут оставаться, — мягко произнёс призрак. — Возвращайся. Торопись!

— Назови мне своё Имя.

Он внимательно, будто прислушиваясь к чему-то, наклонил голову. Туман вокруг становился плотнее.

Потом юноша поднял взгляд, и она поразилась, сколько в нём было сострадания.

— Моё имя Эет, — словно приняв решение, просто произнёс он.

— Имя суть дух. Во владениях Мортис назвал ты мне своё Имя, и да будет она свидетельницей нерушимой связи меж нами! Отныне моя воля — твоя воля, и нет для тебя иного закона, кроме моего слова. Следуй за мной!

Нити тумана сгустились, свившись в единую нить, связавшую отлетавшую душу с живой душой. И — рывком Ларинну дёрнуло обратно, в её тело.

Девушка открыла глаза.

Она стояла над кушеткой с мёртвым юношей, и жезл в её руках почти погас.

У неё получилось!

— Поднимись! — приказала она.

Мертвец тоже распахнул глаза — синие-синие, как море — и плавным движением сел.

Во взгляде его не было ни капли разума.

Сердце Ларинны на мгновение сжалось: там, во владениях Мортис, он смотрел совсем иначе...

Она достала кусочек сырого мяса и протянула ему.

— Ешь!

Первая еда... Первая еда обязательно должна быть из рук Хозяина.

Он покорно принял говядину и механически положил себе в рот. По губам и пальцам текли алые струйки. Закончив трапезу, зомби облизнулся, как довольная собака, и тщательно вылизал ладони.

Ларинна чуть нахмурилась. По краю сознания скользнула какая-то тревожная мысль...

Впрочем, неважно! Главное, её слушаются.

— Ты...

Он повернул голову на звук её голоса, как преданный пёс.

Ларинна невольно улыбнулась и робко, стесняясь сама себя, коснулась его чудесных волос.

— О, Мортис, какой ты красивый... Можно, я немного тебя поглажу, пока ты такой... — прошептала она, перебирая его золотые пряди. — Если бы у тебя они были длинными...

Глаза молодого человека стали беззастенчиво счастливыми. Одним быстрым движением он схватил её ладонь и прижал к своей щеке. И зажмурился.

Ларинна охнула и отскочила.

Своя воля. У него есть своя воля, хотя...нет сознания.

Зомби с собственной волей!

Он открыл глаза без приказа. Он вылизал кровь с ладоней без приказа. Он... выражает ей свою привязанность... без приказа!

Ринн глубоко вздохнула. Спокойно, девочка, спокойно... Выражать привязанность — это не кидаться... Ну, подумаешь, у неё будет редкий зомби, честь ей и хвала, не у каждого есть...

Только вот он — живое подтверждение той теории о зомби. Что своя воля проявляется у них лишь тогда, когда материал обладает невероятной силой мага-некроманта.

На глаза навернулись слёзы.

— Что мне с тобой делать? — прошептала она. — Ну что мне с тобой делать, скажи!

— Что мне с тобой делать, — с готовностью сказал Эет.

Она, всплеснув руками, рассмеялась, сдерживая рыдания.

— Мне надо пробудить твоё сознание... — прошептала она. — Надо пробудить во что бы то ни стало! Видимо, ты был умным человеком... неужели ты ничего не посоветуешь мне? Чёрт побери, да я тебя учиться отправлю, если ты станешь вменяемым! Ты у меня как миленький на экзамен пойдёшь!

— Кусай! — приказала она, протягивая зомби свою руку.

Он вскинул на неё испуганные, непонимающие глаза.

— Кусай! — повторила Ларинна.

Эет осторожно взял её хрупкую ладошку, поднёс к губам и нежно прикусил пальцы, как беззубый щенок.

— Наказание мне с тобой... Сильнее кусай! До крови!

Результат её ошеломил.

Из глаз юноши потекли слёзы, он выпустил её ладонь и упал на пол, закрыв голову руками. Тело его изогнулось дугой — и он закричал.

Это вступил в конфликт её приказ и нежелание зомби ему подчиняться.

— Стой, Эет! — она кинулась к нему, присела рядом, обняла за плечи.

Сможет ли он вообще укусить живое существо? Любое?..

— Не надо меня кусать... не надо. Я отменяю... Мортис, что же ты за живой мертвец такой... Ты же не хищник совсем...

Так их и застал вошедший в лабораторию на крик Иккон: Ларинна сидела на полу, обняв голову юноши, которую он положил ей на колени, и перебирала густые золотистые пряди. Он нежно, по-собачьи, покусывал пальцы хозяйки, и на глазах обоих блестели слёзы...

Ларинна

Ринн проснулась от осторожного, мягкого покусывания. Она резко открыла глаза и села на постели.

Рядом, на коленях, стоял её зомби и преданными глазами смотрел на свою хозяйку. Его волосы золотом блестели под лучами утреннего солнца.

— Ты что делаешь? — охнула девушка. — Ты меня напугал!

Глаза юноши стали неподдельно несчастными.

— Уходи в свою комнату! И никогда больше не смей до меня дотрагиваться без разрешения! Никогда!..

Эет поднялся и, виновато понурившись, побрёл к дверям — такой безответный и беззащитный, в белой пижаме, которую Ларинна сама ему вчера выдала.

Впрочем, не только пижаму. Ринн вчера выдала своей невольной жертве полный комплект одежды и обуви, предоставила собственную комнату... Мать даже головой покачала:

— Ларинночка, это всего лишь зомби, а ты обходишься с ним, как с полноценной нежитью... Зомби неприхотливы!

Ринн, обняв подушку, уткнулась в неё подбородком. Ну, что же теперь делать? Что делать? Не рассказывать же родителям. Мама впервые была такой радостной: у дочки наконец хоть что-то получилось... Хорошо, Иккон тоже ничего не сказал.

Если бы вернуть Эету сознание! И ведь он должен укусить человека сам! Только сам. Собственными зубками. Никакие аптечные консерванты, на которых иной раз перебиваются вампиры, тут не помогут. Как любая кровь, они могут лишь удержать от разложения, но сознания не пробудят! Как и вампирам не дают истинной силы.

Со вздохом откинув одеяло, Ринн встала и направилась в ванную. Стоя под шипящими струями воды, падающими из мраморного, инкрустированного позолотой душа, она не переставала размышлять о том, что же теперь делать.

Что делать?..

К Иккону идти было страшно. Ей так и виделось, как он выслушивает жалобы того старичка-преподавателя, что кое-кто не явился на экзамен.

Интересно, не явился ли ещё кто-нибудь? Если да, у неё есть призрачный шанс. Ведь Иккон не видел Эета раньше!

Но если Эет единственный...

Ох, богиня, помоги мне!..

"Фрей!"

Эта мысль обожгла. Конечно же, Фрей. Она всё видела... Она должна понять. Пусть Фрери ничего не посоветует, но, по крайней мере, хоть будет кому выплакаться...

Ларинна повернула рычаг из драконьего клыка, перекрыв воду. И, отчаянно зажмурившись, прислонилась к мраморной, тёплой от пара, плитке.

Фрери не простит её. Не за Эета, за Вира. Богиня, что же вчера она наговорила Виру?.. И Фрери развернулась и ушла. Вместе с Вирлиссом.

Соскользнув в ванну, Ларинна обняла мокрые ноги, и, уткнувшись лбом в колени, глухо зарыдала. Более одинокой девушка никогда себя ещё не чувствовала...

— Я не хотела, Фрери... Я не хотела... — всхлипывала она. — Я правда не хотела, просто Вир... Вир на меня кричал... Я же не знала!.. Что же мне делать, богиня, что же мне делать?..

Слёзы катились и катились, и она размазывала их по лицу.

— Я не хочу... не хочу... не хочу умирать... Что же мне делать?

В двери постучали.

— Ларинна, ты идёшь завтракать?

— Мам, пусть в мою комнату принесут! — взяв себя в руки, крикнула Ринн.

Насухо вытершись и надев лёгкий утренний халат, девушка вышла из ванной.

Как же она влипла...

А всё из-за этого идиота, который таскал свидетельство об иммунитете в кармане!

Кстати, об идиоте... Его тоже надо бы покормить. Пусть она и влипла из-за него, никто не обвинит её в плохом обращении со слугой.

Промокнув волосы — влажные пряди чёрными кольцами рассыпались по плечам — она пошла на кухню. Нарезав на тарелку сырой говядины, Ринн отнесла её Эту.

Он сидел в кресле, поджав ноги, и смотрел в окно. При звуке открывшейся двери зомби повернул голову, и радостная улыбка осветила его лицо.

— На, ешь! — Ларинна поставила перед ним мясо. — А потом пойдёшь в ванную, умоешься и почишишь зубы! И делай так каждое утро, пока живёшь в этом доме. И...каждый вечер. И... это... голову мой. Каждые два дня. Вообще полностью мойся.

Эт обожаящими глазами созерцал её.

Она нахмурилась и отвернулась.

Как он смотрел там, во владениях Мортис...

К горлу снова подкатил комок слёз.

Этот идиот... свинопас вшивый... он же пожалел её! Он пожалел её, скотина такая! Неужели не понимал, что будет потом? Не понимал, что ли?..

Только вот смысл? Есть ли смысл в его великодушии... если её казнят? Что же делать, о Мортис, что же делать?..

Она резко встала. Юноша сделал движение, чтобы последовать за ней, но Ларинна остановила его.

— Делай, что я тебе сказала. Съешь мясо, а потом иди в ванну. А потом... — чем же его занять? — Потом сиди в своей комнате. В смысле... не обязательно сиди. Делай тут, что хочешь. — Ларинна мягко улыбнулась.

И вышла.

Эт грустно опустил голову.

...Помедитировав над тарелкой с завтраком, но так и не сумев заставить себя съесть ни крошки, Ларинна решила.

Будь что будет! Она пойдёт к Фрей.

Сидеть и трястись от неизвестности было невыносимо...

Чёрные штаны, элегантная золотистая блузка и чуть скошенный чёрный пояс на бёдрах — Ринн старалась сделать всё, чтобы никому и в голову не пришло, будто у неё неприятности. Она — само совершенство. Как всегда.

Фрей квартировала в корпусах университета, предназначенных для студентов, не имевших жилья в столице. Там для будущих магов бесплатно предоставляли не только кров, но и стол — надо сказать, просто восхитительный. Ларинна и сама часто оставалась на

обеда, а иногда и на ужины в университете... но сейчас еда заинтересовала девушку меньше всего.

Вбежав в просторный, выложенный серым гранитом холл общежития, она направилась было к лестнице, ведущей к гостиным и спальням, но на первых ступенях столкнулась со студенткой, делившей комнату с Фрери.

— Привет! — решив не упускать такую удачу, Ринн осветила лицо самой беззаботной из своих улыбок. — А Фрери у себя?

О богиня, только бы Фрери была у себя!..

Соседка стрельнула глазками в сторону и почему-то фыркнула от смеха.

— Нет, — кусая губы, чтобы не засмеяться, ответила она.

— А...

Ринн не дали закончить. Видимо, девочка рассудила, что нашла в ней благодарную слушательницу.

— Она не ночевала! — хихикая в кулачок, довольно сообщили Ларинне. Глазки университетской сплетницы искрились восторгом.

— Как не ночевала?.. — Ларинна отступила. — Что-то случилось?

Новая порция сдавленного хихиканья была ей ответом.

— Ну... я не знаю... да, в каком-то смысле случилось... — косясь в сторону, улыбалась соседка. — Так пикантно... Она пришла сегодня утром, — значительная пауза. — Вместе с Вирлиссом! — Пауза ещё значительнее. — И забрала свои вещи! — торжественно закончила девица.

Охнув, Ларинна прислонилась к перилам и закрыла глаза.

Приехали...

Этого ещё не хватало.

Для полного счастья.

— Они ничего не сказали? — слабо спросила она.

— А что они могли сказать? — поразилась собеседница. — И так всё ясно, разве нет? Вирлисс был такой довольный-довольный...

— Довольный? — эта скабрёзность неприятно царапнула Ринн.

— Ну, может, и не то чтобы довольный! — отмахнулась та. — Но уж точно весь из себя такой гордый и радостный, просто светился! А Фрей держалась со мной так сдержанно, я бы даже сказала, холодно-холодно... А глаз-то не поднимала, — соседка довольно ухмыльнулась. — Какие мы целомудренные, ха! А как на Вира посмотрит, так тоже вся будто засветится. Не надо думать, что все вокруг тупые!

— Так они просто забрали её вещи и уехали? — оборвала сплетницу Ларинна. — А куда? В дом к его родителям или к нему, в город?

— Я из их разговора поняла, что к нему, — пренебрежительно повела плечами девица. — Сейчас, повезёт он её к родителям, как же!

— Куда она денется, — рассеянно отмахнулась Ларинна. — Вир уломает.

— Будет он...

Ринн развернулась и не спеша направилась к выходу.

— Дура, — безразлично бросила она через плечо.

— На себя посмотри! — донеслось в спину. — Дурнее на всём курсе нет!..

Ларинна лишь презрительно искривила губы и не удостоила балаболку ответом.

Впрочем, девица вылетела у неё из головы, едва за спиной захлопнулась дверь общежития. Что же делать? Идти к Вирлиссу казалось невыносимым.

Даже ради Фрей.

О Мортис, ну за что всё это, за что?..

Ринн закусил губы. Никто не должен даже заподозрить, что у неё проблемы.

Что ж... Раз она в университете, почему бы не узнать, сколько соискателей не явилось вчера на экзамен?

С самым небрежным видом девушка направилась к главному учебному корпусу и первое, что увидела — оцепление архонтов вокруг главного крыльца. Внутри круга молчаливых людей в безликой серой форме смущённо жалось несколько человек, отвечавших на вопросы офицера стражи.

При виде формы архонтов, этих служителей Мортис Карающей, у Ларинны подкосились ноги. Словно бы невзначай она опустилась на бортик фонтана.

— А... что тут происходит? — стараясь казаться беззаботной, пролепетала она непослушными губами.

Вопрос адресовался парню, глазеющему на разбирательство.

— Да вот, вроде как ищут кого-то, — отмахнулся он, даже не взглянув на неё. — Вчера на экзамен трое не явились, так никогда прежде не было, чтобы стражу богини на розыски вызывали.

Ринн деланно рассмеялась.

— Ерунда! Подумаешь, трое испугались экзамена...

— Да говорят, вчера какой-то парень с досрочным иммунитетом пропал... а ещё вроде как кого-то пристукнули... так вот и стараются выяснить, не его ли. Свидетелей-то море было, только пока без толку...

Ларинна встала и подошла ближе. Архонт безмолвно протянул руку, загораживая ей путь, и девушка замерла.

— Что случилось? — прошептала она, зная, что не получит ответа.

Служители Мортис Карающей всегда были немее надгробных плит.

Ларинна вся превратилась в слух. До неё долетали обрывки фраз, слова-тени...

— Нет... Девушка... Стоял тут... Не могу... Без трёх... Кто?.. Унёс... Нет, не видел... Не знаю. В деканате... — это было последним, что донеслось до Ларинны, и с этими словами офицер стражи развернулся и скрылся в дверях университета.

Ринн резко развернулась и быстрым шагом пошла прочь, каждую секунду ожидая, что вот сейчас раздастся крик кого-нибудь из вчерашних поступающих: "Вот она! Я её узнал!"

Лишь огромным усилием воли она сдерживала себя, чтобы не перейти на бег.

Провались всё к чёрту! Она идёт к Фрей и Виру. Вирлисс умный... конечно, зараза та ещё, но... она извинится, конечно же, она извинится! И Вир обязательно что-нибудь придумает... и посоветует...

Радовало одно: Вир не жил с родителями, поскольку они — и вполне справедливо — полагали, что "юноше его возраста нужна независимость". Следовательно, ей не придётся связываться с легионом слуг и с оскорблёнными предками — Впрочем, Вирлисс вряд ли стал бы им плакаться на вчерашнее. Просто мог бы сказать, что не желает её видеть. Ничего не добавляя.

Значит, придётся объясняться только с ним и Фрей.

Как она дошла до дома, где снимал несколько комнат Вирлисс, Ларинна сама не смогла бы сказать. Она ничего не замечала. В душе её царил хаос — и отчаяние...

Старушка-консьержка лишь проводила глазами элегантно одетую посетительницу, которая, не говоря ни слова, поднялась к светлой площадке лифтов. Здесь, в сверкающем мрамором холле, перед Ринн распахнули свои двери несколько прозрачных кабин, управляемых магическим полем. Ларинна завернула в ближайшую — и вот уже лифт мягко поднимает её к жилым этажам...

Перед дверью вампира Ринн остановилась. Всё тело колотила нервная дрожь. Позвонить казалось невыносимым...

Какими глазами она посмотрит на Вирлисса?

Девушка не замечала, что в кровь искусала губы...

Резко развернувшись, она сделала несколько шагов обратно — и замерла. Перед её внутренним взором ярко встала цепь архонтов на крыльце университета, связанный разбойник в храме Мортис, холодный взгляд слуги Иккона...

Зажмурившись и не давая себе ни секунды на колебания, Ларинна метнулась к двери Вира и нажала кнопку звонка.

Вскоре с той стороны послышались приближающиеся голоса.

— Ты кого-то ждёшь? — донеслось до Ларинны.

— Нет, — последовал ответ. Ринн узнала голос подруги.

— Кто там?

— Это Ларинна. Вир, открой, пожалуйста; нам... мне очень надо с тобой поговорить, — сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, на одном дыхании выпалила Ринн.

Несколько секунд молчания. Потом до посетительницы донёлся приглушённый дверью недоумённый возглас Фрей: "Ты еёпустишь?! После вчерашнего?.."

Ларинна закусала губы.

Какая-то возня. Голос Вира: "Фрери, дорогая, во-первых, неучтиво держать даму за дверями. А во-вторых, выслушать — не значит простить. — Его фирменный смешок. — Ты что, хочешь, чтобы она вообразила, будто я от неё прячусь?"

"Прекрати свой вампирский выпендрёж!"

"Это не выпендрёж, это вежливость".

"Мне не интересно, что она собирается сказать!"

"Мне тоже".

Замок щёлкнул — и двери распахнулись.

Она смотрела на них, на своих друзей — так не хотелось применять к ним эпитет "бывших". Вир, с водопадом серебристых волос вдоль спины, в белой рубашке с открытым воротом и тёмно-синих брюках под цвет глаз, даже сейчас, утром, был самым совершенством. А гибкая Фрери, в светлой футболке с каким-то рисунком на груди и в коротких шортах, открывающих ноги, была прелестна безыскусственной простотой. Тонкие кольца пышных волос рассыпались по плечам.

И — о да! — они великолепно смотрелись вместе.

Вирлисс посторонился и нежно привлёк к себе Фрей, таким очаровательным способом убрав ту с дороги.

— Входи, — сухо кивнул он.

— Спасибо... — не поднимая глаз, прошептала Ларинна, переступая порог.

— Не создавай толкотню в коридоре, иди в гостиную, — с досадой поморщился Вир,

запирая двери.

Ринн последовала его приглашению и прошла в огромную гостиную, убранную в белых тонах: пушистый ковёр на полу, белоснежный книжный шкаф с позолотой — во всю стену, кресла и диваны под накидками из шкуры белого тигра и кидающая во все стороны зайчики солнца роскошная люстра под потолком.

"Белый тигр", — улыбнувшись, невольно подумала Ринн о Вире.

"Тигр" вошёл следом за ней и остановился у окна, прислонившись к подоконнику.

Фрей, ступая бесшумно, будто тень, села в кресло подальше от Ринн и демонстративно уткнулась в книгу.

Вирлисс, скрестив руки на груди, устремил на незваную гостью вопросительный взгляд.

— Я... мне можно сесть? — в замешательстве пробормотала Ларинна.

Фрей только фыркнула из-за книги, а Вир безразлично пожал плечами.

Ларинна осторожно присела на краешек дивана.

— Я слышала, вас можно поздравить? — улыбнувшись с фальшивой беспечностью, выдавила Ринн. — С началом совместной жизни?..

— Спасибо, — сдержанно кивнул Вирлисс. — Мы принимаем твои поздравления. Это всё?

Ларинна глубоко вздохнула.

— Вир, я... Я хотела... хочу... перед тобой извиниться. Не знаю, что на меня вчера нашло, я... Я не думаю ничего из того, что наговорила тебе. И я хотела бы, чтобы ты это знал.

Вирлисс кивнул.

— Прекрасно, теперь я знаю. Это всё?

— Мне... мне очень нужна твоя помощь. Хотя бы совет.

— Причина самоуничтожения становится ясной, — хмыкнула Фрей, не отрывая взгляда от своего чтения. — Ларинне, как всегда, что-нибудь нужно.

— Фрей, пожалуйста... — на глаза Ринн навернулись слёзы. — Я в самом деле попала в беду! И мне больше не к кому обратиться, кроме вас.

— Как драматично, — без тени сочувствия прокомментировала Фрей.

— Что там у тебя? — холодно осведомился Вир.

— Ты меня прощаешь? — живо вскинула глаза на однокурсника Ринн.

— Я пока спрашиваю, что у тебя стряслось, — ничуть не добавив тепла ни в голос, ни во взгляд, ответил Вирлисс. — И я не думаю, что тебе на самом деле нужно моё прощение. Ты пришла за помощью, ни за чем более.

— Вир...

— Давай обойдёмся без драмы, Фрери права. Итак, во что ты влипла?

— Я... Вир, у того парня, вчера... — голос Ларинны сорвался. — У него был иммунитет! Я не знаю, как и за какие заслуги, но... у него был досрочный иммунитет!

Вирлисс присвистнул.

Ларинна, не в силах больше сдерживаться, уткнулась в ладони и разрыдалась.

Фрей отложила книгу и встревоженно глянула на Вира. Тот покачал головой.

— Я... я не знаю, что мне делать! Сегодня в университете архонты... они его ищут. На экзамен не явились ещё трое, но... это убийство... они первым делом проверят убитого... и я не знаю! — остальное утонуло в рыданиях.

— Ну, дорогая моя! — хмыкнул Вирлисс. — Надо было думать. А от меня ты чего

хочешь?

— Посоветуй, Вир, посоветуй мне хоть что-нибудь! Я не хочу умирать!..

— А Эет хотел, надо полагать? — осведомился вампир.

Ринн зарыдала ещё пуще.

— Зачем... Зачем он носил свидетельство в кармане? Я же не знала... я думала... я в своём праве...

— О да. В своём праве Живой Бессмертной. А сейчас дочь хозяев Атарида рыдает, умоляя Нежить по рождению её спасти.

— Вир! Пожалуйста...

— А что тут сделаешь? — приподнял бровь Вирлисс. — Это мат в три хода, дорогуша!

— Почему? — от накатившей волны ледяного ужаса Ларинна даже перестала плакать.

— Объясняю на пальцах, — терпеливо вздохнул Вирлисс. — Ты права, первым начнут проверять именно убитого. Придут в деканат. И что там скажут офицеру Мортис? Что вчера у деканата просил о материале не кто иной, как сам Иккон, и получил отказ... Ведь ему же отказали, я правильно понимаю, раз тебя потянуло на подвиги? Так вот, стража, разумеется, поинтересуется, зафига почтенному жрецу потребовались учебные зомби. И получит ответ: для одной отстающей девочки, с которой он по доброте душевной хотел позаниматься... "Ага! — сообщает офицер Мортис. — Мы добрались до девушки! Свидетели убийства тоже упоминали девушку..." Это, дорогая, ход первый. Назовём его "Университет". Ход второй называется "Храм". Архонты явятся к Иккону. Единственный твой шанс — что Иккон решится тебя прикрывать, неважно по каким соображениям. В противном случае события развиваются по следующему сценарию:

"— Господин мой, вы вчера практиковали одну юную особу. Правда ли это?"

— Да.

— Что вы с ней проходили?"

— Заклятие Подчинения на примере поднятия зомби.

— Прекрасно... Дал ли университет вашей воспитаннице материал для работы?"

— Не дал.

— Как же вы провели занятие?"

— Она вышла на крыльцо и убила с помощью магии одного из соискателей. Девять ещё не било, потому я ничего не сказал...

— Разумеется, господин мой, вас никто ни в чём не смеет обвинять... Можете ли вы назвать имя вашей ученицы и пройти с нами на опознание?"

— Конечно, я рад служить закону".

А дальше, собственно, ход третий, Ринн. Мат.

Они берут с собой Иккона и того, кто поднял весь переполох. Полагаю, кто-то в университете очень был заинтересован в этом мальчике, раз для него выхлопотали иммунитет и забили тревогу, когда парень пропал... И этот кто-то знает Эета в лицо. Итак, Ларинна, ход третий. Стража является к тебе.

"Госпожа, мы можем взглянуть на вашего зомби?"

И что ты можешь ответить?"

"Конечно!"

Ты предъявляешь им Эета.

"Господин Иккон, вы подтверждаете, что это — тот самый зомби, которого подняла ваша ученица вчера?"

Конечно, ты могла бы смухлевать, подсунув архонтам какого-нибудь другого зомби, из ваших слуг. Но, если Иккон тебя не прикрывает, он лишает тебя этой возможности. Он говорит, того ли парня ты им предъявила. Тогда офицер Мортис поворачивается к покровителю Эета и спрашивает, узнаёт ли он в твоём зомби своего ученика. Дальше продолжать?

— Вир... а как же быть?

— Я принесу веночек на твою могилку, — улыбнулся Вирлисс. — Обещаю.

— Но...

— Надеюсь, у тебя будет могилка. То есть, что тебя отдадут вампирам, а не личам. Чтобы твоим родителям было хоть где поплакать. Когда у тебя пьют кровь... Уверяю, это безболезненнее, чем когда тебя жрут заживо. И, что самое приятное, потом остаётся тело... Для родных.

— Вир!..

— Может, тебя вручат даже нашей семье?

— Вир!

— Какая прелесть — полакомиться дочерью хозяев Атариды! — блеснул зубами Вирлисс.

— Вир, — это вмешалась Фрери. — Прекрати.

— А что — "прекрати"? — вскинул брови вампир. — Я уже дал ей совет. Её единственный шанс — это молчание Иккона.

— Но как же я пойду к Иккону, если он — высший блюститель законов Атариды?! — Ринн вскочила.

Вирлисс пожал плечами.

— Ну, у тебя есть ещё одна возможность. Угнать у своих предков Корабль. Открыть портал в Завесе — и покинуть Атариду.

— Покинуть?.. — дыхание Ларинны перехватило. — Там же повсюду море! А берега населены варварами!..

Вир снова пожал плечами.

— Хоть какой-то шанс. Конечно, там с тобой никто не станет носиться, как с писаной торбой — а ты ведь привыкла, да? Но что делать... И не такие уж там варвары. Вещицы, что привозят наши торговые Корабли, очень даже милы. Особенно из страны, которую торговцы называют Египтом. Или, говорят ещё, на Крите тоже ничего живут...

— Ты с ума сошёл? Я даже названий таких не слышала!.. Нет, это невыносимо!

— Тогда только Иккон. Ну? На этом всё, наконец?

— Но... если я пойду к Иккону... — Ларинна медленно встала и сделала несколько шагов. — Если я ему всё расскажу... Я признаюсь, что у Эета был иммунитет, но что я не видела свидетельства. Что это было убийство по незнанию, по недоразумению... Быть может, он поймёт и... поможет?

— Всё может быть, — безразлично ответил Вирлисс, вновь скрестив руки на груди и отворачиваясь к окну.

— А если нет? — напряжённо спросила Фрей, ставшая почти такой же бледной, как и её подруга.

— А... если... нет... — казалось, вся кровь отхлынула от лица Ларинны. — Тогда я приму любое наказание, которое на меня наложит суд богини. Я виновата, и я... достойно приму последствия. Быть может, хоть этим я... восстановлю честь своей семьи...

При этих словах в душе образовалась какая-то лёгкая и холодная пустота.

Ничего.

Только ледяной покой.

Ларинна направилась к выходу.

— Подожди! — остановил её голос вампира. Вир отвернулся от окна и смотрел на неё так, словно впервые увидел. — Ты серьёзно? Ты к Иккону?

— Да, — устало ответила Ларинна.

— Ты понимаешь, что это... либо победа, либо смерть? — спросила Фрей.

— Да.

— Тогда торопись, — серьёзно сказал Вир. — Ты должна опередить стражу Мортис. Ты должна поговорить с Икконом раньше, чем к нему явятся архонты! Беги, мы тебя догоним, только переоденемся.

— В смысле... вы со мной?.. — на губы Ринн выползала неуверенная, робкая улыбка.

— Не можем же мы тебя вот так бросить! — решительно потрянул головой Вирлисс. — Подождём внизу, в общем храме. А там, если что... что-нибудь придумаем! — он подмигнул Ларинне.

Фрей в восторге прыгнула ему на шею.

— Вир, я тебя обожаю!

Вампир рассмеялся, подхватив её на руки.

— Больше я в этом не сомневаюсь. Со вчерашнего дня! Ну, хватит, у Ринн время ограничено. Быстренько переодевайся, Фрери. А ты что стоишь? — рявкнул он на Ларинну, с улыбкой созерцавшую их объятия. — У тебя мат в три хода, а не в десять. А ну, живо ноги в руки — и бегом! Мы тебя догоним.

— Я... — Ларинна растроганно улыбнулась. — Я тоже тебя обожаю, Вир!

И с этими словами выбежала из квартиры.

Девушка мчалась к храму Мортис, и не могла согнать улыбку с лица — грустную, прощальную улыбку. Она замечала каждый шорох листвы, каждый блик на влажных боках дорожных булыжников — и словно впервые всё это видела...

Тревога, придавленная принятым решением, ледяными когтями царапалась в сердце, но уже не рвала на части душу.

Лестница Храма впервые показалась Ларинне короткой.

Каблучки сапожек несмело процокали по древним плитам под сводами Верхнего храма, и девушка невольно остановилась, бросив взгляд на море.

Оно распростёрлось до самого горизонта — безмятежная лазурь. Дорога Кораблей...

Ларинна вздрогнула, вспомнив второй совет Вирлисса.

Покинуть Атариду...

Там, за Завесой, совсем иной мир. Мир, где не пользуются магией, где нет бессмертия, с чуждыми законами и обычаями...

Лучше смерть!

Девушка решительно прошла в тёмный коридор, уводивший к жилым кельям.

— Иккон, — негромко позвала она. — Иккон, вы здесь?

Одна из дверей распахнулась, и в коридор выглянул престарелый священник.

— Вы кого-то ищете, дитя моё? — ласково спросил он. — Общее святилище ниже.

— Я... — Ринн на мгновение запнулась. — Я к Иккону. Он?..

— Его комната последняя по коридору, слева, — любезно подсказал жрец и скрылся в

своей келье.

Ларинна, собрав всю свою решительность, направилась вперёд.

Коридор казался бесконечным, и свет сюда попадал лишь из дальних концов: из Верхнего храма — и откуда-то спереди. Видимо, там тоже находилась открытая площадка.

Вот и келья Иккона.

Ринн несмело постучалась.

— Войдите, — донеслось изнутри.

Девушка толкнула двери и переступила порог.

Келья оказалась небольшой, лаконично обставленной. Стол у просторного окна, узкая постель, грубый шкаф для вещей — вот и всё. Сам жрец, в своей струящейся белой тоге, сидел за столом и изучал какой-то пожелтевший манускрипт.

— Ринн? — удивился он, подняв голову от своего занятия. — Вот не ожидал! Заходи. Утром ты не пришла, и я решил, что ты пропустишь занятие... Взгляни, сегодня нашёл в архивах храмовой библиотеки... — Жрец улыбнулся. — В отделе демонологии. Знаешь, редчайший документ! Университетским магам и не снилось. — Иккон поднял кверху указательный палец. — А-а, милая моя, это тайные знания. Всем известно, что жрецы Храма владеют не только магией Смерти, но допускать к этим архивам можно далеко не всякого... далеко! — Священник свернул манускрипт в свиток и отложил к стене. — Ну, пройдем в Верхнее святилище и начнем занятие?

— Иккон... — не поднимая глаз, начала Ларинна. — Я хотела с вами серьезно поговорить.

— Да?..

— Я... хочу вам признаться и... попросить совета.

— Что-то случилось? — взгляд жреца стал внимательным и участливым.

— Вчера вы мне сказали, что я... совершила убийство. И я... я хочу сказать, что вы... вы были полностью правы. И я... готова принять на себя все последствия своей несдержанности.

Маг приподнял бровь.

— Ринн, я не понимаю, к чему весь этот балаган. Ты же знаешь, что с точки зрения закона тебе никто ничего не может предъявить. Я рад, что ты осознала свою вину, и надеюсь, что в дальнейшем...

— Учитель... — Ринн всхлипнула. — Вчера я не осмелилась вам сказать... Вчера я нашла в его кармане свидетельство об иммунитете! Я... не знала... Я понятия не имела об этом, когда использовала боевое заклятие!

Иккон дёрнул уголком рта и резко поднялся из-за стола. Отвернулся, устремив взгляд на море.

Молчание становилось невыносимым.

— Иккон... — решила подать голос юная преступница. — Что мне делать?.. Я... бы просила вас помочь мне... но я не решаюсь. Вы и так много сделали для меня и... я бы просила только... чтобы меня вампирам отдали... — к горлу подступали слёзы, мешали говорить. — И чтобы... чтобы Эета... потом... возьмите его к себе, потому что... родители... его окончательно убьют, или мучить станут... что меня... из-за него... а он же не виноват, что я такая дура... оказалась... А он... там... меня... в Круге Подчинения... он меня пожалел...

Губы тряслись, и Ринн, уже не сдерживаясь, размазывала слёзы по щекам.

— Кому ты ещё говорила? — сухо бросил Иккон, не оборачиваясь.

— Виру и Фрери... Это Вир мне посоветовал всё вам рассказать...

— Значит, говорила... А ещё есть парень, который тащил до лаборатории тело...

Ринн закусил губы. Иккон продолжал:

— Что я могу сказать? Я не стану врать из-за тебя, когда сюда явятся архонты. Но я могу настаивать на снисхождении. Настаивать на том, что это был несчастный случай. Что ты не знала об иммунитете. Случай особый; к тому же, твой дед... я не говорю о твоих родителях, они тут мало чем могут помочь... но твой дед был одним из величайших магов! Если бы он не погиб... Ох, не знаю, Ринн!

Она всхлипнула.

Иккон развернулся.

— Знаешь, в чём главная проблема? В том, что Эет сам обещал стать магом на уровне твоего деда! А ведь твой дед родился полторы тысячи лет назад, и с тех пор Атарида не видела равных ему! Ларинна, ты понимаешь? Полторы! Тысячи! Лет! Назад!.. И ты превращаешь Эета в безмозглого зомби небрежным движением руки... Сейчас, когда пламя на Алтаре гаснет, к нам является юноша, способный одной иллюзией сбить со следа Дикую Охоту... — Ринн, вскрикнув, испуганно вскинула глаза на священника. — ...а некая юная дурочка решает его использовать как учебный материал! Какими словами мне объяснить это Совету магов Атарида? Тем, что она не знала? Незнание не освобождает от ответственности...

— Но ведь... я... я готова принять...

— Да помолчи ты... — устало отмахнулся Иккон. — Готова она... Тебя послушать, так мы теперь магами должны направо и налево расшвыриваться? У тебя потенциал тоже... о-го-го. Дедовский. Хотя это не оправдание, конечно. И не спасло бы тебя... в другое время. — Он помолчал. — Быть может, если... если повернуть дело так, что иммунитет был выдан по ошибке... Арит и в самом деле мог ошибиться... Я должен ещё раз с ним поговорить... Подожди пока здесь!

С этими словами Иккон вышел из кельи.

Щёлкнул ключ в замке.

Иккон

Вот так история! Да уж, нечего сказать, девочка влипла...

Иккон медленно шёл по внутренним переходам Храма, минуя залы, расписанные изысканными фресками тайных сюжетов, высокие запертые двери библиотечных архивов, световые колодцы для медитации...

Непреодолимое желание толкало его вниз, в лабиринты, в то единственное Святилище, что, в сущности, одно и имело право так именоваться...

Пламя на Алтаре. Изумрудный огонь Силы... Почерневшая фреска.

О богиня, он всего лишь человек, он запутался! Если бы Ты дала знак, всего лишь знак... Как быть... Что делать...

В другое время он бы не колебался! Но...

Но Ринн влипла по его вине, если смотреть беспристрастно. Он так рассчитывал её научить (вот и научил, чёрт!), рассчитывал, что Ринн своей силой поможет удержать Завесу! И у Атарида будет время... пока не явится другой маг, подобный Эету.

Который мог бы дать силу пламени надолго...

Если он явится.

О богиня!..

Краски фресок блекнут день ото дня, и пусть верующим кажется, что на них всего лишь оседает копоть от светильников — это не копоть.

Штормы, что сотрясают Стены Атариды каждую ночь — это не простые штормы.

Шёпот, звучавший в Святилище — умолк. Едва уловимый шёпот, в котором столь многие пытались разобрать слова... Даже его более не слышно. Богиня уже не пытается обращаться к своим служителям. Иногда Иккона посещала страшная мысль: богиня мертва. Но, будь это так, Стены бы уже рухнули.

Что за боги столь рьяно преследуют Мортис? За какие провинности? Чьё желание мести столь пламенно?

Издорванные свитки не давали никакого ответа!

Быть может, богиня отчаялась и не ждёт более понимания своих служителей?

О, тысячекратно лучше гнев богини, чем её отчаяние! Хуже только её гибель...

Иккон остановился перед тёмной лестницей, ведущей к тайному входу в Общее святилище и ниже — в лабиринты, скрывающие путь к Алтарю.

И пошёл вниз.

По необъяснимому порыву священник замер перед дверью Общего храма — и толкнул её в сторону. Она отошла бесшумно, впустив жреца в полный теней простенок у алтаря.

Неподалёку стояла какая-то парочка: парень с длинными серебристыми волосами — судя по убийственной элегантности, вампир; и ничем на первый взгляд не примечательная девушка. Смертная, но неплохой маг — это чувствовалось по её ауре.

Парень что-то вещал, с тем непередаваемым обаянием, которое дано лишь вампирам. Правда, у этого к вампирскому шарму добавлялась львиная доля личного апломба — и коктейль получался сногшибательным.

— погоди, — прервала девушка. — Ты хочешь сказать, что Эет во всём храме смог увидеть только одну фреску?

Эет?

Иккон превратился в слух.

— Именно. Знаешь, Фрери, я тогда не придавал значения... ну, мало ли, переутомился человек перед экзаменами... Но теперь, судя по возне, которую вокруг него подняли... Странно это всё. А ещё тогда он сказал: "Не проси ничего у богини. Она сама просит о помощи". Типа, "разве ты не слышишь?" Фрей, я чуть не упал! Разозлился тогда на него, если честно...

— Почему?

— Чтоб он мне указывал, что делать! Я так за тебя волновался, думал попросить богиню... а Эет мне — "не проси!" Позвольте, я сам разберусь. А тут ещё... Я с детства хожу в этот храм, и когда какой-то деревенский мальчишка начинает мне впаривать, что на алтарной фреске богиня держит в руке розу... Ну, я на нервах был, может, неадекватно среагировал... Сейчас бы я многое отдал, чтобы расспросить его поподробнее!

Иккон прислонился к стене.

О богиня...

"Судя по возне, которую вокруг него подняли"...

Да судя по словам этого вампира, вокруг Эета не подняли и десятой доли той возни,

какую следовало бы поднять!

Неужели Эет был Избранником?

Богиня явила ему свой лик? И как он сказал — все остальные фрески в Храме... были... чёрными?

Почерневшая фреска над Алтарём...

Роза в руке?

Истинный лик?..

О Мортис!..

Но почему? Почему богиня позволила так обойтись с её Избранником? Неужели у неё не хватило силы его защитить? На такую мелочь — не хватило силы?..

Жрец до боли закусил губы.

"Она просила о помощи".

Эет её слышал!

Ларинну мало отправить личам!

Иккон готов был рвать на себе волосы от отчаяния.

Решительным шагом священник вышел из тени и предстал перед болтающей парочкой. Те вздрогнули от неожиданности и отступили на несколько шагов. Наверное, испугались.

Да уж! Наверное, он бы сам испугался, если бы сейчас мог увидеть своё лицо!

— Молодой человек! — резко бросил он парню. — Позвольте вас на пару слов.

Юноша в замешательстве обернулся на подругу, но подошёл.

— Господин... Иккон.

— Вы знали Эета? — без околичностей спросил жрец.

— Мы пару раз виделись, господин Иккон, не более... — пробормотал парень. — В ту ночь я просто проводил его в Храм, всего лишь показал дорогу...

— Вы сказали, будто он не увидел здесь ни одной фрески?

— Да. Но...

— Он говорил только о фресках Общего храма?

— Да... А про главную он сказал, будто...

— Не трудитесь повторять, я слышал. Вы можете мне подробно рассказать, как описывал Эет фреску над алтарём?

— Он не описывал, — вампир нервно облизнул губы. — Он... просто мне возразил. Я сказал, что... — юноша покраснел. — Что серп в её руке нарисовали косо. А он ответил: "У неё в руках нет никакого серпа. У неё в руке роза". Вот и всё, господин Иккон, всё. Больше я ничего не знаю.

— Он сказал, что богиня просит о помощи? О какой?

— Я... не знаю, господин Иккон. Я тогда не придавал значения его словам. А что, они и правда... Это было что-то важное?

Иккон вздохнул. Ну как теперь возразишь? Судя по всему, этот мальчик-нежить отнюдь не дурак... Как он там называл свою подружку? Фрери? Поди, это и есть тот самый Вир, который надоумил Ларинну прийти с повинной.

— На одном курсе с Ларинной учиться? — устало спросил жрец вместо ответа.

Вирлисс кивнул.

— Так что же, господин жрец, Эет говорил...

— Юноша, — не сдерживая раздражения, резко ответил Иккон. — Если я скажу вам, что богиня явила Эету свой истинный лик, свою третью, тайную ипостась, о которой говорят

древние рукописи Храма и которую она не являла даже верховным жрецам... Если я скажу, что Эет был Избранником, а ваша однокурсница его ничтоже сумняшеся превратила в зомби... то что это изменит?!

Вирлисс отшатнулся.

Но Иккон уже взял себя в руки.

— Прошу простить. Молодой человек, уже много лет мы не можем услышать даже шёпота богини, и вдруг вы рассказываете, что этот пришлый юноша передал её просьбу... Понимаете, юноша, просьбу! В своё время даже шёпот Мортис был невнятен нашим ушам! А Эет понял её... Она с ним заговорила... Вы не понимаете, какая трагедия случилась из-за нелепого недоразумения!

— Я...

— И вы не пожелали его выслушать! Богиня...

— Я сожалею, господин Иккон. Я не мог даже подумать... — тихо произнёс вампир, не поднимая глаз. — Значит, богине очень плохо, раз Эет сказал не обременять её просьбами?

Жрец со стоном схватился за голову.

— Только молчите об этом, заклинаю всем святым, что есть на Атариде! Быть может, нам ещё удастся исправить ситуацию...

— А мы... чем-нибудь можем помочь? — девушка несмело подошла и встала рядом.

Иккон выдавил на лицо вымученную улыбку.

— Только своим молчанием, дитя моё.

— А что теперь с Ларинной? — прошептала Фрей.

— С Ларинной... — Иккон со вздохом поднял глаза на алтарь Мортис Карающей... и замер.

Падающие пряди чёрных волос на плечи, укутанные плащом. Тонкие белые пальцы, сжимающие загривок чёрного ягуара... И усталая улыбка в уголках губ.

Мортис Милосердная смотрела на жреца!

И никогда прежде не видел он у неё такого взгляда.

И как она была похожа на Ларинну...

Иккон встряхнул головой — но видение не пропало.

— Я получил ответ, богиня, — жрец преклонил колени. — Благодарю тебя.

— Ничтожны твои знания, Иккон, — услышал он вдруг холодный звенящий голос, и никогда не звучал он так ясно в его ушах. — Я руководила действиями Ларинны, когда вложила ей в сердце гнев и затмила её разум, ибо это единственное средство спасти моего Избранника от грядущей беды. Слушай меня внимательно! Вскоре Стены Атаридадут падут. Извести об этом мой народ. Пусть они садятся на Корабли и покидают остров, пока ещё есть возможность. Пусть они исчезнут среди людей этого мира, пусть без крайней необходимости не используют магию Смерти, дабы не обратили на них свои взоры враждебные мне боги. Пусть пройдёт не одна тысяча лет, но я сумею возродить Атариду, и уцелевшие услышат мой Зов. Нет иного способа спасти мой народ. Бегите!

Жрец вздрогнул и простёрся ниц.

Когда он осмелился поднять взгляд, фреска над алтарём была чёрной.

Вирлисс и Фрей

Вир и Фрери шли по залитой ярким весенним солнцем улице вниз, от Храма, и молчали. Рука Вири лежала на талии Фрей, а девушка прижималась к своему спутнику, словно мёрзла в своей лёгкой светлой курточке.

Оба думали о почерневшей внезапно фреске.

Люди в храме заметили это не сразу, но заметили, и вскоре перед алтарём начали скапливаться встревоженные прихожане. Шепотки, испуганные возгласы и ропот носились по толпе.

Иккон, ставший белее собственной тоги, поднялся с пола и, промямливая под нос нечто неразборчивое, кинулся к внутренним дверям.

— Так что же Ринн? — крикнула ему вслед Фрей.

— Богиня простила её! — бросил жрец на прощанье и скрылся за спасительными дверями.

— Вир... Как ты думаешь, что теперь будет? — наконец нарушила молчание девушка.

— А... — задумчиво отозвался вампир. — Раз жрец сказал, что богиня простила...

— Я не об этом. Я... о фреске. Ну, ты же понимаешь...

Вирлисс тяжело вздохнул.

— Я не знаю, Фрери.

— Мне страшно...

Вирлисс снова вздохнул — и внезапно, осветив лицо ослепительной улыбкой, живо повернулся к Фрей.

— Что бы там ни было, если бы случилось что-то воистину плохое, Иккон сообщил бы. А так... забивать голову? Всё равно мы ни к чему не придём. Пойдём лучше прогуляемся? Хочешь, купим мороженого? Или — прекрасная идея! — идём в порт! Сядем на наш Корабль...

— На наш? — весело уточнила Фрери.

— Ну, Корабль моих предков! — небрежно отмахнулся Вир. — Не будь занудой. И устроим романтическое путешествие по морю. Вдвоём!

— А и правда, идём! — рассмеялась Фрей. — Шторм начнётся ближе к вечеру, мы успеем.

— Конечно, успеем! А пока мороженое никто не отменял.

Вир подмигнул и подтолкнул Фрери к молочной лавке.

— Тебе, как всегда, сливочное с изюмом?

— Ага, — задорно кивнула Фрей.

— Пожалуйста, одно сливочное с изюмом и одно фисташковое. И упаковку кровавого льда, — с очаровательной улыбкой протараторил вампир на одном дыхании.

— Упаковку?.. — распахнула глаза Фрей. — А ты не лопнешь?

— Обижает, — горделиво фыркнул Вирлисс. — Это же до вечера.

— А до кучи, ещё и фисташковое... — Фрери давилась от смеха.

— А я обожаю фисташковое!

— Я бы поверила, если бы ты попросил упаковку фисташкового и один кровавый лёд! — заливалась смехом девушка.

Все страхи уже вылетели у неё из головы.

Молодые люди шли, поедая мороженое и болтая ни о чём — к залитому солнцем порту, к изящным, белоснежным Кораблям у причалов — Кораблям, что становились невидимыми постороннему глазу, едва выходили в море, за пределы Завесы. Ни одно судно этого мира не

могло сравниться с Кораблями Атарида — ни в скорости, ни в надёжности.

Здесь стояло также несколько кораблей торговцев-варваров — их проводили сквозь Завесу лоцманы-маги. Правда, таких было очень мало, и их экипажи редко покидали пределы порта.

Хотя бывали и исключения.

Мать Фрей рассказывала, что будто бы сама родилась далеко на севере, будто была похищена пиратами... и купивший её торговец хотел перепродать свою пленницу в южных странах. Атарида не вела работорговли, но купцы, плавая с севера на юг, никогда не пренебрегали возможностью приобрести за золото драконью кость. Мать сбежала во время стоянки... она больше боялась работорговцев, чем живых мертвецов Атарида.

Ей повезло, её приютил у себя молодой горожанин. Потом он уехал из города в деревню, и как-то так естественно получилось, что мама поехала с ним. А потом — вышла за него замуж...

Фрей зажмурилась, глядя на ослепительно сияющие волны. Тёплый ветер, полный запахов соли и водорослей, касался её щёк. Наверняка мама придумала эту историю, чтобы развлечь свою маленькую дочку... Их семья была самой обычной. И сама Фрей никогда ничем не выделялась.

Серая мышка.

Интересно, почему на неё обратил внимание Вир?.. Её ведь даже красавицей не назвать. Ну, миловидная — так миловидных много... И не заводила, чтобы блистать обаянием и задавать тон в любом обществе. Ну, способная. Но больше берёт прилежанием, чем талантом. А Вир! Он обладает всем, чего у неё нет: знатность, богатство, блеск и шарм... красота, наконец!

А он с первого курса по ней сох, да она его ещё и отшивала!

То алая роза на парте, то неподписанное приглашение на закрытую элитную вечеринку, то протянутая на ступеньках рука — и несмелая улыбка...

Но её, Смертную, поначалу бросало в дрожь даже от взгляда вампира, и Фрей подняла бы на смех любого, кто предположил бы, что она хоть по улице с Бессмертным пройдёт в одну сторону.

Как-то раз она Вира чуть не прибила с перепугу защитным заклятьем, когда заметила, что он в темноте за ней идёт — а он, оказывается, её так каждый вечер тайком провожал до общежития, чтобы — не дай Мортис! — кто не пристал. С неё тогда временно сняли иммунитет, за провал на зачёте...

Похоже, Вир понимал опасения любимой. Как простой смертной девушке было поверить в искренность чувств знатного бездельника, да ещё и хищной нежити? Он проявлял чудеса терпения и обходительности. И добился-таки дружбы своей ненаглядной...да, дружбы и доверия.

Но Вирлисс мечтал о большем и отнюдь не собирался останавливаться на достигнутом. Возможно, к концу учёбы он и преуспел бы, но инцидент с Ринн ускорил события — настолько, что это стало неожиданностью для обоих.

"А о неписанных законах ты слышала?"

У Фрей тогда что-то оборвалось внутри.

Вот он какой...

Всё, что Вирлиссу годами пришлось бы открывать ей, как в яркой вспышке вскрылось за те краткие мгновения бурного диалога. Фрей раньше и помыслить не могла, какое

благородство и какие высокие принципы скрываются за внешним раздолбайством и легкомыслием Вирлисса.

Тогда он молча шёл по улице, и девушка едва поспевала за ним. Только дойдя до конца университетского сада, Вир заметил её усилия и сбавил шаг, виновато улыбнувшись уголком рта. Но так за всю дорогу и не проронил ни слова.

Они пришли к нему, и Вирлисс всё так же молча встал у окна, глядя на просыпающуюся улицу. Фрери несмело подошла и обняла его, прижавшись так крепко, как раньше никогда не позволяла себе.

— Иди домой, — тихо сказал он. — Я сейчас очень плохой собеседник...

— Я никуда не уйду, — так же тихо, но твёрдо ответила она.

Вирлисс пожал плечами и, мягко её отстранив, прошёл в глубь комнаты. Фрей снова хотела обнять его, но он снова отстранил, на этот раз решительнее.

— Фрери, не надо меня жалеть. Просто дай мне побыть одному.

И вот тогда Фрей пробрал смех. Она хохотала, согнувшись пополам, и не могла остановиться. Слезы катились по щекам, а она всё смеялась и смеялась под ошеломлённым взглядом Вирлисса.

Безудержно, с ноткой истерики — от облегчения.

И губы Вира тоже невольно дрогнули.

— Ты...чего, Фрери? — осторожно спросил он.

— Богиня! Я думала, ты и на меня обиделся, а это... гордость эта ваша... мужская... Ох, Вир... "Жалеть"! Ну ты и придумал, "жалеть"! Когда это я кому соплю вытирала?..

Вир уже улыбался от уха до уха — смущённо и растерянно. А она подошла, взяла в ладони его лицо...

Оба целовались как безумные.

И его руки наконец несмело приподняли её блузку, заскользили по спине, не решаясь на большую дерзость... И Фрей ответила Виру, расстегнув ворот его рубашки, скользнув ладонями по плечам...

Юноша отстранился.

— Фрери, может... Может, нам... предохраняться потребуется?.. — неловко пробормотал он. — Я принесу?

Фрей лишь с улыбкой покачала головой.

— Не потребуется. Только не в первый раз.

Вот так это и случилось.

Фрей догадывалась, конечно, что Вирлисс страстный, но ей никогда и в голову не приходило, что он ещё и такой нежный. Они целый день провели в постели, вечером отправились гулять по улицам, шутили, смеялись и целовались у всех на виду — и готовы были дарить своё счастье всем подряд.

А потом Вирлисс купил связку воздушных шаров и полез с Фрей на крышу, запускать их в темнеющее небо, к звёздам...

Потом снова заморосил дождь, и они вернулись... вернулись домой.

Она приготовила ужин — очень просто и буднично, без банальных романтических свечей и хрустальных фужеров. Просто — накрыла на стол, как накрывала на стол её мама, и так же, как мама звала отца, позвала ужинать Вира...

А потом Вир ушёл.

Охотиться.

Что ж... она принимала и это.

Вампир мог и не ходить — но ушёл. Именно в эту ночь.

Фрей понимала, что это было его последним безмолвным вопросом — может ли она, Смертная, принять его таким, какой он есть... Нежить по рождению...

Возможно, если бы Фрери родилась и выросла не на Атариде, она не сумела бы принять Вира. Но она была дочерью Атариды.

Она не ушла.

Вирлисс вернулся после своего позднего "ужина", когда Фрей уже спала. И обрёл своё сокровище под собственным одеялом.

Вампир не стал её будить, а просто устроился рядом — а наутро, едва открыв глаза, осведомился, когда они перевезут к нему её вещи...

Весь вчерашний день пролетел перед внутренним взором Фрей, пока она глядела на искрящееся море, но девушка так и не получила ответа на свой вопрос...

— Вир, за что ты меня любишь? — тихо спросила она, прижимаясь к его плечу.

Вирлисс улыбнулся и уже открыл было рот, чтобы отпустить какую-нибудь свою фирменную остроту — но в последний момент передумал: слишком уж серьёзен был голос Фрей.

— Я не знаю, — просто ответил он. — Люблю... В тот момент, когда я тебя увидел, для меня всё решилось. Я понимаю, что ты думаешь: "я такая вся заурядная, да таких как я можно вроде грибов собирать..." Фрей, ты не заурядная, — серьёзно произнёс он, крепче прижав девушку к себе. — В тебе что-то есть... я не знаю, как это сформулировать... Но такой больше нет. И не будет никогда. — И резко сменил тон, провещав голосом гида-экскурсовода: — Обратите внимание, мы находимся прямо напротив личного причала одного из Верховных вампиров Атариды, и сейчас поднимемся на борт уникального судна, созданного по последним магическим технологиям. Мы желаем вам приятной морской прогулки и выражаем надежду, что все ваши желания исполнятся на борту этого замечательного Корабля...

Фрей звонко смеялась, запрокидывая голову, пока Вир вёл её по узкому волнорезу к высокому и лёгкому, словно взметнувшемуся из пены морской, Кораблю.

— Ванадис! — крикнул кто-то сзади.

Молодые люди не обратили на окрик никакого внимания, но сзади крикнули снова:

— Ванадис! Фрейя!..

Вирлисс запнулся посреди очередной цветистой тирады и вопросительно посмотрел на Фрей. Она ответила встревоженным взглядом и пожала плечами.

Сзади раздались шаги.

Влюблённые обернулись.

К ним размашистым шагом направлялся молодой человек с пышными каштановыми волосами, падавшими на плечи в простой чёрной тунике, наискось перетянутой кожаными ремнями. У бедра висел меч.

Но тёмные глаза смотрели радостно и открыто, и Фрей уже готова была улыбнуться в ответ, но тут поняла, что незнакомец улыбался только ей.

Ей одной.

Вира словно не существовало.

Она готова была поклясться, что видит этого варвара впервые, и всё же...

Будто в другой жизни...

— Кто вы? — нахмурившись, спросила она.

— Не узнаёшь? — покачал головой юноша. — Это понятно. Фрейя, я искал тебя. Идём. Он протянул руку, словно не сомневался, что девушка пойдёт с ним.

Вирлисс загородил собой Фрери.

— Вероятно, вы туговаты на ухо? — любезно предположил вампир. — Дама задала вам вопрос, кто вы такой.

— Моё имя Фрейр, — пожал плечами юноша, глядя сквозь вампира. Не презрительно, а так, словно и в самом деле разговаривал с воздухом. — А она моя сестра, Фрейя. И я хочу забрать её с собой.

Вирлисс улыбнулся, показав клыки.

— Сожалею, но вы ошиблись, молодой человек. Эта девушка — гражданка Атарида. Она моя невеста. Мы два года проучились вместе в университете, и до сей поры никто в её семье не упоминал ни о каких братьях. Так что — простите.

— Ванадис, — будто не услышав Вирлисса, произнёс Фрейр. — Ты всё вспомнишь. Едва мы вернёмся домой. Не бойся...

— Вир! — испуганно вскрикнула Фрей, прячась за вампира. — Он сумасшедший, да?

— Смею вам напомнить, — ещё очаровательнее улыбнулся Вирлисс, обволакивая Фрейра алчным взглядом, — что гости Атарида не имеют даже дневной неприкосновенности. Я бы советовал вам не испытывать моё терпение... Я не хочу оскорблять взор своей дамы жестоким зрелищем, но я пойду на это, если вы меня вынудите.

— Фрейя, как ты можешь терпеть рядом с собой порождение Мортис? — с детской обидой распахнул глаза Фрейр. — Ты, светлая дочь Ванакейма, подательница жизни? Конечно, мы предполагали, что ты кое-что забудешь, но чтобы твоё чутьё настолько покинуло тебя... Однако не беспокойся, сестра! Высокий тебе поможет! — Фрейр решительно тряхнул головой. — Ты должна торопиться, не сегодня-завтра преграды Мортис не выдержат ударов — и тогда все, кто поганит этот чудесный остров, погибнут! Я искал тебя... я не могу допустить, чтобы ты осталась...

Вирлисс шагнул вперёд и протянул к юноше руку...но тот отбросил её с гримасой брезгливости.

Вирлисс попытался оттолкнуть наглеца — но тот даже не пошатнулся. А потом небрежным жестом отпихнул вампира — и Вир отлетел, как котёнок от удара ноги.

Собственно, ждать было уже нечего.

— Помогите!.. — что было сил закричала Фрей, пытаясь увернуться от рук незнакомца. — На помощь! Архонты! Помогите!..

Вирлисс, пошатываясь, поднялся — из рассечённого виска струилась кровь — и, ни слова более не говоря, взметнулся в воздух, упав на спину Фрейру. Зубы его скользнули по шее странного варвара — а в следующий миг Вир уже падал в море.

Он смог остановиться только у самой воды и снова бросился на противника, хотя уже понимал, что тот сильнее. Фрей кричала, захлёбываясь, и упиралась изо всех сил, а Фрейр тащил её прочь по причалу.

И Вир понял, что скорее умрёт, чем позволит её забрать.

В краткую секунду тело его сжалось, уменьшившись до размеров вёрткого нетопыря, и с пронзительным визгом Вир спикировал прямо в лицо похитителя. Тот невольно вскинул свободную руку, защищая глаза, и острые коготки нетопыря оставили глубокие полосы на щеках красавчика, крылья молотили по физиономии и по голове — Вир не медлил, метался

из стороны в сторону, царапался и кусался — и Фрейр вынужден был отпустить руку Фрей.

Девушка кинулась бежать по волнорезу к причалам, к Кораблям, громко крича и зовя на помощь.

Фрейр выхватил меч и скольльзящим, незримым движением нанёс удар.

Вирлисс никогда прежде не видел, чтобы люди так двигались.

Ему почти удалось увернуться... почти.

Лезвие рассекло крыло — пополам. Оно держалось лишь на тонкой перепонке.

Вир упал на причал и принял прежнюю форму.

Фрейр шёл на него, и весёлый, безжалостный огонь танцевал в тёмных глазах варвара.

На смазливом лице уже не было и следа царапин.

Оскальзываясь, Вир пробовал подняться, но, как в кошмарном сне, тело отказывалось повиноваться.

Раненая рука онемела и, перерубленная, болталась в локтевом суставе.

— Ну что, вампир? — усмехнувшись, негромко произнёс Фрейр, остановившись над ним. — Будешь молить о пощаде?

— Пошёл ты... — скрипнул зубами Вирлисс.

— Ты хоть знаешь, кто я такой? На кого ты осмелился поднять руку, падаль?

— Ты... сволочь... — улыбнулся Вир краешком рта. Во рту стоял вкус крови, и впервые он был таким противным. — Мортис, зову тебя в свидетельницы...

Варвар вздрогнул.

— Заткнись! Только вашей безмясой богини тут не хватало!.. — прошипел он, занося меч.

— Мортис... — прошептал Вир, прикрывая глаза. — Тебе вручаю мой дух...

Рядом послышались голоса. Фрей... Сюда бежала Фрей, а за ней — стража Мортис.

Архонты.

Фрейр дёрнул щекой и выше поднял меч. Солнце блистало на лезвии, как на девственном снеге.

Вирлисс с вызовом и презрением вскинул взгляд.

Ноздри Фрейра гневно задрожали.

— Смелый, гниль! — бросил он. — Значит, умолять не будешь? Но не думай, я не оставлю неотомщённой честь сестры... — протянул варвар. — Я не подарю тебе быструю смерть. Ты подохнешь в мучениях!.. Мой меч не оставляет шансов нежити. А Фрейя вернётся домой и забудет тебя! Мы поможем ей.

И варвар растаял в лучах солнечного света, как мираж.

Вирлисс обессиленно уронил голову на тёплые камни. Шёпот моря удалялся, растворяясь в накатывающей невнятной темноте. Отступали запахи, мир блек. Неужели он теряет сознание?.. Это ещё не смерть, чокнутый маг обещал ему мучительный конец... Значит, это только начало...

Да пошёл он...

Что-то кричала и трясла за плечи Фрей, туда-сюда бегали какие-то смутные силуэты — наверное, архонты.

Вир попробовал беспечно улыбнуться любимой и ляпнуть что-нибудь легкомысленное... но не успел придумать, что именно.

Сознание померкло.

Глава VI

Перед бурей

Вирлисс и Фрей

Носилки раскачивались, и Фрей всякий раз вскрикивала, когда при неловком движении тело Вира съезжало в сторону. Она бежала рядом, поправляя его раненую руку и вглядываясь в лицо — посеревшее, с ввалившимися щеками. Глаза запали...

Перерубленная рука посинела, а знаменитая вампирская регенерация не давала о себе знать.

— Куда его нести, госпожа? — осведомился начальник архонтов.

— К родителям! — решительно распорядилась девушка. — И немедленно пошлите за целителем, чтобы к нашему приходу он был там! Я скажу, куда.

Фрей раньше и подумать не могла, что способна на приказной тон с архонтом.

— Я распоряжусь, — кивнул офицер. — А когда пострадавшему окажут первую помощь, будьте готовы ответить на несколько моих вопросов: нам следует поймать преступника. Сейчас вся стража Завесы поднята по тревоге, и драконьи всадники осматривают весь периметр внутренней акватории. Негодяю не скрыться от правосудия богини, не волнуйтесь, госпожа... Кораблям и драконам выдано разрешение атаковать любое подозрительное судно, не пожелавшее остановиться по их требованию.

Фрей только кивнула. Все эти розыски казались незначительной мелочью по сравнению с судьбой Вирлисса...

Наконец их небольшая, но весьма живописная группа, дав пищу толкам по всему городу, добралась до трёхэтажного, отделанного белым мрамором особняка родителей Вира — которых, благодаря стараниям Фрей, уже известили.

Женщина, блее стен дома, выбежала на крыльцо прямо в лёгком домашнем платье, воздушном и кружевном, как порыв снежной вьюги. Её серебристые волосы блестящей накидкой струились, окутывая всю фигуру.

Как безумная, она кинулась к носилкам и припала к изголовью Вирлисса.

— Сыночек! Сынок! О богиня, он как мёртвый...сжался!

— Госпожа, пришёл ли врач? — поражаясь собственной дерзости, вежливо, но твёрдо спросила Фрей.

Вампир подняла на неё непонимающий взгляд — на краткий миг девушке даже удалось восхититься этой тонкой красотой, над которой не властно время.

Уже в следующую секунду влажные от слёз глаза приняли осмысленное выражение.

— Пришёл, — кивнула женщина. — Спасибо вам...что вы его не бросили... Не всякий Смертный способен на такое участие к Бессмертному... Мы обязаны вам. Идёмте с нами в дом!

Она поднялась от носилок, прижимая платок к покрасневшим глазам.

— Мальчик мой...

...Фрей успела подхватить её в последнюю секунду и, поддерживая, повела следом за горестной процессией к комнате Вирлисса.

Сейчас девушка безумно жалела, что так долго запрещала Виру знакомить её с родителями...

Отец Вира провожал архонтов — высокий статный мужчина. И глубокие скорбные морщины, залёгшие сейчас у его щёк, так страшно не вязались с молодым обликом...

Раненого уложили на необъятную кровать под белым балдахином — Фрей ещё успела подумать, что Вир всегда любил в интерьере белый цвет и роскошь, и эта комната не исключение — но сейчас холодная белизна показалась Фрери зловещей, напомнив погребальные покровы.

Отбросив эту мысль, девушка вышла вслед за всеми в коридор: Вирлисса оставили наедине с врачом.

— Попрошу не расходиться, — сухо распорядился офицер стражи. — Господин мой, у вас найдётся свободная комната для беседы со свидетелями? — обратился архонт к хозяину дома.

— Конечно, — безжизненно кивнул тот. — Вот, в конце коридора, чтобы не беспокоить моего сына — подойдёт?

— Вполне. Итак, начнём с вас, сударыня.

Фрей рассказала архонту всё, как было: они с Вирлиссом любят друг друга, собирались отправиться на морскую прогулку... Нет, его родители об этом намерении не знали. Нет, об их отношениях они тоже ничего не знали. Её родители? Да, Вир несколько раз приезжал к ним в деревню вместе с ней, это была его идея. Он не упускал ни малейшего шанса, чтобы с ней сблизиться... Как относились? Вир им нравился... Тот парень? Она видела его впервые. Никаких братьев у неё нет и никогда не было. Она одна в семье. Как преступник её называл? Коверкал имя. Её зовут Фрей, а он звал Фрейя. А, и ещё как-то...странно... на "в". То ли Вальдис, то ли Ванаис... Называл "светлой дочерью" какого-то... Вальхейма... кажется... Нет, она не знает такого человека, её отца зовут Аэлл. Она не имеет понятия, почему дочь этого Вальхейма обязательно "светлая". Нет, тот чокнутый не был блондином. Каптановые волосы, да... Странности? Да в его поведении всё было странным! Явно не в себе... Сначала — нет, не произвёл впечатления опасного... А вы считаете — это нормально, когда вампир кидается на человека и ничего не может с ним сделать?! Хорошо, не буду кричать... Наверное, какой-нибудь маг. Очень могущественный. Нет, не с Атариды. Он производил впечатление варвара...

— Благодарю вас, — кивнул архонт. — Вы свободны. Позовите, пожалуйста, родителей потерпевшего.

Их продержали недолго, и стража Мортис, выразив надежду, что раненый скоро поправится, и заверив, что, как только преступник будет схвачен, им дадут знать, оставила дом.

Фрей осталась в коридоре у дверей Вира, бросив несмелый взгляд на его предков. Они стояли возле комнаты, где проходил допрос, и тоже немного смущённо смотрели на девушку.

— Так вы... — наконец нарушила молчание мать. — Архонты нам сказали, что вы Фрери... то есть, Фрей, — женщина неуверенно улыбнулась. — Та самая?..

Фрей кивнула.

— Вир много рассказывал о вас, — сердечно улыбнулся отец. — Что же вы так долго к нам не приходили?

— Мы... собирались... — покраснев, пробормотала Фрей.

— О, — невесело протянул отец. — Этот оболтус наверняка ещё долго собирался бы! Но вы, Фрери, вы должны были его поторопить...

— Нет-нет! — живо возразила Фрей. — Вир часто предлагал мне. А я... стеснялась...

— Но теперь ты здесь, — мать Вира решительно и совсем не грубо перешла на "ты". — И ты здесь останешься, дочка. — Она подошла и обняла Фрери за плечи. — Ведь ты останешься? — заглянув ей в глаза, спросила женщина. — Я распоряжусь, чтобы тебе приготовили комнату?

— Вир нам не простит, если мы тебя отпустим! — присоединился отец.

— Спасибо вам... — Фрери чувствовала, как из глаз её, непрошенные, льются слёзы. — Я... сама... хотела просить вас... позволить мне остаться...рядом с Виром!

— Ты здесь дома, дорогая, — просто сказала мать. — Я сделаю все необходимые распоряжения.

Фрей слабо кивнула. Ей не нужна была комната. Она не хотела отходить от Вира ни на шаг. И тут, словно отвечая её мыслям, дверь его спальни распахнулась, и на пороге возник целитель.

Все трое устремились к нему.

— Ну, что сказать?.. — вытирая пальцы белоснежным платком, вымолвил доктор. — Дело плохо. Регенерация отсутствует, а главное... — он вздохнул. — Вы же сами понимаете, что, по сути, молодой человек никогда не был... э-э... жив. Его организм поддерживает себя за счёт двух вещей, как у всех немёртвых: живого биологического материала — и магии. Той магии, что исходит от нашей богини. Можно сказать, вся нежить существует лишь милостью и волей Мортис.

— Доктор, к чему вся эта лекция? — не выдержала Фрей.

— Сама по себе рана не опасна, рука регенерировала бы уже к концу недели... — вздохнул врач. — Я её перевязал. Но, видимо, оружие, которым нанесено ранение... Похоже, это невероятной силы артефакт. Блокированы все каналы некроэнергии в организме.

— Что это значит?.. — хрипло выдохнула мать Вира. Отец лишь крепче сжал её плечо. Пальцы побелели.

— Это значит, что тело вашего сына через некоторое время начнёт разлагаться, — снова вздохнул целитель. — Это будет мучительная смерть... пока полностью не разрушится мозг.

— Но... но вы обязаны что-то сделать! — Фрей показалось, что она это крикнула, хотя на самом деле губы её едва шевельнулись.

— Эвтания, — пожал плечами врач. — Кол в сердце и отсечение головы. И в костёр. Как обычно убивают вампиров.

— Вы с ума сошли! — крикнула мать.

— Госпожа, мне жаль. Ваш сын обречён.

— Послушайте, Вир сильный мальчик, — срывающимся голосом заговорил отец. — Он справится. Ему бы только преодолеть кризис...

— Вы не желаете меня слушать, — с досадой махнул рукой доктор. — Дело ваше, это ваш сын будет мучиться... Самое большее, что вы сейчас можете для него сделать — это отсрочить начало конца. Кровь! Свежая кровь. И не животных, а людей. Не замороженный консервант из аптек — настоящая кровь из живого тела, из вен, из артерий. Каждые два часа по чайной ложке. Иначе... я вам уже сказал. Сколько он у вас продержится так? Насколько хватит терпения и мужества у ваших смертных слуг, полагаю. Всего хорошего!

Мать Вирлисса, завыв как обычная смертная женщина, уткнулась в грудь мужа. Тот, серый как придорожный валун, машинально прижал жену к себе.

Дверь хлопнула — доктор вышел из дома.

— Я готова отдать Виру всю свою кровь, — решительно сказала Фрей. — Лишь бы он выжил.

Отец покачал головой.

— Дочка, нам надо выиграть время. Кровь... у живых она восстанавливается. Мы с благодарностью принимаем твою помощь, но у нас в доме достаточно слуг, врач был прав! Человек тридцать...да, дорогая? Если каждый будет давать в свою очередь эту чайную ложку...

— Вместе со мной этого хватит на пятнадцать с половиной часов, — быстро подсчитала в уме Фрей. — Каждые пятнадцать с половиной часов любой человек, живущий в этом доме, кто бы он ни был, обязан будет давать свою кровь. Первые сутки Вир продержится... а там... думаю, надо сообщить всем нашим друзьям... они не откажутся! Мы выиграем время. Я буду первой. И молитесь Мортис о помощи...

Фрери решительно толкнула дверь спальни и вошла в комнату.

Лучи солнца наискось перечерчивали всё огромное помещение, которое могло сравниться с гостиной в городской квартире Виры. И половину этого пространства занимала постель — невероятная, под необъятным балдахинном. Вирлисс лежал с краю — хотя обычно, наверное, забирался на середину — и его лицо казалось зеленоватым на ледяной белизне подушек.

Фрери поднесла своё запястье к губам Вирлисса, но он не отреагировал. Инстинкты, что обычно вели живых мертвецов, даже когда их сознание дремало, которые делали их ещё опасней в состоянии беспомощности — эти инстинкты были мертвы.

— Вир, ну пожалуйста... — со слезами в голосе прошептала Фрей. — Укуси меня, пожалуйста! Ты меня слышишь?

Вирлисс, похоже, услышал её голос — по его лицу скользнула тень улыбки, губы еле заметно дрогнули.

И всё.

Дверь раскрылась, и слуги, осторожно пятясь, ввели в комнату какое-то громоздкое сооружение.

— Что это? — спросила Фрей.

— Это, госпожа, дозатор, — с поклоном ответил один из вошедших. — Чтобы, значит, он больше не выпил, чем чайную ложку. И ему на вред не пойдёт... и нас от случайностей обережёт, если что.

— Да кто б его укусить заставил! — зло ответила Фрей. — "Больше"! Его б заставит хоть каплю выпить!..

— А не кричите, госпожа, и не надо. Вот и выходит, что дозатор поможет. Смотрите. Вот тут колёсико... На нём циферки. Они объём обозначают. Сколько у нас чайная ложка вмещает? Вот и ставим колёсико на этот объём. Теперь берём иголочку... вы, госпожа, маг, так сумеете её очистить от заразы всякой? И к концу этой иголки приставляем вот эту трубочку. А другой конец трубочки в рот молодому господину всуньте. Потом иголочку себе в ручку воткнёте...кровь пойдёт. И ему кусать не придётся, и вам безопасно, и норма — тютелька в тютельку! И всем хорошо.

— А если он проглотить не сможет? — опасливо спросила Фрей.

— Ну... самые простые рефлексy ж у него остались? — как маленькой, объяснил слуга. — Слюна-то по подбородку не течёт? Сглатывает он её, то-то и оно... И кровь сглотнёт. Ну, не станем мы вам мешать.

С тем слуги и откланялись.

Фрери неукоснительно выполнила все инструкции и напряжённо смотрела, как струится алая жидкость по прозрачной трубке к губам Вири. Едва первые капли попали в его рот, грудь вампира сделала лихорадочный вздох, шея дёрнулась — и Вирлисс стал жадно глотать. С последней каплей глаза его раскрылись.

Фрери не сумела сдержать радостного возгласа:

— Вир!..

— Фрей... — невнятно прошептал он и слабо повёл головой, словно просил убрать трубку у него изо рта.

— Сейчас, — девушка, отсоединив иглу и на ходу зажимая ранку мягкой тряпицей, подбежала и помогла Виру освободиться.

— Я... дома? — тихо спросил он. — Наверное, всех перепугал?

— Самую малость, — сквозь слёзы улыбнулась Фрей.

— Что со мной... такое?.. Я... двигаться не могу, — в глазах его, на самом дне, притаился страх. — Тело...словно...мёртвое...

Фрери больше не могла сдерживаться. Из глаз потекли слёзы. В лучах вечернего солнца солёные капли на её щеках казались золотыми...

— Не плачь, — мягко произнёс Вирлисс. И улыбнулся: — Давай нарушим законы жанра...

— В смысле?..

— В смысле я не стану скатываться в инфантильную патетику "зачем тебе я сейчас такой" и "свали отсюда", а ты не станешь плакать. Хорошо? Не будем друг у друга играть на нервах. И так всё ясно...

Он отвернулся.

— Что — ясно?.. — прошептала она.

— Что моё дело плохо, и что ты приняла решение.

Губы Фрей задрожали.

— Я... тебя люблю, Вир... — прошептала она.

— Я знаю... — вздохнул вампир. — Я тоже. Чёрт, как же дико хочется скатиться в эту самую патетику! Поэтому я тебя очень прошу — избавь меня от искушения. Не реви!

Фрери с улыбкой покачала головой.

— А у тебя, оказывается, комплекс настоящего, сильного мужчины. Кто бы мог подумать!

— У меня не комплекс! — огрызнулся Вирлисс. — Просто я и есть сильный мужчина. Кстати, никогда не понимал этого словечка "настоящий"... Ты или мужчина, или нет.

— Знаешь, чтобы согласиться с решением, подобным моему... мужчине и требуется очень большая сила, — задумчиво произнесла Фрей. — Куда больше, чем отказаться от девушки, которую любишь.

— И при этом не показаться самому себе эгоистом, — буркнул Вир. — Именно! Ладно, проехали. — Он снова обернулся к ней и осветил лицо своей фирменной улыбочкой. — Поскольку мы уже решили, что любим друг друга и будем вместе в радости и горести, давай более не возвращаться к этой теме.

— Хорошо, — кивнула Фрей. — Тебе удобно? Может, подушку поправить?

— Не надо. Я просто её не чувствую, — усмехнулся Вир. — Мне хорошо... Я вижу тебя, и я могу с тобой говорить. А подушки и прочая мелочь... забей! Я вот, знаешь, о чём сейчас

думаю?..

— О чём?

Его лицо приняло сосредоточенное выражение, будто Вир изо всех сил пытался придумать, что бы ляпнуть... И ляпнул:

— Как же я дальше буду учиться...

— Я буду тебе пересказывать материал лекций, — словно приняв его хитрость за чистую монету, улыбнулась Фрей. — И мы с тобой обязательно найдём способ тебя вылечить!

Вирлисс тяжело вздохнул.

— По крайней мере, будем искать, — подмигнула девушка. — Ты разговорился. Тебе легче?

— Да, немного. Ну, а с языком у меня никогда проблем не было... — задумчиво протянул Вир, созерцая потолок. — Фрери, позови родителей, пожалуйста. Хочу их тоже успокоить.

Фрей улыбнулась ему, поправила одеяло и ушла из комнаты.

Едва за девушкой закрылась дверь, Вирлисс крепко зажмурил глаза — и всё же две слезы скатились по щекам.

Совершая невероятные движения головой, юноша вытер их о подушку.

Там, на молу, тело ещё как-то повиновалось — по крайней мере, трепыхаться получалось. А сейчас...

Вирлисс закусил губы. Опять вкус крови во рту — с каких пор от него хочется плевать? — это клыки прокусили губу. И струйка течёт по подбородку... и её никак не вытереть.

Вир с глухим стоном стукнулся головой об изголовье.

Лучше бы этот мерзавец убил его... чем так...

"Ты умрёшь в мучениях!"

— Сволочь... — пробормотал Вирлисс. — Какая же ты сволочь...

Взгляд замер на дозаторе. Вот оно как...

Что теперь будет? Неужели — только эти строго отмеренные порции крови, по приёму которых можно отмечать время, только эта постель, эти бархатные складки балдахина над головой... и, как благословение — лёгкое прикосновение пальцев Фрери к лицу? Самое большее, что он мог почувствовать...

А ведь ещё вчера он держал её в объятьях. Первый и...неужели единственный?.. раз. Ещё сегодня утром они рука об руку шли из Храма...и ели мороженое... Как же жалко ту упаковку кровавого льда, чёрт побери...

Вир усмехнулся.

Не смей себя жалеть! Не смей!

Ты выживешь. Ты выживешь ради Фрей и матери. И пусть...этот мерзавец...удавится...

Фрей права. Надо пытаться искать выход. Сдаться легче всего. Два года назад, впервые заговорив с Фрей и встретив решительный отпор, увидев страх в её глазах, он понял, что у него есть выбор: потратить пять лет учёбы на страдания и вздохи о своём разбитом сердце — или на то, чтобы добиться этой девушки.

И он ведь её добился, чёрт побери! За два года...

Там, в его квартире, лежит кольцо белого золота с рубином. Он так мечтал надеть этот перстень на руку Фрери... И он это сделает, назло всем чертям! Или кем был этот

мерзавец?..

Как там частенько говорила Фрери? "Перетопчешься, кровосос"? Так вот, перетопчешься ты, Фрейр!

Самозванный "шурин" каким-то образом заставил его тело стать по-настоящему мёртвым — а это, насколько Вир мог судить после двух лет отличной учёбы на факультете некромансии, отнюдь не магия Смерти. Ведь некромагия, если не считать боевых заклятий — а они есть в любых магических школах — по сути, не разрушение и уничтожение, а всего лишь магия Не-Жизни, способ дарить бессмертие — пусть в глазах некоторых и несколько извращённым путём...

Хотя и магией Жизни, наверное, жестокое заклятье Фрейра не назовёшь...

Скорее, какая-то анти-некромагия. Какое-то проклятье. Возможно, из запрещённых, которыми в незапамятные времена пользовались маги весёлой Эпохи Становления.

По губам Вирлисса скользнула упрямая усмешка.

Кажется, он знает, откуда следует начинать.

— Мы ещё поборемся! — прошептал Вир.

Иккон

Иккон почти бегом преодолел подъём по лестнице. Сердце колотилось как безумное, и жрец, прислонившись к стене, прикрыл глаза.

Он слышал голос Мортис!

Впрочем, священник отнюдь не обольщался: богиня обратилась к нему в первый и, вероятно, в последний раз. А почему именно к нему, а не к кому-то из других верховных жрецов?..

Он слабо улыбнулся.

Так уж странно сложились обстоятельства, что он оказался в самом центре неких событий — и богиня заговорила с ним...

Иккон вздохнул.

Бегите!

Этот приказ Мортис до сих пор звучал в его ушах.

Бегите. Стены Атариды падут. Пока у вас есть возможность...

Жрец зажмурился, представив, что начнётся у причалов Кораблей и стойл драконов, какое столпотворение... А что будет с простыми людьми, у которых нет не то что Корабля или дракона, даже лодки? Конечно, Храм организует транспорты спасения, для самых бедных беженцев, но... если быть реалистом...

Невозможно.

Невозможно спасти всех.

Дело богини предупредить свой народ, но дело жрецов сделать так, чтобы это предупреждение принесло как можно меньше неприятностей. Похоже, Ларинна не зря обвиняла его в лицемерии! Прости, Мортис, но, прежде чем он скажет о Твоей воле всем, он шепнёт о ней нескольким самым близким людям...

Занятый этими невесёлыми раздумьями, Иккон поднялся в Верхний храм — и остановился у входа.

Навстречу ему поднялась какая-то фигура в тёмном плаще.

Офицер архонтов...

Иккон усмехнулся уголком рта. Совсем забыл...

— Господин Иккон, я дожидался вас, — глухо проговорил архонт из-под тёмного капюшона. — Я бы просил вас ответить на несколько моих вопросов.

— По поводу моей ученицы? — уточнил Иккон. — Не трудитесь! Я сразу скажу вам: да, она убила этого юношу. И она сделала это по воле богини. Я, как жрец, снимаю с неё все обвинения.

...В полной тишине кричали чайки над морем, и тихо вздыхали волны далеко внизу... Какие приёмы использовали древние архитекторы, что этот легчайший звук слышно здесь, на самой вершине Храма?..

Архонт отбросил капюшон с лица. Перед жрецом стоял белокурый юноша с серыми глазами — которые стали круглыми, как две монеты.

Иккон чуть не рассмеялся.

О Мортис, неужели даже Твоих стражников можно чем-то ошеломить?..

— То есть... я правильно вас понял?..

— Правильно, сударь. Надеюсь, вы не станете утверждать, что у жрецов богини нет права миловать преступников Её именем?

— Как я могу осмелиться?.. — в замешательстве пробормотал офицер. — Но ведь... уже несколько тысяч лет...

— Это право не использовалось, да, — кивнул Иккон. — С конца эпохи Становления, всё верно.

— Жрецы — гаранты закона, ваша милость, и...

— И воли богини, что выше закона. Всё верно. Просто за всё это время ни один из преступавших закон не делал этого, повинуюсь воле Мортис.

— Но ведь... Ларинна ваша ученица, — через силу вытолкнул из себя молодой человек. — Я ни в чём не смею упрекать вас, но...

— Мне кажется, смеете, — устало улыбнулся Иккон. — Да я понимаю вас, сударь, ещё как понимаю. Сам сегодня утром не мог поверить... Вы можете спуститься в Общий храм и посмотреть на почерневшую фреску над алтарём. Четверть часа назад с этой фрески со мной говорила богиня. И Её заступничество за девчонку — самое безобидное из того, что Она мне сказала... Пожалуй, я начну с вас. Богиня велела сообщить народу Атарида, что вскоре наш остров погибнет. "Бегите!" — сказала Она мне. Скройтесь среди варварских народов побережья и лишь в самых крайних случаях используйте магию Смерти. И слушайте. Через несколько тысяч лет Она позовёт уцелевших.

Архонт отступил на шаг. Его лицо стало почти прозрачным — и таким невозможно юным...

— Так что вот... — Иккон махнул рукой. — До грибов ли нынче, молодой человек? Если у вас есть, кого спасать, предупредите их, пока весть не разнеслась по острову. Пока до Кораблей и драконов ещё можно добраться...

Юноша попятился. Запнулся о стоявший за спиной стул, неловко охнул, схватившись за спинку.

— Сколько... у Атарида времени?

— Я не знаю, — устало выдохнул священник. — Никто не знает. День-два... может быть, неделя. Не больше.

— Благодарю вас, — пробормотал архонт и, забыв накинуть капюшон, направился к выходу. По походке его можно было принять за пьяного...

Иккон тяжело побрёл в свою келью. Надо выпустить девчонку, пусть предупредит

родителей. И... Как там сказала богиня об Эете? Сделать из него зомби — единственный способ спасти? Вот что сама Мортис думает о шансах на побег?.. Великолепно, что тут скажешь...

Только интересно, как же зомбирование поможет этому мальчику? Впрочем... если богиня руководила действиями Ларинны... кто знает? Ринн теперь хозяйка Избранника... как дико звучит! — и, значит, через неё... Но зачем? Какой смысл спасти Избранного, если падёт Атарида? К чему его уникальность?

Богиня, как много вопросов! Если бы ты ещё дала на них ответы...

Жрец распахнул дверь кельи.

Ларинна сидела за столом, и, подперев щеку рукой, смотрела на море. Перед ней лежал тот самый свиток, который Иккон читал перед её приходом — развёрнутый, но небрежно сдвинутый в сторону. Наверняка из любопытства сунула свой нос — и ничего не поняла.

Иккон невольно усмехнулся. Научится ли эта девчонка хоть чему-нибудь?

Ларинна вскинула на учителя испуганные глаза.

— Что? — спросила она.

— Я снял с тебя все обвинения, — сухо бросил жрец. — Ступай домой. И... береги Эета. Подожди! — вдруг остановил он девушку. — Скажи... он отличается от обычных зомби? Он?..

— У него есть своя воля, — не поднимая глаз, шепнула Ларинна.

Иккон довольно потёр руки.

— Отлично! А сознание? Ты так и не сумела пробудить его сознание?

Ринн покачала головой.

— Как странно... Ему чужды инстинкты хищника... — Иккон нахмурился. — И богиня в его видении держала в руке не серп, а розу... Тут есть, над чем подумать! Жаль, времени нет.

— О чём вы, учитель?

— Я найду к вам сегодня вечером! — решительно объявил Иккон. — Мне надо кое-что сообщить твоим родителям и взглянуть на Эета. Иди.

Едва за ученицей закрылась дверь, священник тяжело опустился за стол и обхватил руками голову.

Сколько дел!

Прежде всего, надо созвать остальных верховных жрецов и объявить им волю Мортис. Довести также до Совета магов Атарида... а тем временем отдать приказ служителям готовить Корабли Храма для самых бедных беженцев. Известить официально стражу Мортис, пусть готовят драконьих всадников. Составить инструкцию для служб спасения, разработать советы беженцам и предписания о поведении среди варваров... Особенно для магов и нежити. С обычных смертных взятки гладки...

По коридору прокатился звук торопливых шагов... Дверь распахнулась. На пороге, метая глазами молнии, предстал взъерошенный Арит. Его седые волосы растрепались, а профессорская мантия разодралась и перепачкалась в саже — наверняка так и летел на своём Пончике, не переодевшись.

— Иккон, ты подлец! — с порога крикнул лич. — Как ты смел так поступить?!

— Ты о чём? — спокойно осведомился Иккон.

— Твоя девчонка...твоя сопливая девчонка...эта бестолочь... а ты!.. Снять все обвинения!.. Это неслыханно! Ты же знал!.. Как ты мог?! Это что же получается, у нас один

закон для знакомых у священников, и другой — для всех остальных?! Один закон для знатных оболтусов, а другой!..

— Арит... — поморщился Иккон, прижав руку к виску. — Я тебя умоляю... Голова болит.

— Ах, у тебя болит голова! Мортис, это всё, что ты можешь мне сказать?! Я подам апелляцию в Совет магов!.. Тебя лишат сана, и это — самое меньшее, что ты получишь за такое злоупотребление положением!.. Я тебе обещаю! Я тебе устрою весёлую жизнь!..

— Да ради Мортис, Арит, — взмолился Иккон. — Делай ты что хочешь! Только не вызывай меня немедленно на дуэль, хорошо?

Арит запнулся.

— Иккон... — голос старого мага задрожал. — Я тебя не узнаю. Что тебя могло заставить так поступить? Что ты от меня скрываешь? Мы же друзья... ты никогда не позволял себе подобного!

Иккон стукнулся лбом о столешницу. Сил не было повторять это ещё один раз... А сколько придётся?

— Арит... Это была воля Мортис, — только и выдавил из себя священник.

— Мортис?! — губы лица задрожали от гнева. — Воля Мортис? Какое удобное оправдание!.. Главное, не требуется никаких доказательств!

— Арит... Слушай... Садись на своего Пончика... и убирайся отсюда! Убирайся с Атарида.

— Ах, так? Ты мне угрожаешь? Ты...мне...

— Арит, ты не так меня по...

Дверь с треском захлопнулась. Иккон остался в келье один.

Когда жрец выбрался из-за стола, коридор уже был пуст. А добежав до Верхнего храма, Иккон услышал лишь шум драконьих крыльев, да гигантская тень на миг закрыла солнце...

Ларинна

Ринн медленно шла по набережной канала, пиная подвернувшийся по пути камушек. Домой идти не хотелось. На душе скребли кошки.

И ведь всё хорошо! Обвинения с неё сняты, родители ни о чём не узнают... но...

Ах, зачем Иккон сказал, что Эет стал бы магом — таким же, каким был её легендарный дед? Зачем?.. И так тошно встречать этот собачий обожающий взгляд — прямо сбежала бы из дому, куда глаза глядят! — а уж теперь...

Вот выставила бы этого зомби за порог — но куда он пойдёт, такой?

И куда ей идти?

Ларинна вздохнула, опершись на ажурные перила горбатого мостика над зелёной глубиной канала. Внизу вода несла белые лепестки яблонь.

О богиня... это на всю жизнь! Эта вина — на всю жизнь...

Ларинна смахнула навернувшуюся слезинку. Почему, ну почему бы ей было спокойно не вернуться домой, а потом прийти снова, в два часа?

Может... может, есть какие-нибудь заклятья, из самых тайных... которые позволили бы перевести зомби в высшую нежить? Пусть в вампиры, пусть в личи — неважно! Но Эет снова стал бы тем юношей, который с таким состраданием смотрел на неё на границе владений Мортис... Он стал бы собой.

Сегодня придёт Иккон, и она обязательно спросит!

На душе стало немного теплее. Конечно, Иккон мог бы предложить сам, а не предложил...а это значит... он и не знал? Невозможно ведь изучить все архивы Храма! Сегодня, вон, он обронил про тот свиток: "Я нашёл!" Быть может, Иккон разрешит ей пройти в секретные секции архивов, скажет — вот он, нужный отдел, здесь вся запрещённая некромагия — работай...

А вот что бы сказали об этой идее Вир и Фрери? Кстати, она так и не заметила их в Храме. Может, задержались?

Ринн решительно направилась к их дому — и усмехнулась, поймав себя на том, с какой лёгкостью назвала квартиру Вирлисса их домом.

Она снова взбежала по светлой роскошной лестнице к лифтам, снова прошла через наполненный свежестью холл этажа — но на звонок никто не отвечал.

Вздыхнув, Ларинна вернулась на улицу.

Вот куда эта чокнутая парочка могла потащиться? Учитывая неиссякаемую фантазию Вира — куда угодно.

Ларинна вздохнула и медленно пошла в глубь улиц. Завернула в кафе, без аппетита расковыряла клубничное мороженое — и, печально вздохнув, побрела домой.

Золотое солнце падало за море, обливая улицы прощальным светом. Ветер свежел, трепал волосы, хотя обычно шторм налетал лишь с полной темнотой.

Завидев изящные голубые башенки родительского особняка, Ринн резко остановилась. Нет... домой... в самом деле, не горит! В конце концов... можно подождать Иккона и на улице? Погода отличная... ну, подумаешь, ветер! Не холодный ведь. Пока.

Девушка села на скамейку. Проходившие мимо молодые люди попытались было подойти — но Ларинна обожгла их таким взглядом, что они тут же отправились своей дорогой, а Ринн продолжила созерцать уличный пейзаж.

День блек, краски гасли. Смеркаться ещё не смеркалось, но в самом воздухе уже разливалось то неуловимое ощущение вечера, что предшествует сумеркам.

Внимание привлёк восхищённый свист. Молодые люди снова пытались завязать знакомство: по улице шла сногшибательная девушка. Наверняка вампир — судя по убийственной элегантности. Чёрная блузка, ненавязчиво облегающая фигуру, воротник-стойка. Белые брюки, белый пояс на талии... Широкие концы с длинной бахромой ниспадают вдоль бедра почти до колена, подчёркивая стройность ног. Вроде бы и никаких изысков, а эффект!

Как это по-вампируски...

Парням не везло — девчонка даже не снизошла до того, чтобы отшить их приставания. Просто прошла мимо, как будто юношей и не было. Даже головы не повернула. Ринн невольно рассмеялась.

Услышав её голос, девушка остановилась — и свернула к ней.

— Ларинна! А я к тебе.

Улыбка медленно растаяла на губах Ларинны, зато глаза стали походить на блюда из мамино сервиза.

К ней направлялась Фрей!

— О... Фрери... Ты? Тебя не узнать! — только и смогла пробормотать Ринн. — Слушай... Шикарно выглядишь... Вир подарил?

Фрери подошла, и Ринн смогла лучше разглядеть её наряд. Вблизи было видно, как по

бокам ворота мерцают тёмным огнём два рубина — просто пресловутый "удар милосердия", добывающий жертву.

Причёску Фрей почти не изменила, лишь пустила по волосам тонкую косу, охватывающую затылок, и она лежала на густых прядях, как обруч.

— Ринн, мы должны с тобой поговорить. Серьёзно, — сдержанно вымолвила Фрей. — Идём к тебе.

— Что, так срочно? А...

— Срочно. И здесь нельзя, — прервала Фрери.

— Так Иккон скоро к нам придёт...

— Прекрасно. Его-то мне и надо. Я надеюсь на твою помощь, Ларинна. Мне нужно его разрешение на доступ к храмовым архивам.

— Потрясающе! Мне тоже нужно, — Ринн просияла. — Я сама собиралась просить!

— А зачем тебе? — подняла брови Фрей.

Ларинна фыркнула.

— Нет, Фрери, ты не считаешь, что это наглость? Я задаю тебе вопросы, а ты на них не отвечаешь. И требуешь, чтобы я отвечала на твои. Нет-нет, для начала скажи, кто тебя так придел! Ты выглядишь изумительно. Никогда бы не подумала, что ты...

— Это мать Вирлисса, — сухо ответила Фрей. — Для вампира немисливо одеваться просто. Она хотела сделать мне приятное. "Дочка, теперь ты можешь ни в чём себе не отказывать!" — Фрери чуть грустно улыбнулась. — Я могла отшивать с подарками Вира, но возразить его матери не посмела.

— Он всё же познакомил тебя с родителями? — просияла Ринн. — О Мортис! И когда же свадьба, а? И не говори, что никакой свадьбы не будет, иначе его мамаша не стала бы тебя называть дочкой!

— Вир при смерти, — резко бросила Фрери. — Говорю же, я не хочу обсуждать это на улице! Спасти его может только чудо... и я собираюсь искать рецепт этого чуда в архивах Храма Мортис. Ринн, помоги мне уговорить Иккона... — на ресницах Фрей блеснули слёзы.

Ларинна привстала со скамьи.

— Что?..

— Мне заорать на весь квартал? — зло осведомилась Фрей.

— А ну, прекрати истерику! — сверкнула глазами Ларинна. — И на Вира своего шипи, болен он там или нет. А я тебе не девочка, голос на меня повышать. Пошли! — она подхватила подругу под руку и повела к дому. — Всё сейчас расскажешь. Что-нибудь придумаем!

Через четверть часа девушки сидели в комнате Ларинны, за окнами сгущались сумерки, на столе мирно горел светильник, и тени напозлали из углов, заполняя комнату.

Фрери вздохнула и уселась поудобнее на диван, поджав под себя одну ногу. В темноте её брюки и пояс отливали серебром.

— Вот так всё и случилось, — закончила свой рассказ девушка, катая в руках бокал с красным вином.

Ринн нахмурилась и отставила свой бокал на стол. Поднялась и задумчиво подошла к окну, глядя на темнеющую улицу.

— Как интересно... — протянула она. Виски начало слегка давить — как вчера, в университете, злополучным утром. По телу прокатилась лёгкая дрожь. Губы дрогнули в необъяснимой улыбке. — Говоришь, Вир препоручил свой дух Мортис? Эт-то хорошо...

— Я такого не говорила, — удивлённо приподняла брови Фрей. — Откуда ты взяла?

— А? — Ларинна словно очнулась. — Я что-то сказала?

— Ринн... Ты... Всё хорошо? — озадаченно спросила подруга.

— Судя по твоим рассказам, всё очень плохо. Фрери, а ты розы любишь? — спросила она вдруг.

— Да, — немного растерянно ответила Фрей.

— Завтра приду навестить Вира, с самого утра. С большим букетом роз, — Ларинна улыбнулась. — И знаешь, что? Неплохо было бы пригласить к вам твоих родителей. Впервые, так или иначе, у вас намечается свадьба, разве нет?..

Губы Фрери чуть дрогнули — по лицу скользнула тень улыбки.

— Да, — шепнула она. На ресницах блеснули слёзы. — А что во-вторых?

— А во-вторых, было бы неплохо подробнее расспросить твоих предков о братце. Понимаешь... — Ларинна обернулась. — Не мне тебе рассказывать, что у любого может быть припрятан в шкафу скелет. Ты росла одна... но разве это означает, что у твоих родителей... или у одного из них... не могло быть ещё детей?

Рука Фрей вздрогнула. Вино плеснулось, но, к счастью, не пролилось.

— Ринн, ты меня поражаешь...

Ларинна криво усмехнулась.

— Поражаю? Чем, интересно? Если мне не даётся некромансия, это означает, что я думать не умею?

— Нет, я не это... имела в виду... — смутилась Фрей, опуская взгляд.

А когда подняла его, Ринн стояла совсем рядом, над ней, и Фрери показалось, что её глаза отливают зеленью. И странная, грустная улыбка притаилась в уголках губ.

— Ты меня тоже поражаешь, — совершенно чужим, каким-то глубоким и нежным голосом, произнесла она. — Но более всего поражает твой брат... Точнее, его непревзойдённое хамство.

— Чем я тебя поражаю?

— Своей смелостью, Фрейя.

— Не называй меня так! — Фрей вскочила.

От её резкого движения Ларинна моргнула — и зеленоватое свечение исчезло из её глаз.

— При чём здесь смелость? — губы Фрери побелели от гнева. — Просто я люблю Вира неужели ты не понимаешь?

Ринн виновато улыбнулась.

— Голова болит, — поморщилась она, отходя к столу и беря снова бокал. — Не обращай внимания, со мной со вчерашнего дня творится что-то странное...

— Я заметила, — сдержанно ответила Фрей. — Ну где же Иккон, наконец?

— Наверное, занят делами. — Ларинна вздохнула. — Мне тоже очень надо попасть в архивы, Фрери...

— Зачем?

— Я... — Ларинна опустила глаза. — Ты что же думаешь, я сволочь распоследняя, да? Убила вчера мальчишку, подняла его как зомби — и довольна?

— Ну... Вроде, ты осознала...

— Фрей, не мямли! — Ларинна пнула в сердцах диванный валик. — Говорю же, вчера на меня как будто накатило что-то... Пойми, я не оправдываюсь! Но... но то, что я сделала...

это было в порыве гнева... после бессонной ночи... и... понимаешь, я... как будто была не я. И я... хочу исправить. Исправить то, что сделала.

Фрей невольно усмехнулась.

— Вернуть Эета к жизни?.. По-настоящему?.. Ларинна, полагаю, это... по меньшей мере, магия, противоположная магии Смерти.

Ларинна дёрнула щекой.

— В архивах Храма есть свитки разных магий!

— Если это вообще в силах магии, — Фрей глядела с сочувствием. — У всего есть предел, даже у волшебства. Дальше начинается... начинается воля богов. Чудо, понимаешь?

— Я приму что угодно. Пусть хотя бы превращение зомби в высшую нежить...

Фрери вздохнула.

— А что потом? — мягко спросила она, подходя к подруге и положив ладонь на её плечо.

— Не понимаю.

— Предположим, ты сделаешь его высшей нежитью. С собственной волей и невероятным могуществом. Своим слугой. Что ты собираешься потом с ним делать?

— Я отпущу его, — вздохнула Ларинна. — Я позволю ему снова получить статус гражданина Атарида, со всеми правами... Эет... говорят, он слишком талантлив, чтобы быть чьим-то слугой. Даже очень привилегированным.

— Ты произнесёшь над ним Формулу Освобождения? — Фрей смотрела внимательно в лицо Ларинне. Вино в её руке чуть дрожало. — А ты не боишься, что он... Получив полную свободу, он... всё тебе припомнит?

Ларинна усмехнулась. Вспомнился его взгляд там, во владениях Мортис...

— Нет.

— Почему?

Ну как это объяснишь?

— Я думаю, он не мстителен.

— Ты думаешь? — Фрери рассмеялась. — Знаешь, ты невероятна!

Ларинна глубоко вздохнула. Как доказать? Хотя... может быть, это шанс?

— Фрей, а... если бы Эет укусил тебя? — запнувшись, спросила она. — Его сознание бы пробудилось. Меня он укусить не смог, а... между тем... это же самый простой вариант... Чтобы пробудить сознание. Чтобы сделать Эета полноценной... нежитью.

Взгляд Фрери стал растерянным.

— Не смог укусить? — вскинула брови девушка. — Ты серьёзно?

Ринн кивнула. Фрей озадаченно нахмурилась.

— Ну... давай попробуем.

— Сейчас, я его приведу!

Ринн выскользнула за двери.

Фрей вздохнула и отошла к окну. Странное поведение для немертвого, что тут ещё сказать! Видимо, Эет действительно чем-то отличается от других. Недаром его отметила богиня. Вот и шанс посмотреть на Избранника, о котором столько говорил Иккон...

Иккон... Что он ответит на её просьбу? Слезы подступили к глазам. О богиня, как там сейчас Вир?..

Негромко стукнувшая сзади дверь не позволила Фрери расплакаться. Девушка обернулась.

На пороге стоял красивый стройный юноша в модной одежде — конечно же, приодела хозяйка. Он не спускал преданного взгляда с Ларинны.

— Это Эет, — представила та.

Губы Фрей невольно дрогнули: девушка в последний миг сдержала смех. Как это дико — знакомиться с зомби...

— Привет, — улыбнулась она, подходя и ставя бокал на стол. — Что ж, Эет, говорят, у тебя проблемы?

Эет моргнул, скользнув по ней взглядом, и снова перенёс всё внимание на свою Госпожу.

— Эет, это Фрей, — сказала Ринн. — Укуси её за руку. До крови.

— Укуси, — протянула ладонь Фрери. Её, как будущего некроманта, захватил опыт.

Юноша широко распахнул глаза и с мольбой уставился на Ларинну. А потом сжал руками голову, колени его подогнулись, и...

— Я отменяю! — крикнула Ларинна, прежде чем молодой человек начал кричать от боли. — Ступай. Ступай в свою комнату!

Эет поднялся. Взгляд его выражал отчаяние и тоску. Он видел, что хозяйка недовольна им, и ничего не мог поделать. Понурившись, молодой человек вышел из комнаты. По щекам его текли слёзы.

Ларинна тяжело вздохнула.

— Вот видишь... Он не хищник, Фрей.

— Вздор! Любая нежить хищна, — Фрери убеждённо потрянула головой. — Мне ли тебе объяснять? Не волнуйся, Ринн. Возможно, когда он был простым Смертным, он не помышлял об убийствах, но... просто дай ему время. Против природы никто не может идти, и Эет тоже. Чем дольше он пробудет нежитью, тем вернее в нём пробудятся инстинкты нежити! Конечно, если ты будешь его содержать вроде комнатной собачки, кормить по расписанию из блюдечка и расчёсывать локоны, как шёрстку, ждать придётся долго. Но вели ему самому добывать пропитание... увидишь, что будет. Весьма скоро он тебя поразит, я убеждена. Уж насколько я люблю Виру... Но я не строю иллюзий относительно его appetитов. Он хищник... Если довести его до бессознательного состояния, меня к нему и магией не подтащишь. Сначала всю кровь выпьет, а потом придёт в себя и тут же над моим трупом с собой покончит. Так что вот... Будь ты хоть трижды Бессмертная, никогда не забывай, на что способна нежить.

Ларинна горько усмехнулась словам Фрей.

— Фрери, Фрери... ты понимаешь, что говоришь? Я специально проштудировала массу литературы о зомби. Время играет против Эета. Это сейчас ему довольно одного укуса. Но чем дольше он останется в таком состоянии, тем... Потом мне придётся выпрашивать у Иккона для него преступника! Не дай Мортис, чтобы бедняга дошёл до стадии, когда сознание пробуждается лишь с поглощением человеческого мозга!

Фрей вздрогнула, и по её лицу скользнула гримаса отвращения. Заметив это, Ринн решила сменить тему.

— А что касается Виры... — она рассмеялась. — Мне кажется, у Вирлисса сдвиг на тебе не только в сознании, но и в подсознании! Он тебя по запаху распознает... расценит как что-то приятное, но несъедобное! Ну... как слуги даже в бессознательном состоянии не могут причинить вред своим хозяевам.

Фрей слабо улыбнулась. Ринн продолжала:

— Я всегда удивлялась, как ты вообще решилась с ним общаться, при твоём-то отношении к немёртвым...

— Я тебе не говорила? — Фрери усмехнулась. — А когда меня лишили иммунитета за провал на зачёте...

— Ты что-то рассказывала... вроде, ты чуть не прибила Вира, да?

— Да... — Фрей смахнула слезинку с глаз. — Он увернулся. Сидел на мостовой, весь такой взъерошенный, и на меня смотрел большими глазами... Я тогда на него наорала... ну, он объяснился, конечно. Мне стало даже немного стыдно. А следующим вечером я опять его засекала... он уже под нетопыря маскировался, но я же отличу! — девушка невольно рассмеялась. — Вот тогда я ему и разрешила... меня проводить. На взводе вся была... Но Вир кого хочешь разговорит.

— Да уж...

— Ну вот... Он у меня спросил, на чём я засыпалась... и предложил позаниматься... Я сначала отказывалась, но он заметил, что если уж я доверяю ему идти рядом по пустынной тёмной улице, то не доверять позаниматься днём в многолюдной библиотеке — нелогично... И я согласилась. Что нелогично. Всего лишь! А он взял и за мной утром зашёл. Зашёл и повёл в библиотеку... А потом... как-то... — Фрери смущённо пожала плечами. — Он всегда находил что-то интересное, и...

— А потом ты как-то влюбилась, — хмыкнула Ларинна, садясь на диван. — И сама боялась себе в этом признаться, потому что не до конца верила Вирлиссу. Чудики вы оба! А ещё, знаешь? Не обижайся, но главным у вас в семье будет Вир. За ним всегда останется последнее слово.

Фрери вдруг резко отставила бокал на стол и отвернулась. Плечи её задрожали. Уткнувшись лицом в ладони, девушка беззвучно плакала, и только короткие редкие всхлипы вырывались порой из-под рук.

Ларинна встала и обняла её.

— О Мортис... Фрери, ну прости меня... Поверь, всё будет хорошо. Обязательно!

— Ничего... Ничего хорошо уже не будет! — прорыдала Фрей. — И Вир навсегда... и никогда больше... За что ему это, богиня, за что?!

— Фрей, успокойся, — строже сказала Ринн. — Как ты можешь ему помочь, если сама в это не веришь?

— Я...

По дому прокатился мелодичный тихий звон.

— Это Иккон! — подхватила хозяйка. — Фрери, я встречать. Вытри слёзы и спускайся в гостиную. Давай, давай, сейчас или никогда! Ты же за этим шла.

С этими словами Ларинна вылетела из комнаты.

Процокав каблучками по просторной лестнице, девушка прошла через великолепный холл, убранный статуями и вазонами с цветами, и распахнула двери.

Конечно же, на крыльце стоял Иккон — в белоснежном жреческом одеянии, только на плечи был накинута бордовый плащ.

— Родители дома? — не здороваясь, осведомился жрец.

— Дома, — кивнула Ринн. И посторонилась, пропуская посетителя в холл. — Господин Иккон, я и моя подруга хотели бы с вами серьёзно поговорить...

— Я вижу здесь только вас, госпожа Ларинн, — сухо ответил жрец.

— Фрери сейчас спустится. Мы так долго ждали вас, господин Иккон, — Ларинна

покачала головой. — Что же вы не приходили?

— Где Эет? — поморщился Иккон.

— В своей комнате. — Ларинна глубоко вздохнула. — Иккон... я хотела спросить... есть ли заклятия... способные... хотя бы сделать из него высшую нежить?

— Хотя бы? — жрец вскинул брови. — Это, девушка, у вас носит название "хотя бы"? Какова же программа-максимум?

— По-настоящему вернуть ему жизнь, — глядя в глаза священнику, ответила Ларинна, не поведя и бровью.

Иккон всплеснул руками.

— Ларинна, ты меня поражаешь день ото дня! Ты ухитряешься... ну... Ларинна, то, о чём ты говоришь... невозможно. Просто невозможно. Воскрешать могут лишь боги. И то не все. Наша богиня... Увы, это не во власти Мортис.

— Хорошо, ладно, — быстро кивнула девушка. — А сделать его высшей нежитью?

Иккон вздохнул. Вздорная девчонка... Сейчас весь Храм похож на растревоженный муравейник, бурлит Совет магов — и едва теплится пламя на Алтаре. Отряды архонтов приведены в состояние повышенной готовности: завтра могут начаться беспорядки и паника, после объявления...

А Ларинна о каких-то небылицах!

— Мне неизвестно о таких заклятиях, — поморщившись, ответил маг.

— Но вы допускаете, что они возможны?

— Ларинна, не занимайся глупостями. Что сделано, то сделано. Лучше...

— Ну уж нет! — Ринн сверкнула глазами. — Вы считаете, я всю жизнь должна терпеть эту комнатную собачонку, в которую превратился ваш расталантливый Эет?

Жрец пожал плечами.

— Можешь его продать...

— Иккон... вы... Это уж слишком! "Продать!" Я так не могу.

— Ларинна, я не понимаю, чего ты хочешь, — устало вздохнул Иккон. — То, о чём ты просишь — невозможно. Если он тебя раздражает — избавься от него. Что ты создаёшь трудности себе и другим?

Ларинна скрестила руки на груди и глаза её сверкнули.

Зелёным переливом.

— Наверное, я в дедушку. Говорят, он тоже любил трудности. И не разговаривайте больше со мной в таком тоне! Если вам что-то неизвестно, это ещё не означает, будто этой вещи и в природе нет. Вы всего лишь человек, Иккон, и не можете знать всего!

Ничтожны твои знания, Иккон...

Жрец словно наяву услышал эхо этих слов.

Ведь не может же быть, чтобы Ларинна?..

— Чего вы хотите от меня, Ларинн?

— Доступ в секретные архивы Храма. Для меня и Фрей.

— А зачем Фрей? — устало закатил глаза Иккон.

— Если вы знаете заклятия, способные разблокировать каналы некроэнергии, возможно, ей доступ и не потребуется, — тут же парировала Ларинна.

— Разблокировка каналов? Ну да, есть такие заклятия... Правда, ими за ненадобностью уже много тысяч лет никто не пользовался... после того, как запретили проклятья блокировки. Я знаю об их существовании, но сам ими не занимался.

— Вы сможете помочь Фрей и Вирлиссе? Сегодня днём Вир на причале столкнулся с каким-то типом, который воспользовался именно таким проклятьем.

— Блокировка? Немыслимо...

— Мыслимо, не мыслимо! — Ринн топнула. — Ну что вы мямлите? Вир при смерти. Поможете или нет?

— Я не знаю, Ларинна! — крикнул жрец. — Ты забываешься! Я посмотрю кое-какие рукописи и постараюсь что-нибудь придумать. Ты согласишься дать мне время до завтра? — саркастично осведомился он.

— Не злитесь, Иккон, — виновато улыбнулась Ларинна. — Просто я переживаю. И из-за Эета, и из-за Вира с Фрери... Я не хотела давить на вас.

Иккон усмехнулся.

— Ты... Если тебе что-то придёт в голову, ты неотвратима, как сама смерть. А твои суждения — как удар серпа Мортис.

Ларинна чуть насмешливо сделала глазки священнику.

— Именно так. Значит, вы согласны дать мне доступ в архивы Храма? Для Эета?

— Ларинна, послушай. Ты путаешься в элементарных вещах, а просишь показать тебе высшую магию. Ты же ничего не поймёшь, даже если и получишь доступ.

— У меня много времени, — улыбнулась Ларинна. — Целая вечность, не так ли? Я подтянусь. Теперь у меня есть стимул! И буду искать.

— Ринн, у тебя мало времени... — вздохнул жрец. — Ты помнишь, что стены Атариды...

— Простите, — вдруг раздался сзади тихий голос. На ступенях лестницы стояла Фрей. — Я задержалась.

— Мои соболезнования, дитя моё, — поклонился жрец. — Но не отчаивайтесь! Я обещаю вам поискать средство для Вирлисса. Полагаю, ему можно помочь. Ждите меня завтра поутру, хорошо?

Фрей вскрикнула и с благодарностью упала к ногам жреца. В следующую секунду она поцеловала его руку.

— Что вы! — смутился Иккон, поднимая девушку. — Я пока ещё ничего не сделал. Благодарить будете потом. Ларинна, я могу, наконец, увидеть твоих родителей?

— Сейчас, позову, — кивнула девушка. — Фрей, ты останешься у нас на ночь?

Фрери покачала головой.

— Тогда я тебя провожу. Темновато уже.

— У меня иммунитет, как и у тебя, — напомнила Фрей.

— И что? — Ларинна подхватила подругу под руку и, на прощанье сверкнув улыбкой, выскользнула за дверь.

Родителей она, конечно, позабыла позвать...

И её семья, и семья Вира жили в одном районе. Их особняки стояли буквально в квартале друг от друга, поэтому девушки очень быстро добрались до отделанного белым мрамором дома верховных вампиров.

Против обыкновения, ночь наполнял покой. Звёзды висели в тёмном куполе неба огромными брильянтами, увесистые и мёртвые. Мирно пели первые сверчки, и от яблонь разливался тонкий тревожащий аромат. Море молчало, не выдавая себя даже запахом соли; затаилось, как зверь перед прыжком.

Девушки остановились перед витой оградой.

— Сегодня прекрасный вечер, — нарушила молчание Фрей. — А мне почему-то так... "Страшно".

— ...так беспокойно.

Ларинна вздохнула и промолчала.

— Мне кажется, если мы не поможем Виру сегодня...

— Фрей, я знаю.

— Что? — испуганно выдохнула Фрей.

— Мне тоже беспокойно. Идём!

Они вошли в широкий холл, освещённый лишь слабо мерцающими светильниками. Всё освещение в доме было притушено, словно могло помешать больному.

Девушки поднялись по лестнице в убранный коврами коридор, и Фрей осторожно толкнула дверь спальни Виры. Навстречу ей поднялась хозяйка дома: осунувшаяся, с запавшими глазами.

— Что? — одними губами спросила она.

— Всё хорошо, — улыбнулась Фрей. — Господин Иккон обещал помочь. Он придёт завтра.

— О, хвала Мортис! Я боялась...

— Всё хорошо, — повторила Фрей. — Вир спит?

Женщина кивнула.

— Через полчаса надо давать кровь, придётся снова будить... — она сокрушённо вздохнула.

— Позвольте мне поделиться с ним кровью, — робко шагнула вперёд Ларинна.

Женщина лишь благодарно сжала ей руку.

— Вам надо отдохнуть, — мягко заметила Фрери. — Идите, я подежурю.

Мать Вирлисса ласково провела рукой по её волосам, бросила долгий нежный взгляд на постель сына и бесшумно прикрыла за собой двери.

Ларинна, закусив губы, прижала ладони к вискам. Опять это ощущение... К горлу подкатил ком, тело начинала колотить крупная дрожь.

Что же это такое... как тут душно... как тут невыносимо душно...

Она, не пытаясь более ступать тихо, решительно подошла к окну и распахнула створки. Терпкий тревожный аромат ночи ворвался в комнату, всколыхнув белые занавеси порывом ветра.

Резким движением Ринн сорвала заколку с волос, и её чёрные кудри раскатились по плечам неистовой волной.

Она обернулась.

— Что это? — кивком указала она на дозатор, стоявший у изголовья Вирлисса.

— Чтобы он мог пить, не кусая, — пожалала плечами Фрери. Она стояла рядом с постелью Виры и с глубокой грустью всматривалась в его лицо.

Ринн расхохоталась, запрокидывая голову.

— "Пить, не кусая!" — с издёвкой передразнила она. — Вы его уморить хотите? Он же вампир! "Пить, не кусая"...

— Ларинна! — глаза Фрей метнули молнию. — Сбавь тон. Ты разбудишь Виру!

— О-хо-хо! — продолжала ёрничать Ринн, делая большие глаза. — "Я его разбужу!" О-хо-хо! Да так и задумано!..

Она подошла к постели и, отстранив Фрери, склонилась над больным. Рука её нежно, но

твёрдо сжала его ладонь.

— Проснись, Белый Тигр, — голос девушки лился холодной волной, властный и звонкий. — Ты мне нужен.

От Ринн волнами исходила незримая сила, и от этих волн у Фрей бежали по коже мурашки. Она замерла, почему-то не решаясь даже вздохнуть.

Вирлисс распахнул глаза.

Ларинна поднесла к его губам своё запястье.

— Кусай! — приказала она.

В тёмно-синих глазах Вира отразилось непонимание, словно юноша не мог разобраться, проснулся он или всё ещё видит сон.

— Кусай! — рявкнула Ларинн, и глаза её полыхнули зеленью.

Взгляд Вирлисса медленно заполнял священный ужас. Губы пересохли.

— Ну же, Белый Тигр, — мягче вымолвила Ларинна. — Что ты медлишь?

И зубы Вира вонзились в её запястье.

Пальцы Ринн сильнее сжали его руку.

Вирлисс вскрикнул, словно через него пропустили энергию невероятной силы, и стал жадно глотать.

Он пил так, как никогда ещё не пил, и из глаз текли слёзы. Голова кружилась, а через тело — наконец-то он его чувствовал! — словно проходили разряды молний, сметая всё на своём пути.

— Стоп, — услышал он, и невозможно было противиться этому приказу.

Вир отпустил запястье стоявшей возле его постели.

Фрей нагнулась над ним, с тревогой взгляделась в лицо. Вир улыбнулся и, поймав её ладонь, нежно сжал...

Фрери вскрикнула, будто его рука обожгла её, и бросила сумасшедший, полный радости взгляд на Ларинну. Та, усмехнувшись уголками губ, отошла от влюблённой парочки и упала в кресло. Голова слегка кружилась от потери крови.

— Фрери... — помолчав, спросил вдруг Вир. — Я спал?

— Спал, — кивнула со счастливыми слезами Фрей.

— Мне приснилось... или тут была сама богиня?

— Кто?.. — Фрей отступила на шаг.

— Меня напоила своей кровью Мортис... — неуверенно вытолкнул Вирлисс.

— Вир, — подала голос из кресла Ринн. — Честное слово, не знаю, кто тут чем тебя напоил, но, видимо, штука классная. Потому что здесь была только я.

— Ларинна? — Вирлисс с трудом опёрся здоровой рукой о постель и попробовал сесть. — Ты здесь?

— Угу. Я. Ну не Мортис же! — она фыркнула. — Ты меня так за запястье цапнул — до сих пор болит. Но главное — тебе пошло на пользу! А видения... с болезни и со сна чего не привидится?

— Я... — Вирлисс, преодолевая слабость, всё же ухитрился сесть, опершись спиной на подушки. Его длинные серебристые волосы падали вдоль лица, как у девушки. Сходство подчёркивал растерянный взгляд. — Я же совсем не мог двигаться...

Ринн пожала плечами.

— Вир, ты радуйся, что теперь можешь.

— Но это и в самом деле странно, Ларинна, — заметила Фрей.

— Что вы оба сейчас хотите мне доказать? — Ринн наклонила набок голову, пустив чёрную волну волос на плечо. — Что в меня тут Мортис мимоходом вселялась? Наро-од!.. А не проще предположить, что артефакт вашего чокнутого братца оказался не таким уж мощным, и его действие было временным... ну это же реальней, чем ваши предположения.

Вирлисс медленно кивнул. По его губам скользнула улыбка.

— По крайней мере, укусить тебя доставило мне истинное удовольствие, — хмыкнул он. — Признаю честно — давно мечтал!

— Мечты сбываются! — хмыкнула в ответ Ринн. — Я пойду, ребята. Не в моих привычках мешать чужой радости. Когда у тебя срастётся рука, как сказал врач?

— К концу недели, — ответила за Вирлисса Фрей.

Ларинна чуть поморщилась.

— Выздоровливай, Белый Тигр, — улыбнулась она, поднимаясь из кресла. — И, Фрери... позови всё же своих родителей сюда. Полагаю, пару вопросов им надо задать.

— Ринн, — уже на пороге окликнула её Фрери. — Спасибо!

— Да я тут при чём?.. — сделала девушка большие глаза. — Случайно вышло! Давайте, спокойной ночи вам.

И Ларинн закрыла за собой двери.

Глава VII

Две богини

Вирлисс и Фрей

Вир проснулся от зверского голода. За окном ещё плыла ночь, и через открытые створки в спальню вливался аромат яблонь.

И пение сверчков.

Они пели как никогда. Как будто в последний раз.

Вир осторожно, опасаясь разбудить Фрей неловким движением, поднялся и, пошатываясь, хватаясь по дороге за мебель, подошёл к окну.

Тяжело опершись о подоконник, он вдохнул ночь...

Нежные лепестки яблонь в зеленоватом свете уличных фонарей... Он смотрел на них и не мог налюбоваться.

Вот так же он всегда не мог налюбоваться Фрери. Она была... она была как сама Жизнь. Будничная — и прекрасная без всяких "почему".

Есть хотелось невыносимо. Организм жаждал крови, а будить Фрей, чтобы заслать до холодильника за консервантом, казалось преступлением. Вздохнув, Вир в одном нижнем белье двинулся в долгий путь до кухни.

Больная рука, подвязанная у груди, токала, и иногда её дёргало резкой болью. Придерживаясь здоровой за стену, Вир целенаправленно брёл вперёд, к лестнице. Иногда в глазах темнело.

Лестницу юноша преодолел в несколько приёмов, часто отдыхая на ступеньках. Голова кружилась.

И всё же он радовался. Радовался, что может двигаться самостоятельно, ходить, дотрагиваться руками до предметов... Бредя через спящий дом, Вир тихо смеялся и, наверное, со стороны выглядел, как сумасшедший.

Нашарив на кухне выключатель, Вирлисс дошёл до холодильника, поёживаясь от

холода мраморной плитки, которой был выложен пол, и распахнул дверцу.

Разорвав зубами пакет с консервантом, вампир осушил его одним глотком и полез за следующим. Конечно, консервант не мог сравниться с живой кровью, он хранился для приготовления блюд вампирской кухни — и для особых случаев, когда приходилось по тем или иным причинам долго обходиться без охоты.

Вир при всём желании сейчас не был способен отправиться на охоту — и потому глотал семейные запасы едва не упаковками.

И не мог остановиться...

Когда за окном забрезжил рассвет, на лице Вирлисса начало появляться виноватое выражение.

Зато проклятое головокружение почти прошло, и юноша почувствовал, что может стоять, не цепляясь за дверцу холодильного шкафа.

В коридоре послышались голоса: это проснулись слуги.

— Ты смотри, — услышал Вир. — Уже кто-то встал. Свет горит.

— Да, наверное, уж завтрак для господ приготовили... Достанется нам, что опоздали... ой!

Вирлисс со смущённой улыбкой обернулся. В дверях стояли две кухонные работницы и круглыми глазами смотрели на своего молодого господина: босой, в нижнем белье — и горка пустых пакетов из-под крови у ног.

— Доброе утро, — пробормотал Вир. — Приношу извинения за мой внешний вид, дамы... И я тут намусорил... простите... А ещё, боюсь, придётся бежать до аптеки, пополнять запасы консерванта.

Служанки всплеснули руками и наперебой защебетали, как рады, что молодой господин поправился, что мусор ерунда и пустяки, и что все больные, когда на поправку идут, кушать хотят.

— Наверное, я был очень болен, потому что очень проголодался! — с самой серьёзной миной сокрушённо вздохнул Вирлисс.

Девушки рассмеялись.

— А ваша матушка и отец знают, что вы встали? — спросили они.

— Нет! — Вир сделал резкое движение — и тут же схватился за край стола. — Маме ни звука! Она меня убьёт за то, что я сам пошёл на кухню!

Служанки с улыбкой переглянулись.

— Мы сейчас кого из слуг покрепче позовём, чтобы вас проводили до комнаты. И до аптеки сбегает, не беспокойтесь!

Через несколько минут Вира довёл до спальни крепкий парень, и молодой вампир, озарённый внезапным вдохновением, велел ему подождать за дверями. Отыскав в спальне нужную вещь, Вир нацарапал на клочке бумаги несколько слов и, вытащив из ящика стола небольшой кошелек с деньгами, вернулся в коридор.

— Держи! — вручил он слуге ключ. — Пойдёшь сейчас на мою городскую квартиру, там в секретере лежит красная коробочка. Принеси её мне. Потом отправляйся к стойлам драконов, найми ящера — вот деньги — и лети по этому адресу, — Вир протянул слуге бумажку. — Привези сюда родителей Фрей. Чтобы к полудню они были здесь!

Слуга поклонился и оставил своего молодого господина.

Вир вернулся в спальню и, ласково поправив одеяло на плечах спящей Фрей, начал потихоньку одеваться. Он как раз закончил приводить себя в порядок, когда раздался стук в

дверь: вернулся с городской квартиры слуга.

На сей раз посланнику открыл безукоризненный молодой человек в чёрной шёлковой рубашке, заколотой у ворота пряжкой из белого золота, и в элегантных серебристо-серых брюках. Только бледность да перевязанная рука указывали на то, что Вирлисс не оправился после тяжёлого ранения. Да ещё волосы... Не сумев заплести косу одной рукой, Вир оставил их рассыпанными по плечам.

— Вы просили принести, — слуга протянул вампиру коробочку, обитую алым бархатом. — Сейчас я пойду за драконом, а это... Вот, — парень посторонился, дав Вирлиссу увидеть человека, о присутствии которого вампир догадывался до сих пор лишь по звуку дыхания. — Господин офицер хочет поговорить с вами.

Глаза Вира расширились от удивления.

Перед ним стоял офицер портовой стражи Мортис.

— Благодарю, — кивнул юноша слуге. — Иди, сделай то, о чём я тебя просил. Господин офицер, что привело вас к нам в столь ранний час?

Вир вышел из комнаты, прикрыв за собою дверь, и, словно невзначай, небрежно опёрся здоровой рукой о стену коридора, чтобы архонт не заподозрил, как трудно ему пока держаться на ногах.

— Я вижу, вы уже поправились? — глухо спросил архонт из-под капюшона. — Позвольте выразить вам мою искреннюю радость, что вижу вас в добром здравии.

Вирлисс очаровательно улыбнулся в ответ.

— Благодарю за участие. Я сам бесконечно рад этому. Быть может, я могу пригласить вас в гостиную и чем-нибудь угостить?

— Нет, — в голосе офицера послышалась лёгкая улыбка, хотя её и нельзя было увидеть под тенью капюшона. — К сожалению, я на службе.

— Ни капли спиртного!

— Тем не менее. Но к делу. Я вынужден сообщить вам неприятную новость. Ваш Корабль... Поистине, вам будет трудно поверить моим словам, но...

— Но офицеры Мортис никогда не лгут, — живо продолжил Вирлисс. — Итак, какова бы ни была ваша новость, боюсь, я ей поверю. Что же произошло с нашим Кораблём?

— В него ударила молния.

— Простите? — Вир невольно нахмурился. — Молния? Но ночь была ясной!

— Я предупреждал, что моим словам будет трудно поверить.

Вирлисс заставил себя захлопнуть рот.

— И...как же это случилось, господин офицер?

— Это произошло в одиннадцать часов вечера. В абсолютно ясном небе вспыхнула молния и ударила прямо в мачту вашего Корабля.

Вир прикусил губу.

В одиннадцать часов вечера он... Да, верно! Сюда пришла Ларинна, он укусил её и загадочным образом исцелился.

По спине побежали мурашки.

По меньшей мере... странное... совпадение...

— Благодарю вас, — задумчиво сдвинув брови, кивнул молодой вампир. — Полагаю, чинить там нечего...

— Увы, вы правы. Корабль раскололся пополам, и обе половины по непонятным причинам взорвались. Даже причал обгорел...

— Видимо, Фрейр сильно разозлился, — не смог удержаться от смешка Вирлисс. — Какая неприятность, в самом деле!

— Фрейр? Кажется, так называл себя напавший на вас маг? Что вы о нём знаете?

— Ровным счётом ничего. Но рассчитываю узнать, — Вирлисс кивнул. — Что ж, ещё раз благодарю вас за сведения.

— Желаю вам приятного дня.

— И вам, офицер.

На том они и расстались. Архонт отправился по своим делам, а Вир, проводив его задумчивым взглядом, вернулся в спальню.

Фрейр спала, свернувшись калачиком, и вздрагивала во сне. На ресницах блестели капельки слёз.

Вир скрипнул зубами. Ах, Фрейр... Дай срок, ты пожалеешь, что родился на свет. За эти слёзы Фрери, за её страх, за её отчаяние — ты получишь сполна! Кто бы ты ни был.

Будь ты трижды маг, будь ты маг из магов...

Что же до того, что ты будто бы брат Фрейр...

Братья так не поступают!

Где ж ты был, скотина, со своей благородной горделивостью, когда Фрери лишали иммунитета? Когда любой немёртвый мог безнаказанно полакомиться твоей сестрой? Где ты был, подлец, вместе со своей крутой магией?

Нет у тебя на Фрейр никаких прав, нет и не будет никогда!

— Я никому не отдам тебя, моя девочка... — прошептал Вир, опускаясь на колени и нежно проводя кончиками пальцев по щеке спящей девушки.

Тревога не покидала сердце.

Слишком необъяснима и велика была сила Фрейра, чтобы не брать её в расчёт. И Вир понимал, что схватка за Фрейр будет долгой и опасной.

Фрейр...

Юноша усмехнулся. Проклятая слабость... Быть может, хоть следующей ночью он вновь заключит Фрейр в объятия? А так... Вир чувствовал себя, как ребёнок, которому пообещали торт, а потом припрятали угощение до вечера.

Дверь приоткрылась.

Вирлисс повернул голову и улыбнулся застывшей на пороге матери.

— Тсс, — прошептал он, поднося палец к губам. — Не разбуди Фрери...

— Мальчик мой! — тихо вскрикнула женщина, упав на колени рядом с сыном и приныкая к его груди. — Вир... Это чудо... Чудо!

— Ну, не плачь... Не надо... — шептал Вирлисс в её волосы. — Ведь теперь всё хорошо. Не плачь...

— Как это случилось? Как? — взяв в ладони лицо сына, мать пожирала его блестящими от слёз глазами.

Вирлисс смущённо усмехнулся.

— Я и сам не знаю, мам. Мне кажется... тут была сама Мортис. А может, то был сон...

— Богиня, благодарю тебя! Не сон, мой мальчик. Не смей так говорить! Ты должен каждый день возносить хвалу нашей богине за то, что она явила тебе свою милость! Если бы ты знал, что за ужасные вещи говорил нам врач... Я не желаю вспоминать!

— Просто, если это был не сон... — Вирлисс улыбнулся. — Тогда мне придётся допустить, что Ларинна... Девушка, которая сюда пришла вчера вместе с Фрейр... Что

Ларинна и есть богиня. А она... словом, это вздорная девчонка, самая отстающая на нашем курсе...

— Может, она потому и отстаёт? — лукаво улыбнулась мать. — Вы же изучаете некромансию. Силу нашей богини... А разве ты не знаешь, что нет ничего более трудного, чем познать самого себя? Для Мортис некромансия естественна, богиня не привыкла раздумывать, применяя своё могущество... Ей не нужно чертить Круги Власти, чтобы пользоваться им.

— Ринн не привыкла раздумывать, это точно! — весело хмыкнул Вир, но без обычной насмешливости. И мать, как никто знавшая своего сына, поняла, что на сей раз Вирлисс пытается прикрыть шуткой глубокую сосредоточенность. Видимо, её слова заставили его серьёзно задуматься.

— Мам, — произнёс юноша, меняя тему. — Я послал за родителями Фрей. К полудню они должны прилететь...

— Я поняла, мой мальчик, — женщина ласково провела рукой по волосам сына. — Сейчас займусь.

— И... — Вир потупился. — Мне надо будет поговорить с отцом. Серьёзно. О Фрей. Он уже встал?

— Встал, — кивнула женщина. — А о Фрей давно пора поговорить. Всё, идём! Она поднялась и протянула сыну руку. Опираясь на неё, Вир поднялся на ноги.

— Ты ещё не оправился... — сокрушённо покачала головой мама.

— К концу недели буду как новенький, — беспечно бросил молодой человек. — Куда нам спешить, мам?

Она тихо, чтобы не разбудить Фрей, рассмеялась.

— Ах, молодые всегда куда-нибудь спешат!

Мать и сын вышли из спальни, прикрыв за собой двери.

Глава Клана уже работал в своём кабинете, и в первую секунду бросил на вошедших лишь короткий взгляд от бумаг, разложенных на рабочем столе — но уже в следующий миг верховный вампир вскочил с кресла и сжал сына в объятиях. Из глаз его катились слёзы, но отец Вира, похоже, их не замечал.

— Сынок... — прошептал он. — Я же говорил! Я же знал! Сказал же я этому костоправу, что ты справишься! А он: "Эвтаназия, эвтаназия!"

— Дорогой! — ахнула жена. — Я полагаю, мальчику совсем не обязательно знать, что нам советовал врач.

Верховный вампир отмахнулся.

— Всё же хорошо! Я знал, что всё будет хорошо! — ликующе кричал он, размахивая руками. — А я этому костоправу ещё устрою... устрою весёлую жизнь! Он у меня коров в деревне лечить будет! Нет!.. Его даже к коровам не подпустят!

Вир рассмеялся.

— Мама, ты была права. Я должен ежедневно возносить хвалу Мортис. Ладно... Папа, я могу с тобой поговорить?

— Не буду мешать, — улыбнулась мать, выскальзывая за двери.

— Вина? — предложил отец, проходя за стол.

— Предпочту консервант, — покачал головой Вирлисс.

— В холодильнике возьми, — кивнул отец, протягивая сыну хрустальный бокал с барной полки рядом со столом.

Вир прошёл в дальний угол, где за ширмой прятался небольшой холодильник, и почти до краёв наполнил бокал консервированной кровью.

И тут же его ополовинил, одним глотком.

Пройдя по кабинету, юноша сел на диван, покручивая тонкую ножку бокала между пальцами и наблюдая, как плещется содержимое в прозрачной чаше.

— Ты нервничаешь, — улыбнулся отец.

— Немного, — признал Вирлисс. — Папа, я хотел бы узнать, какое впечатление произвела на тебя Фрери?

— А какое впечатление может на меня произвести дочка? — хмыкнул отец. — Я могу сказать, какое впечатление на меня производишь ты, так затянув с этим разговором! Но тебе не понравится...

— Значит, ты дашь согласие принять её в Клан, когда она станет моей женой? — радостно спросил Вир, привстав с места.

— Конечно. Как же иначе? Фрери умница, сильный маг, и у неё золотое сердце. Я горжусь тобой, сынок, что ты сумел разглядеть её. Она редкостный алмаз, но неотшлифованный, это правда... Ничего! Отшлифуем. Ещё не один ваш однокурсник покусает локти, что проморгал такое сокровище. А ты береги её... Береги! Едва она станет вампиром, все её достоинства засияют.

— Я уверен в ней, — твёрдо сказал Вир. — Пусть она блистает, и пусть мне все завидуют! — он рассмеялся. И серьёзно добавил: — А беречь её надо совсем от другого.

— Ты об этом сумасшедшем, который называл себя её братом?

Вир кивнул:

— Сегодня приезжают родители Фрери, и думаю, они не откажутся рассказать всё, что знают о Фрейре. Если вообще что-то знают...

— Я ни на секунду не допускаю, что этот псих принадлежит к их семье, — покачал головой верховный вампир. — А даже если и так, то, видимо, семья отрёклась от него, если Фрери ничего о нём не слышала. Ну, иди, — отец улыбнулся. — Иди. Твоя невеста уже проснулась, надо полагать.

Вир улыбнулся в ответ и закрыл за собой двери отцовского кабинета.

Разумеется, отец не ошибся: когда юноша вернулся в свою комнату, навстречу ему из кресла поднялась Фрери — такая ослепительная в костюме, что подарила ей вчера будущая свекровь.

Вир прикрыл глаза.

— Можно, я умру возле твоих ног от восхищения? — с улыбкой осведомился он.

— Нельзя! — ответила Фрей. — Если я ещё раз тебя увижу умирающим, я сама тебя прибью! Чтоб не мучился. И у других на нервах не играл!

Вирлисс рассмеялся и, подойдя, нежно привлёк к себе Фрери здоровой рукой, прижавшись лбом к лбу.

— Фрери, Фрери... Разве можно быть настолько счастливым, Фрери? — прошептал он.

Они стояли, обнявшись — и выглядели двумя половинками одного целого: оба в светлых брюках, он — в чёрной рубашке, она — в чёрной блузке. Серебристые волосы Вира ниспадали по спине, а серебристый пояс Фрери — по бедру...

— Фрей, я понимаю, что после всего мой вопрос, наверное, прозвучит глупо, — тихо произнёс Вир в её волосы. — Но я хочу соблюсти формальности. Фрей... ты выйдешь за меня?

— Да, — так же тихо ответила Фрей.

— Тогда... — Вир вынужден был отпустить Фрери, чтобы достать из кармана коробочку, принесённую утром слугой. Крышка открылась с лёгким щелчком.

На алом бархате лежал перстень белого золота с тёмным рубином.

— Какой ты романтик, Вир... — растроганно улыбнулась Фрей. — Он прекрасен!

— И так подходит к твоему сегодняшнему наряду, — тая усмешку в уголках губ, серьёзно кивнул Вирлисс.

Он достал кольцо и, не заботясь об упавшей на пол коробке, осторожно надел на руку Фрери.

— Поздравляю, сударыня, теперь вы официально моя невеста.

— О богиня, как это меня угораздило? — рассмеялась Фрей. — Я — и этот выпендрёжный кровосос... Какой ужас!

— Действительно! — подхватил Вир. — Я — и эта примерная домашняя девочка! Ой!..

Фрей, как обычно, ткнула его кулачком и отскочила со смехом в сторону.

— За что?.. — просипел, согнувшись, вампир. — Я же просто с тобой согласился!

От резкого движения закружилась голова, тошнота подкатила к горлу. Не сумев ни за что ухватиться, Вирлисс упал на пол, в последнюю секунду успев опереться на здоровую руку. Фрей, испуганно вскрикнув, бросилась к нему, но ей не хватило какой-то доли секунды.

— О богиня! Вир, с тобой всё хорошо?!

— Прекрасно, — преодолевая тошноту, прошептал Вир. И невесело рассмеялся: — Вот вам и романтика!

— Мортис! Прости меня, Вир, я не хотела...

— Да брось! — хмыкнул вампир, нежно проведя рукой по её волосам. — Зато мы опять нарушили законы жанра...

— Вир... я боюсь за тебя... — она уткнулась лбом в его плечо.

— Забей! Самое страшное позади. Просто... просто сейчас мне нужно много крови. Я опустошу все аптеки в городе — и всё будет замечательно!

— Но... Но ведь консервант... это не совсем то, что нужно, да? — одними губами прошептала Фрей. — Тебе ведь нужна живая кровь?

— Вообще-то да, но, сама понимаешь, из меня сейчас тот ещё охотник, — беспечно отмахнулся Вир. — Так что немного терпения, и...

Фрей, не говоря ни слова, расстегнула ворот и подставила шею.

Вир запнулся на полуслове и, замерев, глядел на матово-белую кожу, под которой билась жилка.

Сделав над собой усилие, Вирлисс отвёл взгляд.

— Фрей... я сейчас не в том состоянии, чтобы смеяться подобным шуткам, — выдавил он.

— Я не шучу, — тихо, но твёрдо ответила Фрей. — Думаю, от нескольких глотков я не умру, а тебе станет значительно лучше.

Вампир склонился к её шее. Фрери чувствовала, как его дыхание струится по коже.

— Но ты... — голос Вира прерывался. — Ты точно выйдешь за меня?

— Ну конечно! — немного нервно бросила Фрей. — Какое это имеет отношение?..

— Потом объясню... — прошептал Вир — и Фрей вскрикнула от мгновенной острой боли — а потом вступила в силу магия вампиров, и боль отошла, растворилась в головокружительном наслаждении...

Фрей ещё подумала, что теперь понимает, почему вампиров называют "ласковой смертью"...

Их сердца бились в унисон, а его душа словно обволакивала её душу, поддерживала твёрдо и ласково — и будто вела куда-то... Фрей обвила Вира руками, прижалась всем телом. Девушка не могла бы сказать, когда Вирлисс закончил пить кровь — просто один долгий поцелуй в шею вдруг рассыпался жаркими поцелуями по лицу — по глазам и губам, и она, позабыв обо всём на свете, исступлённо отвечала Виру.

...А потом они лежали рядом на ковре его спальни, оба чуток пьяные от счастья, и Фрери вдруг начала смеяться.

— Чёрт побери, мы опять не предохранялись...

И Вир тоже расхохотался. Он смеялся неудержимо, как мальчишка, запрокидывая голову.

— Что поделать, если мы такие... спонтанные? Но надо завязывать с этой порочной практикой. Я хочу, чтобы ты нормально закончила университет.

— А если вдруг? — подмигнула Фрей.

— А если вдруг... Бабушка с дедушкой, думаю, будут счастливы посидеть с малышом, пока родители на лекциях... хотя, конечно, это неправильно...

Оба, посмеиваясь и поддразнивая друг друга, привели себя в порядок, и Вир, усадив любимую в кресло, опустился перед ней на колени, серьёзно глядя в глаза.

— Фрей, коль скоро ты согласилась за меня выйти, я считаю себя вправе начать подобный разговор. Я полагаю, что вопрос о твоей будущей специализации уже решён, и сейчас речь пойдёт только о способе...

— Вир, ты о чём? — резче обычного спросила Фрей.

Вирлисс приподнял брови.

— Я надеюсь, ты собираешься воспользоваться своим правом мага и получить бессмертие? — осведомился он. — На третьем курсе, уже в этом году, Смертным предстоит выбрать, каким способом они получают это бессмертие: станут они вампирами или личами. Собственно, вся программа во многом будет в дальнейшем ориентирована на способ обращения... и на специфику магии этих двух основных видов высшей нежити... Чтобы к пятому курсу... или позже, тут по желанию... Говорят, некоторые профессора до седых волос доживали, прежде чем трансформировать себя. Но, надеюсь, это не твой случай?

Фрей, поджав губы, странно смотрела на Вира.

— Моя специализация — это моё дело, не так ли, Вир? — холодно спросила она.

— Но ты же сказала... что выйдешь за меня? — растерянно пробормотал юноша.

— Разве стать твоей женой и стать вампиром — вещи нераздельные?

— Подожди... — Вирлисс встряхнул головой. — Я тебя не понимаю. Ты что... хочешь состариться и умереть? Ты хочешь остаться Смертной?

— Нет. Я уже выбрала свою специализацию. И уже сообщила о своём выборе в деканат.

— Ну вот, а я о чём? — с облегчением улыбнулся Вир. — Я уже поговорил с отцом. Мы можем не дожидаться пятого курса. Отец согласен принять тебя в Клан! Ты станешь Бессмертной, когда пожелаешь. Ты носишь три моих укуса... — в этом месте Вир виновато улыбнулся, заметив, как Фрери невольно потёрла грудь. — Ну да... — смущённо потупился он. — Если бы я не был уверен в твоём согласии, я ни за что не укусил бы тебя! Зато теперь я могу обратить тебя в вампира, когда пожелаешь.

— Вир, — серьёзно ответила Фрей. — Я стану твоей женой, но я не стану вампиром. Я

подала в деканат заявление о специализации на лича.

...В тишине плавно кружились пылинки, золотые в свете солнца. За открытым окном попискивала какая-то птаха...

Вирлисс часто заморгал.

— Так вот... почему... ты отказывалась предохраняться... Ты хочешь, чтобы у нас родился ребёнок, прежде чем...

Фрей глубоко вздохнула.

— Но почему?.. — глаза его требовали ответа. — Почему? Я понимаю, личи — более могущественные некроманты, чем вампиры, и они меньше зависят от Смертных... хотя и учиться на личей намного сложнее. Фрей, почему?

— Вир... — виновато шепнула Фрери, проводя рукой по его волосам. — Я очень прошу, пойми меня! Сейчас мы с тобой равны, но, если ты меня обратишь... я стану твоей слугой, а ты моим господином. Я войду в ваш Клан, как обычный вампир. Я даже потеряю статус гражданки Атариды! А когда между близкими людьми возникают отношения "начальник-подчинённый"... что-то ломается. Я не хочу такого между нами, Вир!

— Я клянусь тебе, что тут же произнесу над тобой Формулу Освобождения! — Вирлисс сжал её руку.

— И как я тогда смогу войти в ваш Клан? — усмехнулась Фрей.

— Но моя мама... Она такой же верховный вампир, как отец...

— Они оба получили статус Бессмертных в Университете, — терпеливо вздохнула Фрери. — Им обоим дал Бессмертие начальник вампирской кафедры. Мастер Атариды. Это его обязанность... Обращать пятикурсников, выбравших вампирскую специализацию. Личи в этом смысле ни от кого не зависят: каждый сам создаёт себе филактерию.

— Но никто их и не страшует при прохождении ритуала обращения, — возразил Вирлисс. — И любая ошибка может стать фатальной. Понимаешь? Ты понимаешь, Фрей?

Девушка вздохнула и промолчала, не глядя на жениха.

Вирлисс не находил слов.

— Фрери... — голос его срывался. — Фрери... Ну пойми... Ну, хорошо. Давай подождём до пятого курса. Выбери вампирскую специализацию, — нежно увещевал он. Голос его стал глубоким и бархатным. — Пусть, как моих родителей, тебя обратит Мастер Атариды. Ты станешь верховным вампиром, как они... Хорошо?

— Вир, применяй свои вампирские чары на ком-нибудь другом! — оскорблённо фыркнула Фрери. — Я некромант, не забывай.

Вирлисс вскочил, всплеснув здоровой рукой.

— Нет, это невозможно! Это в голове не укладывается! Что ты упёрлась в эту личовскую специализацию? Ты собираешься войти в семью вампиров — и стать личом! Это нелогично, ты не считаешь? Ты... себя слышишь со стороны?

— Успокойся, — ровно ответила Фрей. — И ответь на один простой вопрос: ты перестанешь меня любить?

Вирлисс замер и очень медленно обернулся к девушке.

— Нет, — тихо ответил он. Взгляд его стал странно беззащитным — и напряжённым.

Словно она использовала запрещённый приём.

Фрей кивнула.

— Где-то записан закон, гласящий, что вампир и лич не могут создать семью?

— Нет...

— В чём проблема?

— В том, что ты не ответила: почему ты не хочешь, чтобы тебя обратил в вампира Мастер Атарида. Если я получу внятный ответ на этот вопрос, я соглашусь с твоим решением. Итак?

— Потому что я не хочу жить по законам вампиров! — резко бросила Фрей. — Потому что все вампиры, так или иначе, но подчинены Мастеру Атарида. Пусть он последний из Древнейших вампиров и сотворён, как говорят, самой Мортис, но... Потому что никакая Формула Освобождения не снимает узы, связующие любого из вас с Мастером. С Принцем Атарида. Обращённые-личи не подчинены никому.

— Но ведь... — Вир пытался искать слова. — Ведь ты не возмущаешься, что Атаридой правят жрецы? Им подчинён всякий, кто родился здесь, будь то нежить или живой человек, Смертный или Бессмертный.

— Правильно. Зачем мне ещё одна инстанция между мной и властью?

Вир, всё ещё не в силах прийти в себя, опустил на край кровати, напротив Фрей, и покачал головой. Он смотрел на девушку и словно впервые её видел.

— Ты будешь личом... — пробормотал он. — О богиня...ты будешь личом. Не могу поверить. Они же...

— Ты что-то имеешь против личей?

— Нет, но... Они совсем другие. Они...так одержимы наукой... некромансией... Для них не существует ничего, кроме их увлечения. Им неважно, как они выглядят, сыты ли они... чёрт возьми, по-моему, им неважно, существует ли Атарида! Лишь бы у них была их лаборатория и возможность проводить свои эксперименты. Ты же... Фрей, ты не такая. Ты... полна жизни. И... если ты, чтобы сохранить свою молодость, вынуждена стать нежитью, то... в вампирах больше жизни, чем... чем в этих сушёных скелетах! Ты видела голодных личей? Во что они превращаются, если не едят человеческую плоть? Вампир, даже самый голодный... да, мы высыхаем, как мумии, но... Ходячие кости — это "привилегия" именно личей.

— Они ближе к богине, да, — саркастично усмехнулась девушка.

— К карающей ипостаси, — согласно кивнул Вирлисс. — Мы же — к ипостаси милосердной.

— К ипостаси милосердной ближе Живые Рождённые, — парировала Фрей.

Вирлисс со свистом втянул в себя воздух и поднялся.

— Я говорил о немертвых, а не о живых... Вампиры ближе к милосердной ипостаси. Когда речь идёт о наказании преступников... личам отдают совсем уж отморозков.

Фрери согласно кивнула:

— Конечно.

— Вот видишь! — тут же, оживившись, подхватил Вир. — Ты согласилась!

— Я согласилась только с твоим последним утверждением!

Вир улыбнулся, словно ему удалась проделка:

— Нет, ты согласилась, что, раз вампиры ближе к милосердной ипостаси, то в них больше жизни, и потому они больше подходят тебе. — И, предупреждая возражения, с очаровательной улыбкой вскинул руку. — Давай договоримся так: я не буду настаивать, но ты обещаешь мне подумать. У тебя есть время до осени... Если ты не изменишь своего решения... ну что ж, так тому и быть. Я любил Смертную, я буду любить и волшебницу-лича. Но... если ты передумаешь...

Фрей вздохнула. Если Виру так спокойнее...

— Я подумаю, — кивнула она.

"Я сделаю всё, чтобы ты передумала! — мысленно хмыкнул Вирлисс, тая улыбку в уголках губ. — За эти два года я приобрёл богатый опыт, дорогая!"

"Ты сделаешь всё, чтобы я передумала, — глядя на его довольное лицо, усмехнулась про себя Фрей. — А вот на сей раз перетопчешься, кровосос!"

Ларинна

Ларинна проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Раскрыв глаза, она увидела над собой напряжённое лицо матери. Губы сжаты в тонкую линию, а взгляд таит глубоко скрытую тревогу.

Ларинна резко села в постели, и остатки сна мгновенно улетучились в неизвестном направлении. Вспомнилось, что вчера, когда она вернулась от Вира и Фрери — а ведь было уже довольно поздно! — Иккон всё ещё о чём-то разговаривал с родителями: в верхней гостиной за стеклянными дверями горел свет...

— Вставай! — коротко велела мать. — Вставай и собирайся. Через два часа мы должны быть на нашем Корабле. С собой брать только самое необходимое.

— Мама... что произошло? — выдохнула Ларинна, комкая в руках одеяло.

— Живо! — крикнула мать. — И... И что за странные приказы — велеть своему зомби спать за порогом? Я об него чуть не запнулась!..

— Я не... — начала Ринн, но вовремя прикусила язык. Если мама узнает, что Эет обладает собственной волей... Нет уж, чем меньше вопросов, тем лучше! — Я больше не буду.

— Шевелись!

— Мама, — невероятным усилием сдержав дрожь в голосе, металлически заговорила Ринн. — Что случилось?

— Если бы ты вчера не загулялась до полуночи, ты бы знала! Сегодня жрецы в два пополудни объявят об этом по всей Атариде. Мы должны успеть отплыть прежде чем начнётся паника.

— Стены Атариды падут?

— В ближайшее время.

— Когда?

— Вечером... Ночью... Завтра утром... Кто знает? Скоро, Ринн! Ты собираешься болтать до полудня?

— Почему народу объявят об этом так поздно?! — Ларинна вскочила, охваченная непонятным гневом.

— Ах, о чём ты думаешь? — всплеснула руками мать. — Одевайся же!

— Подождёте! — почти грубо бросила Ларинна. — Я должна предупредить друзей... Я не могу бросить Фрей и Вирлисса!

— Ринн, у них свой Корабль. Что ты как ребёнок?

Но девушка уже бежала в ванную.

— Мам, а можно тогда я с ними? — крикнула она из-за двери. — Мы отплывём вместе!

— Ну что за ерунда? Дочка, Корабли ведь не безразмерные. У нас и у этих вампиров

прогулочные яхты, а не пассажирские транспорты. Сколько людей семья Вира может принять на борт?

— А мы? — высунулась из-за занавески Ларинна.

— Максимум человек пять-шесть. Мы даже слуг не берём.

— Если с комфортом. А если битком? Думаю, человек пятнадцать-двадцать можно спасти. В самом деле, мама, спасти жизни людей! Неужели мы откажемся? Я бы задержалась в порту, чтобы потом, когда люди узнают, спасти кого возможно...

— И как ты будешь объяснять ополоумевшим от ужаса людям, что вот тебя я возьму, а вот тебя — нет? По какому критерию ты будешь их выбирать? Как ты удержишь толпу, если она ринется на палубу? Их никакая магия не остановит! Они потопят Корабль. Ларинна, перестань болтать глупости и собирайся, наконец!

— И кто едет?

— Наша семья. И всё, — жёстко сказала мать. — Если хочешь, можешь взять своего зомби. Слуга нам понадобится.

— Я поеду на корабле Вира! — упёрлась Ларинна. — Если они согласятся.

— Тогда одна нога здесь — другая там! Время к полудню. Договаривайся, что и как, а мы будем ждать вас в порту. Собери сразу вещи, к Вирлиссу можно зайти и с дорожной сумкой.

— Хорошо, — бросила на бегу Ларинна, вылетая из ванной и доставая из настенного шкафа огромную дорожную сумку. — Эет! — крикнула она.

В спальню, счастливо улыбаясь, тут же вбежал её зомби и уставился на хозяйку преданными глазами.

Ларинна, тяжело вздохнув, отвела взгляд.

— Иди в свою комнату и переодейся для выхода. Ты пойдёшь со мной.

Эет просто засветился и вдруг, упав на колени, поцеловал край её одежды — Ларинне показалось, что, не прикажи она вчера не дотрагиваться без позволения, он поцеловал бы руку. А потом вскочил и умчался в свою спальню.

— А... — мать стояла, не в силах закрыть рот, и круглыми глазами смотрела на закусившую губы дочь.

— Что? — резко бросила Ларинна.

— У него... своя воля?.. — еле сумела пробормотать мать.

— Мам... — Ринн поморщилась. — Долго рассказывать. Потом... как-нибудь. В общем, ты права, но... давай все подробности потом. Времени мало.

— Зомби со своей волей! Почему ты до сих пор не пробудила его сознание? У тебя был бы слугой великолепный некромант, преданный тебе, как собака! И... столь редкая разновидность высшей нежити, как зомби с собственным сознанием и волей... Даже вассаличу нельзя приказать того, что можно приказать такому зомби. Правда, его сила мага, увы, не сравнится с силой лича, но... это компенсируется его преданностью... Ринн, я горжусь тобой!

Мать хотела её обнять, но Ларинна, поморщившись, отстранилась.

— Мама... Если мне и удастся пробудить сознание Эета... я произнесу над ним Формулу Освобождения. Я не хочу... Словом, то, что случилось — чудовищное недоразумение. Всё, достаточно! Ты сама время тянешь.

— Да, конечно, — кивнула мать. — Потом всё расскажешь. Но обязательно. Мы ждём вас на причале!

С этими словами женщина вышла из комнаты.

А ещё через пятнадцать минут Ларинна, кое-как заколов на голове волосы, в простой чёрной куртке и штанах, мчалась к дому Ви́ра. Эет, в своей старой одежде — почему-то он выбрал её, словно не заметив подарков своей госпожи — бежал рядом, с сумкой хозяйки через плечо.

Люди оборачивались им вслед.

В кронах деревьев шумел весенний ветер.

Дом Вирлисса встретил их радостной суматохой: туда-сюда бегали слуги, из приоткрытых служебных дверей изливались аппетитные запахи и доносился грохот посуды.

— Гости у них, что ли? — озадаченно пробормотала Ларинна, поднимаясь на крыльцо.

Эет следовал за ней, как тень.

В просторном холле Ринн застала в полном составе всё семейство. То есть, действительно всё: Вира, Фрери — и родителей обоих. Все рассаживались на просторных креслах — с радостными улыбками, но достаточно серьёзные. Видимо, только что закончилось знакомство семей жениха и невесты, и предстоял разговор о самозваном брате Фрей.

— Ринн! — вскрикнула Фрей, заметив подругу. — Заходи, заходи! Это она, — пояснила Фрери в ответ на вопросительные взгляды хозяина дома и своих предков. — Это она исцелила Вирлисса и дала совет поговорить с моими родителями.

— Вы всегда желанная гостья в этом доме, — растроганно произнёс верховный вампир. — Наша семья перед вами в неоплатном долгу.

Мать Вирлисса молчала, лишь внимательно всматривалась в девушку. На лице Ви́ра застыло примерно то же выражение.

— Со мной Эет... — неловко пробормотала Ринн. — И я не хотела бы мешать, но...

— Проходи! — сверкнула глазами Фрей. — Посиди с нами и послушай. А потом объяснишь, что это у тебя за походный вид. На озёра решилась всё же махнуть, да? — девушка рассмеялась, усаживая подругу в кресло. — А Эету вели сесть вон туда, на стул в уголке. Что бедняге стоять?

— Эет, сядь, — кивком указала Ринн на предложенное место.

Юноша покорно прошёл в угол и сел на стул.

И без всяких дополнительных приказов поставил сумку на пол.

К счастью, никто, кроме Ларинны, не обратил на эту незначительную мелочь внимания.

— Ну вот, все и собрались, — вздохнул хозяин дома. И торжественно начал: — Брис и Аэлл! Мы счастливы, что ваша дочь выйдет замуж за нашего сына, и не могли бы подобрать ему более достойной партии...

Мать и отец Фрей — ещё не старые люди, одетые хотя и скромно, но изящно — переглянулись с растроганными улыбками.

— Мы и сами, прежде чем стать вампирами, были обычными смертными, из не самых богатых семей, — продолжал отец Вирлисса. — Но мы хотели бы пролить свет на один вопрос... Скажите, есть ли у Фрери братья?

— Братья? — в один голос спросили Аэлл и его жена. — Нет, она одна в семье, — закончила мать Фрей.

— Дело вот в чём...

И глава Клана, всё более волнуясь, начал рассказывать историю с ранением Ви́ра. Закончил он, вскочив с кресла и забежав по комнате. Остановившись напротив будущих

родственников, он, прижав руки к груди, почти взмолился:

— Я очень прошу вас... Пусть семья от него отреклась... но на этот раз... скажите правду! Никто... никак... Это никак не отразится на судьбе Фрей. Она так легла к сердцу мне и моей жене, что теперь, простите меня за такие слова, такая же дочь нам, как и вам. Умоляю, скажите, кто такой Фрейр! Быть может... он сын одного из вас?

— Невозможно, — покачал головой Аэлл. — Когда Брис попала на Атариду, я был совсем юношей. Я приютил её у себя в доме... прятал, когда её разыскивали работорговцы. Она стала моей первой и единственной любовью. Её хозяева обратились к страже Мортис, и мы спешно оставили город. Продали всё, что было, и... уехали в деревню.

— Полагаю, архонты не очень-то старались её найти, — хмыкнула под нос Ларинна. — Они слишком сильные маги.

— Они боевые маги, — возразил Аэлл. — Конечно, в бою никто не устоит против архонтов, но розыски им приходится вести, как обычным смертным. Человек — это вам не потерянный предмет.

— Тебе ли этого не знать, Ринн? — сладко осведомился из своего кресла Вирлисс.

Ринн показала ему кулак, но промолчала. Вир негромко рассмеялся.

— Аэлл прекрасный муж, — вздохнула Брис, опустив глаза. — И прекрасный человек. Он женился на мне, хотя, когда мы встретились, я была уже на пятом месяце...

— Мама?! — ахнула Фрей.

— Мы тебе не говорили, Фрери... Но, раз уж вопрос встал именно так... Я не знаю, есть ли ещё дети у того пирата, который... который похитил меня и, прежде чем продать торговцам... — женщина прерывисто вздохнула и на краткий миг опустила глаза. — Полагаю, что есть. Но вряд ли он сам знает о них и... вряд ли они знают друг о друге. Когда я поняла, что беременна... я... чтобы не возненавидеть эту маленькую жизнь, я... сказала себе: "Этого ребёнка дали мне боги. В утешение. И я должна сберечь его во что бы то ни стало!" Я скрывала от купившего меня торговца своё положение, как только могла. Я и в самом деле... научилась тебя любить, Фрей... как ни трудно женщине полюбить плод насильника.

— Мама... — губы Фрери едва шевельнулись. В холле стояла гробовая тишина.

— Ты словно делила все мои невзгоды и печали. Когда мне было совсем плохо, я... клала руку на живот и начинала разговаривать с тобой. И мне в самом деле становилось легче, Фрей, — Брис улыбнулась дрожащими губами. — Сбегая с корабля на Атариде, я думала, что пусть мы погибнем вместе, пусть достанемся какому-нибудь немертвому... но зато нас не разлучат! Стоянка в Атариде казалась мне благословением, потому что хозяин уже начинал косо поглядывать на меня...

— Значит, в жилах Фрей нет ни капли крови атаридцев? — широко распахнул глаза Вирлисс.

— А по вкусу и не скажешь... — попыталась подколоть вампира Фрей, но улыбка вышла кривой и вымученной.

— Но откуда же тогда в ней сила некроманта? — Вир, никак не ответив на шутку невесты, лишь крепче сжал руку девушки.

— Я не знаю, — покачала головой Брис. — Мы с мужем всегда думали, что это благословение Мортис, что она приняла нашу девочку в свой народ.

Вирлисс перевёл вопросительный взгляд на Ларинну, словно ждал ответа.

Через полминуты девушка не выдержала.

— Что ты смотришь? Я не знаю.

Вампир продолжал смотреть.

— Я не знаю, Вир!.. — сорвалась на крик Ларинна. — Я не Мортис!

— Ты вчера...

— Не Мортис я!.. — завопила Ринн, вскакивая с кресла. — Ну, чёрт с тобой, пусть она по своей благодати вселилась в меня вчера, чтобы спасти тебя, но это же не значит, что я — это она!.. Вирлисс... ты физику ещё помнишь? Или забыл на почве некромансии? Стакан и налитая в него вода — разные вещи. Понимаешь, раз-ны-е!.. И считать меня богиней... это... это просто святотатство, Вир!

— Давайте вернёмся к вопросу, кто этот Фрейр, — помолчав, прервал общее потрясённое безмолвование Вирлисс. — Он очень сильный маг. И... откуда он взял, что Фрей — его сестра?

— И что это за имена? — подхватила Фрери. — Фрейя, Вальдис...Вана... Ой, не помню!

— Ванадис? — улыбнулась мать.

Фрей замерла и перевела изумлённый взгляд на мать.

— Да... — прошептала она. — Он называл меня именно так. Ванадис...

— Дочь Ванов, — пожалала плечами Брис. — Светлая дочь Ванахейма.

— Ты... Ты как будто там была, — выдохнула Фрей. — Он именно так всё и говорил. Я даже слов таких не знаю! Кто такой этот Ванахейм?

— Не кто, а что, — рассмеялась мать. — Это страна. Одна из двух стран, где, как рассказывают жрецы моего народа, живут наши боги. Есть Асгард, а есть Ванахейм. Ванахейм — страна Ванов, а Асгард — Асов. Ванадис и переводится как "Дочь Ванов". И действительно, есть такая богиня, Фрейя. Она в самом деле подательница жизни, богиня любви и красоты. Я назвала тебя, Фрери, в её честь, хотя и не дерзнула дать полного имени Светлой Госпожи. И у неё действительно есть брат, Светлый Фрейр. Бог добра, защитник от тёмных сил и податель хлеба насущного людям. И надо быть воистину сумасшедшим и святотатцем, чтобы осмелиться назвать себя именем Фрейра!

Вирлисс молчал, потупившись.

С какой лёгкостью варвар отбросил его, вампира...

Как сиял свет на лезвии того снежно-белого клинка...

Ты хоть знаешь, кто я? На кого ты осмелился поднять руку, падаль?

Мой меч не оставляет шансов нежити...

Мы предполагали, что ты забудешь, сестра, но...Высокий тебе поможет...

— А кто такой — Высокий? — спросил Вир у Брис.

— Это одно из имён Одина, — удивлённо ответила женщина. — Царя всех богов и повелителя Асгарда, где живут как послы Ванахейма Фрейр и Фрейя.

— Как приятно — утереть нос богу, — едва слышно хмыкнул юноша. — Недаром он так взбесился...

— Ты о чём? — наклонилась к любимому стоявшая рядом Фрей. — Ты же не думаешь, что этот безумец и в самом деле — бог?

— А похоже, дорогая, — прямо и серьёзно ответил Вирлисс. — Тем более, ты была зачата в тех странах, где правят эти...ваны, асы... как их там... История твоей мамы... словно боги хотели, чтобы ты родилась здесь. Чтобы светлая Фрейя проникла на Атариду незаметно для нашей богини.

Фрей часто заморгала и упала в кресло.

— Вир... ну ты-то... не сходи с ума...

— Отчего же? — приподнял бровь Вирлисс. — Учитывая слова Эета в Храме... и наш с тобой разговор с Икконом... и потемневшую фреску... Вспомним физику, которую Ринн так кстати упомянула: каждой силе нужен свой проводник. И если надо заложить взрывчатку под стенами врага... что ж! Чем этот проводник незаметнее, тем лучше.

— Вирлисс...

— Они использовали тебя, Фрери. Они грязно использовали тебя. Отправили на Атариду девчонку — выплывет или нет, её проблемы! А потом является твой братик... преисполненный возмущения из-за поруганной чести сестры. Я ему вмазал, не зная этой истории, а сейчас вмазал бы ещё раз... несмотря на то, что он бог!

— Видимо, Стены Атариды совсем плохи, если чужие боги разгуливают по порту, как у себя дома... — в никуда уронила Ларинна. — Получается, само пребывание Фрери на острове...

— Угроза для Атариды, да, — кивнул Вирлисс. — Поэтому... думаю, нам с ней надо уезжать отсюда. И не на север, а в южные страны, где правят другие боги, а не эти чокнутые ваны с асами...

— Я не богиня, Вир! — взмолилась Фрери. — Какая я Фрейя? Я просто студентка... я хочу закончить университет...

— Ага, и стать личом! — расхохотался Вир. И, посерьёзнев, добавил, крепче сжав ладонь невесты: — Я бы тоже хотел закончить, Фрей. Но...

— Вир прав, — вмешалась Ларинна. — Атариду надо покинуть.

— Ринн!

— И не потому что ты богиня, которая решила родиться как смертная, всё позабыв... в отличие от Мортис, которая то вселяется в меня, то уходит по своим делам... — Ларинна подмигнула Вирлиссу. — Думаю, жрецы сумели бы как-то решить эту проблему; возможно, обратили бы скрытую силу Фрери против самих враждебных нам богов... Но у нас нет времени. Собственно, я за этим и шла сюда. Вчера у нас был Иккон. И... — Ларинна набрала побольше воздуха в грудь. — Сегодня Стены Атариды падут. Сегодня гнев богов обрушится на Атариду. К этому времени мы должны быть далеко отсюда. И Вир прав — надо плыть на юг, если мы хотим сохранить жизнь Фрери. Ну, и... до кучи, утереть нос всем этим ванам и асам! — Ларинна рассмеялась. — Можно, я поплыву на вашем Корабле? Как-то... Жизнь и Смерть, вроде бы, две половинки одной медали? Нам с Фрей нельзя расставаться!

Все молчали, не в силах произнести ни слова, лишь обменивались потрясёнными взглядами. Фрей что-то шептала себе под нос и мотала головой, словно продолжала беззвучно доказывать, что она не Фрейя.

— Чёрт!.. — Вирлисс, сидевший, подперев голову рукой, стукнулся лбом о ладонь. — Чёрт, я же совсем забыл...

— Что случилось? — встревоженно спросила Брис.

— Господа, мы влипли, — обведя всех присутствующих лучезарным взглядом, с улыбкой сообщил Вирлисс. — Сегодня утром к нам приходил офицер портовой стражи Мортис. Наш Корабль взорвался. Это если коротко и без подробностей. Кстати, судя по всему, минута в минуту, как я выздоровел. А ты, Фрери, утверждаешь, что твой ненормальный братец — не бог...

— Как?

— Судя по всему, он решил отомстить и мне, и тебе. И лишит нас самой возможности спастись...

Родители Вира вскочили.

— Как?

— Корабль?

— Да, Корабль.

— Так, спокойно! — вмешалась Ларинна. — Сейчас мы все тихо собираемся и идём в порт. И уплываем на нашем Корабле.

— Давайте без суеты, — вдруг раздался от дверей чей-то голос. Все невольно подпрыгнули — и дружно обернулись.

Там стоял Иккон.

Сколько жрец находился здесь и как давно слушал разговор — никто не мог бы сказать.

— Господа, я шёл к вам, чтобы помочь больному, но вижу, что богини справились и без меня, — добродушно хмыкнул жрец. — Владычица, — преклонил он колени перед Ларинной. — Светлая Фрейя, — поднявшись, глубоко поклонился он Фрери.

— Господин Иккон! — хором крикнули возмущённые девушки.

— Да, в это трудно поверить, и, тем не менее... факты говорят за себя. План, предложенный Ларинной, хорош, но в нём присутствует один крохотный изъян. Фрейр наверняка будет искать возможность вернуть сестру, и пребывание Фрери на Корабле подвергнет опасности всех.

— Но я... — начала Фрей, а Ринн уже набрала побольше воздуха, чтобы возразить, но жрец мягко прервал их:

— Надо, чтобы Фрей покинула остров незаметно, способом, не зависящим от превратностей судьбы и капризов моря. Я говорю о драконе. Фрей должна покинуть Атариду на драконе. Да и Вирлиссу, думаю, будет проще перенести стремительное воздушное путешествие, чем длительное морское. Он ведь ещё не оправился от раны... и ничего зазорного тут нет. Удар, нанесённый нежити мечом Фрейра... Полагаю, силы Вира будут восстанавливаться несколько медленнее обычного. Я напишу записку одному своему другу... Его имя Арит, он преподаватель кафедры драконоведения. Очень опытный и сильный лич. Надеюсь, он уже перестал дуться на меня... Сейчас вы пойдёте к нему и попросите, чтобы он довёз вас на своём Пончике до побережья Крита. Это богатый остров, далеко отсюда, на юго-востоке. На нём расположена процветающая страна, и там понятия не имеют о ванах и асах. Если же Арит упрётся... наймите дракона в стойлах. Эти звери, конечно, не такие быстрые и послушные, но на безрыбье, как говорится... Главное, успейте до двух часов, когда о предстоящей катастрофе будет объявлено людям. Никто не знает, какие размеры примет паника... Конечно, жрецы и архонты будут стараться до последней возможности контролировать ситуацию, но... сами понимаете... Если же, по какой-либо несчастной случайности, вы не сможете нанять зверя, ну, тогда... Тогда идите в порт. Я буду ждать вас там на своём личном Корабле. Он крохотный, но манёвренный, и снабжён дополнительной магической защитой. Ларинна, я хотел бы, чтобы вы тоже плыли со мной. Вот... это для связи.

Иккон протянул Вирлиссу крохотную коробочку, снабжённую слабо мерцающим зелёным экраном.

— Одну я оставляю у себя, одну дам Ринн... И одну вашим родителям, Вирлисс, которые вместе с Аэллом и Брис поплывут на Корабле родителей Ларинны. Это позволит нам

связаться, где бы мы ни очутились. Надеюсь, все мы встретимся на Крите. — Жрец коротко объяснил Вирлиссу и Фрери, как пользоваться этим магическим устройством, и закончил: — Я жду связи с вами до четырёх часов, Вир и Фрей. После четырёх, если вы не свяжетесь с нами, мы с Ларинной выходим в море. Вы должны помнить об этом... У кого-нибудь из присутствующих вопросы есть? Если нет — быстро пакуйте самые необходимые вещи и... идёмте в порт. А Вир и Фрей — в Университет, к Ариту.

— У меня есть вопрос! — звонким напряжённым голосом крикнула Фрей, вскочив с места. — С чего вы взяли, что я Фрейя?! Все эти домыслы — полнейшая чушь, я верить не желаю... что Атарида... из-за меня... — голос девушки сорвался, и остаток фразы утонул в судорожных всхлипах. Вирлисс, тоже встав, осторожно прижал любимую здоровой рукой к себе.

— Если... если это правда... я недостойна спасения, я... из-за меня погибнут люди... и дети, и женщины... и... Вся наша священная Атарида!.. И я должна искать способ выжить? Я?! Этого не будет никогда!

И Фрери, вырвавшись от Вири, кинулась прочь из дома.

Глава VIII

Падение Атариды

Вирлисс и Фрей

Фрей мчалась по улице, не разбирая дороги. Кажется, сзади что-то кричал Вирлисс, но Фрери лишь ускорила бег. Слёзы застилали глаза, и девушка то и дело смахивала их, чтобы на что-нибудь не налететь. Утешало одно: в своём нынешнем состоянии Вир не мог её догнать... и не надо! Ничего не надо!.. Его остановят. Конечно же, родители его остановят и вернут в дом... пусть он уедет без неё, пусть все спасутся...

О богиня! Вся жизнь... вся её жизнь обернулась ложью и предательством. Боги... те боги, одной из которых она, оказывается, была, заставили пройти её маму через столько мучений... Заставили человека, которого Фрей всю жизнь считала отцом, полюбить их и принять под свой кров... а теперь, получается, она сама... сама использовала Вири! Богиня, есть ли в его чувстве к ней хоть капля истинной страсти и нежности, или всё — её собственное подсознательное желание иметь надёжного защитника, желание владычицы любви?

И могло ли быть иначе?

Мать полюбила её, дитя насильника.

Отец полюбил её мать, носившую во чреве ту, что дарует любовь.

Родители Вирлисса за день прониклись к ней самыми нежными чувствами...

И Вир...

Красивый, обаятельный, богатый... сходил с ума по ней!

Девчонка, ты хотела получить ответ, почему он тебя любит? Ты его получила!..

И все эти люди... она предавала их самым своим существованием! Она предавала страну, давшую приют ей и её матери!

Фрей свернула с улицы в боковой проулок, ведущий к каналу, и, перепрыгнув через перила, по узенькому парапету забежала под горбатый мостик. И там села прямо на холодный грязный камень, обхватив колени руками, сжавшись в тугую комок. Хотелось одного: поскорее умереть.

Солнечный свет, отражаясь от воды, бликами играл на сводах моста. У ног девушки прозрачная вода несла к морю лепестки яблонь... В зелёной глубине сновали крохотные рыбёшки. Сколько им осталось, этим рыбкам, которые уж точно ни в чём не виноваты? Сколько осталось яблоням?..

Во всём, во всём виновата она!..

Нет, она не станет топиться. Она дожждётся, когда её родственнички начнут представление. Чтобы — как всем. Чтобы получить полной мерой то, что она, пусть невольно, но приготовила другим.

Наверху послышался шум, и свет на мгновение заслонил тёмный силуэт. Едва не рухнув в канал — Фрей вовремя протянула ему руку — через перила моста в её убежище спрыгнул Вирлисс. Юноша был страшно бледен, и в мерцающих бликах, скользящих по лицу, кожа казалась зеленоватой. Вира шатало.

— Это жестоко, госпожа Фрей, заставляя меня бегать за вами в таком состоянии... — улыбнулся он, явственно преодолевая слабость. — Если бы не мои вампирские способности, я ни за что бы не нашёл вас после того, как потерял из виду.

— Не надо было бегать, — безжизненно ответила девушка. — И не надо было искать.

— А ты предлагаешь бросить тебя тут?

Она не ответила. Сил не было что-то объяснить.

— Уходи, — только и сказала она.

— Никуда я без тебя не уйду! — Вир опустился рядом с ней на камень парапета.

— Уходи... — прошептала она. — Ты не должен из-за меня страдать.

— А получается, что всё время страдаю, — хмыкнул Вирлисс. — Фрей, я мог бы заявить, чтобы ты не забирала в голову всякий вздор... но это будет ложью. Ты... если говорить прямо, я согласен с тобой. Ты действительно в какой-то мере виновата в гибели Атариды.

Плечи Фрери задрожали, и, уткнувшись в колени, девушка разрыдалась.

Дав ей немного выплакаться, Вир нежно коснулся её щеки и, когда Фрей чуть повернула к нему лицо, мягко, но властно поднял её голову за подбородок.

И серьёзно посмотрел во влажные, полные отчаяния и боли, глаза.

— В какой-то мере, — повторил он. — Не полностью. Куда больше виноваты пославшие тебя боги. Фрей... Ты же ничего не помнишь... Быть может, у тебя не было выбора?

— Неважно... Не имеет значения. Я... так подло использовала вас... пусть и не понимая... Потому что... иначе... За что, за что меня так все любили?

— За то, что ты умеешь любить как никто, — серьёзно ответил Вир. — Ты умеешь дарить тепло и надежду, ты даёшь силы. Ты — сама жизнь и любовь. Как же тебя не любить?

Фрей отстранилась, опустив глаза.

— Мои родители... и твои... Их любовь была нужна мне... и вот... Вирлисс, на самом деле ты... не любишь меня. Уходи, я тебя прошу. Это всё... наваждение. Уходи...

Вирлисс усмехнулся.

— Насколько я помню, это мне нужна была твоя любовь. А не наоборот.

Она молчала. Глубоко вздохнув и вспомнив, что женщины любят ушами, Вир решил, что это тот самый случай, когда надо говорить убедительно, красиво — и предельно искренне. Если он хочет увести отсюда Фрери.

И он обязан выложиться — и выложить всё, что до сих пор не озвучивал даже сам для

себя.

— Если бы ты знала, сколько раз я приходил в отчаяние из-за твоих брыканий! И, едва я имел глупость вообразить себя счастливейшим из Бессмертных, как снова слышу это жестокое "Уходи!". Которое года полтора уже не слышал. Чёрт возьми, Фрей, это по-настоящему больно!..

— Вир...

— Это я каждое утро выискивал тебя глазами в толпе, когда мы группой шли на лекции. И, чтобы тебя не раздражать слишком назойливыми взглядами, это я садился на несколько рядов перед тобой... имея возможность только слышать тебя, не видеть! Это я таял от счастья, если сталкивался с тобой в дверях аудитории, отступая и давая тебе пройти мимо, так близко... Фрей, я никогда тебе этого не говорил... Но это время было мучительным и по-своему прекрасным. А ты от меня шарахалась... Да я все мозги свихнул, пытаюсь придумать, как убедить тебя не бояться! А сейчас она мне доказывает, что, оказывается, это она за мной бегала! Ну-ну...

Фрери вскинула голову. Глаза её загорелись решительным и мрачным огнём.

— Вир, и ты всегда меня замечал в толпе?

— Всегда. — Он вздохнул. — Фрери... давай продолжим этот разговор на Крите, хорошо? Времени мало, честное слово!

— А на вступительных экзаменах? — жёстко уточнила Фрей.

Вирлисс задумался.

— Н-нет... На вступительных — нет. Я тебя не видел.

— А ведь я там была, — усмехнулась девушка. — Ты меня просто не заметил!

— Ну и?.. — Вир озадаченно нахмурился. — Там толпа такая всегда!

— Когда ты меня заметил? — в упор спросила Фрей. — Расскажи, как это случилось.

— Фрери... это чудесный разговор, и мне приятно вспоминать все эти милые моменты... но они не подождут до?..

— Не подождут! Впрочем... ты можешь идти хоть сейчас.

Вирлисс устало вздохнул — и улыбнулся.

— Ну, хорошо. Мы будем сидеть здесь и разговаривать хоть до самого конца. Когда нам на головы упадёт этот мостик, я обниму тебя и утешусь тем, что проведу подле тебя целую вечность.

— Вир...

— А что — Вир?

— Не говори так...

— Ты готова идти?

Фрери лишь молчаливо покачала головой и отстранила вампира, безмолвно прося его уходить.

Вирлисс вздохнул, и, отведя её руку, обнял девушку за плечи.

— Ну, тогда слушай. Это был первый день занятий... Я знакомился со всеми подряд, и с парнями, и с девчонками. Ты же знаешь, как это бывает. Ни о какой неземной любви я даже не помышлял. Мы стояли в коридоре, ожидая преподавателя... кажется, нам предстояла первая лекция по некромансии. Краем уха услышал вашу болтовню с Ринн. Вы тогда как раз тоже знакомились. Ринн что-то лягнула... меня это рассмешило. Я повернулся к вам и стал прислушиваться. Ты стояла спиной и отвечала очень тихо, что-то вполне обычное для новоиспечённой первокурсницы. А Ларинна... она умеет себя подать. Она была такой

яркой! — Вирлисс усмехнулся. — И она ведь красавица, что тут говорить...

— Словом, ты обратил внимание на Ринн? — уточнила Фрери.

— Да! — живо подхватил Вирлисс. — Пойми, никто меня не тянул к тебе и не тыкал носом: вот тебе вечная любовь, будь любезен...

— Но ты же заговорил со мной! Я же помню.

Вир немного смущённо улыбнулся.

— Фрери, прости, но... это азбука флирта. Если тебе понравилась девушка, надо усыпить внимание потенциального противника, завязав первый разговор с подругой. Вот и всё. А там... потихоньку, ненавязчиво... перенести внимание на настоящую цель. Я начал разговор с тобой, и... Как бы объяснить? Твоя манера говорить, улыбка... Даже та, первая, рождённая лишь вежливостью... Я смотрел в твои глаза, и... и посреди осени на меня веяло весной. И ещё не боль, но первое удивление: почему ты на меня смотришь, как на крокодила?.. Вроде я ж вполне себе адекватный и на каждого встречного с укусами не кидаюсь. Помню, по краю сознания проскочила мысль: "Чёрт, надо было начинать с той, с другой!" Ринн тогда меня выручила, поддержав разговор. На лекции я хотел сесть рядом... и тут ты мне впервые и заявила: "Держись от меня подальше!" А я понял, что не могу просто повернуться и уйти. Не хочу. И что сделаю всё, чтобы добиться тебя, Фрей. Это был мой выбор. Где тут наваждение?

— Всё очень просто, Вир, — грустно сказала Фрей. — Дело в том, что я очень испугалась. И, видимо, эти мои проклятущие силы, которые я не контролирую... Они включились, как защита. "Светлая Фрейя в окружении нежити, ей нужен защитник..." — по щеке девушки скользнула слезинка. — В тот момент, когда я испугалась, тебя и... шандалахнуло. Со всей этой... божественной дури... Наповал.

Его рука соскользнула с её плеча. Вир подтянул колени к подбородку и замолчал. Только журчала вода в канале, неся яблонево-розовые лепестки, и солнечный свет дрожал на камнях моста.

— Уходи, — снова тихо сказала Фрей.

— А почему в тебя тогда полгруппы не влюбилось? — почти умоляюще спросил Вирлисс, не отрывая взгляда от бегущей воды.

— Наверное, потому что ты стоил всех остальных, — слабо улыбнулась Фрей. — Или потому что я испугалась именно тебя...

Они снова замолчали. Наконец, глубоко вздохнув, Вир заговорил:

— Фрери, знаешь... Даже если всё так... Я не думаю, что чувство, ниспосланное самой богиней любви — наваждение. В противном случае... существует ли любовь вообще? Я счастлив, что ты дала мне возможность узнать её... узнать настоящую любовь. А причины... так ли это важно? Теперь? Ты умеешь пробудить любовь, но ты умеешь на неё и ответить. Так, как не дано ни одной девушке в этом мире.

Фрери благодарно посмотрела на него, и робкая, неуверенная улыбка задрожала в уголках губ.

Вир крепко обнял свою невесту и прижал к себе.

Она уронила голову к нему на грудь и слушала, как стучит его сердце.

Наконец Вир чуть отстранился и шутливо боднул носом её затылок.

— Ну, всё? Воспоминания закончены? Идём, Фрери. Мы и так потеряли много времени.

Она вздохнула.

— Иди, Вир. Я не пойду. Я... только хочу сказать... что благодарна тебе. Ты снял с меня

часть такой тяжести! Но всё это... не отменяет моей вины по отношению к Атариде...

Вирлисс скрипнул зубами.

— Фрей, — жёстко заговорил он. — Фрейя!

Она вздрогнула и вскинула на него испуганные глаза.

Вир безжалостно продолжал:

— Что сделано, то сделано, Светлая Госпожа. Вы полагаете, что ваша смерть искупит вину перед Атаридой? Нет, подательница жизни! Просто ваша душа вернётся в Асгард, к любящему брату. Который с удовольствием приложит все усилия, чтобы вы позабыли о мерзких немертвых. О гнусном острове нечестивцев и о вашей греховной привязанности к некой "падали" по имени Вирлисс.

— Вир!

— Нет, Светлая Госпожа. Вы хотя бы отчасти исправите то, что случилось по вашей вине. Вы отправитесь на Крит и там под руководством Иккона и Арита продолжите изучение некромансии, а потом сами станете немертвой. Вы выйдете за меня замуж и родите мне детей — и это хотя бы немного компенсирует те жизни, которые погибнут сегодня по вашей вине!

— Вир, но... Но если я это сделаю... я же буду счастлива, — возразила Фрери. — Разве я заслужила счастье?

— Не в этом дело. А в результате, — усмехнулся Вир, показав клыки. — К тому же... знаешь, что я думаю? Вот если начистоту? Ты будешь счастлива... моя милая девочка Фрери. Ты, как никто, достойна счастья. А для богини Фрейи, которая дремлет внутри тебя и которая заваривала эту кашу... Для неё и в самом деле это будет искуплением! Особенно если она такая, как её брат...

— Но разве я — не она?

— Слушай, Фрей, не заморачивайся, а!.. — не выдержал Вирлисс. — Она, не она... Просто будь собой. Ты не совершила никакого преступления — ты, какая ты есть. Ты обещала стать моей женой... так и стань ею! Всё, хватит. Идём!

Вир, не слушая более возражений — уже таких неуверенных, — заставил Фрери подняться и вывел из-под моста.

На центральной улице царило возбуждение: люди толкались и спешили, иные бежали куда-то. Иные останавливались и, сбившись в недолговечные группки, что-то неистово обсуждали.

Над городом скапливались облака — тяжёлые, не похожие на обычные грозовые. Подчеревья их отливали странным багрянцем.

Ветер хлопал навесами лавок, стучал ставнями домов.

Ветер донёс приглушённый звон университетских часов: четверть третьего.

Фрей и Вирлисс переглянулись — и, взявшись за руки, кинулись бежать к Университету.

Так быстро, как только мог бежать Вир...

Арит

Арит стоял у распахнутого окна своего кабинета в башне и рассеянно смотрел на море. Отсюда было видно, как потемневшие волны то и дело вскипают белыми барашками, а на горизонте, так далеко, что взгляд смертного не смог бы различить, поднимается странная

мгла.

Учёный растерянно обернулся, обведя взглядом свой кабинет. Высокие шкафы, за стеклом которых дремлют книги; стеллажи, забитые раритетами... Сколько всего! Сколько идей, сколько исследований, сколько экспонатов... Руки опускались. Что взять? Сколько сможет унести Пончик?

Слёзы закипали на глазах.

Вся жизнь! Вся неистовая энергия учёного, вся страсть его сердца, направлявшая самые дерзкие изыскания — всё рушилось, всё обращалось в прах. Должно было уйти в небытие вместе с Атаридой...

Арит криво усмехнулся. Хорошо этим, с вампирской кафедры... Они терзаются, сколько же тряпок и украшений не смогут взять с собой! Бабочки... Личи — нет, они никогда не прожигали вечность впустую.

Вот эта книга... Редчайший экземпляр! Или эта? Быть может, тот кристалл? Уникальный образчик волшебных камней с побережья! Или...

Арит со стоном опустил в кресло, схватившись за голову.

Филактерия! Он же совсем забыл о своей филактерии... Вот с чего нужно начинать! Она хранится в университетских подвалах, с филактериями других учёных-личей, и сейчас там, наверное, не протолкнуться...

Что ж, надо за ней идти. Время истекает. А ещё поднимается ветер. Это плохо. Пончику будет сложно лететь...

В двери постучались.

— Войдите! — крикнул Арит.

На пороге возникли юноша и девушка. Вампир и Смертная.

У вампира, похоже, что-то произошло с рукой: она была перевязана и подвешена у груди на чёрном шёлковом платке.

Лич кинул на визитёров хмурый взгляд из-под седых бровей.

— Чем могу помочь?

— А... Вы... — начала было взволнованная девушка, но молодой человек её перебил:

— Мы имеем честь разговаривать с преподавателем кафедры драконоведения, господином Аритом? — с обаятельнейшей улыбкой осведомился он.

Ох уж этот их вампирский выпендрёж...

— Имеете, имеете, — буркнул Арит. — И господин Арит очень спешит, чего и вам рекомендует. Так что давайте кратко и без церемоний.

Вместо того чтобы извиниться и исчезнуть к чёртовой матери, странная парочка ввалилась в кабинет. Точнее, вампир втолкнул через порог свою девушку, а сам вошёл следом, закрыв за собой двери.

— Мы от господина Иккона, — без обиняков заявил парень. — Он очень просил довести нас на вашем драконе до побережья Крита. Он сам будет ждать там. На своём Корабле.

Арит приподнялся.

— И у него хватило наглости? — покраснев от гнева, прошипел он. — С какой стати?! Мне самому мало места на драконе, не знаю, как всё разместить... так ещё и вывозить его любимчиков?! Слуга покорный!..

— Прошу прощения, но речь идёт о судьбе Атариды, — не моргнув глазом, заявил юноша.

— Сейчас мне расскажут очередную сказку о воле Мортис?! — сверкнул глазами лич. — Мало того, что он, прикрываясь этой байкой, снял все обвинения с этой пигалицы Ларинны, хотя она!..

В голове Вира в этот момент все разрозненные частички мозаики сложились в законченное панно.

Ночь, дождь, юный смертный с волосами цвета светлого золота...

Я хочу поступать на драконоведение...

Вирлисс глубоко вдохнул — и, не заботясь более о вежливости, прервал лича:

— Эта пигалица Ларинна вместе с Эетом поплывёт на Крит на Корабле Иккона. И.. Эет мне говорил о вас.

— А ещё они вместе собираются искать способ сделать Избранника высшей нежитью, — вмешалась Фрей, которая тоже всё поняла. — И им очень, очень нужна ваша помощь. Ринн не хотела убивать вашего ученика, это случилось по недоразумению...

— Возможно, если нам удастся вернуть Эета к... — Вир на секунду запнулся, — к полноценной не-жизни... Ринн произнесёт над ним Формулу Освобождения... Тогда, быть может, мы вернём и милость богини? И возродим Атариду...

— Разве это не достойный вызов для такого учёного, как вы? — добавила, азартно потряхнув головой, Фрери. — Разработать заклятье, способное сделать из зомби лича? Или вампира?

— Ой, я чуток постарше вашего приятеля, юная дама, чтобы поддаваться на подзадоривания, — сварливо отмахнулся Арит. — Что вы знаете о достойном вызове для настоящего мага-некроманта? Вы же без пяти минут вампир!

— Я хочу специализироваться на лича! — возразила Фрей.

— Это правда, — добавил Вир. — Мы из-за этого чуть не поссорились.

— Ладно, ваши отношения меня не волнуют, — оборвал влюблённых Арит. — На лича она хочет... На себя бы посмотрела... девчонка! Камушки на воротничок нацепила... "на лича"! В голове мозги надо иметь, а не перечень нарядов из гардероба, чтобы на лича!.. — крикнул он. — Ну, ладно. Эет там будет, говорите? Чёрт с вами, кровопийцы. Вон, кладовка в углу. Уж придётся вам расстаться с вашим бесценным барахлом. Понимаю, для вампиров это огромная потеря! Подберите под себя снаряжение драконьих всадников, вы ж не хотите закончить полёт голышом? Переодевайтесь тут, а я за филактерией!..

Он вышел, хлопнув дверью, и почти сразу тонкий слух немёртвого донёс до него полный изумления вопрос девчонки:

— А разве филактерии хранятся не у самих личей?..

— А ты как думала, дорогая? — прозвучал ехидный ответ. — Университет и Храм с Эпохи Становления контролируют нежить. Вампиров — через Мастера Атариды, а личей — через филактерии. И не дай богиня создать тайком запасную! Отследят и накажут — мало не покажется. А ты мне — о независимости...

— Умный, да? — возмущённо парировала девчонка. — Лучше связь в карман костюма переложи, чтобы потом не забыть!

Пожав плечами, Арит завернул за угол коридора.

Переходы были пустынно. Только время от времени по стенам прокатывался странный гул, будто здание стонало.

Пол под ногами чуть заметно вибрировал.

Лич закусил губы. Ах, как это скверно! Как скверно... Что же происходит? Ведь на

Атариде никогда не было вулканов, да и расположен остров на прочнейшей океанической платформе...

Плюнув на приличия — тем более, стесняться было некого, — Арит подхватил полы мантии и бегом припустил по коридорам и лестницам — вниз, в подвалы.

Он добежал до первого этажа, оставалось преодолеть всего один пролёт — а там хранилище филактерий! Снизу уже доносились возбуждённые голоса...

Здание встряхнуло так, что Арит, потеряв равновесие, упал на пол. Сверху посыпалась известка, а верхний пролёт лестницы угрожающе накренился.

Кажется, сквозь грохот обвала он расслышал звон — будто раскололись сотни и сотни стеклянных склянок...

А потом раздались проклятия и стоны раненых.

Пошатываясь, Арит поднялся, придерживаясь за стену. Потолок нижнего пролёта обвалился, перекрыв путь в подвал. Учёному оставалось лишь вознести хвалу Мортис, что он не успел спуститься туда...

Ещё один мощный толчок, хотя и слабее первого, сотряс Университет. Снова тонкий ручеёк извёстки потёк с потолка...

Сыпля проклятьями и перебираясь через завалы по накренившемуся верхнему пролёту, Арит добрался до того места, где ещё минутой назад находилось окно. Теперь там зияла дыра, скалясь красными, словно окровавленными, осколками кирпичей. Глубоко вдохнув, лич произнёс заклятие левитации — и выскользнул через проём.

Через секунду учёный уже влетел в свой кабинет. Обломки шкафов загромоздили всё его пространство, пол устлала осколками стекла и магических кристаллов. Грустно хмыкнув, лич про себя признал, что вопрос о спасении раритетов решил сам собой.

Перепуганная парочка жалась у дверей, бледная даже для вампиров после месячного воздержания. Юноша прижимал к себе девушку, словно мог её защитить, если рухнет потолок.

Вот чёрт, а если бы не эти студенты, из-за которых он задержался...

...он бы сейчас умирал, замурованный в подвале, рядом с осколками своей филактерии...

— Что сидим? Кого ждём?! — рявкнул от окна лич. — Левитировать умеем?

— Господин Арит!.. — радостно вскрикнули перепуганные ребята — и в этот момент они в самом деле так страшно походили на детей...

Собственно, а разве они не дети?.. Двадцать лет против его трёх тысяч!

Ну, Иккон... Ну, зараза... Навязал детский сад ему на голову! Вот, не было печали!

— Сюда, быстро!

Они, запинаясь за обломки, поддерживая друг друга, полезли через весь кабинет к нему. Хоть успели переодеться, птенчики... Парень — в светло-синем, девчонка — в канареечно-жёлтом. Эх, пичуга... А вот ему, похоже, придётся в кои-то веки лететь без снаряжения.

— А где же ваша филактерия? — растерянно спросила девушка, добравшись.

— Другую создам! — отмахнулся лич. — Как доберёмся до места, так сразу и займусь. Живо!.. Знаете, где стояла университетских драконов? Вот туда и левитируйте!

Более не задерживаясь, он шагнул в остатки оконного проёма.

— Вир... — прошептала, оборачиваясь, Фрей. — Значит, сейчас господин Арит... всё равно... что Смертный? Как же он без?..

— Он знает это, — коротко ответил Вирлисс. — Лети, Фрери!

— А ты? Ты же с одной рукой не сможешь...

— Как вампир — да, — в голосе Вирлисса прорвалось нетерпение. — Но, к счастью, на лекциях я не спал, в отличие от Ринн. Я помню заклёвку левитации. Первый курс... Сравнивал ещё, для прикола и общего развития... Давай же, Фрери!

Арит поморщился и перестал вслушиваться в разговор.

Небо наливалось багрянцем, словно пульсирующая плоть освежёванного животного. Между тучами беззвучно, и оттого ещё более жутко, то и дело вспыхивали золотые зарницы.

Корпус университета пошёл трещинами, а крыло, под которым находились хранилища филактерий, обрушилось внутрь, словно поглотило самоё себя.

"Скала", как называли циклопическую башню со стойлами, где жили университетские драконы, ещё держалась, но её чёрные стены тоже прочертили извивы глубоких трещин.

Опустившись на верхнюю площадку, Арит увидел, что вход центральной пещеры засыпан. Изнутри доносился рёв ополоумевших животных.

Рядом встали парень и девчонка. Крепкие ребяташки. Девчонке вообще низкий поклон. Три четверти студенток, которых он знал, уже бились бы в истерике.

— Эхххх... — лич засучил рукава. — Где наша не пропадала! Отойдите-ка, молодёжь. Сейчас увидите редкостное зрелище. "Энтропия", если что-то говорит. Боевое заклятье из запрещённых!

Парочка отошла к краю. Лич широко расставил ноги и вскинул руки на уровень груди.

— Силой Мортис!.. — воззвал он. Далее прозвучало короткое слово, которое не звучало под небесами Атариды уже несколько тысяч лет.

Меж руками лича вспыхнул ядовито-зелёный шар, в котором искрились изумрудные молнии. Воздух наполнился запахом озона.

Коротко выдохнув, маг швырнул разряд в засыпанный проём.

Зелёное свечение, полыхнув, окутало груду земли — и та, замерцав, исчезла, провалилась в небытие, словно и не было её никогда. Рёв прикованных в стойлах драконов ударил по ушам.

Вирлисс восхищённо присвистнул.

— Вот бы так по Фрейру... — прошептал он.

— Ага... — выдохнула ошеломлённая Фрей.

— Как ты любишь брата, я не могу!.. — расхохотался вампир. — Научите? — спросил он у Арита.

— Если Иккон разрешит, — серьёзно ответил маг. — Заклятье-то — запрещённое! Помним? Да и сложное оно, для студентов. Тут такой контроль и такая точность нужны... иначе легко энтропируете не только объект, а и всё вокруг. Применяется, имейте в виду, только на открытом воздухе, ни в коем случае не в замкнутом пространстве! Надеюсь, ясно, почему?

— В общих чертах... — пробормотал вампир.

— "В общих чертах..." — усмехнулся лич. — Чтобы энергия рассеялась без помех! Ну-с, прошу. Или будем до конца света болтать?

Конец света, впрочем, был не так уж и далёк. Во всяком случае, конец Атариды — точно. По земле снова прошла сухая вибрация.

Арит остановился.

— Нет, — сказал он. — Вы тут ждите. Если вход снова засыплет... На подвиги не лезть, "Энтропию" повторять не пробовать! Левитируйте к порту. А там... на любой спасательный

транспорт Храма пробивайтесь.

С этими словами Арит прошёл под сотрясающиеся своды Скалы.

Ход уводил вниз, и местами потолок угрожающе проседал, но мощная порода ещё держалась. Видимо, толчков не выдержала только мягкая почва над входом.

Фонари, освещавшие раньше пещеру, полопались, и сейчас тут царила непроглядная темень. Свет проникал только от входа.

К счастью, стойло Пончика находилось неглубоко.

Огромный чёрный ящер радостно взревел, увидев хозяина. От взмахов кожистых гигантских крыльев по пещере прокатился ураганный порыв ветра — Ариту пришлось обеими руками схватиться за угол стены, — и в потолок ударил столб изумрудно мерцающего, ядовитого вещества.

— Пончик, спокойно! — крикнул профессор, отскакивая обратно в коридор, чтобы не попасть под едкий дождик. — Прекрати! Иди ко мне.

Нажатием наружной кнопки лич отомкнул замок цепи, на которой сидел дракон, и ящер, урча как гигантский вентилятор, потопал к хозяину.

— Спокойно, Пончик, спокойно... — наговаривал учёный, ведя зверя мимо ревуших и беснующихся драконов, запертых в стойлах. Пещеру снова встряхнуло. — Спокойно! — рявкнул маг.

Они миновали выход, и ящер замер на площадке, косясь блестящим зелёным глазом на онемевшую от ужаса и восхищения парочку.

— Летали раньше на драконе? — ворчливо осведомился лич.

— Д-да... — вытолкнул парень. — На транспортных... Там... на пикник... в гости...

Лич скупо усмехнулся. На транспортных они летали... Но Пончик — боевой дракон.

Ладно, к чему озвучивать? Не дураки вроде. Сами всё понимают.

— Ну, коли летали — так и забирайтесь! Пончик, спокойно. Это наши пассажиры, Пончик. Свои...

— А... нам... левитировать? — робко спросила девушка. — Или он магию не переносит?

— Он не переносит, когда по нему ползают, — буркнул лич. И рявкнул: — Конечно, левитировать! Если не допрыгнете, — ехидно добавил он.

Вампир, кстати, допрыгнул бы. В здоровом состоянии.

Что-то мальчик бледноват для обычного ранения в руку... Эхх, на Крите ему серьёзно придётся подумать о поисках пропитания. Варварские земли — это вам не Атарида, где нежить могла позволить себе охотиться, соблюдая неписанные правила чести, пожалеть иной раз жертву и даже водить дружбу со смертными...

Атарида, Священная Атарида... Кому ты мешала? Кому?..

Вот ринутся сейчас в большой мир уцелевшие немёртвые — и кто-то скажет за это спасибо тем силам, что уничтожили остров? Сомнительно...

Пока Арит предавался невесёлым размышлениям, парочка забралась на дракона и уселась между высокими спинными шипами: девушка впереди, парень сзади.

Глубоко вздохнув, маг в последний раз забежал в пещеру и нажал рычаг, открывавший все стойла. Где-то в глубине послышался лязг падавших цепей, ударило холодным ветром — это одновременно забили крыльями освобождённые звери.

Не дожидаясь, когда их сметёт толпа перепуганных боевых ящеров, лич невероятным прыжком очутился на загравке Пончика.

— Пристегнулись? — крикнул он через плечо, торопливо защёлкивая ремень, крепивший всадника к высокому костяному шипу.

— Ага, — слышались сзади два голоса, слившиеся в один.

— Взлёт, Пончик! — скомандовал профессор, и чудовищный ящер, расправив крылья, скользнул в воздух.

— А-а-а!.. — раздались сзади два испуганных вскрика, но дракон неспешно взмахнул крыльями — и пасть Скалы осталась далеко внизу, вниз провалились корпуса разрушенного Университета, в лицо ударил порыв ледяного ветра, а Пончик величественно продолжал набирать высоту.

Город заливал алый свет, давящий на глаза. Море казалось чёрным. Далеко на горизонте, уже явственно различимая, клубилась странная тёмная стена.

Которая словно бы приближалась. Медленно, но неумолимо.

Город напоминал разрушенный муравейник. Некоторые дома горели. По улицам словно текли тёмные ручьи и речки: люди со всех окраин стекались на центральную улицу, походившую сейчас на страшную переполненную реку, с бурунами и всплесками несущуюся к порту. Снизу доносились приглушённые расстоянием крики: боль, ярость, отчаяние...

Фрери прикрыла глаза. О богиня! Вир, который еле держится на ногах, с раненой рукой... И она, слабая смертная девчонка... Их затоптали бы там! Или пришлось бы применить магию. Боевые заклятия — против обычных людей...

Впрочем, она же всё равно не владеет серьёзной боевой магией.

Там, внизу, над обезумевшим морем человеческих голов кое-где мелькали фигурки магов, скользивших в воздухе. Ей кажется, или в них в самом деле кидают камни? Богиня, зачем?..

Что творилось в порту — нельзя было и вообразить. С высоты Вир и Фрери видели лишь невнятную тёмную массу — и белые Корабли у причалов. Свирепый прибой колотил суда о волнорезы.

Где-то там, на тайном Храмовом причале, окружённый невидимостью, их дожидается Корабль Иккона. А Корабль родителей Ларинны? Хоть бы он уже вышел в море!

Там, зарываясь точёными носами в высокие волны, пробивались в океан несколько десятков Кораблей. И прогулочные яхты, и пассажирские транспорты, несущие на бортах эмблему Храма Мортис... Ветер мешал им, пытался снести обратно, в порт... Но изящные суда Атариды, отвоёвывая каждую пядь, удалялись от берега.

К клубящейся мгле, несущейся им навстречу.

В небе тут и там скользили драконы.

Пончик лёг на крыло, совершая разворот. Мимо проплыла мрачная громада Храма Мортис, который один стоял непоколебимо, как утёс посреди шторма. Ни единая трещина не осквернила его стены.

— Вир, смотри... — прошептала Фрери.

На вершине Храма, пронзая багряные тучи, бил ввысь столб призрачного зелёного света.

Рядом полыхнула золотая зарница, и дракон, увернувшись от молнии невиданным кульбитом, ушёл в сторону. Вирлисс и Фрей невольно вскрикнули.

Ящер яростно забил крыльями, и, обогнув Храм, направился над полыхающими руинами к морю.

Ещё одна молния, будто специально направленная в их дракона — и ещё один умопомрачительный кувырок...

— ...!.. — донеслось до ушей лица, и Арит с трудом захлопнул рот. Он впервые слышал, чтобы вампир матерился.

— Мальчик, тебе сколько лет? — рявкнул маг, оборачиваясь, чтобы голос не сносило ветром.

— Двадцать три! — крикнул в ответ парень. — А что?

— Большой уже! Пора бы знать, что при женщинах не выражаются, — довольно осклабился Арит. Ну как было упустить такую возможность: поучить манерам — вампира!..

Юноша не нашёл, что ответить.

— Он... никогда раньше... — пролепетала девчонка.

Арит отвернулся, пряча улыбку. Ну, дети. Дети же! И так поддаются на поддразнивания...

Море надвигалось солёным яростным ветром, холодными брызгами.

Пончик взревел. Шторм выворачивал его крылья, сносил ящера в сторону, к прибрежным скалам. Удар бури подкинул дракона как палый лист, взметнул выше, под самые тучи.

Под ними пронёсся другой ящер, тяжелее; кажется, из транспортных драконов.

И в него ударила молния.

Похоже, предназначенная Пончику.

Пламя мгновенно охватило зверя и его пассажиров и, кувыркаясь, погибший дракон факелом понёсся вниз, на камни побережья.

— Это подло! — крикнула Фрей в пламенеющее небо. — Прекратите! Прекратите это!..

И тут впервые, словно в ответ, над Атаридой пророкотал гром. Его густой раскатистый бас окутал остров — и походил на снисходительный смех...

— Я вас ненавижу! — продолжала кричать Фрейя в лицо кровавым тучам. — Фрейр, я ненавижу тебя! Если ты не остановишься, клянусь, я тебя прокляну!..

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тучи молчали, только ярче запламенели.

Порыв урагана толкнул дракона назад, снёс к лесистому взморью.

— Эх, не пускает! — недовольно крякнул Арит. — Что ж, детишки, прямиком на Крит не получится! Вон как сносит! Летим через остров, в море развернёмся!..

Скользя на воздушных потоках, Пончик понёсся вдоль побережья — пока очередной шквал не отбросил его к лесу.

— Да что ж это за напасть-то... — сквозь зубы процедил Арит. — Этот ветер дует со всех сторон!..

— Фрейр!.. — крикнула Фрери. — Я тебя про!..

Дракон встал на дыбы, отчаянно забив крыльями, словно наткнулся на незримую стену — а потом упал на брюхо.

Перед ним, в воздухе, громадный, как туча, соткался всадник на крылатом вороном коне. Крылья этого невиданного скакуна были раскинуты и неподвижны, но кончики их чуть вздрагивали, ловя ветер — будто для всадника не существовало бури...

— Не я повелеваю ветром, сестра, — прошелестел его полный грусти голос. — Не я владею молниями. Я не хотел вражды между нами, Фрейя...

— Тогда... — голос Фрей срывался. — Тогда помоги нам! Помоги нам, Фрейр, и я прощу тебе ранение Вира.

— Ты так любишь этого вампира?

— Разве ты ещё не понял?

Фрейр вздохнул.

— Я понимаю. Мне нравился ход его мыслей — и когда этот мальчишка болел, и когда он выздоравливал, — всадник чуть усмехнулся. — Вирлисс, — впервые обратился он к спутнику Фрей. — Если ты хочешь знать, я всегда был против этой безумной затеи — отправить Фрейю на Атариду. Возможно, мне следовало быть решительнее, но ты не знаешь, что значит идти против воли Одина.

— Что, уже можно рыдать? — осклабился вампир.

Бог поморщился.

— Не бери на себя слишком много, Вирлисс, — процедил он сквозь зубы. — Для меня непривычно оправдываться перед нежитью. Тем более... признавать, что я... был неправ.

— Ты бы произнёс это над моей могилой, а я от умиления прослезился бы в гробу?

— Хватит вам! — вмешалась Фрей. — Фрейр, ты поможешь нам или нет?

— Я не могу, сестра, — ответил Фрейр. — Один разгневается на меня...

— Что и требовалось доказать, — усмехнулся Вирлисс.

— Молодой человек, — вмешался вдруг Арит. — Похоже, вы сейчас совершите ту же ошибку, которую однажды уже совершили, и за которую, если верить вашим словам, себя казните до сих пор. Вы снова предаёте вашу сестру из страха перед Одином.

Фрейр блеснул глазами и с силой сжал повод коня. Пальцы его побелели.

А потом юноша медленно, будто через силу, вытащил из кармана какой-то крохотный предмет.

— Лови! — кинул он его Фрейе. — Это ваш единственный шанс... добраться до твоей подруги. Без неё вы обречены.

— Что это? — крикнула Фрей исчезавшему всаднику, поймав крошечный свёрток.

— Скидбладнир, — донеслось до неё затихающим эхом — и Пончика вновь закрутил ураганный ветер.

— Исчерпывающе. Весьма исчерпывающе, — саркастически хмыкнул Вир. — У твоего брата просто дар объяснения!

— Что касается объяснений, вы их мне дадите, как только мы окажемся в безопасности! — рявкнул на пассажиров лич. — Кажется, Иккон подложил мне даже не свинью, а целого борова!..

Пончик, заложив вираж, увернулся от очередного удара молнии.

— О какой подруге говорил этот очаровательный юноша? — хмуро осведомился маг, бросив короткий взгляд через плечо.

Парень с девчонкой переглянулись.

— Наверное, о Ларинне? — неуверенно предположила Фрей.

— О Ларинне, да, — кивнул Вирлисс.

— При чём тут эта девица? — под нос проворчал Арит.

— Она... — начал было Вир.

— Потом! — отрезал Арит, разворачивая дракона. — Где она?

— На... Ой! — Фрери ахнула. — Вир, сколько времени? Свяжись с ней. Пусть они нас ждут!

Вир ещё раз выругался — и полез за прибором связи.

Ларинна

...Никто не ожидал от Фрей подобной реакции, и, когда за девушкой захлопнулась дверь, все на краткий миг оцепенели. Потом Вирлисс отшвырнул с дороги Иккона и бросился следом.

— Вир! — крикнула его мать, но отец удержал её.

— Не надо. Они разберутся сами.

— Но...

— Всё будет хорошо, — Ринн встала. — А мы не должны терять времени. Собирайтесь же!

Все засуетились, стали спешно подниматься. Холл опустел.

Ларинна, вздохнув, отошла к огромному окну и задумчиво стояла, созерцая улицу... ещё такую мирную. Сердце ныло.

Оставить Атариду... Оставить! Это казалось невозможным.

Словно уловив её настроение, Эет поднялся со своего стула и встал рядом. Ларинна повернула голову и вопросительно посмотрела на юношу. Ей показалось, или он в самом деле хотел до неё дотронуться — и не осмеливался?

Конечно, она же приказала ему...

— Ты... что-то хочешь, Эет? — спросила Ринн.

Его взгляд стал каким-то странным. Словно он пытался найти ответ на её вопрос — сложное, наверное, занятие для существа, уровень сознания которого не превышает уровня домашнего животного. Ларинна, грустно улыбнувшись, погладила его по голове.

Эет, словно её прикосновение стало неким разрешением, поймал ладонь и осторожно сжал, будто пытался ободрить свою Госпожу. Глаза зомби смотрели встревоженно и нежно.

— Всё хорошо, Эет, — сказала Ринн, скользнув кончиками пальцев по его щеке. — Всё хорошо...

С этими словами девушка отвернулась и отошла к Иккону.

— Господин Иккон, — осведомилась она, в упор глядя на него. — Может, вы объясните мне, почему Храм так затянул с объявлением народу?

Жрец приподнял бровь.

— Госпожа Ларинна, есть вещи, недоступные разумению юных дев... даже если эти девы — богини.

Ларинна тоже приподняла бровь.

— Смелое утверждение, святой отец. Учитывая, что разумение богини выше, чем разумение любого из её творений.

— Богини, к сожалению, не умеют править самостоятельно. Они живут в мире, где могут позволить себе быть сразу за всех. Но в нашей плачевной реальности каждый — за себя. Быть может, если бы было иначе... враждебные боги не уничтожили бы Атариду?

В лицо Ларинне бросилась краска.

Иккон невозмутимо продолжал:

— Мне всегда было интересно, чем так насолила наша Владычица этому Одину... Ведь он же бог из этого мира, а она пришла из другого. Неужели богиня отвергла его сватовство?

Ларинна невольно рассмеялась.

— Боги могут иметь своих последователей в разных мирах. Если Мортис могла перенестись сюда, почему того же не мог сделать и Один?

— Видимо, его вела истинная страсть, раз он помчался следом за ней через

измерения, — удивлённо покачал головой жрец.

— Истинная ненависть так же сильна, как и истинная любовь. Тем не менее, возвращаясь к нашей теме... Мне кажется, богиня недовольна вами, господин Иккон.

Жрец поклонился.

— Я приму любое наказание, ниспосланное Владычицей.

Ларинна согласно опустила веки.

— Хорошо. Вы никогда более не вернётесь на Атариду.

Иккон вздрогнул и вскинул на девушку неверящие глаза. Она пожала плечами и отвернулась.

— Но...

Ларинна остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— Но её милость не оставит вас и защитит в землях варваров. Её благословение пребудет с вами наравне с другими детьми Мортис.

Наверху послышался шум.

Ларинна обернулась.

По лестнице спускались родители её друзей. Женщины шли в обнимку, обе бледные и заплаканные. Мужчины, мрачные и суровые, несли тяжёлые сумки. Хозяйка дома несла небольшой холодильный кейс — наверняка, с консервантом.

Поймав взгляд Ларинны, женщина смущённо улыбнулась.

— Это для Ви́ра. Когда мы... на Крите...

— Конечно, — кивнула девушка. — Что ж, все в сборе? Идёмте! Эет, — позвала она.

До порта добрались без приключений. Мать Ринн, увидев толпу, возглавляемую её дочерью, только всплеснула руками.

— Мама, — безапелляционно заговорила Ларинна. — Я поплыву с Эетом на Корабле господина Иккона. Думаю, ты вполне сможешь разместить у нас на борту родителей Ви́ра и Фрей.

— Но...

— Их Корабль взорвался, — прервала Ларинна. — У родителей Ви́ра есть аппарат связи. Плывите на Крит. Все подробности они вам расскажут. Отплывайте. Отплывайте немедленно!

— Дочь, — вмешался отец. — Ты не считаешь...

— Она так не считает, — вступил в разговор Иккон, и никогда на памяти отца Ларинны он не разговаривал с ними так жёстко. — Делайте, что сказала Ринн. Увидимся на Крите!

Родители переглянулись, и мать, выдавив улыбку, сделала приглашающий жест пассажирам:

— Прощу. Сейчас я покажу вам каюты. Дорогой, выводи Корабль в море, — крикнула она мужу.

— Мам, пап... Я вас люблю! — Ларинна крепко обняла их на прощанье и оставила судно.

Она стояла на краю пирса, рядом с ней стояли Эет и Иккон, и солёный ветер трепал их волосы, рвал одежду.

Они провожали взглядом хрупкий белоснежный Корабль, летевший к Завесе.

Наконец Иккон вздохнул и положил руку на плечо девушки.

— Всё будет хорошо, Ринн...

Она длинно всхлипнула.

— Идём, — жрец сжал её плечо. — Нам надо успеть подняться на Корабль, пока не началась паника. Я окружу его полем невидимости, но, несмотря на это, нам нельзя долго оставаться в порту.

Они пошли к самым отдалённым причалам, и там, у узкого волнореза, нашли миниатюрный, похожий на пушинку, пронизанную солнцем, Корабль жреца. Едва они поднялись на борт, как аппарат Иккона вспыхнул зелёным огнём.

— Да? — жрец вскинул блестящую пластинку к уху.

— Пламя! — крикнули там так громко, что Ларинна тоже услышала. — Пламя на Алтаре!..

Жрец кинулся к иллюминатору на мористом борту — там, в лазурной безбрежности, казалось, ничего не изменилось, но...

— Завеса пала, — металлически отчеканил священник.

— Да! Мы объявляем народу...

— Конечно, — Иккон оборвал связь.

Они с Ларинной молчаливо уставились друг на друга.

Потом маг, словно очнувшись, кинулся бегом на палубу и наложил на Корабль заклятие Сумрака — замерцав, изящные контуры их судна стали незримы для посторонних глаз.

Вернувшись, Иккон плотно закрыл дверь и, щёлкнув выключателем, опустил на иллюминаторы кожаные шторы.

Каюту залил ровный белый свет. Уютное помещение, отделанное в золотистых тонах, оказалось настолько мало, что Эету пришлось сесть на пол прямо у входа.

— Бокал вина и партию в шахматы? — осведомился жрец у Ларинны. — У нас время до четырёх часов...

Ларинна судорожно вздохнула и скинула с плеч свою плотную куртку. Взгляд её чёрных глаз скользнул по Иккону и остановился на Эете.

Он не спускал обожающего взора со своей Госпожи.

Девушка улыбнулась молодому человеку.

Интересно, умел ли он играть в шахматы?..

Ринн глубоко вздохнула.

— Эет, располагайся, как тебе удобнее. Я — чёрными, — сказала она Иккону, садясь на диван, за маленький шахматный столик.

Иккон уселся в глубокое кожаное кресло, и партия началась.

Мерцающие зеленоватым светом цифры часов на стене отсчитывали время, хотя со стороны могло показаться, что каюта выпала из его стремительного течения.

Качка стала сильнее, да яхта время от времени вздрагивала, ударяясь о пирс.

...Без одной минуты четыре.

Жрец поднялся.

— Ну, пора и в путь.

— Ещё одна минута, — не отрывая взгляда от доски, возразила Ларинна.

— Пока то да сё... — пожал плечами жрец.

И аппарат Ларинны вспыхнул зелёным светом.

— Да! — девушка подскочила, будто этот свет её обжёт. — Что?!

— Что? — напрягся Иккон.

— Мы ждём вас! Ждём!.. Где вы? — кричала Ринн. — Какие пончики?..

— Это кличка дракона... — прошипел Иккон. Ринн замахала на него рукой.

— Уместимся! Сколько вас? Вирлисс, не смешно! Что значит — трое и дракон? Трое? Ларинна обежала лихорадочным взглядом всё пространство. Трое. Трое!.. Не на потолок же их садить!

— Мы вас ждём, — металлически отчеканила она. — Давайте.

— Иккон, — решительно обернулась она к жрецу, обрывая связь. — Выкидывайте кресло, шахматы... Нет, диван оставьте, Вирлиссу может стать плохо...

— Что?

— Выкидывайте! — рявкнула Ларинна.

— Ты с ума сошла?

— Их трое!

— Ринн, даже если мы вышвырнем кресло и шахматный столик, сюда войдёт не больше двух человек!

Ринн судорожно вздохнула.

— Тогда... Делайте, что велено. Я тоже выкину своё имущество.

— Сумку? — рассмеялся жрец.

— Эет! — ледяным тоном позвала Ларинна. Зомби вскочил, преданно глядя на свою хозяйку.

Ларинна распахнула двери.

За порогом клубились кровавые сумерки. В ноздри ударил запах гари, смешанный с запахом шторма. В каюту ворвался рёв обезумевшей толпы, над которой иной раз взлетали пронзительные крики.

Девушка невольно отпрянула.

Виски сдавило так, что в глазах на миг потемнело. Ларинна вскрикнула и ухватилась за притолоку двери. Эет непроизвольно сделал движение её подхватить — и замер, остановленный глупым вчерашним приказом.

Не дотрагиваться без разрешения...

Она раскрыла глаза. Мир плыл и качался, сознание словно балансировало на незримой грани, острой, как лезвие.

— Эет, — она глубоко вдохнула. Голос её вновь приобрёл странный звенящий тембр. — Ты пойдёшь сейчас в главный Храм Мортис. Ты поднимешься к кельям жрецов и через внутренние лестницы спустишься в подземелья. Найди там святилище с Алтарём. Ты должен охранять его. Ты должен охранять этот Алтарь от всех чужаков. Храни его до моего возвращения или до возвращения жрецов Мортис. Иди!

Эет повернулся и вышел из каюты. На сходящих он обернулся и бросил через плечо долгий взгляд на свою госпожу, словно хотел навеки запечатлеть в памяти её образ — а потом спрыгнул на волнорез.

Она стояла и смотрела ему вслед, пока он не растворился в толпе — он проталкивался вперёд с упорством механизма, как могут только зомби... Не обращая внимания на толчки, удары и ругательства — он двигался к горящему городу, один против обезумевшего людского потока.

"Прости меня, Эет..." — беззвучно шевельнулись губы девушки.

Вирлисс и Фрей

Ветер играл драконом, как травинкой, попавшей в воздушный поток. Ветер крутил и

швырял, сносил Пончика к дальнему побережью.

— Придётся снизиться! — крикнул Арит. — Полетим почти над самой водой, там дует меньше!..

Сжав крылья, ящер вошёл в пикирование. Уцепившись за спинной шип зверя, Фрей зажмурилась и могла только кричать, не слыша себя из-за рёва воздуха.

Пончик выровнялся. Солёные брызги плеснули в лицо пассажирам — волны кипели, казалось, под самым брюхом дракона. Волны вздымались, пытаясь окатить пеной ноги людей, захлестнуть крылья зверя — и всякий раз не дотягивались.

По чёрной ониксовой поверхности океана скользила огромная тень несущегося ящера.

Молнии тут и там перечёркивали небо.

По острову прокатился гул — и часть побережья с грохотом начала сползать в воду. Пончик заметался, уворачиваясь от падающих деревьев, обломков скал и орущих животных. Море встало на дыбы, закипело пеной — будто захаркало кровью, как казалось в багровом свете туч.

Атарида рушилась в океан, не выдерживая толчков.

— Чёрт, может дойти до Колиноса, — проворчал себе под нос Арит. — Окрестные деревни точно смоем.

— Может... нежить спасётся? — робко предположила Фрей. — Она же не может... утонуть?

— Если ты в трещину провалишься, кой чёрт тебя спасёт? — фыркнул лич. — Раздавит в лепёшку! Огонь и земля — тут никакое бессмертие не поможет. А Живым Бессмертным и воды хватит!

Фрей закрыла лицо.

Боги... Она никогда... Ей никогда не искупить подобного. Никакими жертвами.

Девушка рыдала навзрыд, кусая руки.

Вирлисс изгрыз губы в кровь, слыша её рыдания.

"Девочка моя... Ну, девочка моя... Только не сделай никакой глупости, пожалуйста!"

— Ты что ревёшь? — обернулся к Фрей Арит. — Такой молодчиной была, и чего вдруг? Почти добрались! Вон столица, видишь?

Он указал вперёд, где за лесом поднимались к небу клубы чёрного дыма...

...Пончик дёрнулся на его движение...

И не успел уйти из-под огненного разряда.

В крыло ящера ударила молния.

Арит бросил заклятие, сбившее пламя, но дыра с обожжёнными краями расползлась по крылу кровавыми трещинами — тонкие кожистые перепонки не выдерживали напора воздуха.

Пончик взревел — и всё закрутилось перед глазами пассажиров.

Вирлисс, цепляясь за шип дракона, поднялся и расстегнул здоровой рукой пряжку ремня Фрей, одновременно пальцами раненой разжимая замок своего.

— Левитируй, Фрери!.. — только и успел крикнуть он, когда их вышвырнуло со спины дракона.

По крайней мере, прекратилось это тошнотворное коловращение.

Заклятье не подвело. Падение превратилось в плавное скольжение в воздухе, мимо них чёрным обломком скалы пронёсся раненый дракон — и врезался в песок под пологим лесистым обрывом.

Они опустились рядом с упавшим ящером.

Пончик кричал, как человек, и бился, увязая лапами в песке, хлопал крыльями, не в силах взлететь; хвост, извиваясь, молотил по воде, вздымая брызги...

...и из зелёных глаз дракона катились слёзы...

Арит, припадая на одну ногу, путаясь в мантии, изодранной встречным ветром, хромал к своему другу. Он обнял гибкую шею, приник всем телом и нежно гладил жёсткую блестящую чешую.

Пончик притих, лишь жалобно стонал.

— Господин Арит, — несмело заговорил Вирлисс. — Господин Арит, надо идти...

Профессор только махнул рукой.

— Господин Арит...

— Я не брошу Пончика в беде! — всхлипнул маг. — Идите. Да убирайтесь же, вот наказание!.. Не видели никогда, как старики плачут, что ли?!

Фрей открыла было рот, но Вирлисс крепко сжал её плечо. Молча постояв, молодые люди медленно побрели прочь, к пологой тропинке, карабкавшейся на обрыв.

Толчки прекратились, словно сотрясавшие землю силы затаились, собираясь для завершающего удара. Лес заволакивал дым: приближался пожар. Наверное, молнии подожгли деревья.

Поваленные стволы преграждали дорогу, рытвины перечертили всю местность, исказив её до неузнаваемости. Где-то тут, неподалёку, когда-то были озёра... так на них и не съездили...

Молодые люди бежали изо всех сил, и рядом бежали лесные звери, не обращая на людей внимания.

Птиц видно не было.

Наконец Вирлисс и Фрей выбрались на дорогу: искалеченную, изрезанную провалами, кое-где вспученную — но всё-таки дорогу. Когда-то — целую вечность назад, вчера! — по ней ездили на пикники.

— Вир, я больше не могу... — простонала Фрей, падая на землю. — Давай отдохнём.

Вирлисс закусил губы. Если бы не эта чёртова раненая рука!.. Он бы взял Фрери и понёс. А так... Дьявол, его самого шатает ветром.

— Конечно, — со всей беспечностью, на какую был способен, согласился вампир. — Посидим и отдохнём. Перед последним решительным рывком.

Он опустился на брусчатку рядом с Фрей и обнял девушку. Она уронила голову ему на плечо.

Только ветер шумел в вершинах, волоча за собой едкую сизую поволоку, да, потрескивая, приближался лесной пожар. Алое небо в его золотом зареве казалось праздничным, как бархатный театральный занавес, а вовсе не зловещим...

— Мы погибнем, Вир, — прошептала вдруг Фрей. — Мы погибнем, да?

— Нет, если дойдём до Ларинны, — спокойно ответил Вирлисс. — Ты отдохнула?

— А Арит? Он погибнет, да?

— С чего ты взяла? Он сильный маг. Да и землетрясение прекратилось.

— Лич без филактерии и раненый дракон... Сколько у них шансов? Зачем мы их бросили?

Вир вздохнул.

— Мы же не могли силком тащить его, Фрей... Он сделал свой выбор.

— Надо было настаивать.

— Не надо было, — сухо бросил юноша. И, помолчав, добавил: — Если бы я стал тебя гнать, когда лежал прикованный к постели, ты бы ушла?

Фрери всхлипнула.

— Как всё ужасно... несправедливо! Ты меня когда-нибудь простишь?

— Дурочка, — только и ответил Вир. — Вставай!

Он поднялся и протянул Фрери здоровую руку, помогая встать. Девушка с трудом поднялась, и, прихрамывая, пошла рядом с Виром вперёд.

Потом опёрлась о плечо.

— Может, у тебя носки сбились? Поправить? — заботливо спросил Вир. — Будет легче идти.

Фрери, прикусив губу, только отчаянно замотала головой.

— Всё... хорошо, Вир...

Часа через полтора они добрались до пригорода.

Вдоль улицы простирались развалины — некогда уютные дачные коттеджи. Некоторые были охвачены пламенем. Брошенные собаки с воем носились по посёлку. Обгорелые стволы яблонь роняли на мостовую скукоженные тлеющие листья, и ветер искристой порошей гонял их по покрытой трещинами брусчатке.

В озарённом зарницами небе кое-где ещё кружили силуэты транспортных городских драконов.

Впереди высилась изящная башенка — сельский храм. Издали он казался нетронутым стихией, единственным уцелевшим зданием в разрушенном посёлке...

— Фрери, смотри! — с облегчением указал девушке спутник. — Видишь? Доберёмся до храма, там наверняка будет вода. Ты сможешь отдохнуть и попить, и мы наберём с собой фляжку в дорогу.

— Ринн нас, наверное, уже проклиняет, — через силу улыбнулась Фрей. — Мы тащимся, как две умирающие мухи.

— Она нас ждёт, — твёрдо ответил Вирлисс. — Ринн, конечно, весьма... своеобразная девушка, но она не бросает в беде.

По земле вновь прошла сухая вибрация — лёгкая, почти незаметная. Вир поморщился.

— Надо спешить, да? — испуганно вскинула глаза Фрей.

— Фрери, если начнётся землетрясение, мы не сможем его обогнать, мы ещё слишком далеко от порта. Так что у нас, по большому счёту, нет выбора: спешить, не спешить... Только дальше... дальше мы используем левитацию.

— А... что же мы раньше... вот глупые... — рассмеялась Фрери. Вир снова поморщился.

— Фрей, по магическим эманациям нас могут заметить твои старые знакомые, понимаешь? Я не хотел бы использовать магию без крайней необходимости. Но если снова начнутся толчки... Это уже край. Иначе мы не дойдём.

Они добрались до храма — и Вир от досады стукнул кулаком по стене. То, что издали выглядело целым, вблизи оказалось покрытым трещинами. Вход был завален.

Фрери истерически рассмеялась.

— Дошли!

— Дошли... — поморщился Вирлисс. — Как бы там ни было... Надо отдохнуть. Садись. Пять минут.

— А...

— Фрери, у нас впереди путь через город. К порту. Понимаешь? Мы оба измотаны, а там... там толпа. Там наверняка обезумевшая толпа. Мы должны хоть немного собраться с силами.

Молодые люди уселись, почти упали, на траву под стеной, украшенной барельефами, и молчаливо смотрели на горящий дом напротив.

Наконец Вир вздохнул и запрокинул голову, вглядываясь в небо.

— Интересно, что за фигню всучил нам твой брат?.. — начал было он...

Земля судорожно содрогнулась.

...и всё, что успевал Вирлисс — оттолкнуть от стены Фрери.

А в следующую секунду на него всей тяжестью рухнула каменная плита барельефа.

— Вииниир!.. — вонзился в уши пронзительный крик Фрей.

Туча каменной пыли лезла в ноздри и глаза, а на грудь давила невыносимая тяжесть... Чёрт возьми, если бы он был Смертным, наверное, уже бы спёкся... Счастливые они!

Вирлисс хватал ртом воздух, пытаясь протолкнуть его в лёгкие — и не мог. Почти не мог. В грудь просачивались ничтожные капли.

Перед глазами плыли круги.

Здоровой рукой он попытался приподнять плиту — но получилось только чуть-чуть сдвинуть, немного облегчив дыхание.

На большее сил не хватало.

Ах, если бы у него было две руки!..

— Вирлисс! Вирлисс!.. — Фрери кинулась к нему, обхватила руками его голову. — Вир...

Глаза так безумно расширены. Бедная девочка.

— Фрей... — пересохшие губы едва шевельнулись. — Помнишь...

— Что?

Она наклонилась к нему.

Ты сказала, что прирёшь меня, если ещё раз увидишь умирающим... Чтобы я не мучился.

— Тяжело... — прошептал вампир.

— Я...

По её щекам катились слёзы — и опять казались золотыми. В свете пожара.

Девушка, душа всхлипы, до крови обламывая ногти о камень, пыталась хоть чуть-чуть сдвинуть плиту.

Вир прикрыл глаза.

— Фрей, прекрати. Прости... — сказал он вдруг.

— За что, Вир? За что?.. — склонилась она над ним.

Юноша нежно провёл рукой по её засыпанному пылью волосам.

— Наклонись... пожалуйста...ещё... ниже.

— Тебе кровь нужна, да? — отчаянно закивала Фрери. — Конечно. Пей, сколько нужно.

Пей, — она легла на землю рядом с вампиром.

— Мне... кровь...уже... не поможет, — дыхание Вира коснулось её кожи. — Если бы было время... а так... Прости.

Зубы Вирлисса вонзились в её шею.

Фрери закрыла глаза и обняла его за плечи. В ушах стоял звон, голова кружилась, всё

сильнее и сильнее — не противно, а словно в волшебном танце, когда воздух холодит щёки и хочется петь...

Сознание уплывало...уплывало...

Вокруг скользили тени — лёгкие силуэты на крылатых конях. Девушки в странных шлемах... Руки тянутся к ней...

— Повелительница... повелительница... Наконец-то твоя душа свободна!..

— Оставьте меня!.. Кто вы такие?..

— Валькирии, Владычица! Мы ждём тебя, как велел нам Один...

— Фрей!.. Поднимись, Фрей!

Голос Вирлисса ворвался в кошмар, развеял его порывом ветра.

Приказ, которому нельзя не повиноваться.

Фрери раскрыла глаза, резко сев. По телу разливался странный холод и... мучительно... хотелось... крови?..

— Прости... — Вир виновато смотрел на неё. — Я знаю... ты мечтала стать личом... но... я благодарен богине, что раньше... успел тебя трижды укусить... чтобы сейчас поднять... вампиром. Это... Фрей... это не так уж... и... плохо... а... смертная девочка... одна... сейчас... не выживет, — он грустно усмехнулся уголком рта. — Иди. Теперь иди.

Он уронил голову на камни.

Девушка сжала губы.

— Ты... сделал меня?..

Вирлисс молчал.

— Ты истратил на это последние силы, кретин?!

И, вскочив, Фрей со всей злостью толкнула плиту. Та покачнулась — и съехала в сторону. Вир судорожно вздохнул.

Увидев, что представляет собой его тело ниже груди, Фрери невольно зажмурилась.

Вир чуть дёрнул щекой.

— Теперь... ты понимаешь? Уходи. Я уже не смогу.

— Я магией тебя... долевитирую, я...

Она сама не верила в то, что лепетала. Сдвинуть сейчас Вира с места означало убить его.

— Фрери... Дурочка. Там толпа. Понимаешь? Не убивай себя вместе со мной. Уходи.

— Я не уйду, — она отчаянно замотала головой. — Я никуда не уйду!

— Глупышка... Не... воображай, что... Я выживу. Понимаешь, я же выживу, — вампир бодро улыбнулся. — Отлежусь тут... несколько дней... а потом отыщу Арита, — юноша ласково провёл рукой по её исцарапанной, испачканной в саже щеке. — Вылечим Пончика и разыщем вас на Крите. Но ты... ты должна быть... в безопасности...

— Враль... Какой же ты враль... — прошептала девушка.

Вир прикрыл веки, и на щеке в свете пожара предательски блеснула слезинка.

Он глубоко вздохнул.

— Фрей, я приказываю тебе! Властью Мастера я приказываю тебе уйти!

Фрей широко распахнула глаза, и лицо её стало смертельно бледным. Девушка поднялась и отошла на несколько шагов.

— Что это значит? — прошипел Вирлисс.

— Мой Мастер, я выполнила ваш приказ, насколько это возможно. Узы, связующие Птенца с его Повелителем, не позволяют мне покинуть вас в смертельной опасности. Разве

вы не знали?..

Вир со свистом втянул в себя воздух.

— Чёрт... Фрей, я возвращаю тебе — тебя!

В уголках губ Фрери затеплилась лёгкая улыбка, и девушка, подойдя, опустилась на колени рядом с Вирлиссом.

— Какого чёрта ты ещё здесь? — скрипнул зубами молодой человек, отворачиваясь.

— Вы произнесли Формулу Освобождения, мой Мастер, — усмехнулась Фрей. — И больше не имеете никакой власти надо мной. Я не оставлю тебя, Вир. Уж теперь-то я ни за что не оставлю тебя. Глупенький... — она достала из кармана платок и нежно вытерла его лицо от грязи и слёз.

Вир горько расхохотался.

— Ну... какой я идиот... Как же ты меня провела!..

Земля снова вздрогнула.

— Фрери!!! — крикнул Вир. В отчаянно распахнутых глазах пульсировало лихорадочное требование. Требование на грани мольбы.

Девушка нежно улыбнулась — словно отказывалась от бокала аперитива в гостиной.

— Нет, — мягко, но решительно ответила она.

По почве пошла мелкая вибрация, словно Атариду лихорадило. Сверху, со стены, посыпались мелкие камни и сор — они щёлкали Фрей по плечам и макушке, били Вирлисса по лицу...

Фрери наклонилась над Виром, защищая.

Сокрушительный удар потряс остров. Фрери успела только увидеть разбегающиеся во все стороны хищные пасти трещин — и всем телом упала на Вира, закрывая от падающих плит храма.

В последний краткий миг Вир нашёл губами её губы...

...потом для него и для неё была лишь темнота.

Иккон

Жрец мерил шагами каюту, то и дело косясь на часы. Ларинна стояла на палубе, держась за поручни, и не сводила взгляда с обезумевшего порта. То, что там творилось, Иккон предпочитал не видеть.

Люди толпились у пустых причалов, пытались вязать плоты из всего, что было под руками, толкались, сыпали проклятьями, давили друг друга...

Он не раз и не два предлагал девушке вернуться в каюту и не мучить себя зрелищем кошмаров. Что Фрей и Вирлисс свяжутся с ними, когда будут подходить. Что они знают, где Корабль.

Ларинна не отвечала. Лишь временами до него доносились судорожные глухие всхлипы.

Иккон открыл иллюминатор мористого борта. В каюту ворвался солёный горький ветер. На багровом небе, почти до туч, темнела клубящаяся масса, и Иккон уже понимал, что это такое.

На город катилось цунами.

Чёрт, без магии ни один Корабль через него не пройдёт... Но, учитывая, что на Корабле родителей Ларинны четыре мага... Они сами и родители Вирлисса... Возможно, шанс у них есть.

А вот их самих — его и эту юную дурочку — ничто не спасёт, если в момент удара они всё ещё будут торчать у пирса.

— Ларинна, нам надо отплывать, — решил наконец Иккон. — Мы ждём уже три часа с лишним! Если они до сих пор не вышли с нами на связь... Ринн, значит...

Ларинна глубоко вздохнула.

— Иккон, помолчите, а?..

— Иди сюда! — он, не церемонясь более, схватил девушку за руку и втащил в каюту. — Смотри! — крикнул он, указывая на надвигающуюся волну. — Ты её дожидаться?!

— Вир и Фрери ещё могут успеть.

— Могут? Как долго ты собираешься их дожидаться? Пока нас не утопит, как котят в бочке, в этой посудине? Или не разможит о пирс? Ринн, Пончик — быстрый дракон. Если бы всё было хорошо, они были бы здесь самое большее через час. Ну, через полтора!.. Прими это, Ларинна. Они погибли.

— Иккон, если они погибнут, я узнаю, — холодно отрезала Ларинна. И вдруг бросила в лицо: — Не думайте, что мне легко от этого знания, или что я просила о нём Мортис!

То, как она произнесла имя богини, с какой странной усмешкой, заставило жреца отступить.

— Ринн... я понимаю, тебе обидно, что ты, получается, понапрасну выставила Эета, но... что поделаешь? Ты поступила, как должна была.

Ларинна прикрыла глаза.

Богиня, о богиня... Каков лицемер... ну, каков лицемер...

— Иккон, пожалуйста, помолчите, — самым мягким, просящим тоном произнесла она.

Жрец посмотрел на её лицо и понял — всё, ещё одно слово, и Ларинна сотворит что-то... неожиданное.

Покачав головой, он отошёл и сел на диван.

Девушка мелкими семенящими шажками бегала по опустевшей каюте от стены к стене. Волосы растрепались, рассыпались по простой белой рубашке. Взгляд — безумный... Слёзы на щеках.

Вдруг Ларинна остановилась. Лицо её застыло.

— Мы... можем отплывать, — безжизненно произнесла она.

— О, — только и произнёс Иккон.

Ну, девчонка. Вздорная девчонка, на которую неизвестно почему пала невероятная милость богини. Неужели это повод так себя вести? Ясно же, что наконец его слова дошли до её пустопрелестной головки, но надо же как-то красиво это подать... не признавать же свою ошибку!

Ларинна обернулась к нему. На ресницах дрожали слёзы. Губы вздрагивали.

— Иккон... — всхлипнула девушка. — Она... она этого хотела. Неужели нельзя было... по-другому?

— Как — по-другому? — мрачно буркнул Иккон, колдуя над дальней стеной, скрывавшей пульт управления судном.

— Какой смысл, что тела Вира и Фрери будут покоиться в земле Атариды, а Эет — сидеть в подземельях Храма? Если он туда вообще доберётся. — И вдруг завопила: — Какой в этом высший смысл?!

— Ты спрашиваешь меня? Так мои знания ничтожны, — хмыкнул Иккон, протягивая руку к чёрной панели.

— Стой! — неожиданно крикнула Ринн.

Жрец вздрогнул и вопросительно взглянул на неё.

— Жди!

Ларинна выбежала на палубу и прыгнула со сходен.

Девушка мчалась по волнорезу к ближайшей группке людей. Там... Она давно заметила измождённую женщину, державшую на руках ребёнка. Та несколько раз пыталась спуститься на импровизированные плоты, но её всякий раз оттирали.

Ларинна дёрнула несчастную за руку. Женщина повернула к ней заплаканное лицо.

— Туда! — махнула Ларинна на конец волнореза. — Иди туда!

Под руку подвернулся зарёванный мальчишка в порванной курточке — толкнуть туда же... И парень, прижимавший к себе перепуганную девчонку... Чем не Вир и Фрей?

Хоть кого-то... Хоть кого-то!..

Толкая ничего не понимавших людей, позволивших себе каплю надежды — сами не зная, на что — она довела их до края волнореза. Сложнее всего было убедить, что там не море — а сходни Корабля под заклятием Сумрака. Пришлось подняться самой — и протянуть за магическое поле руку.

Наконец вся компания дружно ввалилась в тесную каюту.

— Отплываем, Иккон! — приказала Ларинна, укладывая на диван совершенно обессиленную женщину с ребёнком. Юноша и девушка, обнявшись, примостились у мористого иллюминатора, а мальчуган, всхлипывая, присел на пол у дивана.

Иккон лишь покачал головой, дотрагиваясь до пульта. Не ожидал он такого от девчонки, надо признать... Похоже, она не безнадёжна.

Корабль вздрогнул, и качка стала почти незаметной. Он словно воспарил над волнами — и причал начал стремительно отдаляться.

Последний Корабль Атариды покинул её берега.

Ларинна опустилась на пол у ног жреца, закрыв лицо руками. Плечи её вздрагивали.

Остров удалялся.

Иккон бросил на него последний взгляд.

Ставший таким крохотным — чуть не скала посреди океана; искалеченный, с неузнаваемой линией побережья, охваченный огнём, курящийся дымом как вулкан... Под вспышками зарниц.

Вот такой Иккон увидел свою страну — в последний раз.

А потом он включил режим экрана — и полностью перенёс своё внимание на море, где им навстречу катилась всеокрушающая масса воды.

Встречный ветер снижал скорость почти до нуля, но крошечный Кораблик отчаянно продолжал рваться вперёд, его нос, задранный кверху высокими волнами, дерзко смотрел в лицо клубящемуся исполину, поднятому океаном.

Стена воды закрыла всё багровое небо. Вершина её кипела и дымилась, почему-то напомнив Иккону гриву. Гриву морского жеребца.

Корабль, скользя по воде, встал почти вертикально. Люди закричали.

Иккон призвал Водный Щит, хранящий от удара стихии...надолго ли его хватит?

К тому же... Щиты — это не некромагия. Это школы других магических учений.

Корабль окутало мягкое синее свечение — и он плавно пошёл сквозь тело волны, как нож сквозь масло. И вот уже мчался по её спине, как с невероятной горы — навстречу второй волне.

В каюте потемнело.

Вершины этой волны Иккон увидеть не смог.

Щит, замерцав, раскололся.

— Не пройдем! — крикнул Ларинне Иккон. — Тут надо...

Что тут надо, он не успел ни сказать, ни придумать.

Девушка... женщина... сидевшая у его ног, медленно поднялась, опираясь на стену. Лицо её светилось в темноте, как лицо призрака, волосы вздымал незримый ветер... И зеленую полыхали глаза.

Мортис Милосердная стояла перед ним во плоти!

Воздух каюты наполнился запахом озона — Иккон знал, что так обычно бывает, когда боги, являясь, переносят в измерение смертных часть своего пространства.

Иккон упал на колени. На колени упали все люди в каюте.

Стены и потолок пропали, словно их и не было. Над головой бурлила чёрная масса воды.

Звонкий голос Мортис пронёсся над охваченным агонией миром:

— Сила разрушения, что ведёт тебя — склонись перед своей Владычицей!

И вода расступилась перед Кораблём Атариды, словно живой занавес — и там, впереди, лежало синее спокойное море, залитое обычным земным солнцем.

Под безмятежным голубым небом.

Корабль Атариды вывалился в это лучезарное пространство — и Ларинна мягко упала на пол. Казалось, она даже не дышала.

Жрец обернулся — думая, что не увидит сзади ничего.

Но он увидел.

Он увидел тёмный купол, внутри которого мерцали алые молнии. Граница его шла точно по бывшей Завесе.

Содрогнувшись, жрец отвёл взгляд. Интересно, кто-нибудь?..

Он отогнал эту мысль.

Девушка и парень уже хлопотали возле Ларинны, пытаясь привести её в чувство, и Иккон, поняв, что от него тут мало что требуется, вывел Корабль на курс к Криту.

Они отыскивали небольшую бухточку, укрытую скалами, далеко от крупных портов этого острова-государства, и там, бросив якорь, ждали.

Они ждали, не ответит ли на вызов их маяка хоть один из Кораблей Атариды. Ждали, не выйдут ли на связь родители Ларинны или Вирлисса — пытаясь сами связаться с ними, они слышали только свистящий шум помех. Наконец, ждали, когда придёт в себя Ларинна.

Женщина с ребёнком взяла на себя приготовление пищи, парень и мальчишка, разведав, где тут ближайшая деревня, то и дело ходили туда за молоком, сыром и другими свежими продуктами, расходуя денежные запасы Иккона. Девушка, присматривавшая за больной, удила рыбу — а по вечерам все с весёлым визгом купались в море.

На исходе второй недели Ларинна пришла в себя и, безмолвно взглянув на жреца, всё поняла по его лицу. Отвернувшись к стене, девушка сжала губы, чтобы не зарыдать навзрыд, и горькие слёзы покатались по её щекам.

Атариды и её народа более не существовало.

[1] Филактерия — сосуд, в который некромант при трансформации в нежить (лича),

заключает свою смерть. Если разбить филактерию, лич становится так же уязвим, как и смертный маг.

Часть вторая

Глава IX

Пробуждение

Эет

Они мешали.

Они пихали и пытались сбить с ног, их было много, и они были сильны. Их приходилось отталкивать, обходить, проскальзывать между их телами... Наверное, можно было бы кусать и отшвыривать прочь, ударами снося головы, но это... наверное, это было неправильно.

Это было ещё хуже, чем нарушить приказ Госпожи.

Они что-то кричали — в лицо. Кричали со всех сторон. Но это было неважно. Важно было дойти до Храма. Дойти до главного Храма.

Потом их стало меньше. Совсем мало.

Кто-то метнулся от края дороги, упал под ноги, кричал.

— Умоляю! Пойдёмте со мной!.. Помогите, там дети в доме... Дети! Помогите же!..

Он с трудом вырвал ноги из цепких рук и двинулся дальше. Неважно. Всё — неважно. Важно — дойти до Храма.

И никого не подпускать к нему. Никого больше.

Сзади неслись глухие рыдания.

И гул пламени. И треск рушащейся кровли. И снова крики...

Эет воспринимал эти звуки так же, как шорох осыпающегося песка, как шелест каких-то обрывков, носимых ветром по мостовой, как отдалённый рёв толпы. Звуки были равны. Ни один не представлял чего-то важного.

Землю под ногами встряхнуло. Юноша упал, но тут же поднялся и продолжил свой путь. Упасть не страшно. Страшно — не выполнить приказ Госпожи.

Дорога покрывалась трещинами на глазах, и это было странно. И, конечно, делало путь труднее. Через них приходилось перепрыгивать, и чутьё подсказывало, куда лучше встать. Вон на тот крохотный каменный островок, а на булыжник посреди песка — не надо... Иначе приказ Госпожи останется невыполненным.

Вот они, ступени Храма!

Идти по ним было хорошо, они не тряслись и не осыпались под ногами. Они были обычными, какими были всегда. И это успокаивало. Приказ Госпожи надо выполнить, но все эти странности уже начинали немного беспокоить. А сейчас — хорошо. Он поднимается.

Напротив широко распахнутых дверей общего святилища Эет ненадолго остановился. По губам его скользнула улыбка. Кажется, он тут когда-то был... Вместе с кем-то... с кем-то очень хорошим. Кого знала Госпожа... И здесь случилось что-то замечательное...

Воспоминания ускользали, путались нитями тумана. Вздохнув, Эет пошёл дальше, по лестнице, одну за другой минуя ставшие более узкими террасы.

Вершину Храма заливал изумрудный свет. Он столбом поднимался к небесам, пронзая

алые тучи. И от него становилось спокойно и радостно — словно от прикосновения Госпожи.

Эет преклонил колени перед изумрудным свечением, сам не зная, почему. А потом встал и зашёл под сень портика.

Зал казался тёмным в изумрудных лучах. Меж колоннами алело небо, то и дело озаряемое золотыми вспышками. Чёрная гладь моря с приближавшейся гигантской волной отражала это золотое свечение.

Эту картинка показалась красивой, и он засмеялся.

Смех зомби гулким эхом прокатился по опустевшему святилищу и по безлюдным тёмным коридорам.

Порыв ветра разорвал пелену дыма над неостывшей каминой, и Эет увидел на стене изображение Госпожи. Она стояла, и её тонкие пальцы сжимали загривок зверя — белого тигра. Зелёные глаза обоих светились в темноте и смотрели, словно живые.

Юноша замер. Изображение Госпожи... Здесь. Изумительно. И странно.

Эет ещё раз преклонил колени, а потом поднялся и, не оглядываясь, направился в тёмный коридор, уводящий меж брошенных жреческих келий к внутренней лестнице.

Тёмный проход заканчивался в световом колодце. Сверху лились алые лучи. В их переливах волосы молодого человека казались золотым пламенем.

Путь дальше разветвлялся.

Эет не знал, какой коридор выбрать, но словно неведомая сила вела его: прямо... Надо идти прямо.

Нарисованные фигуры на стенах, двери, ещё несколько световых колодцев. Зомби неумолимо продвигался вперёд, не колеблясь, не пугаясь, ничем не любуясь и ни о чём не задумываясь. Он позволил себе ненадолго остановиться, лишь добравшись до сумрачной лестницы, уводящей вниз.

По лицу Эета скользнула улыбка.

Он нашёл! Нашёл тот самый спуск!

Юноша, сам не зная, почему, запрокинул голову и ещё раз посмотрел на небо — отсюда, из последнего светового колодца, что пропускал алое свечение на площадку.

А потом размеренным шагом, не спеша, но и не медля, начал спускаться по нескончаемым ступеням.

Тусклый тяжёлый свет ещё какое-то время указывал ему путь, но вскоре и эти слабые лучи пропали. Здесь царила холодная темнота. Эет шёл, повинувшись лишь инстинкту — инстинкту, что вёл зомби, как дикого зверя.

Черёда бесконечных ступеней — как спуск в могилу; роскошный саркофаг, предназначенный для последнего немёртвого Атариды.

Эет сам не смог бы сказать, что изменилось, но он ощутил это всем существом своим.

Пространство вокруг. В нём более не чувствовалось дыхания жизни: ни сотрясения воздуха, ни звука капель, ни шороха осыпающейся земли.

Покой, в котором рано или поздно растворится всё.

И ты сам.

Ни одно существо, наделённое чувствами, не могло долго находиться здесь — чтобы не сойти с ума.

Эет остановился.

Перед ним возвышались огромные двери.

Зомби осторожно провёл пальцами по их поверхности.

Холодный металл. Покрытый чеканными барельефами.

И два массивных кольца.

Юноша прикрыл глаза. Дыхание вырвалось изо рта белым облачком.

Надо идти дальше. Надо выполнить приказ Госпожи...

Толкнуть створки. Просто толкнуть металлические створки.

Эт отступил на шаг. Нога нащупала ступеньку лестницы.

Последнюю ступеньку, с которой он только что сошёл.

Юноша моргнул. Почему он стоит? Почему подводит свою Госпожу? Она велела идти.

Велела найти святилище с Алтарём и охранять его. Почему он смеет стоять и медлить?

Он опустил на колени, словно на расстоянии умоляя Хозяйку отменить... Не посылать его туда, за эти двери.

Конечно, Госпожа не ответила. Лишь толкавшая вперёд сила стала болезненной.

Неважно. Это неважно.

Ты пойдёшь в главный Храм Мортис. Ты спустишься в подземелья. Найди там святилище с Алтарём. Ты должен охранять его.

Охранять его! Найти и охранять.

Тело юноши начала сотрясать крупная дрожь.

Эт поднялся и толкнул ладонью массивные двери.

С той стороны послышался лязг — это сам собою вышел из пазов внутренний засов — и металлические створки медленно и величественно начали раскрываться.

Лица коснулось дуновение. Воздух с той стороны оказался чуть суше и теплее, чем снаружи. Это странным образом успокоило зомби, как успокоило бы дикое животное. Забыв о колебаниях, Эт шагнул внутрь и пошёл вперёд. За ним с грохотом, раскатившимся по всему лабиринту, захлопнулись двери.

Но это было неважно. Совсем неважно.

В крошечной темноте Эт двигался вперёд.

Всё хорошо. Теперь у него много времени. Откуда он это знал? Он не смог бы ответить. Но теперь — спешить некуда. Впереди целая вечность. Он мог искать святилище сколько угодно, и это было не страшно.

Пол под ногами чуть заметно вздрогнул. Спустя некоторое время вздрогнул ещё раз, сильнее.

Эт не обратил внимания. Он не задумывался о том, что происходит наверху, в городе. Не мог и помыслить, что Храм в этот момент выдержал два чудовищных удара от идущих одна за другой волн-цунами.

Это было неважно.

Странный инстинкт не давал ему сворачивать в некоторые ходы, порой заставлял совершать шаги вправо или влево, обходя какие-то, ничем не примечательные, места. Правда, они странно пахли.

Они пахли... невыполнением приказа.

Чутьё, единственное чутьё вело его — приказ должен быть исполнен!

А у некоторых ходов был именно такой, нежный и тёплый запах. Запах Хозяйки. Запах её улыбки. Её радости.

Зомби следовал за этим ласковым ощущением, и временами ему чудилось, что Она вновь касается его волос — как тогда, когда бывала им довольна.

Он шёл в полной темноте и счастливо улыбался.

А потом слева открылась ниша, и за ней...

Эт повернулся, и стена перед ним расступилась.

Это было странно, но это было правильно.

Он вошёл внутрь, но двери за его спиной не сомкнулись. Он не был пленником этого места.

Юноша осторожно двинулся вперёд и наткнулся на небольшое возвышение. Едва его руки дотронулись до гладкого камня, как вдоль стен вспыхнули зелёным пламенем светильники.

Он стоял посередине просторной комнаты, рядом с алтарным столиком. А перед ним, над ступеньками из прозрачного обсидиана, возвышался пустой Алтарь.

Под чёрной фреской.

Эт сел на пол, скрестив ноги, и замер.

...Ровно горел огонь светильников, только их металл становился всё тусклее, скрываясь постепенно под слоем пыли. Цвет потеряли и сандалии на ногах, и туника из серой стала седой, и подол её намок и стал жёстким от чёрной жидкости, которая однажды начала потихоньку сочиться из-под зомби, засыхая вокруг корявой коркой. Кожа сперва стала синекрасной, потом бурой... Потом куда-то пропала, осталось только сизое мясо. Это было... странно и занятно. Но неважно.

В комнате давно царил неприятный запах. Наверное, он бы не понравился Госпоже.

Хуже всего, что внутри нарастал голод...

...Он становился чудовищным.

...Он сводил с ума.

Порой Эт ловил себя на том, что забывает о приказе — хранить святилище. Что думает о свежей пульсирующей плоти. И о сладкой крови.

Некогда Госпожа давала ему кусочки восхитительного мяса...

Когда на руках кое-где проступили кости, в голове зомби возникло смутное понимание: если он не добудет себе пищи, он не сумеет выполнить приказ Госпожи. Он не сможет охранять Алтарь.

Мясо. Тёплая вздрагивающая плоть...

...Эт вдруг понял, что стоит перед огромными внешними дверями. И поднимает рычаг.

Ничего. В святилище никого нет. Сюда никто не проникнет, Эт ощущал это всем своим существом. Мясо! Добыть мясо — важнее. Это — важнее всего. Иначе приказ Госпожи останется невыполненным. Он не сможет её дождаться.

Ступени...

Подъём давался с трудом, ноги еле двигались, и в коленях что-то скрипело. Странно. Но неважно.

Мясо.

Осталось подняться совсем немного. Меньше, чем он прошёл.

Открытая дверца. В стене. Покрытая пылью, покосившаяся, словно от страшного удара.

Из-за неё лился свет. Тусклый, он показался зомби ослепительным.

Мясо!

Эт с трудом повернул голову. Зубов коснулось холодное дуновение. Ток воздуха. Кажется, раньше холод и тепло ощущались не зубами, а кожей, но кожи давно не было. Неважно.

Розовое мясо!.. Свежая кровь...

Немёртвый, повинуюсь инстинкту, двинулся на свет. Протиснувшись сквозь щель, он очутился в огромном зале. И этот зал заливало солнце, врываясь щедрыми лучами сквозь широкий проём в дальней стене.

Кажется, когда-то... Когда-то там были ворота.

Зомби выбрался на террасу. Прикосновение тёплых лучей было неприятно. Запах, который точно не понравился бы Госпоже, под ними усилился. Ненамного, но это было плохо. Это было... опасно.

Глаза почти ничего не различали на свету. Эет упал и заскользил по ступеням вниз. И с размаху рухнул грудой грязного тряпья на землю, вспугнув стаю разноцветных птиц.

Зомби остался лежать неподвижно. Ничего. Не страшно. Так надо.

Почему? Он не смог бы объяснить. Так надо.

Над ним кружились мухи. Они облепили его с ног до головы живой чёрной массой, ползали по рёбрам, зубам и глазам. Он мог различать их маленькие, покрытые чем-то вроде шерстинок, лапки...

Эту это казалось забавным. Хотелось смеяться, но он не мог. Давно не мог. Голос куда-то пропал.

Мухи с жужжанием взмыли в воздух. Их спугнули. Потягивая воздух и урча, из зарослей вышел зверь и наклонился над Эетом. Обнюхав пададь и ткнув её влажным носом, зверь уронил светлую слюну.

Потом его зубы вонзились в плечо — и Эет, резко перевернувшись, вцепился в морду пададьщика.

Над лесом пронёсся полный ужаса и боли вой — но хватка зомби была мёртвой. Он рвал и глотал живую плоть, захлёбываясь в потоках горячей крови, и рычал от наслаждения. Он вгрызался в мягкое брюхо, выворачивал суставы, поедая добычу снаружи и изнутри... и остановился только, когда на белых костях — голубых в свете вошедшей луны — не осталось ни клочка плоти.

Эет не мог бы сказать, когда село солнце, когда наступила ночь... Всё утонуло в упоительном наслаждении. В тело влились новые силы... но одной жертвы было мало. Этого было мало. Он слишком... невероятно долго... не ел.

По крайней мере, суставы перестали скрипеть. И это было хорошо. Кажется, зрение стало чуть яснее... или это просто не мешает солнце?

Рядом послышалось чьё-то сопение. На поляну выскочило несколько небольших животных. Стая.

Прекрасно. Чем больше, тем лучше. Пусть подойдут.

Эет остался лежать.

Вот оно! Свежая кровь! Много крови. Много мяса.

Они склонились над ним.

Эет вгрызся в горло самому ретивому, но зубы остальных вцепились в его плоть.

Неважно. Руки действовали сами по себе. Руки методично разрывали одну тварь за другой, отделяли головы от туловищ, вырывали лапы из суставов... пока челюсти перегрызали горло первой жертве.

Зато теперь у него есть мясо. Свежее мясо!

Эет, рыча от удовольствия, жрал добычу, и иногда, бросая взгляд на тёмно-синее небо, улыбался звёздам.

А когда над лесом блеснул первый луч солнца, юноша рассмеялся.

Солнце больше не было опасным. Оно было ласковым и тёплым. Оно было добрым. Оно мягко согревало кожу рук.

Посмотрев на свои ладони, Эет снова рассмеялся. И, упруго поднявшись, пошёл в лес.

Лес надо было осмотреть. Лес окружал Храм. Из леса могли прийти чужаки. От чужаков Храм надо охранять.

Вскоре Эет услышал журчание. По камням бежал полноводный ручей, и на его волнах сияли блики. Счастливо жмурясь, юноша прикрыл глаза рукой — и, хохоча, влетел в воду. От него во все стороны разошлись бурые круги, а Эет нырял и плавал, смывая с тела кровь и грязь.

Госпожа была бы рада. Госпожа когда-то велела ему мыться раз в два дня. Правда, тогда он жил в её доме. Сейчас её дом куда-то пропал... но неважно! Хорошо, что нашёлся ручей.

В его сильных волнах последние присохшие клочки ткани, оставшиеся от туники, соскользнули с тела, и золотые волосы облепили Эету плечи. Ремни сандалий порвались, и обувь умчало по течению...

Это было неважно. И здорово.

Выбравшись на берег, юноша отряхнулся, как пёс, и пошёл снова к Храму. Он должен был спуститься обратно, в подземелье, в ту комнату, где ровно горели зелёным пламенем светильники... но теперь он не будет сидеть там так долго. Он вернётся к этому ручью. Через два дня. И снова будет купаться и нырять... Но сначала поест мяса.

Госпожа не была бы против. Госпожа хотела, чтобы он как можно лучше охранял Алтарь.

А так — лучше.

Эет ещё раз улыбнулся и ступил на каменные ступени пирамиды.

...Шаг в шаг. Как в первый раз. Сотни шагов — к святилищу и обратно. Зелёное пламя светильников — и сияние солнца. Голубой свет луны — и мрак подземелья. Упоительная свежесть ветра — и безмолвие коридоров.

Эет изучал лес. Эет охотился.

Как хороший сторожевой пёс, он не чуял чужаков — значит, надо было просто ждать. Ждать, когда вернётся Госпожа.

Или жрецы.

И это ожидание можно было заполнять чем угодно.

Он бродил по скалам, заросшим лесом. Он выходил к морю.

Звери начали убегать при его приближении, но это было неважно. Эет чувствовал небывалую силу. Он мог бежать быстрее и прыгать дальше любой лесной твари. Он не чувствовал боли и не ведал страха. Он никогда не отступал.

Эет ощущал, что теперь ему вовсе не обязательно поедать добычу целиком, но зачем останавливаться, когда на языке тает мясо, под зубами трепещет плоть, и от волшебного запаха свежей крови кружится голова?.. Зомби охотился уже для собственного удовольствия.

Эет стал хищником. Диким великолепным хищником. Погоня за жертвой доставляла ему не меньшее наслаждение, чем пир.

Бежать навстречу свежему ветру, захлёбываться высотой, перескакивая через горные ущелья — а потом, наевшись, прыгнуть в море с прибрежных отвесных скал, раскинув руки... И смеяться, качаясь на волнах. Смотреть на огромное оранжевое солнце, что медленно тонет в пурпуре моря...

А потом спуститься в молчание и темноту коридоров, сесть у подножия Алтаря — и думать о Госпоже... И дремать под эти мысли.

Госпожа...

Иногда Эет, повинувшись властной тоске, поднимался в ту чудесную комнату, где на стене было Её изображение, вставал на колени возле столика напротив, опирался на столешницу локтями и, положив подбородок на ладони, смотрел. Подчас грусть становилась настолько пронзительной, что зомби не мог удержать жалобного полу-стона, полу-воя. Он закрывал глаза, и из-под век бежали слёзы.

Он не знал, когда вернётся Госпожа. Порой ему начинало казаться, что уже никогда.

Но Она приказала ждать. И он будет Её ждать! Она должна вернуться.

И он обязательно дождётся...

Эет заботился об этом зале, как мог. Он ладонями стирал пыль с изображения Госпожи и со своего столика, выносил листья из-под колонн, если их закидывал туда ветер, и иногда протирал кадилницы.

Ведь когда они блестят под солнцем, это так красиво...

...Ночью на море налетел шторм.

Эет вышел было из подземелий на охоту, но дождь удержал его. Юноша поднялся в Верхний храм и, сев на балконе, обхватил колени руками. Эет любовался молниями.

Синие сполохи освещали небо и море, ливень сёк голые плечи, ветер трепал волосы.

Грохот прибоя оглушал. Даже в тихую погоду здесь слышался легчайший шорох волн, а рёв бури заполнил, казалось, всё пространство храма, и гремел, как торжественная грозная музыка.

В какой-то миг Эету показалось, что Госпожа стоит за его спиной. Что он ощущает Её пальцы на своём плече. Что Она вместе с ним любит штормом.

Юноша обернулся. Конечно, сзади никого не было.

Из глаз Эета потекли слёзы.

Он проплакал всю ночь, уткнувшись в колени, а утром сбежал из Храма — лишь бы не видеть той картины.

Едва зомби вышел в лес, как сразу ощутил: что-то изменилось на острове.

В воздухе висел странный запах. Эет не чувствовал его уже очень, очень давно.

Этот запах тревожил.

Зомби пошёл к морю.

Надо ещё поесть... но это подождёт. Важнее удостовериться, что Алтарь в безопасности.

На песке, у самых скал, над которыми высился Храм, среди истерзанных медуз и измочаленных водорослей, валялись доски. Много досок... Изломанные бурей, изъеденные морской солью — они не представляли опасности. Но, тем не менее, обеспокоили Эета.

Немёртвый втянул носом воздух. Запах моря. Йода и соли, запах рыбы. Запах мокрого дерева и нагретых солнцем камней.

Запах мяса.

Эет пошёл по нему, как по путеводной нити.

Пришлось спуститься в море, чтобы обогнуть выступ скалы. Не страшно. Неглубоко. Вода приятно холодила щиколотки.

На песке валялись трупы. Они не были похожи на трупы животных. Кажется, он видел такие существа. Давным-давно...

Эти были холодные и мокрые, в рваном тряпье.

Зомби поморщился. Нет, это не еда. Это падаль.

Но тревожащий запах исходил именно от них.

Теперь неважно. Эти странные создания не опасны. Их расклюют прибрежные птицы.

Эет пошёл вдоль берега. Надо найти настоящую еду. Чуть дальше будет пологий подъём, по нему можно выбраться в лес. По лесу бегают много вкусных животных.

Проворно карабкаясь по откосу, цепляясь за корни, зомби забрался наверх, к деревьям. И услышал звонкое тьяканье.

Эет повернул голову на звук и застыл, прислушиваясь...

Запах... Снова этот странный запах.

Из-за кустов выскочило какое-то маленькое вертлявое создание. Оно отчаянно гавкало на Эета.

В лесу — не слишком далеко, но всё же не за ближними деревьями — кто-то бежал на это призывное тьяканье. Кто-то не очень большой и не слишком тяжёлый. И этот кто-то тоже издавал звуки. Не гавкал, не рычал, а...

Неважно.

Чужаки.

Понимание оказалось пронзительным.

Чужаки!

Прекрасно. Он голоден.

Эет нагнулся и одним движением схватил надоедливое создание. Оно завизжало и тяпнуло за палец. Зомби лишь рассмеялся — и разорвал зверька пополам.

А потом выдернул лапу и молниеносно обглодал. Вторую...

Кровь текла между пальцев, а Эет рычал и глотал тёплое, ещё вздрагивающее, мясо.

И тут из-за кустов выбежало второе существо. И замерло, худенькое, в изодранном платье, с длинными тёмными волосами, склеенными морской солью... Застыв, оно широко распахнутыми глазами смотрело на Эета.

Странное. Не похожее на других животных.

Неважно. Это неважно.

Это чужак.

Это мясо.

Создание завизжало и кинулось прочь.

Зомби отшвырнул недоеденную добычу и прыгнул.

Он схватил это странное животное, повалил на землю, вцепился в горло...

Он рвал и глотал, не в силах остановиться... Он никогда не ел ничего подобного. По телу волной прокатилась странная дрожь.

Зомби жрал, повинуюсь инстинкту и неведомой дотоле алчности.

Кости хрустели на зубах; наконец, остался только череп — и Эет, нетерпеливо урча, размозжил его о камень.

И с жадностью начал глотать мозг.

Голова пошла кругом. Эет покачнулся — и, чтобы удержаться, схватился за дерево.

Череп вывалился из пальцев.

Юноша часто заморгал — и, нахмурившись, непонимающе огляделся вокруг.

В сознании рассеивался странный туман.

Эет перевёл взгляд на обглоданный детский череп у своих ног, посмотрел на свои руки

— их покрывала кровь, — упал на колени и отчаянно замотал головой.

— Богиня! — сдавленно вырвалось у него.

Горло отозвалось ноющей болью. Юноша слишком долго не разговаривал...

Запрокинув голову, Эет смотрел на небо. Оно дрожало и расплывалось от непрошенных слёз.

Чёрт возьми, он убил и сожрал ребёнка! Там, на берегу, обломки корабля, разбитого штормом. Девчонка, похоже, единственная спаслась...

Чтобы стать его добычей.

Чтобы вернуть ему сознание.

Дьявол! Конечно, он не понимал, что творил, он позабыл разницу между человеком и зверем... Он сам стал диким животным... Отчего же так тошно?

Если бы когда-то давно... немыслимо давно... он выполнил приказ Госпожи и укусил её... или её подругу... Этого бы не случилось.

Эет сжал кулаки. Вот чем обернулась его боязнь причинять боль!

Он осторожно поднял с земли череп девочки.

— Я клянусь тебе... я клянусь, что больше никогда не побоюсь небольшого зла, чтобы не случилось зло огромное, — прошептал он. — Прости меня. Прости!

...Он руками вырыл могилу на обрыве и похоронил детский череп рядом с останками собачки. Пусть хранит покой своей хозяйки.

Потом юноша смыл с себя в море кровь и, собрав тела погибших моряков в одну кучу, сложил над ними камни.

А потом медленно пошёл в лес.

Он помнил запах каждой тропинки, каждого дерева. Он помнил все прошедшие годы.

По щекам текли слёзы. И пусть. Чёрт возьми, кого ему стесняться?

Боль от совершённого сплеталась с иной болью.

Атарида...

Священная Атарида...

Чёрт возьми, лучше бы ему остаться навсегда бессмысленным хищником, чем осознать: он один на этом острове, он — последний, кто уцелел из народа Атариды!..

И он не может покинуть это место. Он прикован к Храму приказом Госпожи.

Что ж... Так тому и быть.

По губам Эета вымученно скользнула тень улыбки. При мысли о Госпоже стало чуть легче.

Госпожа...

Госпожа рассчитывает на него.

Он даже не знает, как её зовут. Конечно, Хозяйку называли при нём по имени, но... это было так давно... А он был не в том состоянии, чтобы запоминать детали.

Юноша опустил голову. Госпожа была жива, он чувствовал. Не мог не чувствовать. Значит, он дождётся её. А пока будет выполнять приказ: хранить Храм.

И разве оправдать доверие Госпожи само по себе — не награда?

На душе стало немного теплее.

Эет поднялся в Верхний храм и остановился перед фреской.

Богиня... Тогда, много лет назад, в Общем храме, он увидел её совсем другой. У неё были пепельные волосы. И роза в руках. И совсем иное выражение лица. А здесь... Ничего удивительного, что в своём бессознательном состоянии он решил, будто тут портрет

Госпожи! Это изображение богини и в самом деле похоже на неё, но глаза у Госпожи чёрные.

Странно, что на том портрете, из общего зала, у богини тоже были чёрные глаза. Как у Госпожи.

А здесь — зелёные...

Юноша осторожно провёл пальцами по фреске. Краски на стене сияли, как новые.

Эт преклонил колени. Волосы цвета светлого золота рассыпались по плечам и спине.

— Благослови, богиня, и прими моё служение. Кроме меня, сейчас больше некому позаботиться о Твоём Храме... И если не будет дерзостью для Твоих ушей молитва обычного зомби, то прошу: сохрани мою Госпожу. А я сделаю всё, чтобы сохранить Твой Алтарь!

Солнечный луч скользнул по лицу богини, и зелёные глаза заискрились шаловливо и лукаво.

Эт встал с колен и пошёл в коридор с кельями. Толкнув двери в первую же комнатку, он обнаружил шкаф. Дверцы покрывали тенёта и паутина, но вещи внутри несколько не пострадали от времени. Они пахли свежестью и горной лавандой. Наверное, какая-нибудь бытовая магия...

Эт подобрал себе тунику поскромнее и удобную обувь. А потом вышел и медленно двинулся по переходам к лестнице в подzemелье.

Богиня, как же красив оказался Храм!..

Юноша останавливался и подолгу любовался картинами на стенах. Конечно, краски поблекли от слоя пыли, но даже сквозь неё ещё можно было рассмотреть тайные сюжеты, хранимые от глаз посторонних.

Массивные двери, украшенные резьбой и инкрустациями, вели в неведомые переходы; из мраморных корон световых колодцев, завораживая, струились солнечные лучи...

Но вот и лестница!

Ступени, как дни жизни... приводящие к великой тьме.

У подножия Эета всегда охватывал необъяснимый страх — но на сей раз ужас накатил с такой силой, что молодой человек чуть не кинулся назад. Только знание, что там, за дверями, лишь коридоры и святилище, остановило юношу.

Он коснулся дверей — и они распахнулись перед ним.

Эт в полной темноте стоял перед входом — и вдруг понял, что понятия не имеет, куда идти.

Ни малейшего.

В лесу он вспоминал дорогу, узнавая места, запахи и шорохи, но здесь...

Здесь не было ни звуков, ни запахов, ни света. Он всегда ходил здесь, повинуюсь лишь инстинкту.

Пробудившееся сознание намертво блокировало все инстинкты, что знали дорогу через лабиринт.

Пробудившееся сознание услужливо подсказывало, что там полно ловушек...

Эт медленно, шаг за шагом, пятился вверх по лестнице.

Он не мог дойти до тайного святилища! А если бы дошёл, то вряд ли бы отыскал обратный путь.

Чёрт возьми... ведь не обязательно стеречь этот Алтарь, сидя перед ним, верно?

Юноша развернулся и решительно пошёл наверх. Какого чёрта! Он не сторожевой пёс. У него пробудилось сознание, он может и должен жить, как человек, а не как животное! А

Алтарь... Он разыщет путь к Алтарю, чтобы ухаживать за святыней богини, как это делали жрецы, но сначала... сначала он должен найти план переходов. Или магическое заклинание, что указало бы дорогу к святилищу.

У него впереди целая вечность.

За спиной мягко сомкнулись двери лабиринта. Их замок зазвенел, как лёгкий поддразнивающий смех...

Глава X

Белый тигр

Эет

Эет решительно поднялся наверх и направился к коридору с кельями.

Он обследовал комнаты одну за другой. Все они были обставлены одинаково, во всех одинаково царило запустение. Вид из окон тоже не отличался разнообразием: с одной стороны отовсюду лучилось полуденными бликами море, с другой — простирался бескрайний лес, скрывший под собой руины столицы. Эету, при таком скудном выборе, по большому счёту было всё равно, в какой келье поселиться.

Он облюбовал себе угловую комнату, ближайшую к Верхнему храму — ту, где нашёл себе одежду по размеру.

Юноша вымел горы пыли и путины, смахнул с окон целый слой грязи, вышвырнул с постели истлевшее бельё и застелил новое, из шкафа, которое сохранила магия святых отцов.

Таким образом, приведя комнатку в более или менее уютный вид, Эет принялся за ревизию полученных в наследство от прежнего жильца вещей в шкафу.

Обнаружившееся там изобилие даже смутило юношу. Он не привык к тонким тканям и драгоценной выделке. И, хотя фасон большинства вещей отличался сдержанностью, а подчас и скромностью — жрецам не подобало суетно стремиться к роскоши, — деревенскому мальчишке гардероб показался великолепным. Совсем не хотелось портить такие чудесные вещи, бродя в них по пыльным коридорам или охотясь в лесу.

"Что ж, я поищу что-нибудь попроще внизу, в комнатах для прислуги!" — рассудил Эет. Впрочем, поиски не были срочными: новая белая туника — пусть и с вышитой золотой каймой по подолу — его вполне устраивала, и потому юноша продолжил обустраивать свою новую комнату.

Из соседней кельи он принёс к себе снабжённый кремниевым бойком изящный светильник, в котором сохранилось масло, и, вспомнив, как дома помогал матери со свежими занавесками, беленькими и отутюженными, развешивая их на окнах, повесил и себе на окно тонкую ткань.

Теперь комнатка стала совсем уютной, и Эет, скинув сандалии, рухнул на свежую постель, вытянувшись в полный рост. Богиня, как давно он не спал в настоящей постели!

Как давно он вообще не спал по-настоящему... Сон и обычная еда — это роскошь, которую могла позволить себе только высшая нежить. Нежить, обладающая сознанием и свободной волей.

Эет усмехнулся уголком рта. Похоже, теперь он может уверенно причислить себя к высшей нежити. Хотя, конечно, не к полноправной. Разумеется, не к полноправной! Он — собственность Госпожи.

Но где она, его Госпожа?..

Юноша помрачнел. Что с ней? Если бы знать... Она жива — вот и всё, что дано было чувствовать её слуге. Он даже не имел понятия, хорошо ли ей или плохо, в богатстве она живёт или в бедности, угрожает ей опасность или нет...

Может быть, так и лучше? Спокойнее. Чем мог бы он помочь, если б что-то грозило ей? Только сходил бы с ума от собственного бессилия.

Эт закрыл глаза. Перед внутренним взором ярко встало то злополучное утро, ступени университета... Он смотрел на взъерошенную, надутую девочку в старой мешковатой куртке. Он ведь узнал её... Именно она показала ему дорогу к залу приёмной комиссии. А вот девушка его, похоже, не узнала.

Какая же она была забавная, со своим высокомерием.

Эт усмехнулся краешками губ. Бедная. Что она испытала, должно быть, когда нашла в его куртке свидетельство об иммунитете...

Он вздохнул. Госпожа с полным правом могла его возненавидеть. Но ведь кормила и содержала. И даже пыталась спасти.

Эт не мог вспомнить, что случилось там, на борту маленькой яхты, почему вдруг Госпожа, вскочив, велела ему идти в Храм. Она стала такой бледной в ту минуту... И едва не упала.

Богиня, он готов в лепёшку расшибиться, лишь бы ей было хорошо!

Странно... Если рассуждать логически, ему бы её ненавидеть. Что она сотворила!

Эт прекрасно понимал.

Она убила его. Сделала своим слугой. Навсегда привязала к этим руинам...

Так отчего же мысли о ней полны такой светлой нежности?

И, богиня, какое счастье он испытывал, когда она прикасалась к его волосам...

Вспомнился давний разговор с Виром.

Ты ведь даже не знаешь, что такое любовь...

Теперь знает.

А что такое полное одиночество, ему ещё предстоит прочувствовать. Это он тоже прекрасно осознаёт.

Только бы не сойти с ума. Только бы не превратиться в дикого зверя второй раз, уже от тоски по людям. От тихого отчаяния, когда не с кем перекинуться даже словом!..

Эт прикусил губу. В самом деле, он же свихнётся здесь, рано или поздно, занимаясь только охотой! Сумасшедший зомби, только этого ещё не хватало...

Юноша усмехнулся. Да уж. Юмор становится мрачным.

Что ж, значит, придётся найти себе занятие помимо охоты. И он даже знает, какое.

Ведь он же учиться в столицу шёл, не так ли? Он хотел стать магом. Что мешает? Теперь у него полный доступ ко всем архивам и тайным библиотекам Храма — о таком даже ректор университета мечтать не мог! Тем более, чтобы найти план лабиринтов вокруг подземного святилища, всё равно придётся рыться в библиотеках... так хоть с пользой для себя!

— Госпожа моя, ты сможешь мной гордиться! — вслух произнёс Эт, с улыбкой глядя в потолок. На душе стало легко и спокойно.

Он выполнит приказ Госпожи лучше, чем она могла помыслить. Он станет магом! Он использует все свои знания, чтобы охранить Алтарь.

Но ведь не только для этого, да?

Эт рассмеялся — звонко и искренне. Как тогда, в дупле старого дерева, рассказывая случайному соседу о своей мечте...

А потом юноша позволил себе соскользнуть в сон — и впервые за эти долгие годы спал по-настоящему: мирно и глубоко.

Он проснулся посреди глухой ночи. Проснулся просто потому, что отвык спать долго. Сев на кровати, Эт зажёл светильник — и отражение тёплого живого огня, чуть размытое из-за прозрачной занавески, заплясало в стекле окна.

Там царила непроглядная темень.

Плавным движением молодой человек поднялся и, надев сандалии, вышел в коридор. Сон окончательно оставил Эта, есть не хотелось...

Юноша откуда-то знал, чувствовал, что после человечины голод не проснётся ещё очень долго...

...Стиснув зубы и приказав себе не думать о том, чего не исправить, Эт пошёл разыскивать библиотеку Храма. Он догадывался, что она занимает не один зал... но, по большому счёту, наверное, неважно, откуда начинать обучение?

Юноша шёл привычной дорогой, держа светильник перед собой. Кажется, где-то тут должны быть первые двери... Сегодня днём они привлекли его внимание изысканной отделкой и размерами.

Вот и они!

"Лишь бы не заперто!" — пронеслась в голове мысль...

Эт слабо, вопросительно, толкнул величественные створки — и услышал, как с лязгом вышел из паза язычок замка.

Дверь распахнулась, открыв за собой пахнущую пылью темноту.

Юноша нахмурился, не торопясь входить внутрь. Что же это такое? Какой смысл в запорах, если они отмыкаются при первом прикосновении к дверям?.. Ну ладно, кельи жрецов... Но ведь это же тайная библиотека, и знания в ней должны охраняться почти столь же бдительно, как и путь к Святилищу!

...Ха-ха. Путь к Святилищу. Сколько раз проходил некий глупый зомби через двери лабиринта?

Или там, за дверями, тоже какая-то ловушка? Как в лабиринте?

Эт свернул в боковой коридор и толкнул первую попавшуюся дверь. И ещё одну. И ещё.

Лязг отмыкавшихся замков и падающих засовов нарушил тишину ночи.

Всё распахнулось при первом прикосновении Эта.

Сердце забилось, как сумасшедшее. Облизнув пересохшие губы, Эт прислонился к стене. Что же это такое? Что это значит?..

Немного уняв стремительное сердцебиение, юноша попытался совладать с собой. В конце концов, какой смысл размышлять о том, чего не можешь понять? Быть может, ответ найдётся там, в библиотеке?

Повыше подняв свой светильник, Эт решительно вошёл в ближайшие распахнутые двери.

Луч скользнул по высоким стеллажам, на которых, от пола до потолка, выстроились книги. Дыхание перехватило от восторга. Это можно было читать столетиями...тысячами лет!

И однажды прочитать всё.

— Богиня, я сделаю это! — с сияющими глазами прошептал юноша. — Я прочитаю все

архивы Храма!.. — И, помолчав, добавил с невесёлым смешком: — Я предпочту свихнуться от чтения, чем от тоски!

Луч света скользнул по надписи, висевшей над проходом меж стеллажами.

"Демонология"...

Зомби медленно пошёл вдоль стеллажей.

"Запрещённые проклятия"...

"История"...

"Магия Пространства"...

Бесконечные стеллажи. Четыре темы. На сотни шагов в глубь зала и на десятки локтей в высь.

Книги, свитки и рукописи.

Впереди блеснул огонёк.

Замерев, Эет остановился.

Огонёк остановился тоже.

Эет медленно, не сводя глаз с тусклой золотистой искорки, пошёл вперёд.

Искорка поплыла ему навстречу.

Вскоре юноша понял, что там, на стене, просто висит огромное зеркало, от пола до потолка...

Подойдя, Эет осторожно смахнул пыль с тёмной глубины, и впервые за многие годы посмотрел себе в глаза...

Он нисколько не изменился. Только, пожалуй, лицо стало чуть бледнее — но что вы хотите от живого мертвеца?

Эет усмехнулся уголком рта.

А ещё волосы... Волосы отросли до лопаток, спутанными прядями падая на плечи. Он привык к этому и уже не обращал внимания... а теперь внезапно осознал, насколько длинными они стали.

Юноша невольно прикоснулся к лицу. Странно... Ни малейшего признака щетины.

Эет прикрыл глаза и устало вздохнул. О богиня... По каким непонятным законам теперь живёт... существует... его тело?.. Остаётся ничему не удивляться и принимать себя таким, как есть! Иначе он свихнётся быстрее, чем предполагал.

Впрочем... кажется, у всех немёртвых, которых он встречал прежде, на лице не наблюдалось никакой растительности. Никогда. А вот длинные волосы, напротив, носили многие.

Тёплая улыбка невольно скользнула по губам: Госпожа любила прикасаться к его волосам...

Какое счастье накатило на него, когда она впервые дотронулась до них — там, в подземелье университета...

Словно наяву Эет вновь увидел, с каким робким смущением и восхищением касалась Госпожа его прядей...

Если бы они были длинными...

Эет улыбнулся. Что ж, если его шевелюра не потеряла способности расти... хотя и медленнее, чем у живых людей... Почему бы ему и не носить длинные волосы, раз они нравятся Госпоже? Так тому и быть.

Только тогда надо поискать расчёску или гребешок в кельях, и не допускать на голове такого безобразия, как сейчас.

Вспомнился Вирлисс. Его длинные серебристые пряди, похожие на тончайший шёлк. На паутину. Эта роскошь ниспадала ниже пояса!

Что случилось с Виром?..

Эт подавил печальный вздох. Что случилось, что случилось? А что случилось с матерью и отцом, с друзьями и односельчанами? Что случилось со всеми Верхними Бродами, с городком Колиносом?

Никого из них больше нет. Ни Смертных, ни Бессмертных. Нет ни городов, ни деревень. Нет Атариды.

Глаза предательски защипало.

Не нужно... Не нужно думать об этом. Никого из них не вернёшь и ничего уже не исправишь!

Эт сел на пол и, обхватив ноги руками, подтянул колени к подбородку. Непрошенные слёзы катились по щекам. Какого чёрта... Они же погибли. Они все погибли! Неужели он не может... не смеет... оплакать их?! А кто ему запретит, скажите на милость?

Плыла ночь, тихо потрескивал светильник, и глухие всхлипы юноши разносились по пустому залу...

Наконец выплакавшись, Эт встал. Не за этим он сюда шёл.

Оставив светильник перед зеркалом — стекло усиливало свет — юноша подошёл к ближайшему стеллажу и достал первую попавшуюся книгу. И, скрестив ноги, вернулся, удобно усевшись на полу. И раскрыл пыльный том.

Название выглядело интригующе: "Кривые Пространства: создание меж-мировых Порталов".

Введение захватывало. "Как известно, — писал автор книги, — богиня наша явилась в этот мир из иного. Не станем мы касаться вопроса, что это был за мир и где он располагается, ибо вопрос этот близок к области легенд, а не науки. В книге данной попытаемся мы доказать читателю, что порталы между мирами властны открыть не только боги или демоны, но что в силах магии это, и дисциплина сия является одной из дисциплин Магии Пространства".

Эт с восторгом и неослабевающим интересом прочитал ещё несколько страниц, написанных весьма доступным языком... а потом увяз в такой паутине магических терминов и формул, что от попыток разобраться в них разболелась голова.

Захлопнув книгу, Эт поставил её на место и, закусив губу, замер возле стеллажа.

Юноша был достаточно умён, чтобы понять — деревенскому неучу не по зубам мудрость жрецов Мортис. Он мог потратить целую вечность, читая эти книги — и не стать образованнее ни на йоту.

Не отсюда... Надо начинать не отсюда.

Богиня... Сохранились ли библиотеки университета? Только с их помощью... Только поднявшись на уровень университетского мага, мог он позволить себе вернуться сюда, к архивам Храма.

Самонадеянный мальчишка!

Эт вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Замок изнутри щёлкнул, сам собою входя в паз.

Закрыв все двери, так бездумно распахнутые ночью, юноша медленно пошёл к Верхнему храму. Короны световых колодцев уже слабо рассеивали мглу внутренних помещений — за стенами занимался рассвет.

Молодой человек, задумчиво опустив голову, прошёл в зал. Сизый тающий сумрак плавал здесь. Небо светлело, но восход ещё был далеко.

Эет вновь остановился перед фреской. Богиня... Только она и станет его собеседницей на многие годы.

Взгляд скользнул по изображению зверя рядом с ней. Белый тигр. Странно... Жрец в храме при их деревеньке всегда говорил, что зверь Мортис — чёрный ягуар.

Ну, и волки, конечно.

Похоже, богиня так же одинока, как и он. Если в спутниках у неё только звери. Впрочем, у него нет и таких друзей...

Эет вышел из Верхнего храма и медленно пошёл вниз, спускаясь в лес, как в зелёное живое море.

На террасе у Общего храма он остановился, пытаясь сориентироваться. Университет... Где же был университет? К подножию Храма вела широкая улица... потом был парк, который они когда-то обходили с Вирлиссом... потом снова вниз по улице... свернуть налево... и, вдоль университетского сада...

Эет вздохнул. Лес. Один лес.

Юноша спустился и, продираясь сквозь пышно разросшиеся заросли, не обращая внимания на знакомые тропинки, двинулся прямо. За его спиной раскачивались высокие травы и кустарники, вокруг трещали ветки, с воплями взлетали птицы...

Когда солнце подобралось к полудню, Эет остановился.

Он выбрался на поросшую травой обрывистую, скалистую площадку, залитую щедрым дневным теплом. Выше щерились изъеденные ветрами камни — видимо, когда-то давно их обнажил немислимой силы толчок, и часть берега здесь обвалилась в море, образовав гигантские террасы.

Юноша сел, почти упал, на жёсткую траву. Тело его не ведало усталости, но в душе нарастала пустота. Богиня... Как он что-то найдёт здесь? После землетрясений, после цунами? Сохранилось ли от города хоть что-то?..

Эет прикрыл глаза. Он помнил... Помнил ту грандиозную волну, что катилась на город и показалась ему такой красивой из окон Верхнего храма.

Молодой немёртвый в отчаянии уронил голову на грудь. Разве он не идиот? На что он рассчитывал?

Какая насмешка: располагать всей мудростью Храма Мортис — и быть не в силах ею воспользоваться!

Юноша стиснул зубы. Нет... Он не сдастся так просто. Он будет искать! Он изучит весь лес, всё побережье. Но он найдёт руины университета! Он отыщет библиотеки...

Немного успокоившись, Эет обернулся — и замер.

С высоты камней на него смотрел зверь. Белоснежный мех серебряными искрами сверкал под лучами солнца.

Юноша затаил дыхание от восхищения.

Тигр, будто красуясь, повернулся боком, и его силуэт расплавленным белым золотом вспыхнул под сиянием полудня на фоне тёмной лесной чащи. Кончик гибкого хвоста чуть вздрагивал.

Эет боялся шелохнуться, чтобы не испугнуть зверя. Богиня... Он уже привык, что лесные твари разбегались в панике, едва учуяв его запах... О Мортис, неужели это твой ответ на его мысли сегодня утром?

Белый тигр?..

По коже побежали мурашки.

Зверь повернул голову, скользнув по человеку насмешливым и снисходительным взглядом.

Эет, не веря себе, осторожно поднялся на ноги, опасаясь резким движением спугнуть... зверя? наваждение?

Тигр фыркнул и невероятным прыжком опустился на площадку на некотором расстоянии от Эета. А потом прилёг на траву, выражая самые мирные намерения — чеканный гордый силуэт на фоне зелёных зарослей, — и зевнул, обнажив клыки, сверкнувшие под солнцем, как полярный снег.

Молодой человек сделал шаг вперёд. Потом ещё. Тигр терпеливо ждал, когда, наконец, к нему сподобятся приблизиться.

Эет встал рядом и неуверенно, вопросительно, коснулся пушистого меха на затылке. Тигр заурчал и наклонил голову, позволяя почесать себя за ухом. А потом подставил шею, и мурлыканье, похожее на рычание пса, завибрировало в горле хищника.

— Какой ты... — восхищению Эета не было предела. — Ты... ты ведь меня понимаешь?

Тигр беззастенчиво урчал от блаженства и не снисходил до ответов на идиотские вопросы.

— Ты ведь зверь Мортис, да?

Животное лениво приоткрыло глаза и презрительно покосилось на Эета. "Вот ещё, быть чьим-то зверем!" — словно говорил этот взгляд.

Юноша чуть не ахнул, увидев вблизи глаза тигра.

Тёмно-синие! Белый тигр с тёмно-синими, почти чёрными глазами!

— Так на фреске же они у тебя зелёные!.. — ляпнул Эет.

Зверь фыркнул и уткнулся носом в лапы. Спина его сотрясалась. Эет не мог поверить своим ушам — тигр смеялся!

— Как тебя зовут? — спросил юноша. — Ведь у тебя должно быть имя?

Смех прекратился. Хищник поднял голову и серьёзно посмотрел прямо на Эета. Губы коротко приподнялись, на миг вновь обнажив клыки.

— Врр... — рыкнул он.

— Вр? — повторил Эет.

Тигр досадливо чихнул и мотнул головой.

— Врррр... — повторил он.

Эет махнул рукой.

— Прости, но, можно, я стану звать тебя Снежок?

Зверь прикрыл нос лапами и сдавленно мяукнул. А потом гибким движением перекатился по траве, фыркая от смеха.

Просмеявшись, хищник поднялся, одарив Эета снисходительным взглядом. "Ну что с тебя взять? — словно говорил он. — Хоть горшком назови!"

А потом тигр мотнул головой, приглашая следовать за собой, и неспешно двинулся к лесным зарослям. Через несколько шагов он обернулся и снова мотнул головой.

— Идти следом?

Зверь закатил глаза.

— Ну, иду, иду, — рассмеялся Эет.

Они углубились в чащу.

Хищник бесшумно и быстро скользил меж стволов, и временами его шкура серебряными искрами вспыхивала в сумраке — под редкими лучами солнца, пробившимися сверху. Эет не переставал любоваться им.

Сам он тоже не отставал. Годы охоты приучили его тело двигаться легко и стремительно в самых глухих зарослях, и временами юноша ловил на себе одобрителный взгляд зверя.

Солнце ползло к краю неба, когда, наконец, тигр вывел спутника к глубокой долине, зажатой в скалистом кольце. На острых уступах камней кое-где росли чахлые деревья, цепляясь корнями за скудную почву, наметённую ветром в щели.

Эет готов был поклясться, что никогда прежде не бывал здесь, хотя, казалось бы, исходил окрестные леса вдоль и поперёк.

Там, на дне, лежали развалины меж вздыбленными остатками улиц — будто земля хотела стряхнуть с себя город, поглотить, пыталась сомкнуться, но неведомая, немислимая сила удержала её в последний момент.

Воистину, при таком смещении пласта последний житель Атариды мог бы долго искать университет!

Тигр повернул голову, бросив на Эета смеющийся взгляд. "Ну давай, что же ты медлишь?" — словно спрашивал Снежок.

Эет прикинул, как лучше спускаться. Вон там, кажется, можно уцепиться за выступающий валун, а дальше...

Зверь снисходительно смотрел на него, как на маленького ребёнка.

Эет рассмеялся.

— Да, ты прав. Я же не человек. Просто... я не привык ещё.

На морде Снежка выразилось насмешливое соболезнование: бедолага, сколько лет прошло — а он всё никак не привыкнет!

Эет шутливо ткнул тигра в загривок.

— Ладно-ладно, не подначивай! Сам прекрасно знаешь, в каком я был состоянии.

Снежок закивал с самой умильной мордой. Ага, мы всё знаем и понимаем, вот только кое-что сказать некоторым олухам не можем.

Видимо, рассудив, что, если сказать нельзя, то надо показать, тигр прыгнул.

Его гибкое грациозное тело распласталось в воздухе. Зверь словно воспарил над камнями — и плавно опустился на дно.

Эет отошёл чуть назад, разбежался — и тоже прыгнул.

Раскинув руки, юноша перевернулся в полёте — и, даже не покачнувшись, встал рядом со зверем. Снежок смотрел серьёзно и с уважением.

— Ну хорошо, — сказал Эет. — А обратно как выбираться? Я должен хранить Храм, да и время от времени мне нужно охотиться.

Тигр смешливо фыркнул.

— Точно выберусь? — рассмеялся Эет. — Ну ладно, тебе я верю.

На лице... морде... Снежка отобразилась пылкая благодарность, смешанная с таким ехидством, что юноша покраснел.

— Что ты за зверь такой... в смысле, откуда у тебя такой характер?.. — проворчал зомби.

Снежок вновь закатил глаза.

Эет снова рассмеялся и, опустившись на колени, обнял зверя за шею.

— Как ты мне нравишься, Снежок, если бы только ты мог представить! Ты словно человек...

Тигр фыркнул от смеха, а потом взгляд его посерьёзней, и зверь толкнул лбом Эета в плечо.

— Я тоже ничего, да? — улыбнулся юноша. — Знаешь, когда-то очень давно мне так сказал один вампир. И я безумно жалею, что расстались мы глупо. Из-за моих необдуманных слов... Иногда мне кажется, что... мы могли бы с ним подружиться.

Эет замолчал. Снежок молчал тоже, глядя умно и печально, прямо в глаза. Выражение этого взгляда молодой немёртвый не взялся бы определить... Сожаление? Понимание? Тень вины? Потом тигр осторожно, словно бы ободряюще, боднул Эета в щёку. И мотнул головой в сторону руин, напоминая о цели их прихода сюда.

Эет упруго поднялся и огляделся вокруг.

Город... Юноша узнавал эти места. Землетрясение действительно сместило столицу, обрушив на её место часть горной породы кряжа, что высился к западу. Но эти улицы уцелели каким-то чудом... не иначе, волей богини. Эет смотрел на развалины домов, поросшие кое-где молодыми деревцами, на корни, изнутри раздвигавшие брусчатку мостовой — и понимал, что, если время тут не текло каким-то особым образом, то с гибели Атариды прошло не так уж много лет.

Меньше, чем ему казалось.

Главная улица теперь упиралась в скалистую стену долины, но Снежок вёл в другую сторону. Всё верно... налево...

Университетский сад, большей частью засыпанный камнями, наступал на бесформенные груды булыжников и земли, в которых зомби с трудом узнал учебные корпуса.

Снежок повернул голову и грустно посмотрел на Эета.

— Да, это было прекрасное место, — вздохнул юноша. — Наверное, студенты и преподаватели по-настоящему любили его.

Тигр отвернулся.

Ветер шелестел в листве деревьев, и золотой свет вечернего солнца скользил по стволам и камням.

— Скоро ночь, — заметил Эет. — Интересно, мы найдём до темноты какой-нибудь лаз внутрь?

Снежок коротко рыкнул и легко вскочил на ближайшую насыпь. Подойдя, Эет увидел, что тигр стоит над глубокой ямой, уводившей под осыпавшуюся стену.

Молодой человек, не раздумывая, лёг на живот и протиснулся внутрь, в чернильную темень. Снежок, сопя, полз следом, брезгливо фыркая на пыль и паутину.

С той стороны оказался невысокий карниз, и Эет легко спрыгнул с него на каменный пол, заваленный мелким сором и обломками кирпича. Тигр встал рядом.

Из норы сверху сочился слабый свет.

— А теперь куда, Снежок?

Снежок с брезгливой гримасой вылизывал свою белоснежную шкуру, которая после знакомства с лазом приобрела серый оттенок.

Эет рассмеялся.

— Снежок, ну что ты как... тигрица? Я тоже весь перепачкался, но это же мелочи.

Тигр одарил его полным презрения взглядом и продолжил свой туалет.

— Снежок, ты до ночи собираешься вылизываться?

Никакой реакции.

— Скажи хоть, куда мне идти! И умывайся, сколько влезет...

Тигр нетерпеливым кивком указал Эту на двери впереди — и вернулся к своему занятию.

Эт подошёл к неприметной дверце и прочёл на треснутой табличке надпись "Учебный абонемент".

— Снежок, это то, что нужно! — с сияющими глазами обернулся юноша. — С этого и надо начинать! Ты молодчина... хотя и выпендрёжник, — строже добавил зомби.

Снежок негодуя фыркнул и никак более не соизволил отреагировать.

Эт пожал плечами и потянул на себя двери.

Они открылись с пронзительным скрипом, совсем не так мягко, как двери храмовых библиотек, и юноша прошёл в тесное помещение, где студенты когда-то получали книги.

Дальний угол обвалился, похоронив под собой часть библиотечной стойки и шкафчики каталогов, но большая часть комнаты сохранилась, в том числе и проход в хранилище.

Перепрыгнув через стойку, Эт зашёл в тёмный зал и движением руки зажёл над головой шарик белёсого света.

Покосившиеся, частью рухнувшие стеллажи, рассыпанные учебники... Таблички на полу...

Тяжело ступая мягкими лапами, сзади подошёл Снежок. Шкура его вновь сияла серебряными искрами в неярком магическом освещении.

— С чего же мне начать? — задумчиво спросил Эт, не ожидая ответа.

Зверь скрылся среди накренившихся стеллажей и через некоторое время коротким рычанием позвал спутника.

Когда Эт пролез через завал, Снежок ударил лапой по полке и, когтем зацепив нужную книгу, уронил её на пол.

"Некромансия. I курс", — прочитал юноша.

Глава XI

Во времени и пространстве

Эт

Серый учебник в потрёпанном переплёте, с синими буквами заглавия... Эт с растерянной и радостной улыбкой взял в руки пыльный томик и тут же, не обращая более ни на что внимания, уселся прямо на замусоренный пол — и погрузился в чтение.

Снежок ходил по залу, перепрыгивал через упавшие стеллажи, иногда вставал на задние лапы, опираясь передними на полки, один раз, судя по звукам, вскакивал на стремянку... Эт не обращал внимания. Вокруг росли стопки из книг, которые приносил в зубах Снежок — зомби только благодарно кивал, не отрываясь от пожелтевших страниц. Наконец тигр улёгся рядом и, положив морду на колени Эту, уткнулся вместе с ним в текст. Правда, читал невнимательно, то и дело косился на своего подопечного, словно пытаясь оценить, понимает ли тот, о чём идёт речь в книге.

Эт понимал прекрасно. Он даже и предположить не мог, насколько легко будет даваться ему материал. Часа за два он проглотил четверть учебника.

— Смотри, Снежок! — прошептал вдруг он севшим голосом. — Формулы Ниграэля...

Тигр покосился на него понимающими глазами, на дне которых таился смех.

— Чёрт, это что же получается?.. — Эет лихорадочно вздохнул шевелюру. — Это получается...

Палец юноши начал вычерчивать на пыльном полу цифры, подставляя их в стройное тело формулы.

— Смотри! Для пробуждения в зомби сознания человеческий мозг требуется... после десяти лет. Всего лишь?..

Тигр смешливо фыркнул и ткнул мордой в строчку ниже.

Эет начал вычерчивать новый ряд цифр.

— Не может быть... Скелетирование трупов полностью завершается после тридцати лет голода?.. У меня оно только начиналось. Значит... я... сколько же я мог слопать? Тот первый хищник... и пять ночных тварей... Если их перевести в чистый вес... Подставим в уравнение... и найдём... время!

Формулы и цифры.

Формулы и цифры.

Бесстрастные и совершенные, как истина в последней инстанции.

— Слушай, Снежок... Так что, прошло... когда я восстановился... с гибели Атарида прошло... всего лишь...

Тигр вопросительно наклонил голову, с интересом глядя на собеседника. "Ну-ка, ну-ка, — говорил его взгляд. — Верно ли подсчитаешь?"

— Не более пятнадцати-двадцати лет?! — вскричал Эет.

Снежок одобрительно кивнул.

— Ну да... с погрешностью на то, что я мог ошибиться в количестве мяса, потребовавшегося мне на восстановление... Самое большее — двадцать пять лет. Это совсем уж по безумным подсчётам. Снежок... — он уронил голову на грудь.

Отчего-то осознание, что Атарида — та, какой он помнил её — отделена от него не сотнями и не тысячами лет, а всего лишь четвертью века, словно руку протяни и дотянешься... Это осознание причинило острую боль.

— Снежок... как думаешь... может, от моей деревни что-то осталось? — одними губами спросил он, словно боялся услышать сам себя. — Может, я...

Эет замолчал, резко отвернувшись.

Может, я смог бы похоронить мать?

Эти невысказанные слова жгли губы и сжигали душу.

— Я бы вернулся, ты знаешь. Но... неужели я не имею права...

Тигр серьёзно и внимательно смотрел на юношу. Потом раздумчиво склонил набок голову и несколько неуверенно кивнул.

"Мне кажется, на этом острове ты имеешь право на всё, — словно пытался сказать Снежок. — Не можешь только покинуть его. Но это всего лишь моё мнение. Так-то, приятель..."

Эет, прищурившись, устремил взгляд в никуда. Губы его сжались в тонкую линию.

— Завтра я пойду домой, Снежок, — решительно произнёс он. — Я не думаю, что здесь кто-то появится, пока меня не будет, но... В любом случае, ты ведь присмотришь за Храмом?

Тигр смешливо фыркнул. Это могло означать что угодно: и да, и нет.

Эт потрепал зверя по загривку.

— Как я погляжу, тебя на раз-два не запрячь, — чуть виновато произнёс молодой немёртвый. — Но мне и в самом деле иначе не оставить Храм. Я не могу его просто так бросить...

Тигр закатил глаза, а потом, с самой сокрушённой миной, кивнул, словно делая величайшее снисхождение.

Эт захлопнул учебник и принялся перебирать другие принесённые Снежкой книги. Все они, так или иначе, имели отношение к обучению на первом курсе, но по разным профилям, если не считать тоненькой книжицы "Прикладные заклинания": левитация, передвижение предметов, телепатия, воспламенение... Эт с интересом читал заглавия: "Боевые заклинания", "Призыв духов", "Минералогия магических кристаллов", "Природа виверн и драконов"...

— Слушай, но ведь были ещё и другие абонементы, да? — спросил Эт. — Были ещё и научные труды, на которых основаны учебники, и... разве студенты не готовились к практическим работам с их помощью? Тут я видел списки рекомендуемой литературы... К практикумам и семинарам. — Эт кивнул на учебник. — Я прав?

Снежок кивнул.

— Ты потом поможешь мне их найти?

Снова кивок.

Зомби поднялся.

— Слушай, я не могу тут бросить все эти книги, — растерянно сказал он. — В чём же я их понесу?..

На морде Снежка отобразилась растерянность.

— Верно, — Эт слабо улыбнулся. — Ты же не можешь решать все мои проблемы. Ну что ж... — Молодой человек быстро стянул с себя тунику. — Мне не привыкать ходить без одежды!

Снежок смешливо, но и одобрительно фыркнул.

Эт завязал в тунику учебники и закинул узел за плечо.

— Пойдём, приятель, — кивнул он тигру. — Сейчас в Храм, а потом можно и в путь-дорогу.

Они еле протиснулись с импровизированным мешком через лаз: Эт тянул, а Снежок подталкивал узел головой.

Выбравшись в голубой сумрак занимающегося утра, последний студент университета, сквозь зубы ругнувшись на осыпавшуюся землю, заметил, что в следующий раз придёт сюда с рубанком и топором — они наверняка отыщутся в служебных помещениях Храма — и наделает подпорок, чтобы укрепить ход.

Снежок не мешал ему строить планы: тигр снова вылизывался и хмуро поглядывал на спутника. "Ты лучше, когда укрепишь эту нору, вычисти её. Желательно с помощью магии", — красноречиво выражала морда зверя.

— Ох, какой же ты выпендрёжник, Снежок! Какой выпендрёжник... — рассмеялся Эт. — Ну перед кем тебе тут красоваться?

Снежок коротко рыкнул, выражая недовольство.

— Ладно, понял, — примирительно кивнул молодой человек. — Твоя безукоризненность — это святое.

Тигр одарил Эета взглядом, полным королевского презрения — и величественно

кивнул. А потом губы его дрогнули, показав клыки: "Я не потерплю более шуток на эту тему", — говорил ставший таким холодным взгляд.

Эет вздохнул и, улыбнувшись уголками губ, потрепал зверя по загривку. Снежок хотел было отстраниться, но потом, смилостивившись, пошёл на мировую, позволив до себя дотронуться.

— У тебя характер совсем не как у зверя, — серьёзно произнёс Эет. — Похоже, мы с тобой тут одни единёшеньки, на всей Атариде. Если мы рассоримся, это будет... Я даже названия достойного подобрать не могу! Мы будем дураками, скажем мягко. Тем более что делить нам нечего. Идём?

Снежок мурлыкнул, боднув ладонь Эета, и направился к скалам, окружавшим долину. Прыгая с выступа на выступ, они выбрались наверх и двинулись через притихший рассветный лес к Храму.

Эет тщательно запоминал дорогу.

Поднявшись до террасы, на которой располагалось Общее святилище, юноша остановился.

— Погоди, Снежок. Дальше мы пока не будем подниматься. Зайдём-ка сюда.

Они вошли в покрытый пылью зал, аккуратно переступая через упавшие кадильницы. Золотые лучи восхода, безжалостно освещая царившее тут запустение, падали через портал входа, где некогда находились массивные двери. Под ногами похрустывали сухие листья, наметённые сюда ветром, стены покрывали тенёта и паутина.

Все фрески, некогда украшавшие зал, стали чёрными.

Белый тигр опустил голову, и из глаз его скатились две тяжёлые слезы, скользнувшие по густому меху.

— Да, я обязательно должен привести в порядок и это святилище, — вздохнул зомби. — Но мне почему-то кажется, что оно для богини не слишком важно. Не так важно, как Алтарь в подземельях и Верхний храм. Это... Это, скорее, как память о прошлом, — юноша улыбнулся. — О моём первом визите сюда. С Виром. Я тебе об этом парне говорил, — он повернулся к Снежку. — Тот самый вампир, с которым мы могли бы стать друзьями. Не знаю, почему я вспоминаю о нём так часто... Мы и виделись всего два... а ещё, кажется, перед той катастрофой... я же даже не знаю толком, что случилось! Перед той катастрофой Госпожа приходила в дом к Вирлиссе. Я был с ней... — Эет со смущённой улыбкой повернулся к Снежку. — Впрочем, ты ведь зверь Мортис и знаешь наверняка больше меня!

На морде Снежка было разнесчастное выражение. Тигр резко ударил хвостом по пыльным плитам зала и, коротко прорывав, отскочил к дальней стене. Он не смотрел на Эета, только бока тяжело вздымались и опадали, как у загнанной лошади.

Эет решил, что сейчас лучше оставить Снежка в покое. Он совсем не зверь... хотя и выглядит им. И, похоже, рассказ о Вире почему-то причинил Снежку боль. Или, быть может, ему тяжело видеть храм богини в таком запустении? Ведь он же её спутник, как-никак! Кто знает, что за душой у белого тигра?

Юноша прошёл мимо комнатки дежурного служки во внутренние помещения Храма. За столовой находились гостевые комнаты, а дальше — комнаты младших служителей и простой прислуги. Там Эет оделся в тунику попроще и в штаны до лодыжек, а потом подобрал себе куртку и сменную одежду, как раз для дальней дороги и путешествий по грязным руинам. Там же отыскалась и приличная кожаная сумка, куда юноша переложил книги, и нитки с иглой, и гребешок...

Расчесать волосы оказалось непростым и мучительным делом. Эет по наивности полагал, что теперь не способен ощущать боль. Но, оказывается, волосы её ещё как ощущали! Самоистязанию пришёл конец только минут через десять, и пряди пушистой золотой волной, лаская пальцы, рассыпались по плечам. Эет ещё раз, уже просто для удовольствия, провёл по ним гребнем, и сунул его в карман.

Настал черёд кухни. Там отыскались хороший разделочный нож, кремень и кресало, а в хозяйственных кладовых даже лук со стрелами. Полностью экипировавшись, Эет направился обратно, в Общий храм.

Проходя мимо гостевых комнат, юноша невольно задержался у той, что четверть века назад служила ему местом ночлега. Похоже, он был её последним постояльцем. Быть может...

Юноша толкнул двери. Они отворились с противным скрипом. Запылённое окошко едва пропускало свет.

Так и есть! Брошенный на спинку стула, тут так и висел плащ Вира. После экзамена Эет собирался вернуться сюда и просил придержать комнатушку за ним...

Отряхнув с блестящей чёрной материи пыль, Эет свернул плащ и положил в сумку. Такая лёгкая и тёплая вещь пригодится в странствиях.

И потом... это память о Вире.

Вернувшись в зал, юноша застал тигра за странным занятием. Тот лежал на полу напротив алтаря и, выпрямившись, смотрел на то место, где когда-то была фреска. Эет оторопел: Снежок молился! Молился Мортис... Белый тигр в разрушенном храме безмолвно просил богиню погибшего народа... о чём?..

И разве Её зверь не мог попросить свою госпожу лично? Или он считал, что в храме должны возноситься молитвы?

По спине Эета почему-то поползли мурашки... Снежок прав. В лесном хищнике больше почтения к богине, чем в человеке, приставленном хранить Её Алтарь! Возможно, сходство Мортис с Госпожой, так удачно переданное на фреске Верхнего храма, сыграло злую шутку, и он стал воспринимать изображённую там женщину почти как...

Как свою Госпожу, да.

Он дарил ей любовь и восхищение, но богиня — не просто женщина. Ей нужны благоговение и вера. Как он смел делить святилища на важные и неважные?! В любом обитает дух богини.

Эет подошёл к Снежку и преклонил колени перед пустой фреской. Он безмолвно благодарил Мортис за возможность постигать магию, за оказанную невероятную милость, за то, что он жив — пусть даже так, — и за Снежка... За друга рядом. Он просил благословения и защиты на дальний путь и обещал вернуться как можно скорее.

Они со Снежком поднялись одновременно и посмотрели друг другу в глаза.

— Спасибо, — сказал Эет. И, отвечая на вопросительный взгляд, пояснил: — Ты меня многому научил.

Тигр фыркнул, словно пытался скрыть под смешком смущение.

— Идём! — позвал Эет.

Он протиснулся в щель потайной двери за алтарём. Снежок проскользнул следом и, с интересом потянув воздух носом, оглядел величественную лестницу.

— Вот, Снежок, это и есть тот самый тайный спуск к лабиринтам Храма, — с улыбкой пояснил Эет. — Это сюда нельзя пускать чужаков.

На морде зверя появилось лукавое выражение. Эет рассмеялся:

— Ты не чужак! На них у меня нюх!

Снежок расчихался от смеха.

— Да уж... — выдохнул Эет, вытирая с глаз слёзы. — Мы с тобой одна команда. Но вниз мы не пойдём. Нам наверх.

Снежок понёсся по ступеням огромными скачками, время от времени останавливаясь и нетерпеливо оглядываясь на спутника, словно поражаясь, как можно так долго плестись. И Эет пообещал себе, что обязательно возьмёт с собой в дорогу ту книжицу с прикладными заклинаниями. И первое, что выучит — заклятие левитации. Чтоб эта наглая пушистая морда не выглядела такой самодовольной.

Снежок дожидался на верхней площадке. Он стоял под водопадом света, льющего сверху, и его шкура блистала. А на морде ясно читалось восхищение: волны солнечных лучей, струясь, бликами скользили по росписи стен, преломляясь в кружеве мраморной короны колодца.

Эет тоже не стал сдерживать вздох восхищения. Он сам, можно сказать, впервые видел Храм.

— Идём, там ещё много красивого, — позвал он. — Нам прямо.

Они пошли по коридорам, глаза по сторонам, и, наконец, добрались до комнаты Эета. Юноша аккуратно составил учебники на подоконник, часть самых важных положил на стол и, оставив в сумке "Некромансию" с "Прикладными заклинаниями", направился к выходу.

Снежок рыкнул.

Эет обернулся и увидел, как зверь когтем нацарапал на выбеленной стене три крестика. И самый верхний хорошенько углубил, процарапав ещё несколько раз.

Зомби нахмурился, не сразу сообразив — а потом понял. Календарь! Снежок предлагал ему отсчитывать дни от обретения сознания! Всё верно. Пошёл третий день...

— Снежок, ты гений! — просиял Эет. — Только, конечно, надо не стенку царапать... Я поищу у жрецов самописцы и бумагу. А ещё, наверное, не помешает вести дневник. Новое летоисчисление Атарида: от Пробуждения Хранителя! — закатив глаза, с пафосом изрёк юноша и сам рассмеялся своей шутке. Снежок смеялся вместе с ним, в своей манере. — Зато у нас будут свои праздники, — просто закончил Эет. — И мы сможем их отмечать каждый год. Верно?

Зверь кивнул.

Эет присел перед письменным столом на корточки и начал один за другим открывать ящики. В самом верхнем нашлась стопка толстых тетрадей и самописцы. Эет выбрал нетронутую и, пообещав себе почитать записи прежнего обитателя кельи позже, вернул остальные на место.

— Сколько у нас дней в году? — осведомился зомби у Снежка, расчерчивая лист под календарь. — Верно... Триста шестьдесят пять... и когда-нибудь весь мир будет пользоваться нашей системой летоисчисления! Новый год у нас будет... когда? — Снежок закатил глаза. — Сейчас лето, звезда Короткой ночи в зените. Ну, так пусть же Пробуждение будет в самую короткую ночь! Это символично, да? Вот отсюда мы и начнём нашу летопись...

Закончив календарь, юноша отметил крестиками три дня подряд — и засунул тетрадь с самописцем в карман сумки.

— Ну, что, Снежок? — хлопнул по колену Эет. — Мы с тобой определились во времени,

теперь надо определиться в пространстве. Я пойду изучать остров, а ты стереги Храм. Хорошо?

Снежок кивнул.

— Ты пока в моей комнате поживи, а когда я вернусь, мы тебе отдельную сделаем. Тут их много!

Тигр фыркнул от смеха и замотал головой.

— Не надо комнаты? — поразился Эет. — Ну, прости, с тобой на одной постели спать я не стану, при всём уважении! Ты слишком большой для домашнего кота.

Лапы тигра разъехались от смеха, и Снежок упал на пол, содрогаясь в конвульсиях от фыркания.

— А что я смешного сказал? — с обидой осведомился Эет.

Тигр со стоном замотал головой. Из его тёмно-синих глаз уже катились слёзы.

— Имея в виду: останешься тут — будешь спать на полу! — отрезал Эет.

Снежок закрыл нос лапами, умоляюще глядя полными смешливых слёз глазами, словно просил пощадить и не дать ему скончаться от хохота. Спина тигра вздрагивала.

— Ну, дело своё! — юноша встал и, закинув сумку на плечо, вышел за порог. Снежок выбежал следом и нагнал в коридоре.

— Решил проводить? — улыбнулся молодой зомби. Тигр улыбнулся в ответ, показав клыки.

Они дошли до Верхнего храма. Эет преклонил колени перед фреской, оглянулся на Снежка...

...тигр прыгнул и ушёл в стену, как призрак. Только облачко серебристых искр морозной пылью висело несколько секунд перед тёмным камнем картины.

Эет был в зале Верхнего храма один.

Мортис Милосердная и её зверь смотрели на него с фрески горящими зелёными глазами. Тонкие пальцы богини смерти лежали на загривке белого тигра.

Эет ахнул.

Если бы не одежда из нижних помещений Храма, не тяжесть книг в сумке на плече, он мог бы подумать, что всё ему пригрезилось. Что не было рядом прекрасного гордого зверя, которому он осмелился дать ласковую домашнюю кличку Снежок...

Юноша осторожно, кончиками пальцев, дотронулся до изображения тигра. Холодный камень стены, больше ничего.

Ладонь случайно скользнула по ладони богини...

Эет отдернул руку.

Мортис!.. Если этот великолепный зверь с фрески был так осязаем, так сверкал под солнцем его мех, то...

Юноша почти с ужасом смотрел на свою руку, дотронувшуюся до руки богини.

Сколько раз он касался её волос, её лица... стирая пыль? Прося благословения?

— Ты... ещё... позволишь Снежку... навестить меня?.. — прошептал Эет. Глупость, наверное, и об этом ли надо просить сейчас... но почему-то ничто другое не шло в голову. Ведь он уже поверил, что не одинок, что рядом будет друг...

Да, конечно, Снежок обещал хранить Храм в его отсутствие... уж наверное, богиня и её зверь охранят своё святилище получше зомби-недоучки, но... но ведь он так надеялся, что Снежок встретит его на пороге, обрадуется возвращению и будет ждать рассказов...

Богиня молчала. Она всегда молчала.

Но ведь порой он получал удивительные подтверждения, что Мортис слышит его просьбы!

В сознании пронеслась дерзкая мысль.

— Перед моим пробуждением ты вместе со мной смотрела на грозу, богиня, — произнёс Эет. — Я чувствовал твоё присутствие. Ты разбила корабль о скалы Храма. Если... будет на то твоя милость... — Юноша замолчал, сам поражаясь безумной наглости слов, что чуть не сорвались с языка. — Прости... — прошептал он, опуская голову.

Ты можешь не прятаться, а явиться мне во плоти, как позволила своему Зверю.

Он воистину сошёл с ума, если мог позволить подобной мысли прокрасться в сознание! Откуда такая язвительность?.. Мортис столько сделала для него!

— Благослови и храни меня в дороге, — наконец с подчёркнутым смирением произнёс он, вставая и закидывая сумку на плечо.

Он сбежал по ступеням Храма и, бросив взгляд на солнце, двинулся через лес к горному кряжу.

Ближе к вечеру юноша заметил на поляне пасущуюся козу и, подкравшись, выпустил стрелу. Животное упало, как подкошенное.

Эет подошёл и ножом срезал несколько кусков тёплого мяса. Отдавая дань новым потребностям своего тела, юноша съел их сырыми, а потом разделал тушу и, разведя огонь, нанизал на тонкие прутки сочные кусочки. Как давно он не ел настоящей еды — горячей, нежной, пахнувшей дымом...

Эту тоску можно было сравнить с голодом!

Воду молодой человек набрал в первом же ручье, попавшемся на дороге, и сейчас с удовольствием ополоснул руки после разделки мяса. Сделав несколько плотков и удобно устроившись меж корней старого дерева, Эет погрузился в чтение "Некромансии", не забывая время от времени переворачивать прутки над огнём.

"Ритуал Поднятия" — прочитал Эет заглавие темы. Взгляд скользнул по оглавлению: Круг Подчинения, Заклятие Подчинения, Формула Освобождения... Практикум: поднятие зомби.

По губам скользнула кривая усмешка. Какого чёрта! Первый курс... Неужели его Госпожа была двоечницей?

Впрочем, это не его дело, успеваемость Госпожи. Его дело — радовать Госпожу. Может, он сам сейчас запутается? Может, там что-то очень сложное?

Кстати, как он понял, ни одно заклятие не обходится без Жезла Власти. Его можно сделать из чего угодно, главное — магический кристалл, который аккумулирует энергию мага и потом тратит её, преобразуя согласно заклинанию в нужное действие.

В запасниках университета и Храма наверняка должны быть эти кристаллы!

А вот интересно, работая с заклятиями других магических школ, можно ли использовать кристаллы некроэнергии? Или нужны другие минералы? И можно ли их сочетать? Для каких заклинаний могут использоваться кристаллы чужеродных энергий?

Опасаясь потом забыть, Эет набросал эти вопросы в дневник.

Чёрт возьми, чтобы самому сделать себе Жезл — а как без него он сумеет использовать самые элементарные заклинания некромансии? — придётся проштудировать учебник по минералогии. Кажется, у них там самый первый практикум — изготовление собственного Жезла Власти.

Только кристаллов у него нет!

Ничего. Найдём!

Эт прищурил глаза и вновь погрузился в некромансию.

Итак, Ритуал Поднятия.

Взгляд зомби скользил по строчкам. Классификация низшей нежити... ссылки на специальную литературу...

...надо бы поискать книги по зомби...

...принцип Круга Подчинения.

Заклятие Подчинения.

Эт искусал все губы, читая этот параграф.

"В основе всякого Подчинения лежит знание Имени. Имя — суть ты сам, то, что остаётся от человека после смерти в памяти людей, чем вызывается его образ и что призывает в конечном счёте его дух..."

— Назови мне своё Имя!..

Было...или пригрезилось?

— Во владениях Мортис назвал ты мне своё Имя, и да будет она свидетельницей нерушимой связи между нами!..

Серый туман...и ничего больше.

Игра воображения. Как он может помнить владения Мортис?

Что там дальше?..

Слуга не может не любить Господина... Любовь лежит в основе всякого Заклятия Подчинения.

Эт захлопнул книгу и откинулся назад, прислонившись спиной к стволу дерева. Его любовь к Госпоже — результат Заклятия.

Вот так.

Розовый свет заката играл в листве дерева, касался крыльев порхающих на ветвях птиц. Тени тянулись по поляне, огибая костёр, ветер свежел...

В горле застрял ком, глаза резало немилосердно, хотя они оставались сухими.

Всё предельно понятно.

Богиня, осталось ли у него хоть что-то... хоть что-то своё? У него забрали его жизнь, забрали его свободу... и даже его чувства — это влияние колдовства! А он сам? Кто он?.. Эт? Или ходячий мертвец, воображающий, что Эт? А на деле — пустая бессмысленная тварь, марионетка на верёвочках магии?

Юноша подтянул колени к подбородку и обхватил ноги руками. Как же больно... Как больно, о Мортис!

Волосы рассыпались по плечам, в них запутался вечерний свет... И даже волосы он растит для Госпожи.

И Храм он стережёт по её приказу. И учит магию, чтобы выполнить приказ наилучшим образом! И...

И сейчас он ушёл из Храма.

Эт часто заморгал.

Он ушёл из Храма. По чьему, интересно, приказу?

Какого чёрта?! Разве тупая бессмысленная тварь пошла бы через весь остров, надеясь найти прах матери и предать его земле?! Разве тварь способна тосковать и испытывать боль? Разве не стремление к магии привело его в столицу? Ну и подумаешь, его любовь — Заклятие! Любовь — это ещё не всё.

Пускай. По крайней мере, теперь он знает, откуда эта необъяснимая нежность. Нежность там, где должна бы быть ненависть. По крайней мере, она не разрушает душу. А какой смысл терзаться из-за того, что ты не в силах изменить? Другое дело, если бы Госпожа завтра явилась на остров! О да, тогда стоило бы подумать, как смотреть ей в глаза и о чём говорить! Но она далеко... И подобные вопросы встанут перед ним ещё очень нескоро...

Если вообще встанут.

Теперь он знает. Знает механизм этого Заклятия, знает суть Ритуала Поднятия. С временем обязательно проведёт его сам...

Теперь он сможет трезво оценивать своё отношение к Госпоже.

Он привязан к ней на всю вечность. Это, воистину, очень долго! И лучше служить любимой женщине, чем ненавистному магу, кем бы он ни был. И просто делать то, что должен.

Эт закрыл глаза, пытаясь вспомнить. Он сам... Что чувствовал к ней он сам, до заклęcia? Ничего?..

Ведь почему-то она его выбрала. Именно его! Почему?

Точно. Ведь он... кажется, он... Ну да, он смотрел на неё! Почему же он на неё смотрел?

О богиня, как давно это было!

Он её узнал. И в самый первый раз, указав дорогу, и потом, на крыльце, она его позабавила. Ему стало интересно, почему ж она так важничает? Из-за чего?.. Чем так раздражена? А потом она вышла из дверей университета — и лица на ней не было. Расстроенная, взъерошенная и перепуганная. И ему так захотелось подойти и успокоить её... Забавная и слабенькая девочка. Её хотелось защищать.

А потом она повернулась... он ничего не успел понять... Была только вспышка зелёного света перед глазами — и потом он очнулся в тёмной комнате. А рядом стояла она... Точнее, не так. Рядом стояла Она. Госпожа.

Стремление защищать и уберечь от всех несчастий осталось. Но столько всего добавилось!..

Эт устало вздохнул. Не надо больше самокопаний. К чему?.. Любовь есть любовь, к чему её препарировать? Жаль, конечно, что она не истинная, о какой мечтают с детства — да что, впрочем, ему за разница? Можно подумать, у него тут цветник из красавиц, выбирай любую! На кой ему сейчас свободное сердце? Он привыкнет жить с сознанием, что из себя представляют его чувства, и привыкнет к своей новой природе... Уже привыкает, надо сказать! Ну, не сетует же он, что у него две руки и две ноги, в самом деле?

А вот есть ли заклинания, способные дать освобождение?..

Эт фыркнул от смеха, покачав головой. Ничего тут не поделаешь: стремление к независимости тоже в его природе.

Юноша снова распахнул учебник и внимательно прочитал параграф до конца.

В итоге он получил ответ на свой вопрос.

Нет!

Нет такого заклęcia, что могло бы освободить слугу из-под власти господина. По крайней мере, зомби. Для личей и вампиров... учебник намекал, что да, есть. Очень сильный некромант мог рискнуть и попытаться заполучить чужого слугу, но эти заклинания, если и не были запрещёнными, тем не менее, не поощрялись. Значит, в учебнике их быть не может.

А вот в Храме, наверное...

Эет прикусил губу. Богиня, что ж он творит... О чём думает? Ну, пусть он найдёт такие заклятия, но какая ему от них польза? Он не лич и не вампир. Для зомби есть только один путь к свободе: Формула Освобождения.

Взгляд скользнул по рамочке, содержащей текст формулы:

Я возвращаю тебе тебя, (вставить имя)!

Одна единственная строчка. Но сколько силы она в себе заключает...

И слова эти должна произнести только его Госпожа. И только добровольно.

Ну, нет и нет, что голову себе забивать?

Эет потянул носом воздух. Богиня, мясо!..

Он вскочил и сдёрнул с огня прутики. С одной стороны кусочки почернели и высохли... хорошо, что полностью не обуглились!

Ругаясь с досады — ну надо же было настолько углубиться в размышления! — Эет ножом стаскивал с прутиков на чистый платок готовые куски. Первый настоящий ужин за столько лет — и так глупо его сжечь!..

Впрочем, всё оказалось не столь трагично, как можно было подумать. Мясо оказалось съедобным... и где-то даже, наверное, вкусным... не иначе, как после столь долгого воздержания.

Стемнело. Огонь костра вздымался и опадал, бросая искры в тёмное небо, и Эет, поужинав, долго сидел, глядя на игру сполохов и думая о своём... А потом улёгся на землю меж корнями дерева, устроив под голову свою дорожную сумку, и укрылся плащом Вира. И уснул под дремотный шёпот леса.

Он проснулся туманным утром, когда поляна походила на облако, пронизанное солнцем: так золотили белёсую густую поволоку лучи рассвета. Эет не сумел сдержать вздох восхищения.

Позавтракав остатками вчерашнего безобразия, Эет отправился в дальнейший путь.

Он без приключений пересёк лес на склонах кряжа и через два дня перевалил на другую сторону горного хребта. Учебник по некромансии юноша полностью прочитал и сейчас развлекался, тренируясь на практических заклинаниях. Книжицы ему хватило на один вечер, а веселья и ощущения собственного всемогущества она доставила своему владельцу на несколько дней.

Эету казалось, что здешние места ничуть не изменились. Иногда даже молодой человек начинал думать, что узнаёт их. Не тут ли он проходил, направляясь в столицу, полный надежд? Словно вчера! Вот сейчас через этот перелесок, потом подняться на холм, а там будет долина, где стоит... стоял... Колинос. Обогнуть руины города, и до деревни... до того места, где на краю лесного овражка жалась его деревня, над узкой речушкой... часа два хода.

Полный тревоги и волнения, юноша взбежал на вершину холма — и остановился.

Перед ним простиралось море.

Эет стоял, не в силах поверить. У сердца разливался странный холод. Как же так?.. Что...это...значит?

Тёплый ветер ласкал золотистые пряди, касался лица. Над сияющим простором с криками носились чайки, и блеск полуденного моря слепил глаза. Далеко внизу шумел прибой, в камнях кипела белая пена.

Юноша стоял на скалистом обрыве.

Эет прикусил нижнюю губу.

Всё в порядке... Просто он немного ошибся с направлением. Сейчас свернёт и...

Пальцы разжались, и сумка упала на сухую траву возле ног.

— Будьте вы все прокляты!.. — крикнул Эет в лазурную безбрежность. — Прокляты вы все будьте, выродки!..

Кому он слал свои проклятия, молодой немёртвый и сам не мог бы сказать, просто ощущал, чувствовал, что в беде Колиноса, в беде Атарида есть, кого винить. Знать бы ещё, кого! Зубами бы глотку порвал...

Вот она, могила его матери. Могила тысяч и тысяч Смертных и Бессмертных. Перед ним.

Море.

Эет упал на колени и вцепился руками в волосы. Сухие рыдания рвались из груди — а слёз не было.

— Мама... — шептал он. — Мама. Я узнаю... я всё узнаю... я отомщу за тебя, мама! Клянусь.

Зомби поднялся с колен, сорвал синие полевые цветы, росшие на обрыве, и кинул вниз, в кипящую пену прибоя.

А потом повернулся и, не оглядываясь, пошёл обратно.

Перелесок, луг, горный кряж... И ни следа тех посёлков и городишек, в которых он останавливался на ночлег и нехитрой магической работой зарабатывал себе на пропитание, направляясь в столицу... Леса, бескрайние леса. Золотой свет солнца, непуганые звери и птицы.

Эет ловил себя на том, что и в томной полуденной тишине, и в сторожкой тишине полуночи ловит звуки, которые могли бы выдать присутствие человека... Неужели все могли погибнуть? Неужели все?..

Должен же был уцелеть хоть кто-то!..

Иногда, не в силах сдерживать боль, Эет начинал кричать, безумно надеясь, что его услышат. Что однажды на его крик отзовется человеческий голос.

Леса и горы отвечали лишь эхом.

"Ты последний", — шептал Эету солнечный свет.

"Ты последний", — звенели Эету звёзды.

"Ты последний", — холодным ветром обволакивало душу отчаяние.

Эет свернул с привычного пути. Он направился в горы, к самой верхней точке Атарида. Зомби шёл всё дальше и дальше, углубляясь в леса, карабкаясь на скалистые обрывы, с разбегу перелетая через ущелья — и однажды выбрался на вершину, что господствовала над всем островом, на узкий каменный карниз над безумной высотой.

Ветер рвал одежду, трепал волосы, кидая пряди на лицо. Холодил ноги даже сквозь плотную кожу штанов. Огромное пурпурное солнце медленно опускалось в море, и мир гас, сливался с темнотой, словно с небытием.

Изломанная, изувеченная линия побережья вызывающе не совпадала с той, которую с детства знал Эет из учебников.

Большой части Атарида не стало.

Эет сжал губы. Собственно, чего-то подобного он и ожидал.

Зомби сел на камень, вытащил дневник и зарисовал новые очертания острова, крестиком пометив место, где высилась над лесами величественная башня Храма. Вот и всё... Вот он и определился в пространстве.

Юноша криво улыбнулся.

Закончив, Эет засунул дневник в сумку и, перебросив её через плечо, раскинул руки, шагнув с обрыва.

И уже в свободном полёте произнёс заклятие левитации.

Он парил, как хищная птица, планируя в потоках воздуха, и небо вокруг гасло, теряя последние оттенки пурпура и багрянца, выше вспыхивали звёзды, и вот уже остров различим лишь абсолютной тьмой на блестящей серебром глади океана...

Что это за белёсая искорка там, внизу, в чернильной темени леса?

Сердце подскочило к горлу, перехватило дыхание. Это магия! Кто-то призывал магическое освещение — и довольно сильное, раз его можно рассмотреть с такой высоты!

Эет чуть изменил направление полёта и скользнул вниз, снижаясь осторожно и медленно, чтобы не спугнуть неведомого волшебника. В любом случае, прежде чем с рыданиями кидаться на грудь незнакомцу, надо бы узнать, что это за человек.

Странно. Приближаясь, Эет не ощущал никаких магических эманаций, своеобразного почерка, свойственного любому владеющему силой. Огонь горел ясно и ровно, увеличиваясь, но юноша не улавливал ни малейшего колдовского всплеска. Лишь слабый, рассеянный фон, какой бывает вокруг дремлющих артефактов.

Вскоре Эет полностью уверился, что там, внизу, никого нет. Зато есть что-то... по меньшей мере, очень любопытное.

Юноша плавно опустился на булыжники старого оползня, сорвавшегося сверху и обнажившего скол странной породы. От скалистой стены и исходило это загадочное ровное излучение, освещавшее оползень и кусты вокруг, чёрные ветви которых в этом мертвенном свете казались иссохшими жадными руками.

Белёсый свет то разгорался, то чуть притихал, будто камни дышали. Прозрачные чёрные камни, которые днём, наверное, он принял бы за обсидиан.

Постойте! Уж не из этого ли странного минерала сделан Алтарь богини — там, в подземельях? Неужели?..

Эет глубоко вдохнул, забыв от восторга выдохнуть. Это же... Он нашёл месторождение магических кристаллов! Наверное, отсюда когда-то добывали их. Вряд ли сохранились остатки прежних рудников, да и нет в них нужды. Землетрясение открыло жилу, вывело её на поверхность.

— Благодарю, богиня! — прошептал Эет.

Он наполнил сумку кристаллами разной величины и прозрачности и, дождавшись восхода, направился к Храму, стараясь запомнить дорогу и отмечая на карте самые приметные ориентиры.

Наконец начались знакомые места. Эет уже представлял, как придёт в свою келью и откроет учебник по минералогии... и наконец начнёт делать себе Жезл Власти...

А потом свет солнца и тени деревьев на лесной тропинке соткались в смутный образ, и...

— Снежок!.. — радостно завопил Эет, отшвыривая сумку и кидаясь навстречу возникшему из ниоткуда белому тигру.

Зверь не успел даже мурлыкнуть, как его заключили в объятия, затормошили, расцеловали в нос — и покатались вместе с ним по траве, трепля за уши и теребя за загривок.

Снежок в первый момент ошеломлённо позволял себя валять, но почти мгновенно

опомнился и начал валять Эета в ответ — так что вскоре это напоминало дружескую потасовку мальчишек.

Наконец оба утихомирились, и зомби, обнимая шею тигра, заявил, светясь от счастья: — Снежок, как же я рад тебя видеть!.. Я думал, что ты больше не придёшь!

Тёмно-синие глаза Снежка смеялись. Юноша и зверь мило лежали на траве, а сверху кружились бабочки.

Снежок фыркнул и шутливо боднул Эета в плечо. Молодой человек отпустил друга. Тигр смотрел понимающе и немного насмешливо.

— Прости, — улыбнулся Эет. — Я просто... ну прости! Я не всегда такой дикий.

Зверь смешливо чихнул и милостиво лизнул Эета в нос.

— Значит, вот как ты стережешь Храм, да? — осведомился юноша с улыбкой до ушей. — Оставил на попечении бедной девочки, своей хозяйки? А сам свалил? Ну ты раздолбай!

Снежок негодуя фыркнул и глянул весьма красноречиво.

— Ну да, я тоже раздолбай, — согласился Эет. — Мы друг друга стоим, я знаю! Я тоже свалил всё на тебя. Но ты сильный хищник! А переложил всё на хрупкие женские плечи...

Тигр закатил глаза и, не выдержав, покатился по траве, сотрясаясь от смеха. Эет тоже хохотал от души, упав с раскинутыми руками в траву и глядя на необъятное синее небо. Почему-то ему казалось, что "хрупкая девочка" где-то рядом, слушает их разговор и смеётся вместе с ними...

Чёрт возьми, всё же он не один на этом острове. Их трое.

Он, Снежок и...

— Пошли, у меня куча новостей! — упруго поднявшись и закинув сумку на плечо, позвал он белоснежного приятеля. — Расскажу — не поверишь.

Снежок вскочил на лапы и серебристой молнией прыгнул в заросли. Эет, засмеявшись, принял вызов.

Они мчались меж стволов, перелетали овраги и ущелья, спрыгивали с обрывов и проносились в пахнущих прелью теснинах. Во все стороны с всполошёнными криками разлетались птицы, из-под ног разбегались зверьки, а друзья бежали, пьянея от собственной силы и стремительности, от ветра, бьющего в лицо, полного запахов леса — так оба и взметнулись по ступеням Храма и на полной скорости влетели под тень портика.

Эет, со смехом рухнув в кресло, запрокинул голову на спинку, а тигр простёрся на полу возле ног юноши. Глаза Снежка искрились восторгом.

А потом хищник выжидательно посмотрел на Эета и чуть толкнул его носом в ногу.

"Рассказывай, я жду", — говорил выразительный взгляд зверя.

— Ну, слушай!

И Эет начал рассказ о своём путешествии.

Глава XII

Первые тайны

Эет

Эет возлежал на постели, удобно уперев локти в подушку и болтая ногами в воздухе. Солнечные лучи золотили страницы раскрытого перед юношей труда о природе зомби, а

рядом на столе стояло блюдо с лесными ягодами — Эет и Снежок набрали их часа два назад. Точнее, собирал Эет, а Снежок составлял компанию, гоняясь за бабочками.

За блюдом, небрежно брошенный на столешницу, валялся Жезл Власти.

Личный Жезл Эета.

Юноша закончил его два дня назад, потратив на изготовление месяца полтора. Хотя учебник и уверял, что в Жезле самое главное кристалл, а всё остальное выполняет чисто утилитарную функцию, начинающий некромант подошёл к созданию со всей ответственностью. Ему почему-то казалось, что пойти по пути наименьшего сопротивления и соорудить тело Жезла из какого-нибудь испорченного подсвечника или подходящего каменного обломка, какие при желании можно было отыскать в руинах университета — неверно. Металл и камень не годились для работы с некроэнергией. Они были мёртвыми. Сюда же требовался иной материал: полуживой. Или, по крайней мере, не мёртвый, как и сам его хозяин. Дерево или кость представляли собой идеальные варианты. Кость была даже более предпочтительна, но Эет интуитивно ощущал, что кость животных тут не годится. Надо либо человечью, либо драконью. Почему? Юноша не смог бы объяснить внятно. Во всяком случае, на данном этапе своего обучения.

Драконов на острове, кажется, не осталось, а их скелетов Эет до сих пор не находил. Человеческую же кость на Атариде можно было достать только в одном месте: в могиле моряков, которую Эет соорудил своими руками на побережье. Но тревожить покой несчастных, выворачивать суставы и соскабливать с них плоть казалось настолько... даже не отвратительным — бесчестным, что юноша отбросил эту мысль сразу же. Он сам хоронил их — для того ли, чтобы надругаться над прахом?

Разумеется, молодой некромант, скрепя сердце, пошёл бы на это, если бы у него не было выбора. Но он был!

Дерево.

Эет около полумесяца бродил по лесу. Он слушал.

Он присматривался.

Наконец на его безмолвное вопрошание откликнулось несколько деревьев: орех, бук и боярышник. Они согласились подарить юному волшебнику свою ветвь для Жезла Власти. Выбрать среди них, пожалуй, оказалось самым непростым делом.

К сожалению, у Эета не нашлось под рукой книги о магических свойствах растений, и тогда юноша начал навещать желавшие подружиться с ним деревья. Он садился под их сень, разговаривал, делился своими мечтами и проблемами... и в какой-то момент ощутил, что орешник засомневался в своём желании помогать. Кажется, это дерево просто огорчилось из-за несправедливости, что постигла юношу, сопереживало и сочувствовало, но... Видимо, дальнейшие планы немёртвого не одобряло.

Поблагодарив орех за проявленное участие, Эет перенёс всё своё внимание на боярышник и бук.

Оба дерева с восторгом восприняли желание Эета постигать некромансию, оба понимали его стремление улучшить свою жизнь и защищать Храм, и юноша уже сам не знал, какое же ему предпочесть... Тогда он выбрал самый чистый и целый кристалл, как советовал учебник, и продолжил свои беседы с деревьями, только теперь носил кристалл для будущего Жезла с собой.

Он крутил камень в руках и, разговаривая с деревьями, присматривался к его сиянию. Камень откликался словам и эмоциям молодого мага, начинал сиять в такт его дыханию, то

ярче, то спокойнее...

И Эет заметил, что возле бука кристалл реагирует интенсивнее. Быть может, магический камень больше симпатизировал этому дереву, а, быть может, ощущал то, что сам Эет не понимал по молодости и неопытности: энергия бука больше соответствовала его собственной, и камню было легче гармонизировать их между собой... Как бы там ни было, но выбор Эет сделал в пользу бука.

Остальное не представляло трудности. Эет срезал ветвь и обработал её, сняв кору и высушив. Самым сложным оказалось вырезать наверху — красивое и прочное гнездо, что удерживало бы кристалл и притом способно было открываться. На случай, если кристалл придётся заменить.

Эет сидел над этой работой несколько дней, прежде чем у него получилась нужная конструкция, и, наконец, смог вставить в Жезл Власти магический камень.

Сварить лак по указанному в учебнике рецепту и покрыть им деревянные части артефакта не составляло труда.

Сейчас юноше не терпелось опробовать творение своих рук в действии. Он уже пробовал чертить Круги Власти и с восторгом наблюдал, как искрит и переливается магическое поле, струясь с сияющего зелёной звездой наконечника... Теперь он готов к первому практикуму по некромансии: поднятию зомби.

Ради этого можно было потревожить могилу на взморье!

Какого чёрта! Он подарит одному из этих несчастных новую жизнь... и, если опыт удастся, то остальным тоже!

Жаль, той девочке, бедняжке, уже ничем не помочь... по крайней мере, не с его нынешними познаниями.

Эет и Снежок снова отправились к руинам университета. На сей раз Эет хотел почитать дополнительную литературу, и Снежок повёл его не к учебному абонементу, а, прыгая по остаткам стен и лестниц, добрался до внутреннего крыла, стена которого обрушилась, и одним великолепным прыжком взлетел на второй этаж, на узкий карниз. Эет последовал за ним.

Они со Снежком стояли на узкой приступочке перед дверью. Юноша толкнул створки — и очутился в коридоре.

И сразу узнал это место. Двери, из которых он вышел, оказались последним, что осталось от некогда громадного зала приёмной комиссии. Перед ними он когда-то стоял, полный волнения и надежды. Здесь с ним впервые заговорил Вир... А потом, кажется, из дверей напротив высунулась симпатичная девчонка и...

Она крикнула "Вир, книги принесли"...

Снежок уже стоял возле этих дверей и выжидательно смотрел на своего спутника.

Эет улыбнулся и вошёл в читальный зал.

Помещение почти не пострадало. Только стены пошли трещинами, да толстый слой пыли покрывал столы. Эет зашёл в книгохранилище и вволю побродил между стеллажами, подбирая себе литературу и складывая в сумку.

А потом вернулся домой.

Книг накопилось так много, что они загромождали почти всё пространство его небольшой комнатки, а оставить их в университетских развалинах Эет не мог: он работал с ними, они требовались ему под рукой...

Поэтому, мысленно прося извинения у жрецов, молодой зомби решил, что большого

греха не будет, если он несколько расширит свои личные апартаменты.

Он вымыл и вычистил соседнюю келью, с помощью прикладной магии изменил там цвет стен на золотисто-жёлтый, который всегда настраивал молодого человека на рабочий лад и придавал бодрости. Затем новый хозяин Храма повесил в будущей домашней библиотеке несколько полок и составил на них все книги, освободив спальню. Занавески на окна — и собственный кабинет готов.

И вот сейчас юный самоучка-некромант штудировал труд о природе зомби. Помимо того, что у Эета появилась надежда обзавестись компанией, он полагал нелишним больше узнать о себе.

О таком, каким стал.

Книга немало польстила самолюбию юноши. Оказывается, его случай воистину уникален! Но у сей приятной новости имелась и обратная сторона: зомби, которого он создаст, вряд ли окажется равным своему создателю. Этот зомби не будет иметь своей воли. А чтобы пробудить сознание...

Эет нахмурился. Юноша не впервые задавался подобным вопросом, читая книгу. Подойдёт ли его кровь, кровь немертвого, для пробуждения сознания в низшей нежити? В противном случае результатом работы станет покорное домашнее животное.

И, не имея собственной воли, это животное не сможет даже поесть без приказа...

Эет взлохматил шевелюру. Что ж, в худшем случае он обзаведётся прекрасным слугой, которому можно будет поручать уборку в святилищах и комнатах, пока хозяин занимается изучением магии. А в лучшем... В лучшем рядом окажется человек! Собеседник и друг... Конечно, Снежок — чудесная компания, всё прекрасно понимает... но всё же он зверь.

Думая так, Эет в глубине души чувствовал неловкость, словно совершал некое предательство, но ничего не мог поделать с собой. Он истосковался по общению!

Юный некромант захлопнул книгу и упруго поднялся. Пора было начинать первый серьёзный эксперимент. Итак, поднятие зомби!

Проходя через Верхний храм, молодой человек с улыбкой скользнул взглядом по стене и приглашающе мотнул головой. Снежок тут же спрыгнул с фрески и догнал приятеля.

Вскинув на Эета смеющийся взгляд, тигр скосил глаза на Жезл в его руках.

Эет с улыбкой развёл руками.

Тигр ободряюще подмигнул — и огромными прыжками понёсся вниз по лестнице.

Над взморьем задувал свежий ветер. Белые буруны вскипали над дальними рифами, чайки с криками носились над волнами, чуя приближение шторма. Горизонт пока был чист, но в воздухе пахло грозой.

Эет запрокинул голову, полной грудью вдохнув свежесть моря. Волосы развевались на ветру, били по щекам... Тигр замер рядом, сторожко приподняв переднюю лапу. Его чуткие уши нервно подрагивали, а губы недовольно приподнялись, обнажив зубы, словно зверю чем-то не нравилась идущая буря.

— Что, Снежок? Что-то не так?

Тигр коротко рыкнул и, подойдя к самой кромке прибоя, уселся на камни, обвив хвостом лапы. Он не сводил прищуренных глаз с темнеющей синей бесконечности.

— Эй, Снежок! Я могу работать, или даже начинать не стоит?

Снежок досадливо дёрнул ухом и, обернувшись, кивнул.

— Я не понял... — Эет растерялся. — Прости, я сам виноват... Ты с чем согласился? Работать? Или нет?

Снежок закатил глаза и отвернулся.

Эет пожал плечами. В конце концов, если бы Снежок решил, что существует какая-то опасность, он бы, наверное, просто увёл своего друга с побережья в Храм. Конечно, при реальной угрозе надо спускаться в подземелья — Эет чувствовал, что по-настоящему безопасно, в случае чего, только там... Забытая дорога к Алтарю — сущий пустяк. В конце концов, можно запереть за собой двери лабиринта и отсидеться прямо за ними, у входа, не углубляясь в переплетения коридоров... По необъяснимому наитию Эет знал — едва за ним сомкнутся двери храмовых подземелий, никакая сила на свете не сможет добраться до него. Пока цел Алтарь богини, никакая сила на свете не способна ни отомкнуть, ни сокрушить Врата Лабиринта — они открываются только при прикосновении Хранителя Храма.

При его прикосновении.

Но что это за глупости, в самом деле? Кого ему тут бояться и от кого прятаться?

Отбросив ненужные мысли, Эет подошёл к могиле и принялся отваливать камни.

Вскоре ноздрей его коснулся неприятный запах. Юноша попробовал задержать дыхание, но всё равно — омерзительное зловоние, казалось, проникало даже сквозь поры. Мелькнула мысль, что немёртвые Бессмертные, пожалуй, даже более чувствительны к вони разложения, чем Смертные, поскольку их питают и поддерживают исключительно живые — или очень свежие — плоть и кровь. Тухлятина же подобна яду.

"Ничего, — сам себя приободрил Эет. — Я сам когда-то выглядел и вонял так же".

Правда, собственный запах так болезненно не воспринимался...

— Снежок! — окрикнул он. — Будь другом, задери мне какое-нибудь животное. А я пока начну ритуал.

Тигр с сомнением покосился на море, но, глянув на вскрытую могилу и на Эета, не возражая, пошёл к прибрежным скалам. А потом, мелькнув в воздухе стремительной тенью, взвился над ними и пропал из вида.

Эет, особо не разбирая, вытянул из груды мёртвых тел самого верхнего покойника и, отнеся его подальше в подветренную сторону, чтобы не мешал густой дух потревоженного захоронения, положил моряка на гальку.

Кожа мертвеца в тех местах, где до неё дотрагивались пальцы Эета, лопнула, обнажив бурую плоть, с которой сочилась неприятная жидкость. Запрокинутое синее лицо с оскаленными зубами смотрело в облачное небо, только вместо глаз под приоткрытыми веками была мутная масса.

Эет вздохнул, покосился на темнеющий горизонт и, подняв Жезл, очертил в воздухе вспыхнувший изумрудным горением Круг Подчинения. А потом распростёр Жезл над телом и, кусая от волнения губы, смотрел, как струится с сияющего наконечника сила, заполняя пространство Круга.

Послышалось лёгкое похрустывание гальки: мягко ступая тяжёлыми лапами, подошёл Снежок и, разжав мощные челюсти, аккуратно опустил на землю коосулю с перекушенным горлом. Белый мех на шее жертвы пятнали алые капли — и алая кровь тут же плеснула на камни, едва убитое животное коснулось земли.

Эет чуть улыбнулся. Он предполагал, что Снежок перегрызёт добыче горло, как делают все тигры, но почерк прекрасного хищника удивил зомби: клыки пронзили только артерию. Правда, смерть наступила не из-за этого: вероятно, тигр просто ударом лапы свернул жертве шею.

И, скорее всего, уже после того, как напился крови.

Эет покачал головой.

— Ну ты вампир! — хмыкнул он. — Не ожидал, Снежок.

Тигр ухмыльнулся, показав клыки.

— Да ладно, на здоровье! — махнул рукой молодой некромант. — Можно подумать, мне жалко. Ты заслужил!

Снежок, удовлетворённо щурясь, кивнул.

Эет вновь перенёс всё своё внимание на Круг Подчинения. Сила наполняла его границы, ходила волнами, но почему-то не проникала в тело, лежавшее на берегу. Юноша отлично помнил — вся литература утверждала, что в этот момент энергия некроманта должна проникнуть в материал, должна призвать обратно отлетевшую душу...

Эет не чувствовал ни малейшего отклика!

— Снежок, да что же это? — с досадой кусая губы, прошептал молодой немёртвый.

Тигр смотрел непонимающе и растерянно. Видимо, он тоже не ожидал ничего подобного.

Эет усилил магический поток. Сжатая границами Круга, сила взметнулась зелёным свечением к вершинам деревьев на обрыве, вытянулась сияющей стеной... Белый тигр отступил на шаг, с удивлением и некоторым страхом глядя на это явление.

— Да! Под-ни-май-ся! Же! Ты!.. — кричал Эет. — Чего тебе ещё надо?!

Мертвец недвижимо лежал внутри сияющего зелёного кокона.

Нечленораздельно вопя от ярости, Эет принялся молотить Жезлом по воздуху — кристалл, отвечая гневу своего хозяина, сыпал искрами во все стороны.

...Зелёное пламя, ревя, рванулось под облака, закручиваясь в бешеный водоворот изумрудного света, Снежок прыгнул на Эета, отбросив прочь, сбив с ног... и над ними громыхнул взрыв.

...Сверху, кружась, плавно опускались хлопья копоты, похожие на громадные серые снежинки. Снежок, отфыркиваясь и оглушённо тряся головой, отполз от Эета и встал на подгибающиеся лапы. Сам юный маг, прижав руку к темени, с трудом сел на жёстких камнях. В волосах запутался пепел... Перед глазами плавали чёрные и зелёные пятна.

С третьей попытки сжав непослушными пальцами потухший Жезл, юноша поднялся на ноги.

От тела несчастного моряка остались только обугленные, дымящиеся кости. Туша косули, лежавшая рядом с границей Круга, наполовину обгорела.

Эет отвернулся, прикусив губу.

— Снежок, послушай... ну что я сделал не так?

Тигр смотрел огромными глазами, в которых смешивались потрясение, уважение и — непонимание.

На горизонте, в багровой мгле, сверкнула золотая зарница. Снежок резко повернул голову, и шерсть на его загривке встала дыбом. Зверь зарычал. Глаза его полыхнули зелёным злым переливом.

— Слушай, может, я недостаточно сильно?.. — начал было Эет. Тигр бросил на него взгляд, как на умалишённого, и ухватился зубами за полу куртки, потянув Эета к лесу.

— Нет, погоди! — Эет вырвался. — Я должен попробовать ещё раз.

Снежок зарычал.

— Что ты мне предлагаешь? Отступить?! — крикнул Эет. — С первой неудачи — отступить?!

Тигр прижал уши к голове и рыкнул так яростно, что в лесу умолк только возобновившийся после взрыва птичий пересвист.

— А ты на меня не рычи, — спокойно сказал юноша. — Я тебя не боюсь.

С моря напозлали тучи, и их подчеревья отливали нехорошим багрянцем. Небо ещё несколько раз прочертили золотые зарницы, но гром им не вторил...

Снежок хлестнул хвостом по бокам — и прыгнул на Эета.

Зомби вскинул руки в последний момент — и оттолкнул белого тигра.

Правда, сам упал навзничь на камни.

Снежок плавным прыжком обрушился сверху, припечатал юношу к земле, прижав плечи мощными лапами. А потом, яростно мотнув головой, показал на ползущую с моря бурю.

Эет, гневно прищутив глаза, сдавил пальцами лапы тигра. Снежок выпустил когти.

Чёрт, эти когти причиняли боль!

От неожиданности Эет дёрнулся и, отпустив лапы Снежка, вцепился в его морду, пытаясь запрокинуть голову тигра и зубами схватить за горло.

Снежок попытался сделать то же самое.

Они катались по берегу, рыча и грызясь, как два диких хищника, а гроза гремела совсем рядом...

Зелёная вспышка полыхнула меж ними, раскидав в разные стороны. Оба, оскальзываясь на камнях, сели.

Ветер стал ураганным, гнул вершины деревьев, море с грохотом бросалось на камни, обрушивая ливень вспененных брызг на берег...

— Ладно, я всё понял! — сквозь нарастающий вой бури крикнул Эет. — Сейчас, только могилу камнями снова закидаю!

Снежок только коротко взвыл, совсем не по-тигриному. И, пока Эет торопливо стаскивал обратно валуны, задними лапами скидывал на тела песок и гальку.

А потом Снежок и Эет бежали.

Они бежали через потемневший лес, уворачиваясь от слепящих разрядов, метивших в юного некроманта, от загоравшихся стволов... к зелёному свечению, что вновь окутало Храм.

Эет с ужасом думал, как они будут подниматься по лестнице, где любая молния легко настигнет их... но, едва его ноги коснулись ступеней, как молодой маг словно окунулся в пространство абсолютного покоя. Над Храмом не задувал ветер, и беснующиеся над лесом молнии отсюда, из-под покрова зелёного света, казались обычными и безопасными...

Они забежали под колоннаду, и Снежок, бросив полный негодования взгляд на Эета, ушёл во фреску.

Эет покосился на картину и сжал губы.

"Ну и ладно! — подумал он. — Подумаешь тоже, когти выпускать!.."

Юноша встал меж колоннами портика, не выходя на балкон, и смотрел на пламенеющее небо, озарённое вспышками.

Он уже видел подобное... Но когда? Неужели?..

На душе было препаршиво...

— Ну ладно! — обернулся он к фреске. — Я был неправ, Снежок!

Ни звука в ответ. Ни движения.

— Ну прости меня!

Ничего.

— Чёрт, ну я же не виноват, что!..

Эет с досадой метнул с Жезла длинную зелёную молнию. Она с шипением пролетела через зал и врезалась в боковую стену, оставив на ней чёрное пятно копоти.

Эет подошёл к фреске и ласково коснулся нарисованной головы тигра.

— Снежок, ну долго ты ещё будешь на меня дуться? Давай всё обсудим по-хорошему? Снежок!

Молчание.

Юноша кинул взгляд на богиню.

Грозовые ли сумерки были тому виной, но ему показалось, что Мортис хмурится.

— Прости... — прошептал Эет. — Мы не должны были вынуждать тебя вмешиваться... да ещё чтобы нас разнять. Мы идиоты. Я идиот. Прости, богиня...

Ни звука. Ни движения.

Эет с шипением втянул воздух и яростно повернулся на месте.

— Ну что мне сделать, чтобы вы меня простили?! — крикнул он.

Ничего. Ни знака, ни дуновения.

Махнув рукой, Эет, ссутулясь, поплёлся в свою комнату. На душе было так скверно, что и сказать нельзя.

Юноша тяжело сел на постель и, кинув Жезл на стол, обхватил голову руками. Об эксперименте думать не хотелось. Нет, разумеется, там было над чем поразмыслить, но...

Но все мысли занимал только негодующий, прощальный взгляд белого тигра.

Неужели навсегда?

Эет стукнул кулаком по краю постели. Как всё скверно получилось... И ведь Снежок хотел ему добра, когда просил уйти... но так хотелось закончить эксперимент! Разобраться, понять... Гроза казалась неважной.

Вот если бы всё получилось... Если бы опыт удался...

Эет представил, что сейчас с ним в комнате был бы человек. Собственный слуга. Который преданно смотрит и отвечает на вопросы... когда ему приказывают.

А Снежка рядом нет.

Эет вскочил и бросился было к двери... но на полпути остановился.

Он представил, как снова подходит к фреске и вновь получает в ответ молчание...

Невыносимо!

Юноша рухнул на постель, уткнув лицо в подушку. За окном выл ветер, полыхали зарницы, и Эету хотелось одного: провалиться в преисподнюю.

Или, по меньшей мере, встать и выйти в лес.

Но подобный поступок казался непростительной слабостью. Полным предательством. Даже не Госпожи... Богини.

И Снежка.

Всех, кто верил в него.

Эет вцепился зубами в уголок подушки.

— Ну прости меня... Прости! — прошептал он, сам не зная, к кому обращаясь. То ли к богине, то ли к другу.

Эет сам не заметил, как уснул.

Во сне он сидел на пирсе городского причала, свесив ноги к воде.

Только внизу была не вода... Серый туман.

А сверху весело пригревало солнце.

Потом рядом послышались шаги, Эет поднял голову и увидел над собой стоящего Вира. Глаза вампира горели таким гневом и негодованием, что хотелось провалиться сквозь землю.

— Я никогда ещё не встречал настолько тупого... эгоистичного... упрямого... — Вирлиссу не хватило слов, и он замолчал. А потом запальчиво добавил: — Теперь я понимаю богиню! Спасти такого невероятного осла можно было, только лишив его возможности спорить!

— Вир... — юноша в растерянности поднялся, не смея протянуть навстречу руку. Вирлисс фыркнул.

Как-то очень знакомо...

— Что — Вир? — И вдруг рассерженно выдал: — Какого чёрта ты в драку полез?!

Вампир отдёргнул изысканно отделанные манжеты рубашки, показав изящные бледные запястья. На них отчётливо виднелись чёрные следы кровоподтёков.

— Я... — Эет ничего не понимал. — Я никогда тебя даже словом не...

— О-о! — Вирлисс закатил глаза. — Ну разумеется.

Он повернулся и пошёл прочь.

— Вирлисс!.. — Эет кинулся вдогонку. Отпустить Вира второй раз, вот так, обиженным... даже во сне... Особенно после ссоры со Снежком...

Это было невысказано.

— Вирлисс, стой!

Вампир остановился и чуть повернул голову. Тёплый ветер играл его длинными серебряными прядями, свет солнца золотил чёткий благородный профиль.

Белый тигр.

Эет вдруг поразился про себя, насколько же Вир похож... Статью, манерами, ещё чем-то неуловимым...

— Вир, я идиот. Прости... Слушай... мне, наверное, кажется, но...

Вирлисс рассерженно дёрнул уголок рта.

— Есть тигры, а есть ослы, — коротко бросил он. — Пусть и невероятно талантливые.

Эет улыбнулся.

— Ну, хорошо. Пусть я осёл. Я согласен. Я... кем хочешь меня назови, только... пусть белый тигр вернётся. Я... больше никогда не буду обижать тех, кто мне дорог...

— Ты, главное, не обижай тех, кому ты дорог, — буркнул Вирлисс, глядя под ноги.

— А я дорог? — тихо спросил Эет.

— Стал бы я тут с тобой трепаться, будь иначе! — гневно фыркнул Вир.

— Значит... ты вернёшься?

Вирлисс обернулся и посмотрел прямо в глаза Эета. Долго и печально.

— Эт, я ведь не принадлежу себе. По сути, меня и на свете давно нет...

От этих слов мороз пошёл по коже. Эет вздрогнул — и проснулся.

Стояла глубокая ночь. Буря прекратилась, и в глухой тишине не раздавалось ни звука, кроме его собственного дыхания.

Он долго лежал, глядя в потолок и пытаясь удержать обрывки сна. Что это? Игра подсознания? Попытка сплавить воедино два дорогих существа? Но почему Вирлисс? Ведь они были едва знакомы!

Или это... не подсознание?

Как бы там ни было, но Эет дал во сне слово. И он сдержит его. Он больше никогда не

станет обижать тех, кому он дорог, и тех, кто дорог ему...

— Вир... я обещаю тебе... — прошептал юноша.

Он ещё долго лежал, слушая тишину, а потом дверь беззвучно распахнулась, и в спальню белым призраком вплыл тигр.

Он сделал круга два по келье и, шумно вздохнув, улёгся на пол у постели Эета. И положил голову на вытянутые лапы.

— Снежок... — прошептал Эет, не смея поверить своему счастью. Тигр тихонько фыркнул, как от смеха.

Молодой маг глубоко вздохнул.

— Смеёшься? Хочешь сказать, что некоторые ослы неисправимы?.. Вир.

Тигр расфыркался от хохота и поднял голову. В глазах скакали насмешливые искорки.

Любопытство подкинуло Эета на постели.

— Но ты приходил ко мне во сне? Ведь ты?..

Снежок... Вир?.. закатил глаза, изобразив на морде невероятное восхищение подобной дедукцией.

— Ладно-ладно, не подначивай! — засмеялся Эет. — Я тебе подыграю и изображу колебания. Скажи только, мы часто сможем так разговаривать с Виром? У меня столько вопросов!

Тигр поднял голову, выжидательно и весело глядя на Эета.

Тому вдруг словно вбили кляп в рот.

— А... как мне тебя сейчас называть? — наконец осторожно выдохнул юноша. — Вир, да?.. Или это для тебя как-то... болезненно? Так ведь звали человека... то есть... вампира... а...

Вирлисс, отвернувшись, коротко рыкнул, одновременно досадливым и небрежным тоном. Эет почти услышал его раздражённое "Забей!"

— А Снежок... это звериная кличка, а ты же... Слушай! — Эет подпрыгнул на постели. — А нельзя тебе вернуть человеческий облик?

Тигр встал и, подойдя к изголовью, положил морду на подушку Эета. И настойчиво стукнул лапой по кровати.

— Понял, — Эет улыбнулся. — Я буду спать сам и не буду мешать тебе. Спокойной ночи, Вир.

Тигр снова улёгся на пол и невнятно буркнул что-то в ответ.

Вскоре оба друга спали, и под сводами кельи раздавалось только их спокойное дыхание.

...Эет проснулся с рассветом. Заря за окном вставала в тяжёлом жёлтом мареве, и ни одна птица не пела в лесу. Небо словно накачали гноем.

В комнате висел лёгкий зеленоватый сумрак: значит, Храм ещё светился, защищая своих обитателей. Вот только от чего? Или от кого?..

На полу, вытянувшись чуть не во всю длину комнатухи, спал Сне...Вирлисс. Бока его мерно вздымались и опадали, а на морде было написано такое блаженство, словно бедняга не спал по-настоящему очень долго...

— Что же это за гроза такая была, Вир?.. — тихо прошептал Эет, осторожно слезая с постели. Чёрт, так и дрых в грязной одежде... бельё теперь на кровати придётся менять.

Тело заполняло огромное желание освежиться, окунуться в чистую воду... но из Храма выходить что-то не хотелось. Вот чёрт, сколько ж продлится эта напасть? Он же не может торчать взаперти вечно! Без свежего мяса он очень скоро начнёт разлагаться.

Эта передёрнуло. Да, один раз он уже прошёл через подобное, но он не осознавал, что происходит...

Ладно, остаётся надеяться, что всё обойдётся.

Молодой человек, стараясь не побеспокоить Виру, вышел в коридор и направился в Верхний Храм.

Богиня на фреске стояла одна, без белого тигра. Брови её были нахмурены, но не гневно, а словно от глубокой сосредоточенности...

Эт преклонил колени.

— Есть ли возможность исправить то, что я натворил вчера? — тихо спросил он, склонив голову к сложенным в молитве рукам. — И что же именно я сделал?

По лицу богини скользнул солнечный луч и тут же погас, как ободряющая улыбка. А потом на кафельнице вспыхнул и пропал изумрудный огонёк...

— Возжечь?.. — осенило Эета. — Ну какой же я болван...

Он ведь где-то находил благовонные смолы, в какой-то келье... вспомнить бы ещё, в какой... И на будущее потом надо сделать запас, в лесу полно подходящих деревьев...

Юноша вскочил и бросился в коридор с кельями. Перетряхивая подряд ящички всех столов, в пятой комнате он обнаружил шкатулку со смолами. Юный маг схватил её и побежал в Верхний храм.

Неумело бросив горстку фимиама в кафельницу, Эет щёлкнул пальцами, призывая огонь... хвала богине и учебнику прикладных заклинаний, он научился воспламенению! а потом сдул пламя с зачадивших комочков смолы — и, будто зачарованный, глядел, как клубы благовонного дыма медленно всплывают вверх, окутывая сизой дымкой изображение Мортис Милосердной.

Впервые за четверть века.

Юноша благоговейно опустился на колени.

— Во славу твою, богиня... — прошептал он.

О Мортис, у него три алтаря, и ни на одном не горело пламя! Позор. Как богиня ещё терпела своего нерадивого служителя?..

Да, более откладывать нельзя! Если он не может сейчас спуститься к тайному Алтарю, два других должны находиться в идеальном состоянии. Пора браться за Общий храм!

Эт спустился по внутренней лестнице и через остатки потайной двери вышел в нижний зал. Да, здесь будет где разгуляться всем прикладным умениям...

— Ветер! — крикнул он, взмахивая руками — и отвернулся, прижавшись к стене.

Ураганный вихрь с воем пронёсся по помещению, взметнув облако пыли — и чёрной тучей вынес её наружу, вместе с палыми листьями и птичьими перьями.

Эт, повернувшись, облизнул губы. Зал посвежел, но у входа белели кляксы помёта, темнели следы от луж, нарушали идеальную поверхность пола неровности ещё какой-то засохшей дряни...

Эт закусил губы и вернулся в комнату за Жезлом Власти.

— Обновись! — приказал он, вновь спустившись в Нижний храм и направляя удар магии на пол.

Юноша сомневался, что получится. В учебнике не было ничего подобного и, наверное, если бы такое практиковали жрецы, они не держали бы столько младших служителей?..

С Жезла ударила струя зелёного света. Изумрудное горение обрушивалось на пол и волнами прокатывалось через весь зал к выходу. А потом погасло.

Молодой маг стоял на абсолютно чистых обсидиановых плитах: тёмно-зелёных и блестящих.

Эет ахнул и подпрыгнул от восторга. Получается! Получается же! Голова чуток кружилась, но юноша не обращал внимания.

Он развернулся и направил Жезл на алтарь...

Стены, камины, колонны, потолок. Зал заполняло зелёное полыхание. Только двери воссоздать Эет не мог, потому что от них не осталось даже пыли.

А потом, преклонив колени, хранитель Храма возжёг пламя у алтаря Мортис Карающей. И с первыми искрами возникла уверенность: нельзя пренебрегать этим святилищем. Эта ипостась богини — для их врагов. Врагов Храма и Атариды. Она усилит боевые заклинания, которые ему предстоит ещё изучить, она наполнит силой любое проклятие...

И она будет рядом в бою, который Эету и Вирлиссе придётся однажды дать своим врагам.

Мортис Карающая понимала и одобряла клятву мести Эета.

Юноша улыбнулся и встал... попробовал встать. Перед глазами всё качнулось и поплыло — а потом Эет приоткрыл веки, и увидел над собой озабоченную морду Сне... Вира. Затылок холодили каменные плиты.

Вирлисс встревоженно глянул в лицо друга и вопросительно качнул головой.

Эет пожал плечами.

Вир оглядел зал и снова вопросительно глянул на Эета.

— Ну да... Я всё сделал сам... Магией, — чуть смущённо улыбнулся юноша.

Белый тигр изогнул хвост... и выразительно покрутил кончиком у виска. А потом с хмурым видом припечатал молодого мага лапой к полу, пресекая попытки подняться.

— А что, нельзя было, что ли?.. — начал возмущаться Эет. — Я без магии бы тут неделю впахивал! Если не больше.

Вир закатил глаза и ухмыльнулся, показав клыки.

— Что значит — не переломился бы?.. — возмутился начинающий некромант. — Я и с магией не переломился... ой!

От резкого движения перед глазами опять всё поплыло, и Эет поспешно опустил голову на пол. Морда Снежка... тьфу ты, Вирлисса же!.. выглядела возмутительно довольной.

А потом белый тигр улёгся рядом и, мотнув головой, предложил Эету сесть верхом.

Стараясь не делать быстрых и сильных движений, юноша кое-как обхватил руками шею друга и переполз с пола на мягкую тигриную спину. Вир осторожно встал и медленно пошёл по потайной лестнице наверх, к кельям, останавливаясь чуть не на каждой ступеньке и мордой поправляя съезжающее тело приятеля: юноша не сидел, а полулежал, цепляясь за загривок зверя.

Эету было мучительно стыдно, но крепче держаться он не мог: ушла вся сила.

Наконец путь был пройден до конца. Вирлисс сгрузил свою беспомощную ношу на кровать и сразу куда-то убежал. Впрочем, вернулся очень скоро, неся в зубах забытый в Нижнем храме Жезл Власти.

— Спасибо, — слабо прошептал юноша. Голова кружилась немилосердно, и даже разговаривать было трудно. Руки приобрели синюшный оттенок, который Эету совсем не нравился...

Вир оценивающе поглядел на приятеля, потом на жёлтое нехорошее небо за окном, потянул носом воздух, поморщился и, вздохнув, снова убежал.

На сей раз Вирлисс не возвращался очень долго. Сгустились сумерки, потом в неприятной багряной дымке зажглись первые звёзды... Эет не смог бы сказать, когда. Он то проваливался в забытье, то приходил в себя... Кажется, он несколько раз слабо звал Виру, но на зов никто не откликнулся.

Разбудил запах крови. Позабыв про слабость, Эет вскинулся на постели. Рядом, едва различимый в глубокой темноте, стоял белый тигр, измождённый и шатающийся от усталости. В зубах он держал гиену.

Разум захлестнуло тёмной волной. Эет позабыл себя, остались только инстинкты. Он впился зубами в тёплую плоть убитого зверя и начал с жадностью рвать мясо. Снежок полоснул лапой по горлу своей добычи и с остервенением принялся лакать хлынувшую кровь.

Так они и разделили свою первую общую трапезу. Эет подчистил всё, не осталось даже костей, а Вир слизал с пола всю кровь, до малейшего пятнышка, и комната вновь выглядела девственно чистой.

Правда, Эет, глянув на свои руки, покрытые тёплой алой влагой, ощутил ещё более сильное желание вымыться, чем утром. Кожу на лице тоже неприятно стягивало.

Вирлисс сидел напротив и с самой блаженной мордой вылизывал шерсть.

Молодой человек завистливо вздохнул.

— Вот тебе хорошо, а мне?

Вир насмешливо покосился и дёрнул ухом, словно плечами пожал.

— Что, если на улицу выйти? Пойдём на речку?

Вирлисс коротко и строго рыкнул.

— Но ты же выходил!

Вир снова дёрнул ухом.

— Почему нет, ты можешь объяснить?

Вирлисс отрицательно покачал головой, кивнул на багряную дымку за окном и продолжил вылизываться.

— Ну я же не могу вот так!.. Погоди... знаешь, тут вроде купальни были... кажется, я на них наткался...

Эет вскочил и выбежал за двери.

— Снежок! — крикнул он уже из конца коридора. — Вир!.. Пойдём искать!

Белый тигр нагнал одним прыжком и вопросительно глянул на друга.

— Ну да, там бассейны были... для жрецов. Я в первые дни Храм осматривал и наткнулся... Правда, они не работают, их чистить надо и ремонтировать, но я же научился! — Эет улыбнулся. — Сбегай за Жезлом, сейчас мы быстренько... ой! Ты что?..

Вирлисс встал на задние лапы, припечатал Эета передними к стенке и со злостью начал вылизывать лицо и волосы. Глаза его полыхали зелёными гневными переливами.

— Что ты меня слюнявишь?! — отфыркивался и отбивался Эет. — Нельзя же любить кровь до такой степени... вампир чёртов... Вир!..

Вирлисс отпустил Эета только тогда, когда вылизал дочиста. Он стоял рядом — наконец на всех четырёх лапах — и, хмуро косясь на приятеля, брезгливо облизывал губы.

Эет, не менее брезгливо, вытирал лицо рукавом.

— Ты с ума сошёл? — ворчал он. — Что это было? Ты всего меня обмусолил!

Тигр раздражённо дёрнул хвостом, хлестнув себя по боку.

"Очень ты мне нужен!" — красноречиво говорил взгляд зверя. Потом Вир повернулся и

двинулся обратно по коридору, и только на полпути обернулся, выжидательно глянув на друга.

— Да иду я, иду... — буркнул Эет.

В комнате Вир взял в зубы лежавший на столе дневник и сунул его в руки Эету. Юноша, непонимающе глянув, взял тетрадь и раскрыл на первой странице. Там, где календарь.

Вирлисс кивнул и кончиком хвоста ткнул в два последних крестика.

— Два последних дня... — озадаченно нахмурился Эет. — Сегодня и вчера. Что?

Вирлисс хмуро кивнул на Жезл Власти.

— А, я сегодня и вчера использовал магию?

Тигр снова кивнул.

— Ну и что? Я её и чаще иной раз использовал.

Вир закатил глаза.

— Ладно, только снова ослом не обзывай... — улыбнулся Эет. — Хочешь сказать, я использовал сильную магию?

На морде тигра отобразилось восхищение недюжинными мыслительными способностями приятеля.

— Понятно. — Эет нахмурился. — И потому я свалился?

Вирлисс радостно кивнул.

— Ясно, — юноша сел на постель. — Значит, злоупотреблять могуществом нельзя...

Спасибо.

Вир фыркнул.

— Нет, правда, спасибо, — Эет глядел серьёзно и прямо. — Ты ж меня этой гиеной спас. Наверное, нелегко было её поймать, с той дрянью снаружи?

Хищник польщено дёрнул ухом и отвернулся.

— Ладно, не прикидывайся, что смущён, не поверю... — хмыкнул молодой волшебник. — Так что ж это за гадость такая? В ней я виноват?

Вирлисс широко распахнул глаза и отчаянно замотал головой.

— Но ведь она появилась, когда я колдовал? Ты уверен, что не из-за меня?

Тигр кивнул.

— А у меня ничего не получилось... из-за этой пакости? Или нет?

Вир растерянно наклонил голову набок.

— Но ведь буря была ещё далеко... Она налетела позже... когда всё уже закончилось...

Надо повторить эксперимент!

Вирлисс снова замотал головой, ещё отчаяннее.

— Пойми! — почти взмолился Эет. — Я должен знать причину неудачи. Это из-за внешних факторов... из-за гадости этой... или потому, что я... зомби!

Он стукнул кулаком по постели.

Глаза Вирлисса от изумления стали походить на два блюдца.

— А ты даже не думал о такой возможности? — криво улыбнулся юноша. — Ты о зомби читал хоть что-то, сверх университетского минимума? Ладно, не отворачивайся, вижу, что не читал... Зомби — низшая нежить по сути своей. И даже те из нас, что обладают собственной волей, зомби-маги... Они — существа неполноценные. — Эет скрипнул зубами. — Они не могут подчинять себе других немёртвых, поскольку сами созданы подчиняться, а не повелевать...

Молодой маг отвернулся к стене.

— Я этого нигде не читал. Просто сам сделал вывод, когда изучал труды о нашей природе... И боялся в это поверить.

Снежок... Вир... тихо подошёл и несмело ткнулся влажным носом в руку. Эет машинально погладил большую голову зверя.

— Вот так, Вир, — прошептал он. — Что же я за некромант такой буду... недоделанный... Понимаешь, я должен проверить. Я должен! Я бы не психовал так на берегу, если бы... в глубине души...

Эет сжал кулаки и опустил голову. Волосы, скользя по плечам, закрыли его лицо.

— Ты бы мог сейчас поднять зомби? — спросил он глухо.

Вир замялся, а потом неуверенно помотал головой.

— Правильно, — невесело хмыкнул юный некромант. — Потому что ты сейчас... вроде призрака, да? Только тоже... такого... крутого. Как я — крутой зомби.

Тигр кивнул.

— А призраки, — закончил безжалостно Эет, — тоже низшая нежить. Если бы ты снова мог стать вампиром, ты бы... ты бы мог меня отбить у Госпожи, а потом произнести Формулу Освобождения... но ты же не сможешь, да? Если бы был способ, ты бы мне сегодня ночью рассказал, там, во сне, верно?

Вир лукаво хмыкнул и насмешливо блеснул глазами.

— Что, способ есть? — Эет приподнялся на постели.

Вирлисс обрушился на пол и вытянулся во всю длину комнаты. Юноша махнул рукой.

— Ясно. Способ есть, только ты о нём по каким-то причинам рассказать не можешь... Так что, считай, это не вариант! А вот если бы я мог сам себя трансформировать в высшую нежить... в вампира или лича... Я бы смог воздействовать на немертвых! Стал бы полноценным магом. И даже... возможно... сам себя смог бы освободить из-под власти Госпожи... Хотя вот этого, честно сказать, в глубине души совсем не хочу. Я люблю Госпожу! Впрочем, ты же знаешь, что такое Заклятие Подчинения...

Взгляд Вира стал сочувствующим.

— Погоди... — Эет нахмурился. — А ведь это мысль. Как думаешь... если есть способ превращать в вампиров и личей Смертных... может, есть способ и для зомби? Если его отыскать? Как думаешь?

На тигриной морде выразилось сомнение.

— Хочешь сказать, если я не могу воздействовать на других мертвецов, то и на себя не сумею? Я не могу только подчинять. Но мы говорим не о подчинении. А о трансформации. А трансформировать я могу... Я же сделал обычную буковую палку Жезлом Власти!

Вир улыбнулся, показав клыки, и подмигнул.

— Ну, значит, так и решим! — тоже улыбнулся Эет, хлопнув по колену. — Будем по мере изучения некромансии поглядывать архивы Храма по смежным темам... Что бы почитать на сон грядущий? Интересно было бы узнать, что это за гадость такая, и долго она вообще провисит?

Вирлисс привстал и лениво стукнул лапой по ящику стола.

— Думаешь? В дневниках прежнего хозяина? А что, очень может быть...

Эет свесился с постели и вытянул ящик.

— Тут куча этих тетрадей... погоди!

Юноша встал, зажёл светильник и сдёрнул с кровати грязное бельё. Свернув узел, Эет положил его на пол у дверей.

— Я завтра всё приведу в порядок. Магией, — пояснил он, доставая сменную постель из шкафа. — Да нет, не хмурься, обычной, бытовой.

Застелив новое бельё, молодой человек стащил с себя грязную одежду и кинул в общую кучу. А потом, нимало не смущаясь, голышом вытянулся на кровати, укрылся покрывалом до подбородка и, лёжа на спине, погрузился в чтение. Вирлисс отвернулся к стене, чтобы не мешал свет, и почти сразу уснул.

Глава XIII

Подземелья Храма

Эет

Юноша уснул только под утро, полностью прочитав всю стопку дневников. Проснулся он от яркого солнца, бьющего в глаза: занавеска соскользнула в сторону, и лучи лились прямо на изголовье.

Эет улыбнулся, позволяя теплу и свету заполнять всё его существо, проникать в каждую клеточку... Он лежал, любуясь небом: восхитительно высоким и чистым.

И комнату тоже заливали золотые лучи полудня, а вовсе не мертвенный зелёный полумрак, как последние два дня...

Что ж! Хвала Мортис, их с Виrom ждут новые опыты и открытия!

Но сначала — на речку!

Эет сел на постели одним гибким движением и взлохматил волосы.

— Вир! — позвал он. — Вир, хватит дры...ты где?

Спрыгнув с постели, Эет прошлёпал босыми ногами до шкафа и извлёк оттуда одну из сменных рабочих туник и чистые штаны. Одевшись во всё свежее, юноша покосился на узел с грязным бельём, поморщился, решил, что не горит — и отправился на поиски Вирлисса.

Белый тигр сидел на площадке над ступенями Храма и, кажется, просто любовался видом. Эет тихо подошёл и сел рядом на древние тёплые плиты, поставив ноги на первую ступеньку, уводящую вниз.

Оба молчали.

— Вир, ты знаешь о Стенах Атариды? — тихо спросил наконец Эет.

Вирлисс, не отрываясь от созерцания моря и неба, кивнул.

— Я прочитал дневники, — помолчав, сказал наконец Эет. — Теперь я тоже знаю. — И добавил: — И я помню небо... в тот день.

Вирлисс повернул голову, внимательно поглядев на друга.

— Ты знаешь, о каком дне я говорю. — Эет вздохнул. — Наверное, о дате твоей смерти... и не только твоей.

Тигр чуть дёрнул ухом — и вдруг опустил голову. Выражения его глаз Эет не видел.

— Небо было такое же... как позавчера. И вчера. И молнии... те же.

Вирлисс, не поднимая головы, кивнул.

А потом встал и, понурившись, чуть не волоча хвост по плитам, побрёл в Верхний храм.

— Вир! — обернувшись, окликнул Эет. — Я не хотел расстроить тебя. Я просто хотел сказать, что понял... понял, почему ты так торопился меня увести с берега. Почему ты за меня... испугался.

Вирлисс, не оборачиваясь, дёрнул хвостом, как рукой махнул.

Эет мысленно обозвал себя кретином. Ну надо же было так! Абсолютный кретин. Не придумал ничего лучше, как ляпнуть "не только твоей смерти"! Конечно, он имел в виду всю Атариду, но ведь у Вира была девушка... И, судя по тому, что Вир поведал ему о ней в первые же минуты знакомства — вампир просто бредил своей Фрери. Жить без неё не мог. Может быть, и погибли они вместе? И тут некий идиот брякает...

Эет вскочил и хотел пойти следом за Вирлиссом, но замер, не сделав и шага. Он сказал уже всё, что мог. Теперь Виру просто надо побыть одному. Любые утешения сделают только хуже.

— Вир... если есть возможность тебе помочь, я найду её, клянусь! — прошептал Эет, сжав кулаки. — Я все архивы Храма переверну.

Молодой человек встал и медленно пошёл вниз, в лес.

Он добрался до речки, аккуратно сложил одежду на траве и с наслаждением вошёл в воду. А потом сидел на шершавом, нагретом солнцем валуне и задумчиво смотрел на игру света в волнах.

Когда солнце огромным шаром повисло в вершинах деревьев, запутавшись в переплетении ветвей, Эет оделся и пошёл на взморье. Дойдя до могилы на берегу, юноша долго стоял и смотрел на горизонт. Задувал солёный ветер, алый свет скользил по галечнику и песку, волны с плеском накатывались на обвитые водорослями валуны...

Когда стемнело, Эет разжёг костёр. В чёрном небе мигали звёзды, негромко вздыхало море, потрескивали сучья в огне... На душе было пусто.

В темноте за гранью светового круга скользнул белый силуэт — и Вир сел на холодном песке, едва различимый во мраке. Эет поднял голову, улыбнувшись другу, и приглашающе кивнул.

Вирлисс подошёл к огню и улёгся рядом с Эетом. Молодой человек тоже вытянулся во весь рост у огня, положив голову на тёплую тигриную спину. Зверь повернулся, устраиваясь поудобнее, и теперь голова Эета лежала на мягком подбрюшье хищника, между мощными лапами.

Друзья молчали. Вир смотрел в огонь, Эет — на звёзды.

— Завтра я повторю эксперимент, — наконец тихо произнёс юный маг. — Попробуем здесь же, на берегу... Если заметим признаки грозы... знаешь, Вир, мне кажется, что враждебные боги могли оставить что-то вроде охраны. Она сама включается, если чувствует сильную некромагию... Так вот, если начнётся что-то подобное, возьмём тело в Храм. Нужно будет приготовить какую-нибудь комнату под лабораторию... и придётся пожертвовать простынёй. В чём-то ведь надо нести покойника.

Вирлисс вздохнул.

— Я не хотел тебя сегодня расстроить, Вир, — добавил юный хранитель Храма.

Тигр невесело хмыкнул. Потом привстал и чуть лизнул Эета.

— Не сердись... — слабо улыбнулся Эет. — Да я знаю, что не сердись. Всё равно как-то... по-дурацки вышло. Можно, я спрошу?

Вир негромко мурлыкнул, выражая согласие.

— Ты меня, правда, прости... может, я...

Вирлисс зевнул.

Эет глубоко вдохнул и, зажмурившись, выдал:

— Вир, а что случилось с Фрей?

Тигриные бока замерли, перестав вздыматься и опадать.

Эет сел.

— Я понимаю, что тебе так просто не рассказать... может, ты во сне мне расскажешь?

Вирлисс, не мигая, смотрел на пламя. Его тёмно-синие глаза казались чёрными.

— Я ведь не просто так спрашиваю, Вир. Не из любопытства... — Эет подобрал с земли прутик и начал ковырять песок. — Я хочу найти способ тебе помочь. Оживить тебя... и Фрери... Чтобы ты снова стал собой... и был счастлив. Ты мне поможешь?

Вир приподнял голову и долго смотрел на Эета. На дне тигриных глаз таилась печаль. Губы чуть дрогнули в скупой улыбке.

— Ну почему невозможно? — юноша положил руку на загривок зверя. — Мы даже не пытались! Я найду способ сделать себя высшей нежитью, тебя — снова тобой и... если мы найдём её тело... я обещаю оживить для тебя Фрей. И если этих способов никто никогда не находил, клянусь, я их найду!

Вир опустил голову и рассмеялся. А потом, снова глянув в глаза Эета, серьёзно кивнул.

Юноша подмигнул.

— Я знаю, что я упрямый и талантливый осёл, который не умеет верить в поражения. Так что ты в этом вопросе даже не возражай!

Вирлисс, фыркая от смеха, только замотал головой, а потом шутливо боднул Эета в плечо.

— Да уж... — отсмеявшись, выдохнул юноша. — А ещё мне интересно, как это тебя угораздило... То есть, я хочу сказать, что по Атариде не разгуливает толпа призраков. А ты... Ты как-то связан с богиней, Вир. Ты ведь действительно сейчас — её зверь. Её спутник.

Вирлисс, с лукаво заблестевшими глазами, смотрел на огонь, и не выражал ни согласия, ни отрицания.

— Ви-ир... — протянул Эет. — Ну что это за игры? Ты связан с богиней?

Кивок.

— Ты её спутник?

Отрицательное мотание.

— Как — нет? Но ведь на фреске...

Эет закусил губы. С фрески богини белый тигр пропал.

— Подожди! Ты же был её спутником! Какое-то время, да?

Вирлисс вздохнул и улыбнулся. Потом как-то неопределённо качнул головой.

— Что-то вроде, да? Не совсем?

Вир кивнул.

— А сейчас — уже нет? Хочешь сказать... — Эет затаил дыхание, боясь поверить такому счастью, — она тебя отпустила?

Опять нечто неопределённое.

— Не совсем?.. Она отпустила тебя... ко мне? После того сна? В смысле, после нашего разговора?

Вирлисс кивнул, и взгляд его снова лукаво заискрился.

— А почему?

Вир закатил глаза.

— Прости... — Эет невольно улыбнулся. И, снова ковыряя песок прутиком, добавил: —

А вообще... здорово, что мы встретились.

Вирлисс согласно мурлыкнул.

— Да я вообще... не только про сейчас, — смущённо признался молодой человек. — Я и о том вечере тоже, когда ты меня в Храм привёл. Это символично немного, не находишь? Ты мне и тогда очень понравился... Ну, я же говорил Снежку, что хотел бы подружиться с Виром!

Белый тигр чуть фыркнул, скрывая под смешком смущение. А потом снова осторожно, совсем по-кошачьи, боднул Эета в ладонь.

— Ты тоже?

Вир кивнул.

Эет упал на песок, раскинув руки и блаженно улыбаясь. Это так здорово — иметь друга, с которым свела сама богиня!

— Вир... — прошептал он и, не сдерживаясь более, взъерошил белый мех зверя, потрепал по загривку.

Вирлисс смешливо расфыркался и, гибко перевернувшись, ответил тем же, влажным носом взъерошив волосы Эета. Юноша расхохотался и пружинисто вскочил на ноги.

— Идём! Не будем тянуть время! У нас впереди много работы.

Вирлисс взвился стремительным порывом снежного вихря — и оба друга бок о бок отправились домой.

В Верхнем храме Эет щелчком пальцев зажёл магический огонёк и, миновав кельи, углубился в переплетение коридоров.

— Вир, где-то тут были ещё лестницы, кроме той, в Нижний храм и в Лабиринт. Давай их осмотрим?

Белый тигр глухо рыкнул, выражая согласие.

— Понимаешь, должны же быть ещё и подвалы... для экспериментов.

Вир с сомнением покосился на спутника.

— Думаешь, туда не стоит соваться?

Вирлисс несколько неуверенно повёл ухом.

— Я вполне представляю, что там могло остаться... Какое-нибудь забытое проклятие... неактивированное... Или хищная низшая нежить... вроде ходячих скелетов. Кстати, да. Боевые заклятия неплохо бы выучить. А то я ни одного не знаю.

Вирлисс резко затормозил и схватил Эета за полу куртки.

— Да ладно тебе, Вир! — улыбнулся юноша. — Я пошутил. Наверняка богиня не позволит открыться дверям, за которыми нас может поджидать опасность. Нас ведь тут не двое, Вирлисс. Нас трое. Тебе ли не знать?

Вир мрачно буркнул что-то под нос и, протиснувшись мимо Эета, пошёл вперёд по узкому коридору.

— Вир, ну не надо так откровенно меня опекать! — возмутился зомби. — Я ж тоже не беззащитная девочка.

Вирлисс не соизволил ответить.

Они вышли на круглую площадку. Сверху в окно колодца светили звёзды.

Отсюда вводили вниз две лестницы: справа и слева.

— По которой пойдём?

Вир раздражённо дёрнул ухом и сел, всем видом демонстрируя, что лично он бы развернулся и пошёл обратно. К кельям.

— По идее, надо всегда начинать с последней, — улыбнулся Эет. — Но, по закону подлости, до "последнего" варианта добираются именно в последнюю очередь.

Тигр зевнул. Философские шутки сегодня его не вдохновляли.

— Вир, да нет там ничего! — фыркнул Эет. — Ну, и вообще... вот представь, что мы бы с тобой не встретились. И я бы там шарахался один...

Вирлисс мрачно покосился на друга. "С такого осла, как ты, точно случилось бы там шарахаться в одиночку, — говорил этот взгляд. — Теперь я понимаю, почему хранителю Храма потребовался ещё и персональный хранитель".

— Я бы шарик направления использовал... — виновато признался Эет. — Но такая слабая магия не действует в Храме.

Вир устало вздохнул, поднялся и пошёл вниз по левой лестнице. Стену вдоль неё покрывали барельефы и лепнина, двери на украшенных яшмой и драконьей костью площадках сияли в темноте эмблемой Храма — похоже, там хранилась государственная казна Атариды, — а иные створки, под знаком секретных книгохранилищ, напоминали зеркала или струящиеся водопады...

Великолепная лестница закончилась у череды огромных залов, отделанных голубым мрамором — с опустевшими чашами бассейнов, из которых вздымались колонны, а чёрный потолок напоминал звёздное небо. С него и сейчас ещё струился нежный свет...

В другую сторону вводила анфилада комнат с изогнутыми чашами роскошных ванн.

— Вир! — Эет остановился и радостно обернулся к другу. — Мы купальни нашли!

Вирлисс подмигнул.

— Я же говорил, надо было начинать с последней... — улыбнулся Эет. — Пойдём назад.

Зверь тяжело вздохнул, но, ничем более не выражая своего недовольства, развернулся и пошёл вверх.

— Вир, ты представляешь, сколько тут всего! — идя сзади, восторгался молодой немёртвый. — Это изучать и изучать! У меня просто дыхание перехватывает! От восторга. Понимаешь? Это... я просто не знаю, с чего начинать...

Вирлисс насмешливо рыкнул.

— Да я понимаю, что сначала надо университетский курс закончить... по всем направлениям... Но потом? Потом? Когда я стану высшей нежитью... и помогу тебе... Вот что потом?

Вир аж взвизгнул от смеха.

— Да, действительно, далеко заглядываю... — улыбнулся Эет. — А как ты думаешь, кем мне лучше стать? Вампиром или личом? Вот ты же вампир. Мы могли бы быть вместе, да? И потом, вампиры могут жить и на крови животных, а личи нет...

Вирлисс остановился на ступеньках и оглянулся. Окинул приятеля с ног до головы оценивающим взглядом — и опять, как тогда, в Нижнем храме, покрутил у виска хвостом.

— Ты считаешь, из меня вампир не получится? — удивился Эет.

Вирлисс дёрнул ухом.

— Считаешь, слишком рано об этом говорить?

Тигр кивнул... а потом сморщил нос.

— Что?

Вир вздохнул, развернулся и пошёл дальше вверх.

"Выпендрёж этот их вампирский, аж тошнит..." — вспомнились вдруг давние слова

того безвестного соседа по ночёвке.

И верно, иногда в самом деле... тошнит.

— Хотя личи более мощные некроманты... — обиженно кинул Эет в спину другу. — И в принципе, могут вообще без еды...

Вирлисс обернулся на ходу и бросил на приятеля смеющийся взгляд.

И кивнул.

— Вот стану личом... будешь знать!

Вир рассмеялся.

И снова кивнул.

— Ты, кажется, намекаешь, что лич — это просто моё призвание? — вскинул брови Эет, остановившись.

Вирлисс снова кивнул и продолжил скачками подниматься по лестнице.

— Что, выпендрёжу не хватает?

Сверху раздался взрыв фырканья.

— Смешно ему... — буркнул зомби и кинулся бегом по ступеням, догонять друга.

Они вновь добрались до площадки под световым колодцем, и на сей раз пошли по правой лестнице.

Эта была не столь роскошна, и первая площадка оказалась лишь на уровне служебных помещений за Нижним храмом. Правые двери с неё вели на огромную, пустующую сейчас кухню, а левые — в прачечные.

— Вир, ты глянь! Мы с тобой нашли, где можно постирать постель! — ахнул Эет. — И, кстати, если привести кухню в порядок, можно готовить еду прямо в Храме, не разводя костёр в лесу.

Вирлисс кивнул и вопросительно глянул на Эета, а потом мотнул головой, показывая обратно, на ведущие вверх ступени.

— Нет, — покачал головой молодой человек. — Надо дойти до конца. К тому же, кажется, мы на верном пути.

Вир коротко рыкнул, и друзья продолжили спуск.

Спустя какое-то время Эет дотронулся до стены и почувствовал под пальцами влагу. Ступени стали уже, неровней, и скользили под подошвами сандалий. Вирлисс шёл впереди, то и дело чутко втягивая носом воздух. Эет пожалел, что не взял с собой Жезл Власти. Ведь что стоило — всего-то заглянуть по пути в свою комнату... Конечно, он не умеет пользоваться боевыми заклятьями, но... Кажется, в Верхнем храме у него получилось метнуть молнию? Пятно сажи едва отмылось со стены. Правда, тогда он был очень возбуждён и не контролировал свои чувства...

Итак, решено! Занятия по некромансии он начнёт чередовать с занятиями по боевой магии. И по проклятиям, а также по защитным и снимающим заклинаниям... Чёрт возьми, однажды он достигнет такого уровня, что ему позавидует любой архонт!

Эет сжал губы. Никакой архонт ему не позавидует. Никого из них не осталось.

Но, тем не менее...

Спуск закончился. Эет и Вирлисс стояли перед узким ходом за насквозь проржавевшей решёткой, на которой болтались полотнища тенёт. Холодный ток воздуха, тянувший откуда-то из коридора, слегка колыхал их. Издалека доносился глухой звук падающих капель. Под ногами чавкали грязные лужи. Факел в истлевшем гнезде едва держался на стене у самого входа, по ту сторону решётки.

Эт усмехнулся.

— Вир, ты не считаешь, что тут полный набор? Просто классическое подzemелье злого мага! Сейчас должно выплыть привидение, желательно громыхая цепями. Или появиться ещё какая-нибудь гадость.

Вир хмуро глянул на развеселившегося приятеля. Похоже, тигр считал, что ничего весёлого в обстановке нет, и не одобрял ни ехидства, ни легкомыслия спутника.

— Да богиня с тобой! — воскликнул Эт. — Ты никогда не спускался к Вратам Лабиринта. Вот там по-настоящему страшно. И ничего... стоит открыть двери — как рукой снимает. А тут обычные подвалы. Наверное, святые отцы здесь вино хранили...

Вирлисс поморщился и отрицательно покачал головой. Звонкий голос Эета летел в глубь коридора, теряясь затихающим эхом в сырой темноте.

— Ну что ты стоишь, толкни же эту решётку! Мне через тебя не перелезть!

Вирлисс встал на задние лапы и всей тяжестью толкнул ржавые двери.

Те даже не шелохнулись.

Он оглянулся на Эета, как бы говоря: вот видишь, нам туда не пройти. Пошли назад.

Эт вздохнул.

— Отойти немного...

Он полез через Вира и, придерживаясь за прутья, чтобы не потерять равновесие, слегка налёг на решётку.

Она подалась с противным визгом, и Эт, запнувшись о Вира, чуть не упал прямо в подвальную мокреть. Ввалился в коридор, едва не поцеловавшись с грязным порогом. Шарик магического света, мигнув, погас.

— Чёрт! Ну что за...

Эт, ругаясь, безуспешно щёлкал в воздухе мокрыми пальцами — свет не зажигался.

Вир тихо рыкнул.

Эт заткнулся и принялся шарить по стене. Кажется, там висел ведь какой-то факел... ну где же он там...

Юноша выдернул-таки из гнезда отсыревшую просмолённую палку — и, зацепив рукавом ржавое кольцо, сильно дёрнул его...

Ткань затрещала, зомби не смог сдержать крепкого выражения, кольцо провернулось вокруг оси...

...и под полом что-то загудело, ток воздуха усилился.

Эт, забив на заклятие света, призвал огонь. Факел загорался неровными, судорожными вспышками, но в конце концов всё же зажётся. Тёплое живое пламя, потрескивая, потянулось к волглому своду, и в неверных дёргающихся тенях Эт увидел, что часть пола перед ним пропала, и вниз уводят ступени.

— Вир, потайной ход! — ахнул юноша.

Вир потянул носом воздух.

— Ну, что поделать? Нам с тобой тут не разойтись. Так что придётся мне идти первым, прости, — Эт усмехнулся, увидев, как раздражённо блеснули глаза хищника. — Вир, ну сам подумай, — мягче заговорил он. — Там решётки впереди могут быть ещё... как мы их будем открывать, если ты пойдёшь первым? К тому же, неужели ты считаешь, что зомби — это беззащитные существа? Я руками голову могу оторвать. Не беспокойся за меня...

Вирлисс выразительно поглядел на голову самого Эета. Юноша покраснел.

— А вот грубить не надо! — запальчиво ответил он. — В моей голове ничего не нужно

подкручивать!

Вир закатил глаза, ухмыльнулся, показав клыки... и вдруг растаял серебристым облачком.

А потом преспокойно возник перед молодым хранителем Храма, в коридоре, и, ещё раз ехидно покосившись на его голову, двинулся к уводящим вниз ступеням.

Эт поджал губы. Хотелось и смеяться, и сердиться... Ну, Вир! Что за характер у этого... призрака!

И он сам тоже хорош. Точно, Вирлисс прав: в голове надо что-то подкрутить. Ведь вроде отлично соображает... на отвлечённые материи. А элементарные, очевидные... бытовые мелочи... Например, ведь он же знал, что Вирлисс — привидение. Дух. Самая суть, внутренний образ давно погибшего вампира по имени Вир. И развоплощался тот при нём несколько раз, и из воздуха возникал... И сейчас так тупо выставить себя дураком!

Ох уж эта необъяснимая способность Вира к материализации...

Плюнув и решив, что обижаться — совсем уж несусветная глупость, Эт махнул рукой и рассмеялся.

— Ну, ты меня уел! — признал он. — Призрак чёртвов...

Вирлисс тихонько фыркнул и осторожно встал на первую ступеньку. Эт последовал за ним и вскоре, отведя свисавшие сверху лохмотья тенёт, вошёл в узкий, но высокий лаз, каменную тропинку. Капли воды, срывавшиеся сверху, шипели, попадая на факел. Пламя трещало, касаясь влажного потолка, и оставляло на нём чёрный след. Как путеводную ниточку.

Никаких дверей и ответвлений друзьям не попадалось.

Снова ступени, и снова вниз. Ход немного расширился. Эт теперь не касался плечами стен.

Вирлисс зарычал, замерев на середине лесенки. Эт тоже замер.

— Что там?

Он нагнулся, посветив вниз. У подножия ступеней валялся истлевший скелет.

Эт облизнул пересохшие мгновенно губы. Сколько лет лежит тут этот безвестный бедолага?..

...Богиня, о чём он думает! Не ловушка ли это?

Вирлисс осторожно, по шажочку, начал спускаться, взглядом велев Эту оставаться наверху. Толкнул лапой скелет — и тут же развоплотился, мерцающими белёсыми струями взмыв к потолку.

Ничего... Во всяком случае, на прикосновение мертвец не отреагировал.

Вир вернулся, вновь материализовался и перепрыгнул через трухлявые кости, тяжело опустившись на камни коридора.

Снова ничего.

Белый тигр приблизился, с гримасой брезгливости обнюхал древний остов, а потом дёрнул ухом и мотнул головой, разрешая Эту подойти.

Зомби, стараясь не поскользнуться на мокрых ступенях, приблизился и, встав рядом с Вирлиссом, присел на корточки над скелетом.

— В нём никакой магии, — прошептал он, проведя рукой. — Я не чувствую отклика.

Вирлисс кивнул.

— Пустой. — Эт вздохнул. — Интересно, как этого беднягу сюда занесло? И давно ли он тут?.. И почему жрецы его не убрали?

Взгляд белого тигра наполнился тем же любопытством, что и взгляд Эета. Капли смолы, шипя, падали с факела на мокрый пол, золотистый свет дрожал на бурых костях, и тьма глазниц казалась ещё более глубокой, хранившей древнюю тайну...

— Ну почему я не умею поднимать скелетов? — в отчаянии прикусил губы Эет. — Почему я не могу поднимать немертвых? Сейчас мы бы получили ответы на все свои вопросы!

Помолчав, молодой маг добавил:

— Заметь, у него на черепе даже волос не осталось... А одежда сохранилась! Не считаешь, что одно с другим не вяжется?

Вир задумчиво наклонил набок голову.

Эет дотронулся до лохмотьев на рёбрах скелета. Станный материал, нежный и бархатистый... может, конечно, в самом деле бархат, только бархат давно истлел бы. А тут даже можно цвет угадать под слоем грязи. Алый. Похоже, парнишка-то был модником...

В глазах Эета зажглось вдохновение. Он вскочил, прошёл вдоль мертвеца, считая шаги и что-то прикидывая шёпотом себе под нос. Потом снова присел и пальцами замерил толщину костей.

— Знаешь, Вир... А наш приятель и не человек был... Он был немного выше и тоньше... Легче, я бы сказал. Да, я не сплю над учебниками! — улыбнулся он. — Параметры человеческого скелета в допустимых нормах я помню.

Вир приподнял брови.

— Ну и что, что третий курс некромансии? — смешливо фыркнул юноша. — По диагонали для общего развития я просмотрел все пять учебных томов! А полностью и серьёзно я их прорабатываю постепенно, один за другим. С практикумами. Ну, неважно... Так вот, поднятие и подчинение опасных видов нежити начинается с третьего курса. Скелеты — это первый практикум. И я тебе говорю: парень не был человеком.

Юноша положил одну ладонь на нижнюю челюсть мертвеца, а вторую на его темя.

— Смотри, и голова у него была... э-э-э... как бы сказать... удлинённая. Глиста с дыней на плечах! — Эет невольно, хоть и коротко, рассмеялся. — Нехорошо, конечно, так... Но что поделывать, если он таким и был?

Юноша пошарил по карманам мёртвого, перевернул остоу — и поднял с пола тонкую золотую цепочку с медальончиком. Видимо, когда-то владелец снял её с шеи и переложил во внутренний карман, потом подкладка истлела и не выдержала тяжести золота, медальон выпал из кармана и сквозь рёбра проскользнул на пол.

Эет раскрыл безделушку. Изнутри с золотисто-зелёного фона ему улыбнулась юная красавица с волосами, похожими на облако. Облако из солнечного света. Фасон платья не походил ни на один из известных Эету. Современницы молодого мага таких не носили. Не припоминал он подобных и на иллюстрациях: ни в учебнике истории, ни в приключенческих романах, которыми зачитывался в детстве.

Впрочем, кто сказал, что эта девица — человек?

— С каких времён он тут валяется? — невольно понизив голос, прошептал юноша. — Неужели... с Эпохи Становления? И почему же, если парень сумел сюда забраться, то не смог выбраться? И что искал?

Вирлисс задумчиво повёл ухом. Эет скупно улыбнулся и положил изящную находку в карман.

— Прости, приятель, — встав, сказал он мёртвому. — Думаю, тебе эта побрякушка уже

ни к чему. Если ты не собираешься вставать и драться за неё, значит, особой важности для тебя она не представляет. Лежишь? Ну вот и лежи... Идём, Вир! Посмотрим, что там дальше, — улыбнулся он другу.

Белый тигр с безмолвным укором глянул на молодого некроманта, не одобряя подобный юмор, но встал и пошёл вперёд.

— Вир... — немного виновато сказал Эет. — Я не циник. Просто мы, например, тоже далеко не живы, но, если бы у тебя или у меня была вещь... память о возлюбленной... и я, и ты глотку бы порвали, попробовал бы кто забрать! Разве нет? А этой груде костей действительно всё равно, валяется под рёбрами медальон или нет. Что же до души парня... может, она уж и встретилась с душой той девицы, что на портрете. Так что... ну, сорвалось, прости!

Вирлисс хмуро глянул через плечо и коротко рыкнул. Эет вздохнул.

— Это у тебя юмор солнечный. А у меня мрачный...

Вирлисс фыркнул, на ходу подмигнул — и двинулся дальше. Вскоре в свете факела друзья увидели конец хода. Тупик.

— Всё? Это — всё? — не веря себе, остановился Эет. Юноша чувствовал себя едва ли не обманутым.

Вирлисс вздохнул — и ушёл в стену. А потом высунул из каменной кладки довольную морду, приглашающе мотнул головой и снова пропал.

— Ещё потайная дверь? — осенило Эета, и молодой маг кинулся к стене. Едва его руки коснулись её, она откатилась в сторону.

Он очутился в небольшой квадратной комнате. В дальнем углу стоял стол, на нём древняя проржавевшая лампа, вся в лохмотьях пыли. У стены напротив сиротливо щерился рассохшимися покосившимися створками шкаф, на полу кое-где угадывались смутные белые штрихи: некогда, видимо, какой-то магический знак нарисовали на всё пространство комнатки.

Больше ничего тут не было.

Эет чуть присвистнул.

— Интересно, что за волшебство тут творили? Сейчас уже и не понять... Ну ладно! А что тут ещё?

Юноша подошёл и осторожно потянул на себя дверцы шкафа. Древняя мебель жалобно застонала — и с грохотом обрушилась кучей прогнивших досок. Эет и Вир едва успели отскочить.

В воздух поднялось целое облако пыли.

Чертыхаясь и разбивая её ладонью, Эет нагнулся над обломками.

Бумажная труха — всё, что осталось от стопки пожелтевших листов, когда-то лежавших на полках шкафа.

— Вир, это маразм! — выругался юноша. — Ты так не считаешь? Магически сохранять постельное бельё — и позволить сгнить уникальным записям!

Вирлисс скептически приподнял брови.

— Думаешь, раз им позволили сгнить, записи не представляли интереса?

Эет нахмурился. В доводе друга был резон, и всё же... Что-то в глубине души неприятно колело. Судя по запущенности этого подземелья, о нём давным-давно забыли. Почему? Какую тайну оно должно было унести в небытие?

Эет призвал легчайший ветерок и позволил невесомому току воздуха поднять

уцелевший клочок бумаги к глазам.

Женская рука, державшая розу.

Юноша готов был поклясться, что знает, как выглядит полное изображение. Он видел его. Видел.

На фреске в Общем храме.

Истинный лик богини, о котором упоминали дневниковые записи прежнего хозяина кельи, где сейчас поселился Эет.

— Вир... — еле шевеля губами, прошептал юноша. — Посмотри... Ты помнишь, я говорил о розе в руке Мортис?

Вирлисс быстро повернул голову и изумлённо взглянул на друга.

— Вот она... смотри... Это часть той картины, что тогда мне явилась...

Вир впился глазами в листок.

— Богиня... неужели мы наткнулись на архивы документов... из того мира?..

Эет осторожно долевитировал листок до стола.

— Пусть пока полежит... потом я вернусь сюда с Жезлом Власти и попробую если не восстановить, то хотя бы укрепить рисунок.

Вир кивнул и наклонился к остаткам шкафа.

— Больше там ничего нет... — начал было Эет. Вир прервал его коротким рыком.

— Что там?

Тигр кивнул, указывая на миниатюрные дверные петли на задней стенке шкафа.

Она открывалась. Причём, судя по конструкции петель, не внутрь шкафа, а наружу. В стену.

Значит...

— Должна быть ещё потайная дверь!

Эет одним прыжком перелетел через остатки мебели и принялся ощупывать стену. На сей раз, несмотря на все усилия хранителя Храма, она не открылась.

— Либо это обычная стена, и шкаф передвинули из другого места, либо там что-то воистину бесценное!

Пламя факела колыхнулось от досадливого вздоха, и тени заметались по комнатушке.

— Я могу, конечно, обстукать тут все углы, но надо больше света... Лампа!

Юноша кинулся к столу и, смахнув липкие нити пыли с древнего светильника, дёрнул его вверх.

— Какой идиот привинчивает!.. — сквозь зубы выругался Эет... и осёкся.

— Ви-ир... — протянул он. — А если...

Эет попробовал подвинуть лампу на столе. От себя... Ничего. К себе...

Ржавая подставка дёрнулась — и в стене, что раньше скрывалась шкафом, что-то заскрипело. Пришёл в движение тысячелетний механизм.

Вирлисс с уважением бросил взгляд на друга — и перенёс всё своё внимание на стену.

Повернувшись вокруг оси, каменная плита открыла тёмный проход. Воздух, который пахнул оттуда, оказался чуть суше воздуха подвалов. Вниз уводил ровный покатый коридор из чёрного блестящего камня.

Магический кристалл.

Правда, здесь он не светился.

Губы Эета пересохли. Юноша невольно сделал шаг назад. Оттуда, из подземелья, веяло такой мощью, что от неё, как от ветра, шевелились волосы на голове.

У Вирлисса на затылке шерсть встала дыбом, и он, тоже попятившись, зарычал.

Друзья переглянулись.

— Пойдём?.. — одними губами спросил Эет.

Чёрт возьми, если бы Вир сейчас отказался, он развернулся бы и ушёл!

Убежал бы.

Тигр облизнул пересохший нос, покосился на Эета, потом на ход — и медленно ступил внутрь.

Эет, глубоко вздохнув, как перед прыжком в ледяную воду, двинулся следом.

Дверь, заскрипев, попыталась закрыться, но ржавые петли заело, и она осталась распахнутой.

Эет мысленно вознёс хвалу Мортис.

Сводчатый коридор изогнутой дугой уводил вниз, и Эет начал подозревать, что ход идёт спиралью — символом вечности.

Наконец спуск окончился. Стена перед друзьями бесшумно раздвинулась — без прикосновения Эета.

Ровный зелёный свет коснулся глаз. Эет и Вирлисс стояли на пороге просторной комнаты. Посредине её висел алтарный столик, а рядом, на постаменте из магического кристалла — Алтарь.

Из противоположного конца комнаты через распахнутые двери на них смотрела темнота Лабиринта. И в мерцании светильников отчётливо можно было рассмотреть тёмное пятно на полу, возле алтарного столика.

Место, где столько лет Эет просидел неподвижно, охраняя Алтарь...

— Вир... — горло перехватывало. — Это же... Мы нашли безопасный путь... к Святылице! Хвала Мортис...

На глаза навернулись слёзы. Богиня, до сей поры он и не подозревал, как тяготила его невозможность приходить сюда! Только скинув эту тяжесть с плеч, Эет оценил её гнёт.

— Вир... — сам не замечая, что плачет, прошептал он. — Я могу... я снова могу... буквально исполнять приказ Госпожи! Без оговорок и изворотов...

Он уронил факел на каменный пол, вбежал в Святылице, с пылкой благодарностью облобызал подножие Алтаря и простёрся ниц на ступенях.

— Ну, здесь мило, конечно, но, надеюсь, ты не собираешься торчать тут сутками напролёт?

Эет подскочил и обернулся.

Вирлисс стоял, скрестив руки на груди, и ехидно улыбался. Серебристые волосы рассыпались по плечам в чёрном плаще — двойнике того, что сейчас висел наверху, в комнате Эета.

Юноша закашлялся, поперхнувшись от изумления собственной слюной. Вир рассмеялся.

— Значит, это и есть тот самый Алтарь... — он поднял факел с пола, пристроил его в чашу ближайшего светильника и медленно прошёл вдоль стены, рассматривая барельефы. Любуясь тонкой работой. — Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу его.

— Вир... — прошептал Эет. — Как же?.. Ты...

Вирлисс бросил через плечо на друга лукавый взгляд.

— Воля Мортис, — пожал он плечами. — Животные в её Святылице неуместны, я так думаю. — И тише добавил: — А может, здесь всё просто выглядит так, как должно...

Вампир подошёл к Алтарю и преклонил колени. Эет опустился рядом с ним.

Оба безмолвно молились Мортис, каждый — о своём, и каждый — о друге. О благе Атариды.

Оба благодарили богиню за милость.

А потом, повинувшись необъяснимому порыву, одновременно подняли головы и взглянули на фреску.

Хрупкая девушка с пепельными волосами смотрела на них. Её чёрные глаза лучились радостью и гордостью, улыбка таилась в уголках чуть розовеющих губ. Богиня походила на видение, сотканное из вечернего тумана... Которое запрещено для прямых взоров.

Она зачаровывала.

Эет и Вирлисс смотрели на неё.

— Ты её видишь? — прошептал Эет.

— А ты?.. — так же шёпотом ответил Вирлисс.

— Пепельные волосы...

— Пепельные.

— И чёрные глаза?

— Да...

— И она улыбается.

Эет посмотрел на друга.

— Вир, она улыбается нам!

— Я...

Вирлисс не находил слов. Он замолчал. А потом вдруг прошептал:

— Если это — Ларинна, то я — белый кролик!

Эет непонимающе посмотрел на него. Вир чуть поморщился, ничего не желая объяснять. Во всяком случае, не сейчас...

— Вир, тогда, в Общем храме... она была такой грустной! И ты не мог её увидеть. А сейчас... Ты понимаешь, что это значит?

Вирлисс молчал, не сводя взора, полного восхищения и благоговения, с фрески.

— Я думаю, если ты её видишь, значит, теперь пред её ликом мы с тобой равны. Понимаешь? И она...

Вирлисс обернулся.

— Эт, ну что у тебя за страсть озвучивать очевидное? — с досадой осведомился он. — Ты можешь просто помолчать?

Эет улыбнулся и оставил друга в покое. И, повинувшись необъяснимому внутреннему велению, обхватил руками чашу для воскурений. Вирлисс посмотрел на него — и положил свои руки поверх рук Эета.

По ободку проскочила слабая зелёная искорка — и, мигнув, на дне затеплился огонёк. Слабый и неуверенный, он, тем не менее, мерцал и не гас.

Хотя и не мог разгореться сильнее...

Призрак и зомби переглянулись, боясь вздохнуть.

— Мы... — начал было Эет, но Вир лишь покачал головой, прикусив губу, чтобы не улыбаться.

Наконец оба решились разжать пальцы и, совсем без сил, сели, почти упали, на ступени Алтаря. И глядели на пустынное Святилище, залитое изумрудным светом.

Они сидели на величайшей святыне Атариды, причём спиной к изображению богини — но не испытывали ни малейшей вины или неловкости. Они просто знали: им — можно.

После того, что они сделали, они могут вести себя здесь — как и в любом храме Мортис — как дома.

Потом Вир, покосившись на Эета, рассмеялся:

— А ведь всего-то хотели найти комнату для экспериментов...

Эет улыбнулся.

— Мы её нашли. — И, помолчав, добавил: — Знаешь, ты прав... Не стоит шарахаться по подвалам жрецов, не зная боевых заклинаний. Думаю, та комната над Алтарём... она вполне подойдёт для практикумов.

Вирлисс на секунду опустил голову — волосы скользнули вдоль лица, — а потом небрежным движением отбросил пряди за плечи.

— Эт, ты потрясающий парень, — сказал вдруг он. — И великий маг.

— Что не мешает мне быть ослом? — поддразнил юноша.

— Иной раз, — усмехнулся Вир. — И невероятным. — Он помолчал и вдруг тихо признался: — Иногда я тебе даже завидую. Немного. Ты можешь учиться, совершенствоваться... и однажды станешь настоящим некромантом. Да что там, "некромантом"... Тебе по силам любая дисциплина! Ты станешь величайшим магом, какой когда-либо рождался на Атариде. А я... Я даже обычную книгу не могу теперь самостоятельно прочитать. Богиня, если бы ты знал, как я стосковался по чтению...

Вирлисс снова опустил голову.

— Вир... — Эет положил руку ему на плечо. — Слушай... я болван. Я сам должен был понять... Давай учиться вместе? Да оно и легче...

— Как? — невесело спросил Вирлисс. — Если я не могу ни произнести заклинание, ни взять в руки Жезл Власти? Потому что, к сожалению, у тигров нет рук.

— Здесь! — сверкнул глазами Эет. — Здесь ты можешь и разговаривать, и руки у тебя на месте... А учебники... книги читать можно где угодно. Листать я могу. А тренироваться можно тут.

В глазах Вира блеснула робкая искорка, похожая на надежду.

— Эт... Но... это же Святилище...

Эет обернулся.

— Богиня, если ты против, дай нам знак. Сейчас или никогда!

Оба, затаив дыхание, сидели, ожидая непонятно чего. Наконец Вирлисс расхохотался.

— Нет, у этого парня классный способ общаться с богиней! "Сейчас или никогда"! И чего я удивлялся его манере разговора с Бессмертными?.. Так, мелочи...

Теперь хохотали оба.

— Ну, значит, решено! — Эет вскочил от возбуждения. — Теперь тебе только сделать Жезл Власти. Выбери себе кристалл из тех, что я приволок, а потом присмотри дерево. Я помогу тебе, если что.

— Да справлюсь я, — хмыкнул Вир.

— Ну, тогда идём?

— Сядь, — коротко ответил Вирлисс. — Ещё не идём.

Эет медленно опустился на ступени Алтаря.

— Ты спрашивал меня о Фрери... — Вирлисс смотрел мимо Эета, в темноту Лабиринта. — Так вот, слушай...

Вир говорил долго. Он рассказывал о Госпоже своего друга, об её связи с Мортис, о Фрейре и богах Асгарда и Ванакхейма...

И о падении Атариды.

— И последнее. О том, как мне помочь. С одной стороны, элементарно. Я знаю, где лежит моё тело. Чувствую. Его надо просто достать вместе с телом Фрей и засунуть в ванну с человеческой кровью. Есть две небольшие проблемы: как ты раскопаешь такой слой земли и где ты найдёшь такую прорву свежей крови...

— М-да...

— В том-то и дело! — Вирлисс досадливо дёрнул уголок рта. — Не надо ничего изобретать и выдумывать. Всё до обидного просто! И невыполнимо.

Эет положил руку на плечо вампира.

— Вир, вечность — очень большой срок. Кто знает, что будет завтра? И если кто может позволить себе роскошь ждать у моря погоды, так это бессмертные существа.

Вирлисс с благодарной улыбкой посмотрел на Эета.

— Спасибо, — серьёзно сказал он. — Но мы ведь не просто будем ждать у моря погоды. А изучать магию.

— Именно! — Эет хлопнул друга по спине. — Кстати... — он смущённо запнулся.

— Что?

— А ты видел... богиню? Вы с ней разговаривали?

Вирлисс улыбнулся.

— Вот всё тебе расскажи! — Молодой человек посерьёзnel. — Знаешь, Эет... Ты сейчас меня спрашиваешь о посмертии. Ты сам помнишь владения Мортис?

Эет нахмурился.

— Иногда... мне кажется, что... да. Я помню серый туман. И больше ничего.

Вирлисс прерывисто вздохнул.

— Эт, я был рождён немёртвым. В смысле... как бы тебе объяснить... Я просто родился, рос как все дети... Учился. Мечтал. Ну, у меня были определённые потребности. У других детей, рождённых вампиров, они тоже были... и я никогда не ощущал себя каким-то... иным. Я... — он прямо посмотрел на Эета. — Я не знал смерти, понимаешь? Для меня слова "нежить по рождению"... ну... Звучали просто как констатация факта. Так же, что у меня тёмно-синие глаза, например. Наверное, для моих родителей разница всё же ощущалась... они родились смертными. Живыми людьми. Они прошли через смерть в сознательном возрасте, а... не в утробе матери, как рождённые вампиры или личи... Я никогда не мог понять это разделение внутри Бессмертных. Чем так чванились перед Нежитью по рождению Живые Рождённые? Только тем, что им не нужно охотиться? Так этим чваниться глупо. У нежити такая природа! Можно подумать, мы сами её выбрали... выбрали себе родителей. Или они с выбором природы угадали. Кстати, охотиться тоже можно по-разному. И по-разному можно относиться к Смертным... даже если тебе не требуется охота, — Вир закусил губы. — Я к чему всё это веду... В тот день... я впервые понял, что всегда чувствовал себя живым, понимаешь? Я понял, что люблю жизнь. Что не хочу умирать... а ещё больше не хочу смерти любимых людей. В тот день немёртвые гибли с той же лёгкостью, что и живые. — Вампир тяжело вздохнул. — Вокруг — только смерть. Мёртвые яблони, мёртвое небо. И по земле ветер гонит пепел вместо лепестков...

Вирлисс опустил голову. Эет молчал. Он вспоминал толпу — там, на причале. И вспоминал отчаяние в глазах Госпожи...

И кровавое небо.

— Последнее, что я помню — губы Фрери под своими губами, — Вир улыбнулся с

грустной нежностью. — А потом... Потом темно. И холодно. Знаешь... иногда мне кажется, что всё это — страшный сон. Бесконечный сон... Я лежу под руинами деревенского храма, надо мной толща земли — и мне видится кошмар. Имя которому — безысходность. Таково посмертие для вампиров. За то, что они убийцы. — Вирлисс криво усмехнулся. — И ты в этом сне — единственный лучик света, Эет... Наверное, как снисхождение. Быть может, в моей короткой жизни нашлись какие-то смягчающие обстоятельства... чем-то я заслужил... друга рядом. Не знаю...

— Вир, ты бредишь. Ты же сам только что говорил, что за природу упрекать... а, тем более, наказывать — глупо. Ты тигр, а не домашняя козочка. Я скажу даже, что ты больше чем тигр. Ты — воплощённое благородство. Хищник, но с таким кодексом чести, что, наверное, иной раз жить тяжело? — Эет подмигнул.

Вирлисс скупно улыбнулся.

— Эет, хищники как никто нуждаются в кодексе чести. Иначе они станут подонками. Да что я тебе говорю? Ты сам такой же... — Он помолчал и продолжил. — Так вот, сначала было только темно и холодно. Потом я почувствовал тепло... Мне стало удивительно легко и хорошо... так хорошо, что... Эт, я всё позабыл, понимаешь? Я открыл глаза, как их открывают дети после долгого сна. Я увидел поляну, и солнце сквозь вершины деревьев... и бабочки... И рядом сидела она... Я тогда не понимал... не осознал, что это богиня. Как бы её описать... Она выглядела так же, как на фреске в Верхнем храме. Она улыбалась, что-то говорила... и гладила меня. Я был тигрёнком, Эет. Маленьким тигрёнком. Который ничего не помнил. И я благодарен за это богине. Потому что... если бы я очнулся в теле тигра, всё понимая и осознавая... я бы с ума сошёл. Или глупостей бы натворил... Пытался бы что-то делать, искать Фрей... Разозлился бы на Мортис... В том состоянии, в котором я погиб, понимаешь...

— Я понимаю, Вир. Думаю, богиня не дурнее нас с тобой.

Вир усмехнулся уголками губ.

— Она играла со мной, охотилась... И я воспринимал её как часть своей жизни. Думаю, время текло для меня иначе, чем для тебя... Не знаю. Я вырос быстро, но всё же не за день и не за месяц. И тогда ко мне постепенно начала возвращаться память... Однажды я всё вспомнил. Не вдруг, к счастью... Просто наступил день, когда я смог сложить воедино все воспоминания... Ещё не переживая их. Словно из другой жизни... Если говорить без обиняков, я был больше Снежком, чем Вирлиссом. Белым тигром. И однажды она пришла ко мне... Мортис. Она просто подошла, улыбнулась и вдруг сказала: "Дай мне руку, Вирлисс". И я дал...

— Ты... — ахнул Эет.

— Да. Я просто стал собой. Она подняла меня с травы, посмотрела мне в глаза... Эт, вот тогда на меня и нахлынуло. Внутри всё оборвалось. Я был в таком ужасе и отчаянии... Она сказала мне: "Ты — это ты. Ты Вирлисс, Белый Тигр. Но, пока не оживёт твоё тело, ты сможешь принимать человеческий образ только в пространстве богов и сновидений. Здесь ты волен в выборе формы. В реальном мире ты, к сожалению, лишь призрак, Вир, и будешь только зверем".

Я спросил её о Фрери. Она только головой покачала. И я понял, что вернуть душу Фрей... не в её власти. — Вирлисс закрыл лицо ладонями. — Эт, если это не во власти богини смерти, то в чьей же ещё?.. — хрипло прошептал он. А потом взглянул на друга, и Эет поразился, сколько муки вмещают глаза Вири. — Неужели она... в Асгарде?

Эет вздохнул.

— Я не знаю, Вир, — ответил он. — Но мы сделаем всё, чтобы найти её! А там... Пустя решает сама. Я ведь понимаю тебя, представь... Только вообще ни на что не надеюсь. Я люблю Госпожу, хотя и осознаю, что это заклятие. А магия это или истинная любовь... — Эет поморщился. — Но ты можешь хотя бы надеяться. Фрери любила тебя... А я для Госпожи только имущество, которое она выбросила, чтобы освободить место.

Эет произнёс эти слова без капли горечи или озлобления, просто и естественно, как констатацию факта. Лишь с хорошо скрытой болью...

Вирлисс вздохнул.

— Заклятие Подчинения — страшная вещь, — только и сказал он. — Я раньше как-то никогда об этом не задумывался...

— И что же было дальше?

— Дальше... Дальше она подвела меня к границе леса, за которую я никогда прежде не выходил. Она показала мне, где начинаются сны, как входить в них и как ими управлять... Потом подвела меня к границе реальности. Оттуда мы с ней смотрели на тебя, Эт. Я видел, как ты впервые поднялся в Верхний храм. Видел волну, которая катилась на город... поэтому я и понял, что для меня время исказилось. По-моему... по-моему, во владениях Мортис вообще нет такого понятия — время. Она научила меня пересекать грань реальности в любой удобной для меня точке пространства... А потом я богиню больше не видел.

— Как?!

Вирлисс пожал плечами.

— Не видел. Я часто возвращался к portalу между тем местом, где я находился, и реальностью... и смотрел на тебя. Порой в отчаяние приходил от желания тебе помочь и от невозможности сделать это. Иногда я ощущал руку Мортис на своём плече... или на загривке, если был в облике тигра. Но, оборачиваясь, никогда не видел саму богиню. А однажды просто услышал её голос: "Иди к нему! Теперь можно". Ну, остальное ты знаешь... Разве что... теперь, когда я пересекаю границу реальности... я не могу отыскать место, откуда виден Верхний храм. Мортис закрыла для меня дорогу к фреске, — Вир улыбнулся. — Думаю, это значит, что я должен быть с тобой, а не с ней. В реальном мире, а не в мире духов и богов. Знаешь... что-то изменилось в тот день, когда мы поссорились... У меня ж тоже на душе было препаршиво! Фыркнул, ушёл красиво... Так ведь уже было однажды, когда я в Общем храме дверями хлопнул. Потом жалел... И опять на те же грабли! Короче, я сказал себе, что если ты просто осёл, то я осёл в квадрате... — Вирлисс вздохнул и замолчал. А потом негромко добавил: — В тот момент словно закончились детские игры. И началась наша общая работа.

— И ещё мы кое-что обрели... — прошептал Эет.

Вирлисс вопросительно посмотрел на друга — и Эет ответил ему прямым и открытым взглядом. Вир понимающе улыбнулся, Эет тоже, и они обменялись рукопожатием.

— Погоди... — чуть нахмурившись, заметил зомби. — Ты говоришь, что волен в выборе своего облика в пространстве богов?

— Да.

— Теперь понятно, почему ты смог стать собой... тут! Любое святилище — это пространство бога. Ты никогда не пробовал менять облик в Верхнем храме или в Общем?

— Эт, подожди! Меня просто... выбросило здесь в человеческий облик, понимаешь? Я ничего не делал специально.

— А ты попробуй всё же, хорошо?

— Хорошо, — кивнул Вир. — Всё-таки ты гений, — вздохнул он. — И не смей меня больше, пожалуйста, болтовней о трансформации в вампира. Ну какой ты вампир? Лич, сто процентов.

Эет фыркнул.

— Вир, мне однажды уже такое говорили... И сказали так, что до сих пор с души воротит. И как подумаю, что тот козёл прав оказался... и я стану личом...

— Эт, — серьёзно ответил Вирлисс. — Забей на козлов! Ты великий маг. Ты приходишь в восторг от познания нового. Не думаешь ни об еде, ни о сне, ни об отдыхе. Ты немного сумасшедший... и это хорошо. Вампир никогда себя так не станет сжигать.

Эет улыбнулся.

— Ты как будто груз с меня снял, Вир. Но скажи честно... — Юноша помолчал. — Ты на меня не сердишься?

— За что? — поразился вампир.

— Ну... за то, что я... хотел поднять зомби, чтобы... — Эет не смел посмотреть на Вирлисса. — Хоть я ведь уже понимал, что Снежок разумен...

— А, — хмыкнул вампир. — Да нет, не сержусь. С тигром за жизнь не поболтаешь.

— С зомби тоже...

— Ну, когда это говорит зомби... — ехидно протянул Вирлисс. — Поспорить трудно. Особенно когда так душевно поболтали за жизнь. А то вдруг обидится!

Эет не выдержал и расхохотался.

— Вир, ну как же я без тебя обходился? Эх... Сам ведь знаешь, что мой случай достаточно редкий...

— Да знаю я... — отмахнулся Вир. — Просто, в самом деле, я не вижу никакой трагедии в том, что тебе хочется общаться с людьми. А я не человек.

— Вирлисс, ещё раз такое ляпнешь, вмажу от души! Не человек он... Когда ты ушёл, я... Я готов был на стенку лезть. Не знаю, что готовит нам будущее, но, как бы там ни сложилось... У меня может быть сто приятелей, но друг только один. И он у меня уже есть.

— Опять эта твоя тяга озвучивать очевидное... — с шутливым укором вздохнул Вирлисс.

Эет легко ткнул Вира кулаком в бок. Вампир уклонился.

— Ты Алтарь не урони, хранитель! — ухмыльнулся он. — Пойдём. Ты ещё эксперимент хотел проводить, между прочим.

— Да, идём! — Эет с улыбкой поднялся. — И постарайся сохранить свою человеческую форму так долго, как только сможешь. Заодно определим, где заканчивается пространство богини. Сферу прямого воздействия Алтаря.

— Учёный... — хмыкнув, покачал головой Вирлисс. — Мне бы такое и в голову не пришло.

Друзья встали, на прощанье ещё раз с благодарностью преклонили колени перед Алтарём и, забрав факел, вышли через потайную дверь, что привела их сюда.

Эет оказался полностью прав: Вирлисс остался человеком. И пока они поднимались по кристальной спирали к потайной комнатке, и пока шли по узкому коридору... Лишь поднявшись к ржавой решётке, что выводила к лестнице, Вир вновь принял облик белого тигра.

— Великолепно! — прошептал Эет. — Во-первых, мы знаем, что зона воздействия

Алтаря огромна. Возможно, тот бедняга в подzemелье не сумел выбраться именно потому, что этому противилась богиня... Возможно даже, что его специально там заперли. Предполагаю, что и весь Лабиринт в зоне прямого воздействия.

Вир тихонько фыркнул.

— Опять я озвучиваю очевидное, да? — улыбнулся Эет. — Ну-ну... Между прочим, для тебя это тоже плюс, разве нет? И это — во-вторых.

Вирлисс кивнул.

— Идём, проверим воздействие других храмов! Для начала хотя бы Верхнего.

Догадка Эета подтвердилась блестящим образом. В Верхнем храме, залитом лучами полудня, Вир принял человеческий облик.

— Эт, такое надо отметить! — сразу же заявил он с сияющими глазами. — Во-первых, сегодня мы с тобой едим жаркое. Сто лет нормально не ел... Готовить придётся тебе, рецепт я напишу. И, думаю, на кухне найдутся запасы вина!

— Согласен, отмечаем!

— А во-вторых, я могу тут сам читать, не приставая к тебе с просьбами листать мне книгу...

— Вот теперь сам озвучиваешь очевидное, — ехидно ввернул Эет. — И, кстати, раз уж в храмах ты можешь быть человеком, давай установим-ка дежурство. По неделе. Я тут в единоличные уборщики не нанимался...

— Уел! — хмыкнул Вир. — Дежурство так дежурство. Так и быть, я первый, потому что ты тут впахивал несколько лет... А сейчас давай проверим границу воздействия?

Верхний храм влиял на балкон, площадку перед портиком и на первые две кельи с каждой стороны по коридору. Иными словами, Вир мог сохранять человеческий облик и в комнате Эета, и в его домашней библиотеке.

И в двух кельях напротив.

— Вот напротив мы тебе и устроим комнату! — тут же решил Эет, и Вирлисс с радостью согласился. Он с энтузиазмом принялся за уборку в келье, а Эет, с невольным смущением подумав, что апартаменты служителей Мортис как-то стремительно сокращаются в пользу новых жильцов, с узлом грязного белья наконец отбыл к прачечным Храма, не забыв прихватить с собой Жезл Власти. Юноша оставил в келье только грязную простыню, которую решил использовать для переноски мертвеца.

Стиральные агрегаты запустились на удивление быстро, даже не пришлось применять сильную магию. То же касалось и кухонных плит из зала напротив. Разумеется, внутренние помещения и должны были пострадать меньше тех, что располагались ближе к выходам...

Победно оглядев покорившуюся кухню, Эет решил, что эксперимент подождёт ещё несколько часов. И отправился в лес, на охоту.

Убив кабана, Эет притащил тушу на кухню и отправился к Виру в Верхний храм за обещанным рецептом.

Вирлисс, сидевший в кресле, уткнувшись в учебник по некромансии за третий курс, кивком указал другу на листок на чайном столике. Напротив фрески богини.

Верхний храм сиял. Вампир не просто начистил и воскурил камильницы и вымыл пол, он починил и отполировал всю мебель, довёл до зеркального блеска терракотовые сервизы из стенного шкафчика и по-новому расставил все предметы, создав атмосферу утончённой элегантности.

Эету казалось, что он попал во дворец.

Вирлисс только усмехнулся.

— А туда же... в вампиры... — хмыкнул он, откладывая учебник на столик.

— Я... я уже боюсь заходить к тебе в комнату... — выдохнул молодой зомби.

— Да нет, там не страшно... в отличие от твоей, — ухмыльнулся этот гадский вампирский призрак. — Представь, там даже жить можно... хотя и скромно.

— Вир... у меня слов нет! — никак не отреагировал на подначивание восхищённый Эет. — У тебя такое чувство пространства... и красоты...

— Это видовое, — небрежно пожал плечами Вирлисс, стараясь не показать, как ему приятно. — Кстати, я, хотя и оставил приборку в Нижнем храме на завтра, уточнил границу его воздействия.

Эет вопросительно глянул на друга.

— Площадка перед входом, из задних помещений комнатка дежурного служки и общая столовая для постояльцев... и вся внутренняя лестница, от светового колодца до дверей Лабиринта. Да-да, — кивнул Вирлисс, увидев удивлённый взгляд хранителя. — Мы зря недооценивали Нижний храм. Хотя, может, там зона воздействия Нижнего храма соприкасается с зоной воздействия главного Алтаря.

— Я не об этом... — пробормотал Эет. — Значит, ты... ты спускался... к Вратам?

— Спускался, — пожал плечами Вир. — И ты прав. Там по-настоящему страшно.

— А... в Лабиринт... ты входил? Ну... развоплотившись...

— С ума сошёл? — фыркнул Вир. — Одному туда соваться!..

— Так ты же призрак!

— Так там же Лабиринт Святилища!

Эет глубоко вздохнул.

— А двери ты пробовал открыть?

— Нет.

Эет снова вздохнул и опустился в кресло напротив.

— Ты прав... — одними губами прошептал он. — Войти в Лабиринт очень сложно. Он сам себя охраняет. Я называю это место... там, перед Вратами... Это тоже своеобразные Врата. Врата Страха. Я, с тех пор как обрёл сознание, ни разу не смог себя заставить.

Вир катал между пальцами несуществующие пылинки, не глядя на Эета.

— Понятно, — только и произнёс он наконец. — Хорошо, что мы нашли другой путь. Возможно, однажды, когда мы оба будем готовы...

— Конечно.

Оба замолчали.

— Я пойду, — встал Эет. — Займись твоим рецептом.

— Да, здорово, — коротко ответил Вирлисс, раскрывая учебник.

— Вир, — обернувшись, от входа окликнул Эет. — Твой плащ... он у меня до сих пор. Возьми его.

Вирлисс поднял глаза от книги и улыбнулся.

— Эт, забей! Я же призрак. Я наряды менять могу усилием воображения. Вот когда мы откопаем и оживим моё тело — тогда в обязательном порядке. А пока — пользуйся ты им на здоровье. Он хороший...

— Спасибо... — пробормотал Эет и, уткнувшись в рецепт, двинулся на кухню.

Юноша с увлечением погрузился в тонкости вампирской кулинарии. Разумеется, чтобы отыскать необходимые приправы, пришлось обшарить все шкафы и шкафчики, зато в итоге

Эет обнаружил не только искомое, но и неприметную дверцу в винный погреб — откуда извлёк несколько покрытых паутиной бутылок вина — и кладовую с драгоценной посудой и скатертями.

Поставив мясо томиться на плиту, молодой человек сбегал в зал напротив, достал из машины готовое бельё и отнёс в свою спальню. А потом прихватил учебник по боевой магии и снова спустился на кухню...

Когда стемнело, друзья встретились в Верхнем храме за роскошно сервированным столом — разумеется, постарался Вир, а парадный сервиз отыскал Эет в кухонной кладовой — и воздали должное угощению.

Они шутили, строили планы на будущее, делились прочитанным из учебников и впечатлениями от художественных книг, поднимали тосты... а ночью, решив не терять более времени, отправились на берег моря, прихватив с собой простыню и Жезл Власти.

При свете луны вскрыв могилу, Эет вытащил наружу верхнего мертвеца и уложил его на белую ткань. Сложив камни на место, молодой маг встал над трупом... и услышал, как зарычал Вирлисс.

Белый тигр смотрел на море.

— Опять?! — ахнул юноша.

Хищник кивнул.

— Так, ясно. Оно включается автоматически. На намерение. На намерение, Вир! — Эет выругался сквозь зубы. — Но однажды я положу конец самоуправству чужих богов на Атариде. А пока — идём скорее!

Он завернул тело моряка в простыню, кулем взвалил на плечо и быстро двинулся к лесу. Вирлисс стремительной тенью скользил рядом, иногда оглядываясь.

Над морем опять полыхнула золотом зарница — нерешительно, будто колеблясь. Что бы там ни было, оно не ощущало действующей некромагии.

На ступенях Храма Эет остановился и, нехорошо прищурившись, посмотрел на небо.

Луна обливала голубым светом золотистые волосы и бледное лицо юноши — и мех белого тигра, искрами вспыхивающий в её лучах.

Эет скрипнул зубами и пошёл дальше.

Они спустились в комнатку над Алтарём — туда, где царил власть лишь одной богини: Мортис. И, уложив труп в центре, Эет очертил в воздухе Круг Подчинения.

Вирлисс, уже в человеческом облике, стоял рядом, и брови его были напряжённо сдвинуты. Ни единым словом он не отвлекал друга.

Сила струилась с пылающего наконечника, заполняла пространство — и не проникала в тело подопытного.

Эет вздохнул и опустил Жезл, позволяя магии уйти, рассеяться.

— Вот видишь, Вир... — прошептал он, понурившись. — Та гадость снаружи ни при чём. Просто я зомби...

— Можно мне? — спросил Вирлисс.

Он взял Жезл Власти из безвольно разжавшихся пальцев Эета и в свою очередь очертил Круг Подчинения.

И через несколько минут опустил Жезл, покачав головой.

— Эт, ты прав. Подчинение не для низшей нежити.

— Ничего, — Эет упрямо смотрел в стену перед собой, словно собирался пробить её лбом. — Мы повысим свой статус, Вирлисс.

— Конечно, — мягко и уступчиво согласился Вир. — А теперь давай уберём отсюда этого бедолагу и пойдём наверх.

— Давай, — согласился Эет, но с места не двинулся.

— Ты вот о чём подумай... — тихо вымолвил призрак. — Если боги оставили снаружи эту следящую пакость, не сделали ли они так, чтобы она сообщала им, когда почувствует некромагию? Иначе смысл её оставлять?

Эет круто развернулся на месте.

— Но, будь это так, боги уже как-то проявили бы себя!

— Конечно, — Вирлисс скрестил руки на груди.

— Но они этого не сделали. Значит, ни о чём не подозревают.

— Хвала Мортис.

— Мортис?.. — Эет резко втянул воздух. — Ты думаешь, она как-то воспрепятствовала?..

— А я не вижу другой причины, — пожал плечами Вир. — Но мы не можем вечно полагаться на защиту богини. Когда-нибудь нам придётся применить сильную некромагию — и сделать это снаружи. Мы не можем вечно прятаться по углам.

— К чему ты это? — кусая губы, спросил Эет.

— К тому, чтобы ты не переживал так из-за первых трудностей. Если бы всё сводилось к тому, чтобы превратить зомби в лича, а призрака в вампира, было бы мило. Но нам противостоят боги, Эет. Лич и вампир против Асгарда — вот так называется наша игра. А на первых порах так и вовсе... Зомби и призрак. Так что... зацени и проникнись! — Вирлисс подмигнул. — Идём!

Он ловко завернул тело несостоявшейся нежити в простыню и вскинул на плечо.

Они вышли из подземелий над Алтарём, и Эет, забрав у Вирлисса покойника, уложил его в первой же комнате по коридору за ржавой решёткой. Не углубляясь дальше в подвалы жрецов, юноша вернулся, и они с Виром, прыгая через ступеньку, побежали по лестнице наверх, к жилым помещениям.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

В моей группе ВК выложена ссылка, по которой можно приобрести полную электронную версию этой книги. С других сайтов она удалена в связи с подписанием договора с издательством "Ленинград".

Глава XIV

Гости Атарида

Эет

На страницы падал белый свет — он с морозным воздухом струился из приоткрытого окна, а Эет, замечтавшись, не мог оторвать взгляда от порхающих снежинок. Перед ним лежали несколько открытых томов из библиотеки Храма, а тетрадь рядом была вся покрыта формулами и записями.

— Уф, ты знаешь, на балконе снега по щиколотку! — сзади хлопнула дверь, и радостный Вир, в облаке холода, влетел в комнату. — Всё работаешь? Отдохни! Пошли, в снежки поиграем!..

— Да мне немного осталось...

— Пошли, пошли... А то за косу вытащу, благо под твоей копной уши не отыскать!..

Эет азартно улыбнулся, перекидывая свою длинную косу цвета светлого золота через плечо, подальше от Вирлисса. Волосы ниспадали уже до пояса, почти не уступая волосам самого Вира.

— Ну всё, держись!..

Он вскочил и кинулся вдогонку за Виром. Хохоча, они влетели в Верхний храм, залитый светом зимнего дня; лавируя между кадилницами и столиками, выскочили на балкон и там, увёртываясь и прячась за колоннами, бомбардировали друг друга снежными снарядами.

— Размялся немного? — отдышавшись, спросил Вир, когда, надурочившись, друзья стояли у парапета и смотрели на серое море. — Как твоя гениальная идея, о которой ты мне вчера говорил?

Эет, зачерпнув горстью снег, вытер им лицо.

— Здорово... Почти подтвердилась. И зима — это здорово. Сейчас на взморье, наверное, красиво!

— Красиво, — вздохнул Вирлисс, провожая взглядом одинокую чайку. — Значит, можно сказать, ты на пороге?

Юноша прерывисто вздохнул.

— Да... Если сейчас всё сойдётся, Вир... К весне! Думаю, к весне я смогу провести обряд трансформации. Если сегодня подтвердится формула... я начинаю готовить ингредиенты для филактерии. Понимаешь, если верно, что силу мага-зомби блокирует исключительно его природа, то что мы имеем? Зомби — немертвые, как личи, а личи — свободны в проявлении своих сил, как живые. Следовательно, надо обнулить в формуле трансформации направление всех векторов, но один-единственный нулевой вектор сделать положительным! Понимаешь? В одном месте ноль — неизменность в магической силе — поменять на плюс, в остальных местах минус на ноль и... Всё остальное у меня уже есть! Я немертвый и я маг. Вир, ты понимаешь? Это... это сродни частичному воскрешению... к счастью, лишь частичному. Я перелопатил все архивы в зоне витамагии. Жрецы туда, похоже, почти и не заглядывали. Наверное, только Живые Бессмертные. Которые лечили Смертных и... думаю, на случай каких-либо волнений нежити могли использовать заклятия,

неожиданные даже для университетских магов. Неожиданные, потому что для немёртвых работа с этими заклятиями опасна! Мне пришлось, конечно, всё систематизировать... Развал был полный... Так вот, формула готова, надо только разработать ритуал на её основе. Найти нужный сплав между магией Смерти и магией Жизни. Самое сложное то, что по природе они противоположны. Ну, тут ты помнишь теорию Гершаха о работе с противоположными стихиями. Необходим некий переход, некая энергия, объединяющая разнонаправленные поля в одно поле...

Вирлисс повернулся спиной к морю, опершись локтями о парапет. Запрокинув голову, он смотрел в серое пушистое небо, и снежные хлопья падали на его плечи и растрепавшиеся волосы.

Вир улыбался.

— Поверить не могу... — прошептал он наконец. — Ты это сделал... А то я уже начал...

Он закусил губы, пряча улыбку, и замолчал.

Эет молчал тоже. Столько пройдено! Бессонные ночи, опасные эксперименты, тупики, когда хотелось выть от отчаяния... И они с Виром — давно не начинающие самоучки, а продвинутые маги-теоретики... только вот половину своих знаний на практике применить не могут!

И в Храме давно нет ни одного уголка, куда бы они не заглянули... Кроме Лабиринта.

В подвалах, кстати, действительно пригодилась пара-тройка боевых заклятий и масса защитных. Зато теперь там полностью безопасно.

Эет вздохнул.

— А что ты уже начал? — спросил он.

— Что? — словно не расслышав, обернулся Вир.

— Ну... ты сказал, что рад моему продвижению, а то ты уже начал... Что ты начал?

— А... — Вирлисс отвёл взгляд и махнул рукой. — Ерунда, забей!

— Нет, ты начал какое-то исследование? Тоже? У тебя идея, да?

— Да нет у меня никаких идей, — отнекивался Вирлисс. — Ты работай, работай...

— Ви-ир... — протянул Эет. — Я тебя не первый год знаю. А ну, быстро колись!

— Не приставай! — отрезал Вир. И поменял тему: — Значит, тебе потребуются кристаллы магии Жизни. Ты используешь из запасников, которые мы нашли лет тридцать назад?

— Да. Но надо бы поэкономней. Там всего-то полки две, а я не работал с магией Жизни и не знаю, как быстро они расходуются... К счастью, жрецы редко использовали витамагию. Скорее всего, этим камушкам... страшно подумать, сколько лет. Может, они даже из того мира, откуда Мортис привела наш народ. Если всё получится, надо будет попробовать вырастить несколько друз самому. На всякий случай. Заодно сравню метод Виннеля с методом Ларака.

Вирлисс вздохнул и вновь отвернулся, глядя на море. Там, на горизонте, медленно двигалась какая-то чёрная точка. Наверное, птица...

К чему озвучивать, что ритуал трансформации опасен? Эет всё прекрасно понимал. Немёртвому работать с магией Жизни значило ходить по лезвию.

Эет тоже вздохнул и опустил голову.

— Вир, у меня нет другого выхода, — наконец тихо сказал он, словно прочитав мысли. Руки юноши машинально лепили снежок. — Нет другого пути. Да и когда трансформация в

лица была безопасной? Если бы я был Смертным, я бы тоже всем рисковал.

— А я ничего и не говорю.

Оба замолчали.

Тихо падали снежинки, ложась на камень балкона, на плечи друзей, на серебристые волосы Вири и золотистые Эета, белой тишиной укрывали бесконечный лес внизу...

Знать бы, как отнеслась бы Госпожа к его затее? Конечно, трансформация в лича не сделает её слугу свободным, но...

Или она уж и думать забыла о зомби, брошенном на погибающем острове? Кто знает, как ей живётся? До воспоминаний ли?

— Интересно, что сейчас с Госпожой... — прошептал Эет — и закусил губы, словно сорвавшиеся слова выдали самые сокровенные мысли.

Вирлисс предпочёл сделать вид, что не расслышал. Он любит зимним морем.

Тёмная точка вдаль стала крупнее. Вир присмотрелся.

Чёрт возьми, это не птица!

— Эт!

В голосе Вирлисса прозвучало что-то такое, что заставило Эета вздрогнуть. Вскинув голову, он вопросительно глянул на друга.

— Эет, там корабль!

Эет подскочил и, перегнувшись через парапет, вцепившись пальцами в холодный камень, устремил взгляд в серую бесконечность.

Корабль!

К берегам Атариды направлялся корабль.

— Не может быть... — прошептал хранитель Храма.

О Мортис, зачем?!

Юноша со стоном сжал голову руками.

— Какого чёрта им тут нужно?.. Вир, ты понимаешь... если они сунутся сюда... я буду вынужден их убить!.. Вынужден!

Богиня... Неужели недостаточно гибели той девчушки, вернувшей ему сознание? Зачем? Зачем ты допустила к своим берегам этот корабль? Зачем?!

— Эет, послушай...

Голос Вири был негромок и спокоен.

— У тебя приказ охранять от чужаков Храм — или всё-таки Алтарь?

— А?.. — Эет отвёл руки от искажённого лица. — Алтарь... — с трудом произнёс он.

— Ну так что ты переживаешь?

Эет облизнул пересохшие губы.

— Зачем они здесь?

Вирлисс пожал плечами.

— Эт, линия побережья у Храма крайне опасна. Тут рифы и отвесные скалы. Они не смогут причалить. Скорее всего, бросят якорь дальше, на другом конце острова.

— Я должен собираться! — Эет решительно тряхнул головой. — Надо пойти и всё выяснить. И...

— Эт, ты с ума сошёл? — осведомился Вирлисс, скрестив руки на груди. — Пойдёт он! Через весь остров, зимой. Ага. В снегу плавать. Расслабься и сиди в Храме. И работай!

— Я могу по воздуху...

— Над кораблём? Над их лагерем? Вороной прикинешься?

— Но...

Вир вздохнул.

— Ну, я посмотрю! Не волнуйся. Посмотрю, послушаю и всё тебе расскажу. Успокоился?

— Только не рискуй, Вир!

— А!.. — Вирлисс досадливо отмахнулся и, пробормотав под нос заклятие, повёл рукой.

От моря начал подниматься холодный серый туман, плотное марево. Развоплотившись в серебристую дымку, призрак вплёлся в туманные струи, растворился в них — и потёк к кораблю.

Эет глубоко вздохнул. К счастью, магия призраков не настолько сильна, как обычная некромагия, и блокада острова на выходки Вира не реагирует. Иначе бы белый тигр просто не смог явиться Эету — тогда, почти век назад...

Наверное, Мортис тоже это предвидела.

Эет ещё раз бросил взгляд на затянутое холодным туманом море и вернулся в Верхний храм, чтобы через внутренние лестницы спуститься на кухню. Надо поставить чайник. Виру ведь нужно будет согреться, когда он вернётся...

Гими

— А, чтоб вас! Шевелитесь, потомки шакалов!

Плеть снова разрезала воздух, и Гими заметил, как вздрогнул его друг, втянув голову в плечи. Мальчишки стояли у борта, глядя на неприветливые утёсы, вздымавшиеся из моря.

Отец Гими, хозяин корабля, бросил недовольный взгляд на надсмотрщика, и тот заработал плетью ещё ожесточённее.

— Он их забьёт... — прошептал Лок, вихрастый парнишка, купленный специально для Гими в северных странах. — Прости, Гими, твой отец — идиот. Люди обессилены после шторма.

— Он торопится добраться до земли, — примирительно ответил Гими. — Если нас снова застигнет шторм, мы разобьёмся о скалы. Вряд ли кто выплывет: вода слишком холодная, а ещё прибой...

Лок уважительно покачал головой.

— Опытный ты моряк! Мне бы так...

— Научишься! — Гими хлопнул приятеля по плечу.

Снег валил крупными хлопьями, оседал на тёмно-каштановых прядях Гими, покрывал пушистым холодным ворсом алые плащи мальчишек. Блестел на капюшоне, что накинул на свои рыжие вихры компаньон хозяйского сына.

— Я всё же рад, что господин Ахирам подарил меня тебе... Не хотел бы я быть его рабом, — вздохнул Лок, сдувая со лба капризную прядку. — Я его боюсь!

— Отец хороший. Но строгий, конечно. Он моряк и торговец. Вот увидишь, когда мы доберёмся до дома, он станет совсем другим!

— Надеюсь... — вздохнул Лок, опустив голову.

— Брось! Знаешь, как красиво в Сидоне? Тебе понравится! Там никогда не бывает зимы, там всегда цветут цветы, круглый год. И море всегда тёплое... — Глаза Гими заблестели. — Ты быстро забудешь свою суровую страну. А когда я стану совершеннолетним, я освобожу тебя, обещаю! И если захочешь, ты сможешь вернуться...

— Господин, поднимается туман, — крикнул кормчий. — Что прикажете делать?

— Где скалы, видишь? Вот и плыви, пока видишь! — рявкнул с носа купец. — Сохрани нас, Ашторет, когда же кончатся эти утёсы?.. — проворчал он себе под нос. — Гимильк! Гими! Хватит торчать у борта, иди сюда!

— Я здесь, господин мой, — тут же отозвался сын. — Что ты мне прикажешь?

— Не торчи там почём зря. Мы не знаем эти воды. И не знаем, какие твари тут водятся.

— Пап... — помолчав, решил всё же заговорить мальчик. — А как ты думаешь, где мы оказались?

Купец долго молчал, вглядываясь во всё густеющий снегопад, скрывающий море и небо, и на надвигающуюся стену серого тумана.

Туман поднимался сырой плотной пеленой, затягивая береговую линию, и от него больше веяло холодом, чем от снега.

— Я не знаю, — наконец тихо, чтобы могли услышать лишь мальчики, ответил купец. — Шторм нас отнёс далеко от мореходных путей... Говорят, торговцы плавали в эти широты лет сто назад. Возможно, перед нами остатки Антиллы... Чушь! — оборвал он сам себя.

— А у нас тоже рассказывали об острове в океане, на полпути между северными и южными странами! — непрошено вмешался Лок. — Аталанд, так его называли старики... ой! — спохватился мальчик и умолк.

Купец скупо усмехнулся краешком рта, в давно нечёсаную тёмную бороду.

— Ну? — наконец спросил он, разрешая продолжать.

— Там... там, рассказывали, жили полубоги... а не то волшебники, господин Ахирам. И оттуда привозили драконью кость. И там было чудесно! Только вроде как боги за что-то разгневались на Аталанд, и его море поглотило...

— У нас примерно то же говорят, — хмыкнул Ахирам. — Только остров называют чуток иначе, Антиллой... Да неважно, как его ни назови! Но ещё мой дед с Антиллы привозил ту самую кость, что драконьей считали. И запасы воды и провианта там пополняли, плавая с юга на север и обратно. А ещё говорят, что остров и увидеть нельзя было, если его жители на то не давали позволения. Много историй рассказывают... а сходятся в одном: Антилла погибла. Была — и не стало. И ты прав, Лок. Говорят, боги на неё прогневались. Слишком много о себе думали её жители, видимо.

— Значит, это и правда Аталанд? — сверкнул зелёными глазами Лок.

Ахирам пожал плечами.

— Антилла погибла, — повторил он. — Эх, не нравится мне этот туман!

— Ага... — Гими передёрнул плечами. — Он... мёртвый какой-то. Нехороший.

Купец мрачно глянул на сынишку.

— Нехороший? Это точно. Вот налетим на скалы...

Гимильк поплотнее закутался в плащ и тоже набросил капюшон.

— Холодно как...

Лок чуть усмехнулся, и в глазах его блеснула насмешливая искорка.

— Гими, разве это — холод?

С моря подул ветер, и туманные струи чуть рассеялись — ненадолго, но всё же достаточно для того, чтобы купец заметил изгиб берега и бухту за ним.

— Кормчий! — рявкнул он. — Видел? Держи туда!

До слуха людей стал долетать рокот прибоя. Ахирам послал на нос матроса — измерять

глубину и высматривать рифы.

К вечеру потрёпанный штормом корабль достиг берега.

...Люди разводили костры, жарили мясо, благодарили богов за спасение. Ахирам велел выдать всем, включая рабов, по кубку вина.

Гими сидел у костра, обхватив колени руками, и молча смотрел на колючие зимние звёзды. Рыжий свет пламени дрожал на ледяной кромке у берега, на снеге, смешанном с песком и галькой, золотил мех дорогой шкуры, на которой расположились дети, скользил по рыжим прядям уснувшего Лока, а Гими вслушивался в разговор отца с кормчим.

"Запасов мало... неизвестные воды... зима..."

Мальчик сжал губы.

С зарёй рабы начали рыть ров и строить укреплённый частокол. Финикийский купец Ахирам оставался на острове до весны.

Неизведанный остров предоставил друзьям куда большее поле деятельности, чем палуба корабля! Гими и Лок принимали активное участие в строительстве лагеря и с энтузиазмом изучали берег. Конечно, Ахирам строго-настрого запрещал сыну уходить далеко, и конечно, Гими очень боялся ослушаться. Наверное, поэтому вскоре они с Локсом исползали бухту и окрестные утёсы вдоль и поперёк, изучили едва ли не лучше взрослых, регулярно уходивших на охоту.

Зима полностью вступила в свои права. Утёсы обледенели, с моря то и дело налетали жестокие ураганы, и, если бы люди не расчищали корабль от снежных заносов, он давно превратился бы в громадный сугроб. Впрочем, мороз спаял днище с берегом, и сейчас, возымей даже Ахирам такое странное намерение, купец не смог бы выйти в море.

Мальчишки давно и отчаянно спорили, действительно ли остров — обломок легендарной Антиллы-Аталанда, но ни тот, ни другой не могли подобрать достойных аргументов в свою пользу. Лок утверждал, что да, это Аталанд, а Гими — что такого быть не может. И опирался прежде всего на авторитет отца.

— Мы бы наткнулись на обломки городов, будь это Антилла! — горячо доказывал другу юный сидонянин.

— Сидя на одном месте? Разумеется!.. — насмешливо кривил губы Лок.

— ...А не слабо в лесу поискать? Поглубже? — однажды спросил он, щуря шальные зелёные глаза. — Конечно, если ты боишься проспорить...

— С чего ты взял? — вскинулся Гими. — Просто в одиночку идти в лес, зимой... Отец говорил, чтобы мы...

— А, — хмыкнул северянин. — Ты боишься отца. Ладно, понимаю! — он хлопнул Гими по спине. — Прости. У нас мальчишки быстрее становятся мужчинами, чем у южан.

Гими словно подкинули пружиной.

— Слушай, Лок! Я не моложе тебя! И я... Отлично. Идём!

— Идём, — кивнул приятель. — На следующий день, до восхода?

— До восхода, — холодно сузив карие глаза, согласился Гими. Никогда он не чувствовал себя таким взбешённым.

— Только не забудь прихватить лук и стрелы. Подыщи с вечера вещи потеплее, кремь и кресало...

— Я знаю! — фыркнул оскорблённый финикиец. — Не учи меня!

Приятель только примирительно поднял кверху руки.

Оказывается, у Лока и две пары самодельных снегоступов дожидались наготове, и

мальчишки, набив украдкой до отказа мешки провиантом, с нетерпеливым замиранием стали дожидаться утра.

Они выскользнули за лагерный частокол, когда на небе ещё мерцали звёзды, и скрылись в дремлющем безмолвном лесу. Гими переполняло сознание собственного мужества и значительности, хотя в глубине души грызло беспокойство: что-то скажет отец? Но, с другой стороны, они ведь не уйдут далеко... Они просто разочек... разож... переночуют в лесу... да, переночуют в лесу, как настоящие мужчины... И вернутся! Подумаешь!

Зато Лок не станет больше его задирать. И поймёт, что остров — никакая не Антилла. Не Аталанд, как друг его называет.

Да и что, в сущности, за опасность? Крупных хищников тут на три дня пути отцовские охотники распугали... кстати, как бы на папиных людей не наткнуться. Тогда приключение закончится, не начавшись.

Лок обернулся, улыбаясь от уха до уха.

— Ну что, нравится? — с блестящими глазами спросил он. — Ты послушай, какая тишина! Вот так же в северных странах. Выйдешь на охоту до зари, морозец, звёзды... Благодать!

— А ты... — Гими старался говорить небрежно. — Ты на охоте был, что ли?

— Был, что ли, — хмыкнул Лок, поправляя лук. — Ты не волнуйся, со мной не пропадёшь.

— А я давно хотел спросить... ты откуда финикийский знаешь? — с сопением продираясь через глубокий снег, спросил в спину приятелю Гими.

— А у нашего конунга наложница была финикиянка. Хорошая девушка. И меня всегда жалела... Да что говорить! — Лок махнул рукой. — Быльём поросло. Я не жалею, что выучил.

— А конунг... это кто?

— Вроде царя, — отмахнулся Лок, останавливаясь. Он скинул капюшон и чутко потянул носом морозный воздух. И в этот момент до такой степени походил на лиса, что Гими невольно хихикнул.

— Туда! — Лок указал на ложбинку между двумя скалистыми уступами. — Протиснешься?

— А сознайся, ты же просто на охоту захотел уйти, да? — улыбнулся Гими, ползя следом. — Кого ты там учуял?

— А ты что, уже проголодался? — рассмеялся северянин. — Ну ты и неженка!

— На себя посмотри! — обиженно буркнул финикиец. — Лучше подумай, как обратно дорогу найдём? Мы же сюда не заходили ни разу...

— Всегда как-то находили. Ты что, своих следов в снегу не отыщешь? — Лок улыбался так широко и насмешливо, что Гими покраснел. — Что, струсил?

— Ещё неизвестно, кто из нас струсит, — скрипнул зубами мальчишка. — Иди давай...

Солнце подбиралось к полудню, когда Лок соизволил объявить привал. Гими, взъерошенный, разгорячённый, плюхнулся прямо в снег. Лок стоял над ним и широко ухмылялся.

— И что я позволяю тебе верховодить? — буркнул Гимильк. — Я же твой господин, как-никак... Вот сейчас как прикажу возвращаться, доухмыляешься!

Лок скрестил руки на груди.

— Давай-давай, прикажи! — хмыкнул он. — Как ты меня заставишь?

Гими как будто под дых ударили.

— Ты... чего это, Лок?

— А вот и чего! — нахмурился парнишка, стругая палку для кострища извлечённым из мешка ножом. — Я не вернусь. А ты... иди, если хочешь. Дорожка торная.

— Ты ж пропадёшь один...

Лок запрокинул голову, глядя на синее холодное небо.

— Запомни одну простую вещь, финикиец, — произнёс он наконец. — Лучше смерть, чем рабство. Может, когда и пригодится.

— Тебя же найдут... Тебя найдут... и отец тебя накажет.

— Они меня не найдут. Толку не хватит. А ты иди. Отдохни чуток, поешь — и топай по следам. Пока снег не пошёл. А то и вправду заблудишься. Да и скоро искать они тебя начнут... твой папаша обо мне на радостях и не вспомнит.

Гими сидел на снегу, хлопал ресницами и чувствовал, как слёзы закипают на глазах. Как же Лок его развёл! Как младенца, в самом деле!..

— А как же... как же... — горло перехватывало. — Ты же хотел выяснить... про Аталанд...

Взгляд Лока смягчился, и парнишка усмехнулся уголком рта.

— Вот и выясню. Когда снег стает. Времени у меня навалом будет.

Губы Гими дрожали. Как же так?.. Лок останется один, в зимнем лесу... Это надо же — настолько верить в себя! И настолько ничего не бояться!

А он сам? Он — струсит и уйдёт? Побежит к папочке?

— Значит... ты меня прогоняешь? — тихо спросил мальчик. — Значит, ты меня... просто использовал? И мы... мы — не друзья?

Лок воткнул палку в снег и присел на корточки напротив бывшего господина. Взгляд паренька был не по-детски серьёзен.

— Слушай, Гимильк. Если бы я не был тебе другом, я бы тебя завёл в лес, ещё подальше... и бросил бы одного. А так — прямо сказал. Нечего тебе тут со мной делать. Возвращайся, пока можешь.

— Прогоняешь, да?

— Нет, — вдруг пожал плечами Лок, поднимаясь. — Хочешь — оставайся. Мне с товарищем веселее будет. Только ты должен понимать, на что идёшь.

— Так они же... они же до весны... тут останутся.

— Они-то да, — хмыкнул Лок. — А ты до весны в лесу продержишься?

Гими решительно встал.

— Я тебя одного зимой не брошу!

— Если я останусь на острове, — вздохнул Лок, — боюсь, это будет для меня всего лишь первая зима.

— Лок... — просительно заговорил Гими. — Не сходил бы ты с ума, а?.. Я же пообещал тебе... пообещал, что освобожу... Не веришь, что ли?

— Не люблю ждать у моря погоды, — улыбнулся Лок. — Хорошо, оставайся до весны. И запомни: ты мне не господин, а я тебе не раб. И опыта у меня больше, в зимнем лесу выживать. Так что слушаться будешь, понял? А не нравится — я тебя не держу.

Гими шмыгнул носом. Вот он какой, Лок... Не иначе внебрачный сын этого ихнего... как его там... конунга. И как в рабство попал?

Он уже собирался озвучить этот вопрос, но Лок, пресекая дальнейшую болтовню, велел

идти в лес, собирать хворост для растопки костра. А сам продолжил заниматься жердями.

...Мальчишки разогрели на огне прихваченное с собой мясо и плотно поели. Запив горячей водой из растопленного в котелке снега, окончательно согрелись. А потом Лок, прищурившись, оценивающе глянул на скалу, у подножья которой приютился их лагерь.

— Вот что. По следам нас быстро отыщут. Так что пойдём-ка мы по камням. Нечего...

Поправив заплечный мешок, мальчишка решительно полез вверх по уступам. Гими, вздохнув, последовал за ним.

Они выбрались на каменистое плато и, пряча лица от поднявшегося ветра, что нёс жёсткую ледяную крупу, двинулись дальше.

Часа через два Лок, велев Гими ждать наверху, спустился с плато вниз и скрылся в лесу.

Его не было долго. Очень долго. Наконец парнишка вернулся, и Гими видел, что он старательно наступает на свои следы.

— Вот теперь люди твоего папы поплутают! — широко ухмыляясь, тряхнул он рыжими вихрами. — Время потеряли, конечно, но не даром. Идём!

— А...

— Что?

— Ничего.

Гими хотел спросить, что как же потом, ближе к весне, он отыщет путь к побережью?.. но проглотил готовые сорваться слова. А то ещё Лок решит, будто он хочет вернуться.

Конечно, на самом деле вернуться хотелось. Ещё как хотелось! Но ещё больше не хотелось показаться предателем и папенькиным сынком.

Лок непримиримо шагал вперёд, словно не ведал усталости. Гими, сжав зубы, двигал следом, хотя в сапогах замёрзли пальцы, а ноги налились неподъёмной тяжестью. Но не показывать же себя неженкой!

Короткий зимний день угасал. Солнце розовым шаром повисло над лесом, и облака казались сиреневыми на золотой полоске вечерней зари.

— Спускаемся! — велел Лок. — Заночуем у скал: в лесу ветра нет, и с одной стороны мы будем защищены. Давай-давай, пока ещё светло!

— Помоги нам Ашторет... — простонал Гими, из последних сил цепляясь за обледеневшие камни.

До земли оставалось совсем немного, Лок уже стоял внизу... и тут подошва предательски скользнула по уступу, пальцы сорвались — и Гимильк рухнул вниз.

Он упал в мягкий снег, неловко, набок. Лок кинулся к другу, перевернул.

— Гими! Гими, ты как? В порядке?

Гими слабо улыбнулся. Всё же Лок за него беспокоится...

— Жить буду... — прошептал он.

— Жить он будет... — нахмурился северянин. — Ну-ка, повернись. Встать можешь? Ничего не болит?

Гими попытался встать и опёрся рукой о снег — и, вскрикнув от резкой неожиданной боли, снова упал.

— Покажи руку! — деловито велел Лок. — Клянусь Одним! Ты её сломал. Несчастье моё...

Мальчишка уверенно и осторожно осмотрел кисть Гимилька, срезал с дерева толстую ветку и выстругал из неё плоскую дощечку. А потом, не обращая внимания на шипение и вскрики, аккуратно сложил перелом и накрепко привязал к руке приятеля

импровизированную шину.

— Вот так и ходи, — буркнул он. — Я за хворостом, а ты пока снег бы утоптал под костёр. Завтра обратно пойдём.

— А как же?.. — Гими покраснел — но и испытал в глубине души огромное облегчение.

— "Как же, как же!" — хмуро передразнил Лок. — Куда тебе с такой рукой?

Он скрылся за деревьями, и Гими слышал только, как, затихая, скрипит снег под сапогами друга. Вскоре стал долетать стук топорика.

Вздыхнув, мальчик принялся утаптывать сугроб в ровную площадку.

Лок вернулся, волоча за собой ствол молодой сосенки. Одобрительно кивнув приятелю, он обрубил с неё сучья и, утирая пот со лба, разрубил часть ствола на поленья. Оставшийся ствол Лок бросил в центр утоптанной площадки, сложил под него дрова и, кинув сверху смолистые зелёные веточки, ударил кремнём о кресало.

Огонь с треском охватил хвою, разбежался золотыми струйками, перекинулся на дрова, тщательно очищенные Локом от снега.

— Еду готовь, — кивнул северянин Гими на мешки. — А я лежанки сделаю.

Он снова скрылся в лесу.

Гими только вздохнул.

Лок держался уверенно, и костёр, вон, хороший сложил — огонь, довольно урча, лизал ствол сосны, — и с рукой помог, не растерялся. А всё равно... Ночь в лесу...

— Лок, — жалобно всхлипнул он, когда поспела еда и вода в котелке забулькала. Сил терпеть уже не оставалось. — А у меня ноги замёрзли...

— А чего молчишь? — буркнул рыжий мальчишка. — Отморозить пальцы хочешь? "Герой"... Снимай сапоги!

Он сунул обувь Гимилька к огню, веточками нагрёб горячий пепел от прогоревшей хвои — и воткнул туда сапоги самыми носками. А ноги приятеля обернул тёплой меховой накидкой, извлечённой из дорожного мешка.

— Слушай... как она у тебя там поместилась? — от изумления Гими распахнул рот.

— Сворачивать надо уметь, — пожал плечами Лок. — Давай-давай...

Он разлил по кружкам из котелка горячую воду, а сам котелок подставил под ноги приятеля. Сквозь шкуру тепло казалось мягким и ласковым, и задубевшие пальцы мальчика стали наконец отогреваться...

— Я спать хочу... — вздохнул он.

— Завернись получше в шкуру и спи, — кивнул Лок. — Вон как пламя разгорелось. Не замёрзнешь. А во вторую половину ночи я тебя разбужу. Будешь следить за костром.

— А как? — опасливо спросил Гими.

— Да невелика наука! — Лок улыбнулся. — Просто ствол пододвигай по мере прогорания. Главное, чтобы хищники не подобралась. Но они огня побоятся... Да у нас и оружие есть. Спи!

Гими не заметил, как провалился в сон. Ему казалось, он только сомкнул ресницы, как друг уже тормозил.

— Хватит дрыхнуть! Твоя очередь.

Гими сел, потирая глаза.

Стояла удивительная тишина. Свет костра чуть раздвигал плотную темноту ночного леса, и снег на грани тёплого круга вспыхивал золотистыми искорками.

— Обувайся. Твои сапоги скоро дымиться начнут! — ехидно ухмыльнулся Лок. — Давай-давай. А я посплю.

Он вытряхнул ещё не проснувшегося приятеля из нагретой шкуры, едва тот успел натянуть обувь, и, свернувшись калачиком, уснул.

Гими сидел, вороша угли палкой, и чутко вслушивался в тишину. Ничего... Только иной раз где-то ветка треснет от мороза, или с шуршанием потечёт снег с дремлющих деревьев...

Гими ни за что не сознался бы Локу, что боится. Подняв голову, мальчик смотрел на небо. Даже звёзд не видно. Тучи. А ещё ветер в вершинах завыл... или волки воют?

Ой, быстрее бы рассвело! Быстрее бы домой.

Только как по скалам лезть? Со сломанной рукой?

Лок придумает что-нибудь. Лок сможет...

Гими вздрогнул. Меж деревьев скользнул стремительный белый силуэт. Кажется, какой-то хищник!

Мальчик приподнялся, высоко подняв над головой горящую палку.

Нет, никого... Показалось.

Облизнув губы, Гими сел. Сердце стучало в горле. Показалось!

Порыв ветра пригнул пламя костра, осыпал мальчика снежной крупой. Лес зашумел.

Финикиец снова вскочил. Будить Лока? Тот едва уснул... И что сказать? Ветерок подул, и я испугался?

Ветер усиливался. Лес гудел всё сильнее, а в небе, над вершинами, закрутилась белая карусель. Костёр то и дело пригибало, кидало пламя почти к самым лежанкам.

— Лок... — несмело толкнул друга Гими. — Лок!

— А? — Лок стремительно вскочил. — Что случилось?

В его глазах не было и тени сна.

— Лок, пурга начинается! Что нам делать?

— Надо сберечь костёр, иначе замёрзнем! — коротко бросил северянин. — Живо, строим стену из снега! Чтобы пламя не задуло. Я строю, а ты поддерживай огонь. Поддерживай во что бы то ни стало!

Лок схватил лопатку и принялся сноровисто ею орудовать. Гими, мучительно краснея, что не может помочь, изо всех сил старался защитить костёр. Ветер дул, казалось, со всех сторон...

Наконец усилия Лока увенчались успехом. Стена, конечно, получилась не ахти какой, но всё же с грехом пополам защищала от ветра. Мальчишка обессиленно упал на груды хвои.

— Всё... — пробормотал он. — Всё... Я спать.

— Лок... Тут, кажется, какой-то зверь бродит... я видел.

— Зверь? — Лок насторожился, и на лице его промелькнуло странное выражение. — Он пытался напасть?

— Нет... — Гимильк помотал головой. — Я... не уверен, что видел его...

Лок махнул рукой и снова улёгся.

— Привиделось.

— Лок...

— Ну? — сонно буркнул паренёк.

— А как мы завтра выберемся? У меня же рука больная...

— Гими, ну что ты как ребёнок? — вздохнул северянин. — Доберёмся до моря и пойдём вдоль берега. И выйдем прямо к лагерю. Делов-то! Дай поспать, наконец!

— Прости...

— За костром следи, — зевнул Лок и тут же уснул.

Утро вставало пушистое и серое, в хлопьях снегопада. Лес, придавленный ночной метелью, молчал и, казалось, уснул ещё глубже.

Лок, радостный, умылся снегом и, скача вокруг костра, шумно восторгался приготовленным Гими завтраком.

— А ты молодец! — хлопнул он финикийца по плечу. — Ничего, не переживай. Конечно, мы сейчас с другой стороны кряжа, но мы же на острове. Выйдем мы к твоим. Как рука?

— Ничего... — несмело улыбнулся Гими.

— Ты под шубу её сунь, — посоветовал Лок. — Держи в тепле. А то пальцы без движения отморозишь. Идём?

— Идём... — вздохнул Гимильк.

Лок помог ему пристроить за плечами мешок и уверенно пошёл меж деревьями. Гими побрёл за ним.

Мальчишки провели в лесу дней пять. Припасы закончились, но Локу удавалось бить птиц, и на голод Гими пожаловаться не мог. Беспокоило другое: рука. Она ныла и болела, пальцы распухли, и по ночам мальчик с трудом мог уснуть. Если бы дневные переходы так не выматывали, возможно, он не мог бы уснуть вообще.

Сны были странными, обрывочными. Иногда, приоткрывая глаза, Гимильк видел над собой склонённое лицо Лока, чувствовал тёплые пальцы на сломанном запястье — и боль словно бы отступала...

Правда, мальчик не мог поручиться, что то был не бред.

Днём, осматривая руку, Лок качал головой, сжимал губы, а потом преувеличенно бодро улыбался.

Иногда юный финикиец ловил на себе странный взгляд товарища. Словно тот то ли хотел сказать что-то, то ли сделать... и всякий раз почему-то останавливался.

Впрочем, Гими уже было всё равно. Навалились слабость и апатия. Глаза заливал липкий пот, тошнило, и на привалах он едва мог проглотить несколько кусочков. По ночам теперь дежурил только Лок, и у Гимилька ещё доставало силы удивляться выносливости товарища. Железный он, что ли?

На шестой день Лок, разбив лагерь и поудобнее устроив друга на лежанке у костра, отправился на охоту.

Гими лежал, с трудом приподнимая веки и просто наслаждаясь покоем. Не хотелось ничего. И, кажется, было даже наплевать, когда вернётся Лок. Лок не пропадёт... а ему...

Ему так хочется спокойно лежать... и чтобы ветер вздыхал в вершинах... И день сменялся ночью...

"Я умираю", — пришла очень ясная и спокойная мысль, но не вызвала никаких эмоций.

Скрипнул снег. Гими лениво приоткрыл глаза — и, забыв про слабость, вскинулся на лежанке, проклиная себя за беспечность.

Сидя на снегу, на Гимилька внимательно смотрел через костёр белый тигр.

Гими

Гимильк схватил ртом воздух и осторожно скопил глаза на лук и стрелы, брошенные чуть поодаль, за мешком с вещами. И ведь только руку протянуть... а вдруг зверь прыгнет?

Боги, стрелу ещё надо наложить... прицелиться... и всё это время хищник станет дожидаться выстрела?..

Губы задрожали. Недавние мысли о смерти показались вздором.

Вот она, смерть. Смотрит через костёр...тёмно-синими глазами. И неужели... неужели сейчас всё и случится?

Тигр наклонил голову, понюхал снег у костра. Гими осторожно подвинул руку поближе к луку. Чуть-чуть.

Как же это зверь не боится огня? Подошёл к самым угольям... Впрочем, может, костёр гаснет, поэтому? Эх, ну надо же было так глупо!.. И что стоило веток вовремя подкинуть!

Зверь негромко фыркнул, словно усмехнулся. И вдруг ударил лапой по сваленным горкой поленьям, оставленным Локом, выкатил брёвнышко покрупнее и втолкнул в костёр. А потом повернулся и задними лапами зашвырнул в огонь зелёные сосновые ветки. Пламя, урча, взвилось, ожило, затрещало. А тигр обернулся, глянул на Гими и вдруг... мальчик потряс головой... тигр подмигнул!

Гимильк сидел, не шевелясь. Он ещё боялся, но страх уступал место удивлению... замешательству.

Тигр медленно, не делая резких движений, обошёл вокруг костра и приблизился к ребёнку. Шкура переливалась в лучах зимнего солнца как снег. Как серебро.

Хищник подошёл, лапой наступил на лук, и, пристально глядя в глаза Гимильку, отрицательно покачал головой. А потом взял в зубы дорожный мешок и протянул мальчику.

Гими осторожно взял своё имущество здоровой рукой. Отодвинул за спину.

— Ты... что? — спросил он зверя, сам пугаясь собственной смелости. — Ты кто? Ты оборотень?

Тигр мотнул головой.

— Значит, ты... Ты дух леса? Или бог?

И снова нет.

— А как же ты меня понимаешь?

Зверь смешливо фыркнул.

— Ты ручной, да?

закивал, и в глазах его искрился смех.

— Ты ведь не простой зверь.

Кивок.

— А где твой хозяин?

Тигр отчего-то оскорблённо фыркнул, но потом, смирившись, указал движением головы куда-то в сторону.

— А вы далеко живёте? — Гими хотел спросить небрежно, но получилось плаксиво. Голос срывался от надежды и боязни обмануться. Неужели их спасут?

Тигр помотал головой. Недалеко живут.

— А как тебя зовут?

Зверь сморщил нос, а потом шутливо, лёгким ударом лапы, кинул снегом в Гими.

— Ты чего? — обиделся мальчик. — А... ты отвечаешь так?

Кивок.

— Снег? Тебя Снегом зовут?

Какое-то неопределённое мотание.

— Снежок?

Морда зверя стала довольной.

— Снежок... — мальчик невольно улыбнулся и протянул руку, погладить. И, не дотронувшись, замер.

Тигр нагнул голову, позволяя себя почесать за ухом.

У Гими слёзы покатались из глаз. Он обнял тигра за шею и прижался к нему всем телом.

— Снежок... спаси нас, Снежок... — всхлипывал он. — Выведи нас отсюда... пожалуйста, выведи!

Снежок успокаивающе тыкался влажным носом в волосы ребёнка и тихо урчал. А потом тёплым языком лизнул лоб мальчугана.

Коротко свистнув, в снег вонзилась стрела.

Вскочив, Гими закрыл собой тигра.

— Лок, не стреляй! — крикнул он. — Не стреляй!.. Это божественный зверь! Мне ничего не угрожает!.. Не стреляй!!

Лок, взлохмаченный и раскрасневшийся, спрыгнул в снег с поросшей сосняком горюшки. Только закачались лохматые лапы молодых деревцев.

— Точно, божественный? — с сомнением спросил он.

— Он ручной...

— "Ручной"! — фыркнул друг, но стрелу с лука всё-таки убрал в колчан за спиной. — Откуда я знал, что он ручной или божественный? А ты тоже, — Лок постучал по голове. — С хищником обниматься! Я чуть с ума не сошёл, когда увидел.

Гими посторонился с довольной и виноватой улыбкой.

— Его Снежок зовут.

— Снежок? — Лок ухмыльнулся, и, прищурился, оглядел тигра от ушей до кончика хвоста. — Значит, Снежок... — протянул он. — Как мило. Он сам тебе сказал?

— Да.

Лок присвистнул.

— Киска, значит, ты у нас ручная?

Тигр коротко рыкнул.

— Не понял... Ручная или нет?

Снежок молчал с оскорблённой мордой.

— Ты ему неправильно вопросы задаёшь! — вступился Гими. — Он же не может говорить! А ты — "да или нет"...

— А как же киска тебе своё имя сказала? А? — продолжал издеваться Лок.

— Чего ты взелся? — насутился Гими. — Разве у вас нет сказаний о божественных животных?

— Есть, — серьёзно кивнул Лок. — Так и что? Божественные животные — не боги. Да и над богами иной раз похохмить можно... Ладно, не будь таким серьёзным! Ну что ты, тигров белых не видал?

— Видел, — тихо и упрямо ответил Гими. — А разумных — не видел.

— И на каком же языке вы с ним общаетесь?

— Он меня понимает... Не знаю, как, но понимает. Он обещал... что поможет. Что приведёт к своему хозяину.

— К хозяину? — сделал большие глаза языкастый сорванец. — Что-то я сомневаюсь, чтобы у этой киски был хозяин... Ну ладно, пусть ведёт. Только если мне что не понравится, ты уж, Гими, не обессудь: влеплю я стрелу в лоб твоему приятелю.

— Идём, Снежок? — осторожно спросил Гими. — Не бойся, я тебя в обиду не дам...

— Ну-ну... — хмыкнул Лок. — погоди ты. Побежали они... Лагерь свернуть надо. Вещи забрать. Я, вон, двух соек подстрелил. Поди, хозяину твоего Снежка понравится, что не с пустыми руками вломимся...

— Лок...

— Да что — Лок? — отмахнулась рыжая бестия и вплотную подошла к белому тигру.

Мальчишка стоял напротив и бесстрашно смотрел хищнику прямо в глаза. И чему-то улыбался.

— Красавец! — прошептал он. И уж совсем под нос пробормотал странную фразу: — Вот теперь я понимаю Фрю-Фрю... — Лок положил руку на голову зверя. — Приветик, приветик, приветик! — пропел северянин. — Вот и передал!

Тигр озадаченно моргнул.

— Лок, ты что с ума сходишь? — спросил Гими.

Приятель обернулся и дурашливо распахнул глаза.

— Я? Да ни секунды! Не обращай внимания, меня... меня несёт! — расхохотался он. И простонал сквозь смех: — Уж больно... киска... колоритная!

Он хохотал, держась за живот. Хохотал, промокая слёзы с глаз. Потом упал на колени в снег и только тихо стонал.

— Я не могу... — всхлипнул он наконец. — Сили... Я не думал... что у Сили ещё остался ю... юмор...

Гими опасливо отступил от Лока.

— Снежок... что это с ним?

Тигр ошарашенно повёл ухом.

— Ну всё, пошутили — и хватит! — Лок стремительно вскочил, и на лице его не осталось и тени веселья. — Гимильк, что стоишь столбом? Помогай!

Он пинками закидал костёр снегом и, пристроив оба дорожных мешка себе за спину, подошёл к Гими, так и стоявшему рядом с белым тигром.

— Сядешь на него, — коротко велел он сидонянину. — Киска, придётся тебе везти твоего друга. Сам видишь, бедняга еле ноги переставляет. Так что нужно поработать.

Снежок кивнул и лёг, позволяя Гими забраться верхом.

— Держишься? — строго спросил Лок.

— Ага...

— Ну, тогда вперёд!

Белый тигр поднялся и плавными прыжками помчался меж деревьев. Лок бежал рядом, чуть отставая, но ни разу не попросил сбавить шаг. Прекрасный хищник временами оглядывался, и во взгляде его, брошенном на мальчика, то и дело проскальзывало удивление, смешенное с восхищением.

Они проносились через расщелины и овраги, спрыгивали со скалистых террас и бежали по льду ручьёв...

— Лок, ты видишь это? — ахнул вдруг Гими.

Над лесом, затмевая полнеба, высилась огромная ступенчатая пирамида с плоской вершиной.

— Зиккурат! Клянусь Баалом, это зиккурат! — ахнул Гимильк. — Лок, ты знаешь, мы с отцом такие в Вавилонии видели! Это... — от резкого движения мальчик чуть не упал с тигра.

— Ты держись лучше, — ухмыльнулся Лок. — В Вавилонии он видел... Говорил же, что мы на Аталанде!

— На Антилле... — благоговейно прошептал Гими. — Неужели и правда... на Антилле? Снежок, нам туда?

Зверь кивнул.

Пирамида приближалась. Послышался рокот моря: справа деревья расступились, и открылся необъятный простор серого зимнего океана. Зиккурат вздымался над острыми утёсами, как скалистый пик, и казался их продолжением.

Зверь свернул влево, огибая пирамиду.

Бег между укрытыми снегом деревьями вдоль чёрного матового подножия...

И вот все трое замерли перед величественной лестницей, уводившей ввысь через террасы.

Здесь белый тигр лёг на снег, и Гими, поняв намёк, спешил.

Снежок, прыгая через ступени, помчался вверх.

Гими несмело шагнул на первую ступеньку.

Лок хотел было последовать за ним, но отпрянул.

— Лок! — обернулся с середины первой террасы Гимильк. — Ты что там застрял?

На лице рыжеволосого сорванца промелькнуло досадливое выражение.

— Иди! — крикнул он. — Я скоро!

Гими пожал плечами и пошёл дальше.

Лок преклонил колени перед лестницей.

— Я как гость пришёл к тебе, Силинель...

Несколько секунд... и северянин вскочил: кинулся вверх, догонять приятеля.

— Ты что там копался? — спросил Гимильк.

— Разве зиккурат — не дом какого-либо бога? — ответил вопросом Лок.

— Да... — растерянно ответил Гими.

— Я не посмел войти в дом бога, не испросив позволения, — пожал плечами рыжий спутник.

Гимильк насупился.

— То ты хохмить над ними готов, то вдруг такое благоговение... Что с тобой сегодня?

— А я вообще странный, — ответил Лок, запрокидывая голову и пытаясь рассмотреть вершину. — Ух, далеко ещё!

Пыхтя, парнишки добрались до первой площадки, откуда открывался вход в Нижний храм. Здесь дожидался их белый тигр.

— Нам сюда? — тихо спросил Гими.

Хищник помотал головой и побежал дальше, вверх.

Обречённо вздохнув, финикиец продолжил восхождение по бесконечной лестнице. Поджарый Лок легко шёл рядом.

Холодный зимний ветер рвал одежду, бросал снегом в лицо. Накинув капюшоны, друзья

продолжали путь — и, наконец, выбрались на площадку перед портиком.

— Полагаю, нам сюда! — выдохнул Гими. — А если даже нет, я не могу больше! Ветер этот...

— Сюда, сюда! — Лок ободряюще хлопнул Гимилька по спине. — Дальше просто некуда.

Они вошли в зал Верхнего храма.

Хотя святилище было опоясано открытыми террасами, магия хранила его от ветров и стужи, и внутри царило ласковое тепло. Лучи вечернего солнца скользили по яшмовому полу, искрились на драгоценных камнях и золоте кадилъниц, играли на великолепной фреске во всю стену...

Зал был пустынен.

— Тут есть кто-нибудь? — крикнул Гими. — Снежок, ты где?

— Не ори ты. Придут ещё, — тихо сказал за спиной Лок.

Гими обернулся и увидел, как спутник преклонил колени перед самым входом.

— Я прошу твоего гостеприимства, Силинель, и клянусь, что не причиню вреда или ущерба никому из обитателей твоего Храма.

Гимильк раскрыл рот.

Лок вскочил и широко улыбнулся приятелю.

— У нас в северных землях такой обычай: входя в чужой дом как гость, обещать хозяйке примерное поведение под её крышей.

— Но... это же богиня... — с сомнением пробормотал Гими.

— Богиня и есть хозяйка храма, разве нет?

— А как ты её назвал?.. С чего ты взял, что её зовут Сили... Сини...

— Ну, это слово переводится как "солнечная", — Лок чуть усмехнулся. — Думаю, богине, которой служит столь добрый зверь, как Снежок, такое обращение подойдёт. Нет?

Гими неуверенно пожал плечами.

В коридоре послышались шаги. Мальчишки переглянулись, Гими переступил с ноги на ногу.

В зал вошёл стройный молодой человек в чёрной одежде, на фоне которой сразу бросались в глаза его длинные, заплетённые в косу волосы цвета светлого золота. Гими готов был поклясться, что никогда не видел подобного наряда ни в одной из стран: чёрные штаны, какие носят северные варвары, сочетались с почти привычной туникой... разве что ворот её был высоким, а рукава — длинными. Что, впрочем, и не удивительно в таком суровом климате. Да ещё сапоги, пожалуй... вроде тёплые, на манер варварских, а сразу видно — выделка, какая северным дикарям и не снилась, и изящные они... ступню обрисовывают.

Юноша остановился и внимательно посмотрел на мальчиков. Гими почему-то стало зябко.

Хозяин Храма молчал. Молчали и ребята. Наконец Гимильк, не в силах выносить более этого выматывающего душу молчания, прокашлялся и тихо заговорил:

— Господин мой, мы взываем к твоей милости... Мы заблудились и просим о помощи. Сюда нас привёл твой зверь. И вот... мой друг ещё подстрелил соек... для тебя.

Молодой человек чуть дёрнул уголком рта. То ли пытался скрыть улыбку, то ли посчитал слова мальчика глупыми — Гими так и не понял.

— Что у тебя с рукой? — спросил он вместо ответа.

Гими заморгал. Юноша спросил на неизвестном ему языке — но Гими понял каждое слово! Словно молодой человек не просто говорил, а вкладывал свои мысли прямо в голову собеседника!

Как не вспомнить, что жители Антиллы были магами... Может, этот... из них? Тогда сколько же ему лет?..

— Что у тебя с рукой? — повторил хранитель Храма.

— Я её... сломал... — вытолкнул Гимильк.

В светло-синих глазах юноши вспыхнул странный интерес.

— Я попробую её вылечить.

— Благодарю за милость, мой господин... Как мне тебя называть?

— Моё имя Эет, — кивнул юноша.

— Э...Эхет?.. — краснея, коряво повторил Гимильк. Слишком певуче, слишком непривычно, чтобы имя далось сразу!

— Называй, как тебе удобно, — улыбнулся хозяин. — А как ваши имена?

— Я Гимильк, сын Ахирама, а это — Лок. Мой друг. Он не знает своих родителей...

— Отчего же? — усмехнулся мальчик. — По матери меня называют. Локи, сын Лаувейи.

— Ну, ты же мне не говорил...

— К слову не приходилось, вот и не говорил, — пожал плечами Лок.

Юноша с непроницаемым именем, которого Гими про себя решил величать Эхетом, неторопливо прошёл по залу и сел в роскошное кресло с высокой спинкой, вырезанное из чёрного дерева. "Как трон", — подумал Гими.

— А теперь послушайте, — негромко заговорил золотоволосый маг. — Вы просите гостеприимства не у меня, а у богини Мортис, которой я служу. С давних пор было обычаем у нашего народа принимать в её храмах странников и больных, давать ночлег и еду, защищать от всякого зла. Я не нарушу этот обычай и принимаю вас под кров Храма, милостью богини. От вас я прошу лишь одного: уважать место, где вы находитесь. Я разрешаю вам входить сюда, в Верхний храм. Разрешаю спускаться по внешней лестнице в Нижний, если придёт вам такая охота. В любое время для вас открыта моя комната. Если что-то испугает вас или встревожит, или появится в чём какая нужда, не бойтесь обращаться ко мне. Но помните: все прочие двери для вас под запретом. Особенно под запретом внутренние лестницы Храма. В его подземельях много чудовищ... — Эхет неопределённо повёл рукой. — Вы сами накажете себя, если спуститесь вниз. Вы меня поняли?

Мальчики кивнули. Гими было по-настоящему страшно.

Этот человек... он вроде не казался злым, не кричал и не обижал... но при мысли о том, что может произойти, если его послушаться... волосы начинали шевелиться на голове.

— Сколько... сколько мы можем пользоваться твоим гостеприимством, господин мой? — пробормотал Гими.

Эхет пожал плечами.

— Пока не заживёт твоя рука, я полагаю. Потом Снежок проводит вас к твоему отцу. Думаю, вы достаточно нагулялись по острову.

— Благодарим, — Гими поклонился.

— Подойди, — велел Эхет.

Гими в замешательстве облизнул губы и сделал крохотный шагок.

— Подойди, я взгляну на твою руку. Не бойся.

Гимильк сделал ещё шаг. Тело колотила крупная дрожь.

— Чего ты боишься? — маг ласково улыбнулся, и впервые в его голосе послышалось тепло. — Я ведь хочу помочь тебе, глупыш...

Гими, ища поддержки, обернулся на Лока. Тот стоял, подбоченясь, и с интересом смотрел на происходящее. На губах играла саркастическая усмешка.

"Ну и подумаешь! — с внезапной обидой подумал Гими. — Смешно ему... А вот не стану показывать, что боюсь!"

Мальчик решительно приблизился к Эхету и показал больное запястье. Тот невольно присвистнул.

Кисть страшно распухла и посинела. В месте перелома кожа стала чёрной.

— Пальцами двигать можешь? — озабоченно спросил маг.

— Могу. Только больно очень... И я их почти не чувствую...

— Подвигай, — мягко попросил молодой человек. — Я понимаю, что больно, но я должен видеть, насколько они тебя ещё слушаются.

Гимильк, сжав зубы, чтобы не выть от боли, попробовал сжать пальцы в кулак. Ладонь согнулась в птичью лапку и больше не желала сжиматься.

— Понятно, — коротко проронил хранитель Храма. — Ну, что ж... — Он поднялся. — Локи, давай мне твоих соек. Я покажу ваши комнаты, располагайтесь... а сам пойду готовить ужин в вашу честь! — юноша улыбнулся.

Эхет вошёл в коридор, и мальчишки семенили за ним. Миновав первые две двери, хранитель Храма остановился возле третьих.

— Выбирайте, кому комната справа, кому слева, — подмигнул он.

— Я слева, — тут же выпалил Лок.

— Ну, Гими, значит, мы с тобой будем соседями, — улыбнулся Эхет. — У тебя за стеной моя библиотека, а я часто засиживаюсь над книгами до поздней ночи. Словом, если что — можешь просто постучать в стенку, я услышу.

— Благодарим, господин... — прошептал финикиец.

— Раздевайтесь. Лок, ты поможешь другу?

— Помогу, конечно, — чуть ли не свысока обронил мальчик.

— Он мне всегда помогал... Если бы не Лок, я бы погиб давно! — горячо сообщил юный сидонянин.

— Если бы не Лок, — Эхет строго глянул на рыжего мальчишку, — ты бы сидел в безопасном лагере, рядом с отцом.

Гими широко распахнул глаза.

— Откуда ты знаешь, господин, что мы...

— Я многое знаю, — пожал плечами Эхет. И усмехнулся: — Морозный туман рассказывает.

Лок тоже плечами пожал и даже не сделал попытки оправдаться. То ли считал ниже своего достоинства, то ли признавал справедливость упрёка...

— Ну, не будем терять время! — Эхет подтолкнул Гими к дверям в его комнатку. — Мы... я там уже прибрался, пока вы поднимались. В дальнем конце, слева... — юноша чуть кашлянул. — Хлопните ладонью по стене, откроется кабинка... если кому надо по маленькому или по большому... Там всё предусмотрено. Не надо из-за этого по Храму почём зря шараться.

— Мы помним, господин, — кивнул Гими. Ему и в самом деле давно хотелось по

маленькому.

— Тогда располагайтесь.

И Эхет пошёл прочь по коридору. До слуха друзей напоследок ещё долетели странные слова:

— С ума сойти, у нас теперь и гостевые есть. Прости меня, Госпожа!

Лок довольно расчихикался, а для Гими так и осталось загадкой, почему же они сумели понять фразу хранителя, сказанную про себя, и уж конечно не предназначенную для их ушей...

Эет

На кухне ярко горел свет, и уже разогревалась плита: Эет с Вирлиссом давным-давно настроили всю действующую магическую технику Храма на телепатическое управление — как только Эет в полной мере овладел телепатией.

Белый тигр сидел на полу напротив плиты, обвив хвостом лапы, и задумчиво смотрел на мигающие индикаторы.

Эет, вздохнув, небрежно швырнул соек на разделочный стол и щёлкнул пальцами. По перьям тут же побежал огонёк, и вскоре обе тушки засияли розовой наготой. Зомби отрезал крылышко и задумчиво отправил в рот. Сырым.

— Хочешь? — рассеянно спросил он Вирлисса.

Тигр только помотал головой.

Эет вздохнул и сел за стол: так, чтобы видеть Виру.

— Вот ты можешь мне объяснить, какого дьявола ты их сюда приволок?

Вирлисс молчал, но на морде его не отражалось ни тени вины. Он просто щурил глаза, как огромный домашний кот.

— Ну вот какого... ну ладно, у парнишки у этого, тёмненького, с рукой проблемы... но ты мог бы их вывести к лагерю. Мог бы? Нет, надо было сюда! Ты же знаешь, что на мне Заклятье Подчинения, и я должен охранять это место. А если бы я просто свернул им шеи, как цыплятам, ты об этом не подумал?

Вирлисс поморщился.

"Эт, прекрати, — мысленно ответил он. — Кого ты из себя строишь? Шеи бы он им свернул... Я тебя не один десяток лет знаю. Ты детишками не питаешься".

Эет закусил губы.

Один раз...

Юноша глубоко вздохнул.

"Прости, я не то имел в виду..." — мысль Виры была тихой и виноватой.

— Я знаю, — просто ответил Эет.

"Гими мог не дотянуть до лагеря, — добавил Вир. — Или мне пришлось бы бросить второго паренька в лесу одного. И бежать как никогда. К тому же, учти два обстоятельства: вряд ли Гими согласился бы оставить Лока, и вряд ли их корабельный лекарь смог бы сделать что-то путное. Руку бы отрезал, наверняка".

— Да уж... — Эет невесело усмехнулся. — Выходит, я тебе даже обязан. Ты предоставил мне возможность поработать с витамагией!

Вирлисс согласно хмыкнул, показав в усмешке клыки:

"И это тоже. Что у него там с рукой, кстати?"

— Обморожение и перелом. Похоже, он в тепле её старался держать, но всё равно, видимо, осколок кости придавил сосуды и затруднил циркуляцию крови. А тут ещё мороз...

"Справишься?"

— Куда я денусь! — улыбнулся Эет. — Я же тебе говорю, что перелопатил все архивы в зоне витамагии, а медицина и анатомия у нас с тобой давно пройденный этап...

"Ты только аккуратно. Всё же магия Жизни"... — Вирлисс опустил голову.

— Те же предосторожности, что рекомендованы живым людям при работе с магией Смерти, но с противоположным знаком, — небрежно отмахнулся Эет и, встав, подошёл к подставке для ножей. — Займусь-ка я обедом. Мальчишки голодные!

Вир кивнул.

Юноша сноровисто разделявал птичьи тушки, отделял головы и потрошил, ополаскивал и резал на кусочки...

— Кровь будешь? — прибрав на столе, спросил он у Вира, прежде чем поставить сковороду в духовку.

На морде тигра появилось брезгливое выражение.

"Эт, за кого ты меня принимаешь? Она уже остыла!"

— Ой-ой-ой, — Эет шутливо закатил глаза. — Какие мы разборчивые...

"Да! — делая вид, что обижен, с глубоким чувством собственного достоинства заявил Вирлисс, вскидывая голову. — А в звериной ипостаси ещё больше, пора бы тебе уже понять!"

Зомби захлопнул дверцу духового шкафа и уселся напротив, ждать.

— Слушай, гордое чудо природы, — не просидев и минуты, с улыбкой обернулся он к другу. — Ты так и собираешься перед нашими гостями на четвереньках бегать? Или всё же соизволишь показаться в человеческом виде? Я думал, мы мальчишек вместе встретим в Верхнем храме, а ты сразу на кухню сбежал!

Вирлисс дёрнул ухом.

— И не надо плечами пожимать. Это не ответ.

"Я не хочу. Они тут ненадолго, так что я не вижу причины открывать им все наши тайны".

— "Та-айны"! — Эет сделал большие глаза. — Подумаешь, страшная тайна, что ты не ручной зверёк, а мой друг!

Вирлисс хотел изобразить на морде глубокое оскорбление — наверное, за ручного зверька, — но не выдержал и рассмеялся.

"Эт, ты хоть иногда применяй свой недюжинный интеллект не к высокой магии, а к жизни. Парнишки вернутся к своим, мы же этого хотим, да? И расскажут... могут рассказать, где были и что видели. И кто предскажет, что взбредёт тогда в голову команде лихих мореходов? Вдруг они решат поискать сокровища в древнем храме, который охраняет всего один человек? О да, мальчишки предупредят, что он, вроде, маг. Где гарантия, что им поверят? А поверив, не решат рискнуть? Конечно, если они придут сюда, мы наведём мороки. Грабители не увидят ничего, кроме пыли и паутины. А самые смелые, что решатся пройти по коридорам, встретят свою смерть. Так что не лишай возможных гостей такого сюрприза, как мои способности!"

— Вир, — с улыбкой вздохнул Эет. — Именно потому, что я применяю свои недюжинные интеллектуальные способности в жизни — спасибо, кстати, — я не подпущу грабителей к Храму. Я просто рискну использовать сильную некромагию вне его стен. Атакующее заклинание массового поражения или проклятие... потом включится магическая

блокада острова со всеми спецэффектами... думаешь, лихим мореходам покажется мало?

Вирлисс расфыркался от смеха, мотая головой.

"Эт, ты великолепен... — наконец ответил он. — Из минуса сделать такой плюс! Тем не менее позволь мне всё-таки перестраховаться".

Эет развёл руками.

— Ну, как хочешь. Просто ты сам создаёшь себе массу неудобств на время, пока мальчики пользуются нашим гостеприимством.

"Это мои проблемы!" — Вирлисс дёрнул хвостом.

— А всё же мне не хотелось бы... не хотелось бы причинять зло этим людям... — глядя на огонь, тихо проговорил Эет. — Они ни в чём не виноваты...

"Мы и не причиним им никакого вреда, если они не полезут к нам, — невозмутимо ответил Вир. — Мы же с тобой давно договорились об этом!"

— Вир... знаешь... — Эет не глядел на друга. — Мне... так стыдно... перед тобой.

Вирлисс встал и, бесшумно ступая мягкими лапами, подошёл к хранителю Храма.

"Ты что опять себе навывдумывал, Эт?" — белый тигр внимательными глазами смотрел прямо в лицо Эета.

Эет вздохнул.

— Я иногда думаю... Экипажа этой лоханки... человек семьдесят... Их бы хватило на ванну с кровью. Хватило бы... чтобы тебя оживить. Вместо этого я рассуждаю о том, как бы не причинить им вред, хотя в первую очередь должен думать о своём друге! О тебе. А будет ли ещё шанс... и воспользуюсь ли я им... если я такой слабодушный... и...

"Ага, а ещё непрактичный!" — насмешливо фыркнул Вирлисс.

— И непрактичный, да... и...

"Эт!"

Мысленный голос Вирлисса был таким жёстким, что Эет вздрогнул.

"Эт, ты за кого меня принимаешь? За гиену? Вот так прийти, прихлопнуть скопом семьдесят ни в чём неповинных людей, в том числе и детишек... Ради меня одного. Ты себя слышишь со стороны? Если бы это были преступники — тогда другой разговор..."

Эет улыбнулся и, притянув к себе голову тигра, взъерошил на затылке пушистый мех.

— Ты классный друг, — прошептал он.

"Так и ты тоже, Эт, — боднул в плечо Вир. — И прекрати себя изводить глупостями! Ты сам сказал: бессмертные существа могут себе позволить подождать у моря погоды".

Плита слабо прозвенела, и огонь в духовке погас.

— Готово! — Эет осторожно, прихватками, вынул горячее блюдо и поставил на стол. — Так... давай я тебе отрежу полптицы. Тебе какую половину?

"Без разницы! — мысленно рассмеялся Вирлисс. — Любую".

— Вино потом принести?

"Да нет, вино у меня в комнате стоит, на полке. Там ещё почти полный кувшин. Пошли давай, ребятня голодная! Только, когда пойдёшь лечить Гими, меня позови".

— Посмотреть хочешь? — улыбнулся юноша. — Договорились!

Эет выложил Виру на отдельную тарелку его порцию, для себя и гостей — на большое блюдо, и они вместе с Вирлиссом пошли к жилым комнатам.

В своей спальне Вир принял человеческий облик и, весело подмигнув Эету, забрал свою тарелку.

— Удачи! — шепнул он — и замок его двери защёлкнулся.

— Тоже мне, тайный архонт... — шутливо покачав головой, прошептал Эет и постучался в двери к мальчишкам. — Гими! Лок! Кушать подано! Идёмте в зал.

Разумеется, мальчишки сидели вдвоём. В комнате Гимилька. И, разумеется, вышли к столу вместе, прижимаясь друг к дружке.

Эет уже расставил на столе посуду и плеснул в чашки горячий чай.

— Садитесь, — кивнул он. — Сколько ж вам лет, искатели приключений?

— Мне... — начал было Гими, но его прервал Лок:

— А тебе? — дерзко спросил рыжий нахалёнок.

— Много, — усмехнулся Эет, не обидевшись.

— Вот и мне тоже — много, — буркнул Лок, притягивая к себе свою порцию.

— Да он мой ровесник, — краснея за поведение приятеля, торопливо ответил Гимильк. — Ты чего, Лок? Какая муха тебя укусила? А мне одиннадцать...

— И что же вас в зимний лес-то понесло?

— Надо было, значит, — ответил Лок. Гими толкнул его локтем.

— Мы хотели узнать... что это за остров. Это ведь Антилла, да?

Эет вскинул брови.

— Это Атарида, — ответил он. — Так называлась наша страна.

— А что с ней случилось? — шёпотом спросил Гимильк.

— Она погибла, — коротко ответил хранитель Храма.

— Простите... — Гими уткнулся носом в тарелку, боясь поднять глаза.

— Ну вот, я же говорил тебе, что это Аталанд! — Лок хлопнул приятеля по спине. И с широкой ухмылкой поглядел на хозяина: — Что, боги прогневались, да?

Эет пожал плечами. Этот мальчишка... он словно старался вести себя вызывающе. Или спровоцировать его... на что?

Юноша улыбнулся. Гимильк и Лок были похожи. Оба напуганные, уставшие, отчаявшиеся... Только Гими походил на домашнего крольчонка — доверчиво льнёт и так надеется на помощь... А Лок — Лок похож на озябшего ёжика: свернулся в клубочек, и одни иголки наружу. Кто же паренька так забил, что он даже спасителям не доверяет и подвоха ждёт? Видно же, рассчитывает малыш только на себя. И это — в его возрасте!

— Наша богиня всегда хранила свой народ, насколько хватало её сил, — мягко ответил немёртвый. — Что же до чужих богов, то их мотивы мне неизвестны. Гнев, или зависть, или месть...

Лок сел боком на стул, поджав под себя одну ногу. В его зелёных глазах вспыхнули золотистые искорки — наверное, отразился солнечный свет. Мальчишка проказливо улыбался.

— Что бы там ни было, а большой ум ими не двигал, это уж точно!

Эет чуть не поперхнулся от неожиданности. И даже отставил в сторону чашку с чаем.

— Ты смелый, Лок.

— Что о богах-то так? — хмыкнул парнишка. — Тоже мне, смелость!

— Ну... — Эет не нашёлся, что ответить. — В лес, вон, пошёл один. И сам сумел выжить, и Гимилька сберёг.

Лок усмехнулся ещё шире.

— Давай уже, господин мой, напрямую. Чего ты от меня хочешь?

— Не понял?

— Больно мягко стелешь. Значит, что-то хочешь попросить. Вот и говорю — давай уже,

не стесняйся!

Эет несколько мгновений ошеломлённо моргал... а потом, облокотившись на стол, уткнулся лбом в ладонь. И расхохотался. Он мотал головой, вытирая с глаз слёзы — и не мог остановиться.

— Ох, Локи... Что ж ты ершистый такой? — спросил он, наконец, переведя дыхание.

— Я ершистый, а ты, господин мой, пушистый, — парировал мальчик. — А я чрезмерно пушистых не люблю. Пух, понимаешь, на иголки наматывается и в нос лезет. Чихаю я от этого. Извини.

Мальчик вылез из-за стола и, прихватив с собой большой кусок дичины, направился к выходу из зала.

— Спасибо за угощение, — у входа в коридор обернулся он к онемевшим Эету и Гимильку. — Отменно готовишь, господин.

С этими словами Лок поклонился — и скрылся в коридоре.

Гими моргал широко распахнутыми глазами.

— Не сердись на него, господин мой. Лок очень добрый. Просто...

— Просто он слишком много пережил... — задумчиво протянул Эет, глядя на то место, где стоял рыжий паренёк. — Его речь жжёт как огонь, а в сердце — комочек льда. Бедняга...

— Я... не думал... — Гими не поднимал взгляда от тарелки.

— И хорошо, — Эет мягко улыбнулся. — Понимаешь, Гимильк, в твоём возрасте дети и не должны о таком думать.

— Мой отец... он купил для меня Лока, — тихо признался мальчик. — На рынке в северных странах... Он... по-моему, Лок хотел просто сбежать, когда ушёл в лес. А я... я уже по глупости за ним увязался. Он говорил, чтобы я уходил... а я не захотел его в лесу одного бросить... А вышло... что ему проблем больше из-за меня...

— Вот оно как... — задумчиво пробормотал Эет. — Н-да, ошетишься тут... Ну что, Гимильк? — отбросив раздумья, улыбнулся маг. — Пойдём лечить твою руку? Или ещё не наелся?

— Нет-нет, господин мой! — Гими живо поднялся. — А куда мы пойдём?

— Не дальше моего кабинета. Ты меня там подождёшь, а я кое-что принесу...

Эет довёл Гимилька до своей библиотеки и, закрыв там мальчика, постучался в комнату Вира.

— Эй, тайный архонт! — негромко позвал он. — Пойдёшь со мной или передумал?

Двери распахнулись — и в коридор выплыл белый тигр.

"С чего это мне передумать? — со смешком осведомился Вирлисс. — Идём!"

Эет не смог удержаться, чтобы не потрепать пушистый загривок. Между друзьями никогда не было скованности, а уж когда Вирлисс находился в звериной ипостаси...

"Догоняй!" — кинул Эту шаловливую мысль серебристый зверь и тенью метнулся вглубь коридоров. Эет, рассмеявшись, пустился за ним. Они домчались до лестницы, уводившей к тайным архивам и ниже, к купальням. Здесь Эет, сиганув через перила, в полёте выдохнул заклятье левитации и плавно опустился на нужную площадку.

Секундой позже рядом материализовался Вир.

— Я первый! — расхохотался Эет.

"Так нечестно!" — обиженно возразил Вирлисс.

— А способностями призрака пользоваться честно? — ухмыльнулся зомби. — Когда захочу — исчезну, где захочу — появлюсь... А вот не всегда работает!

Вир только фыркнул.

— Не дуйся, не твой стиль, — улыбнулся Эет. — Идём!

Хранитель прикоснулся к дверям, сияющим, как водопад под солнцем — и, заструившись, те пропали, открывая вход.

Друзья вошли в полутёмный зал, освещённый мерцанием кристаллов.

Большую часть полок тут занимали излучавшие белёсое свечение чёрные прозрачные минералы — кристаллы магии Смерти. Лишь в дальнем углу дрожало разноцветное пятно: то смешивался свет других магических камней: магии Огня, магии Воды и магии Жизни. Последние применялись также для магии Воздуха...

Шаги Эета гулко разносились по залу.

Молодой маг остановился напротив дальнего стеллажа, окунувшись в переливающийся свет: нежно-голубой сменялся алым и тут же — серебристым, как падающий снег... Камни словно дышали, и порой их световые волны смешивались, создавая непередаваемые цвета.

Над лазурными кристаллами магии Жизни танцевали крохотные искры, похожие на блики солнца.

Кристаллы Воды походили на затянутое инеем стекло, а алый минерал Огня таил в глубине золотое жаркое полыхание. Над его друзами воздух струился маревом, как в знойный полдень.

Прежде чем дотронуться до одного из камней Жизни, Эет натянул на руки защитные перчатки: они лежали тут же, на полке.

Отзываясь на прикосновение, кристалл начал разгораться внутренним светом, бело-золотым. Эет даже сквозь волшебную ткань ощутил тепло: оно было ласковым и добрым. Вероятно, будь Эет живым, он почувствовал бы камень именно таким — но в незащищённых руках.

А как бы сейчас состоялось их знакомство без посредства перчаток, думать не хотелось.

Вспоминая создание Жезла, Эет прикрыл глаза, стараясь дышать в такт мерцанию камня, окутывая его потоком своих намерений... Он должен помочь ребёнку. Он обязан его вылечить. Он никогда прежде не пользовался магией Жизни...

Кристалл сиял всё ярче.

"Мне кажется, он тебя признал", — заметил Вирлисс.

— Мне тоже, — одними губами шепнул Эет. — Он станет меня слушаться. Будь другом, принеси Жезл.

"О Мортис, ну какой ты рассеянный! А мне ведь обратно пёхом переть: Жезл ведь не сможет со мной дематериализоваться", — шутливо посетовал Вирлисс, прежде чем растаять туманным облачком. Минут через пять он вошёл через двери, держа в зубах магический скипетр Эета — без кристалла.

Юноша аккуратно раскрыл гнездо и вставил туда волшебный камень.

— Я его у себя оставлю, — заметил он Виру. — Вместе с защитными перчатками.

"Не боишься, что как-нибудь случайно в ящике наткнёшься ладошкой?" — ехидно хмыкнул Вир.

— Обижает! Я его в коробочку положу, — парировал Эет.

Вирлисс рассмеялся.

— Не хочется приручённый камень терять, — пояснил юноша.

"Так это понятно..."

— Я потом попробую из него друзу вырастить. Представляешь? Сразу — ручную друзу!

И можно будет боевые заклятья магии Воздуха изучать...

Белый тигр согласно кивнул.

"Как вырастишь, я тоже ими займусь... но ты не забыл, что в первую очередь этот кристалл тебе может понадобиться в обряде трансформации?"

— Я помню. А ещё я помню, что мне нужно найти объединяющее поле.

"Магия Огня или Воды", — Вирлисс дёрнул ухом.

— Оххх, не знаю, Вир... Видишь ли, до меня никто из магов и жрецов подобного эксперимента не проводил. Как правило, объединялись поля Огня и Воды — либо посредством магии Жизни, либо посредством магии Смерти...

"...чтобы создать сильное заклятие Созидания или Разрушения, — кивнул Вир. — Я знаю теорию Гершаха. У нас цель иного порядка, но принцип-то использовать можно. По крайней мере, взять за основу расчётные формулы. Что касается стихийного поля... Мне кажется, особой разницы нет, Эт. Что Огонь, что Вода сами по себе нейтральны и могут нести либо жизнь, либо смерть. Огонь, пожалуй, более агрессивен. Остановись на Воде".

Эт задумчиво нахмурился, размышляя над словами друга.

— Пожалуй, ты прав... — произнёс он наконец. — Давай остановимся на Воде.

Так, обмениваясь соображениями о предстоящей трансформации, друзья дошли до домашней библиотеки Эета, где дожидался Гимильк.

Мальчик поднялся навстречу вошедшему хозяину. Бледный, губы трясутся, но держаться старается спокойно.

Заметив Снежка, Гими невольно улыбнулся.

— Привет, — шепнул он, и тигр, подойдя, потёрся о паренька, совсем по-кошачьи.

— Положи руку на стол, — велел Эт.

Он накрыл перелом ладонью и тихо выдохнул заклятие обезболивания. В его основе лежала магия Смерти — правда, не сильная — и потому магу не потребовался Жезл.

— Больно? — закончив, спросил юноша.

Гими помотал головой.

— Это всё, господин мой? — с надеждой спросил мальчуган.

Эт невольно улыбнулся:

— Нет, малыш, мы только начали...

Он ощупал сломанное запястье и аккуратно сложил вместе кости. Где же тот осколок, что передавил сосуд? Юноша надеялся, что магия Жизни восстановит всё, как нужно.

Теперь — Жезл.

Эт снова надел защитные перчатки.

— Снежок, встань рядом, — подозвал он Вира.

И тихо произнёс заклятье Щита Смерти.

Это было одно из тайных заклятий, известных лишь жрецам: оно защищало немёртвых от воздействия магии Жизни — правда, до первого сильного заклинания. Простые Щит мог выдерживать довольно долго.

Человека и зверя окутал шар призрачного зеленоватого свечения и, померцав, исчез. Гими смотрел на это, распахнув от изумления рот.

Эт взял в руки Жезл с сияющим голубым камнем, по которому струились волны ослепительного бело-золотого света, и простёр буковый скипетр над рукой мальчишки.

И произнёс заклятие Исцеления.

По телу прокатилась волна тепла, и Эт невольно глотнул воздух. К горлу плеснулась

тошнота, но быстро прошла.

А Гими смотрел на свою руку — абсолютно здоровую — и улыбался от уха до уха.

— Ты... Как мне благодарить тебя, господин мой?

— Ты шину-то сними, — усмехнулся Эет, доставая кристалл Жизни из Жезла и заменяя на привычный тёмный камень. И, пока сияющий мальчуган деловито отматывал от запястья дощечку, подыскал на полке подходящую коробочку, куда и спрятал голубой солнечный минерал.

И с облегчением стащил перчатки с рук.

— Ну, что ж, — с улыбкой глянул он на мальчика. — Я понаблюдаю за тобой ещё денька три, вы с Локом отдохнёте и придёте в себя... а потом Снежок проводит вас к лагерю.

Гими с благодарностью поклонился.

...Вечером Эет стоял на балконе Верхнего храма и смотрел, как зажигаются звёзды в темнеющем небе. Щёки пощипывало от мороза, и стояла несказанная тишина.

Сзади послышался какой-то шорох. Эет обернулся и увидел Лока. Рыжий мальчишка прислонился к колонне и внимательно глядел на хозяина Храма.

Эет улыбнулся.

— Привет. Не мёрзнешь?

— Здравствуй, — просто ответил Лок. — Не мёрзну.

— А где твой друг?

— Спит.

— А ты что не спишь?

— Не хочу.

— Ты очень сильный, Лок...

— Да не очень, — невесело хмыкнул мальчик и, подойдя, облокотился о парапет.

— Ну, как же нет? — улыбнулся Эет. — Ты...

— У всех есть свои слабости, маг, — тихо и серьёзно, как взрослый ребёнку, ответил Локи. — Вот ты, например, не можешь оставить это место.

— С чего ты взял? — вздрогнул Эет.

— А ты бы торчал тут в одиночестве, если бы мог? — ответил вопросом Локи.

— А может, мне тут нравится!

— Может, и нравится, — пожал плечами мальчик. — Вид отсюда великолепный, да... Не приелся за сотню лет?

— Почему... за сотню?

— Так ведь Аталанд больше века как погиб.

— По-твоему, я... Я тут с тех самых пор? — Эет пытался улыбнуться, но получалось не очень.

— А скажешь, нет? — насмешливо осведомился Локи. — И где ж следы обитания твоих родителей и друзей, которые, конечно, все скопом недавно умерли и оставили тебя одного? И ты, конечно, при всей своей крутой магии ничего не смог поделывать. Вот так. Все сразу.

— Ну... — Эет не знал, что сказать. — Ты умный мальчик.

— Аж самому тошно... — вздохнул Локи, не глядя на Эета. — У тебя когда-нибудь были дети, маг?

— Нет. — Юноша положил руку на плечо парнишки, взъерошил капризные волосы. — Ты тоскуешь по семье?

— Как тебе сказать... Мне никогда не давали обрести... настоящую семью. Моя мать, Лаувейя, она вышла замуж против воли своих родственников. Зато по любви, — Локи невесело усмехнулся. — Я отца смутно помню. Был совсем маленьким, когда он погиб. А может, ему помогли... погибнуть, — тихо добавил он. — А там, где мы жили... Думаю, мама не смогла бы там выжить одна, да ещё с маленьким ребёнком. Вот она и вернулась. К родному очагу. — Локи вздохнул и опустил голову. — Иногда я думаю, что, может, и лучше было бы, если бы мы с ней погибли вместе, там, на моей родине. На родине моего отца... Она сама вскоре умерла, а я остался на доброго дядюшку. Впрочем, какой он мне дядюшка... — Локи поморщился. — Он позволил ей умереть. Если сам не постарался. Ненавижу... — процедил мальчик сквозь зубы. — А потом... Локи — то, Локи — сё! А пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что... И помоги здесь, помоги там... И помни своё место, рыжий выродок! Ублюдок ётуна, всех нас однажды погубишь... Вот я и подумал — а может, и в самом деле, однажды? А?..

Эт молчал. Да и что тут скажешь? Разве он сам не мечтает свести счёты с убийцами своей матери, с убийцами всего своего народа? И какое имеет значение, что они боги? Другое дело, что слышать такие слова из уст одиннадцатилетнего ребёнка... ужасно.

— Ты уверен, что правильно рассудил, Лок? — осторожно спросил немёртвый. — Что твой дядя...

— Он мне не дядя. Это я так, чтоб понятно было...

— Ну хорошо. Родственник, приютивший вас с мамой... Ты уверен, что он виноват в смерти твоих родителей? Зачем это ему? Пойми меня правильно. Просто дети... не всегда объективны. И часто не знают...

Локи рассмеялся, не дав Эту закончить.

— Такой умненький, аж плакать хочется! Знаешь, что? Есть у нас на севере легенда. Жил один конунг, был у него сын, Амлетом звали. Потом конунг дуба дал, а его брат, в обход сына, власть прибрал в свои руки. А сын... сын подозревал, конечно, что дядя бату прихлопнул, а доказательств не было. Просто жопой чуял — уж извини за мою высокую речь скальда — что дядины уши из этого дерьма торчат. И что? И стал этот Амлет под дурачка косить... На забор заберётся, петухом запоёт... При гостях какую выходку отмочит... И когда дядя решил, что племянник не опасен, идиот убогий... Вот тогда Амлет его и сумел прирезать. Без доказательств, что характерно. А если бы он рассуждал да в прочие "быть или не быть" пускался... — Локи замолчал, пожав плечами.

Эт вздохнул.

— Я не берусь тебя учить, но...

— А и не берись. И вот о чём ещё... подумай. Если бы у тебя были дети... и твой дядя...

— Локи, какие дети? — юноша улыбнулся. — Тебе сколько лет?

Локи поморщился.

— Ну, был в доме у дяди ещё один... приживал. По молодости с одной ведьмой спутался, и родились у них детишки... Трое. И то ли потому что ведьмы не могут от нас подобных нормальных детей иметь, то ли ещё почему... ну, страшненькие они были. Только папа... то ли идиот редкостный, то ли, вроде меня, всегда о нормальной семье мечтал... Ну вот не смог он эту тройню расчудесную бросить! Правда, приволочь их, как мама меня когда-то, к нашему доброму дяде... не решился. Думал, пусть с матерью живут, никому не мешают. А он бы их навещал, помогал... Ухитрялся бы, как-нибудь, незаметно... Только дядя узнал. И сам явился. Добрый он! Аж зубы сводит, какой добрый! Забрал всех троих

и... — Локи губы закусил, и струйка крови потекла по подбородку. — Одного ребёнка на цепь посадил, как дикого зверя[1], второго... ну, как бы тебе объяснить... в ров вокруг своей крепости. Нет, не утопил. Посадил. Вот так и сидит до сих пор[2]. И девочка ещё была... Хель[3]... - в голосе Лока проскользнула нежность и горечь. — Старшая. Девочку эту добрый дядя в самый тёмный и холодный подвал засунул, да ещё и пошутил: типа, вот ей какие владения! Пусть радуется. Правда, папочка Хель припомнил дядюшке его остроумие... В тот же подвал спустил самого его разлюбимого отпрыска[4]. И обратно не выпустил. Так он там компанию Хель и составляет, — Локи зло усмехнулся, и его губы приподнялись в оскале, как у хищного лиса. — А что со злого дурака возьмёшь? Делает пакости — так ведь и сам не понимает, зачем и с чего! Характер у него такой.

У Эета от смеха Локи по спине побежали мурашки.

— И что говорить дальше?.. Сидят все трое у дяди, у папы руки связаны. И прибил бы дядю... — Лок скрипнул зубами.

Эет не находил слов.

— А... что с их матерью... стало? — тихо спросил он.

По лицу Лока пробежала тень.

— Что стало, что стало... Дядя мне не говорил. А только с тех пор никто её не видел и никто о ней не слышал.

Эет молчал.

— Д-да-а... Дядюшка у тебя, прямо скажем... — протянул он, наконец. — Тут поверишь, что он твою маму на тот свет спровадил... И что... малыши эти... так и?..

— Так и! — отрезал Локи. — Что ж, дядя умеет врагов наживать. Однажды эти трое всё ему вспомнят! И папа в стороне не останется...

— Видимо, ты этому парню очень сочувствуешь, — нерешительно заметил Эет.

— Как самому себе! — со странной издёвкой ответил Локи. И, помолчав, хмуро добавил: — Так что ты имей в виду... Приказывает дядя ему подчас разные... проделки совершать. Обмануть кого, что украсть и прочие милые шалости, на которые самому ума не хватит. Так вот тот парень и старается. Из-за детей, которые в полной власти у этого... добряка. Но ведь он тоже не дурак... иной раз так извернётся, бывало, что и приказ вроде выполнил, а дядя сидит несолоно хлебавши, и проблем у него — полон рот, — Локи невесело усмехнулся. — Так что ты, Эет, если что... ты не дёргайся. Раньше времени.

— Ты о чём? — почти беззвучно выдохнул юноша.

— Поймёшь, может быть, — улыбнулся рыжий мальчишка.

— Что ж! — решив не забивать себе голову странностями, Эет хлопнул паренька по плечу. — Радуйся, что избавился от дяди. Теперь у тебя друг есть, Гимильк...

— Ага. Хозяин, — хмыкнул Лок. — Я ж сбежал, ты забыл?

— Не хочешь возвращаться? — вскинул брови Эет.

— Не "не хочу", а просто-напросто не вернусь, — ответил Локи. — Правда, Гими, конечно, провожу...

Хранитель Храма вздохнул.

— Лок... Если на то пошло... Ты можешь оставаться в Храме. Я же не злодей какой. Просто есть одно обстоятельство... Я тебе много куда разрешу ходить... пожалуй, везде, кроме одной лестницы. И... Вир мне голову отвернёт, конечно, но ты же не станешь Гимилька пугать?.. Снежок на самом деле не...

— Пока не говори, Эет! — прервал его Локи. — Я подумаю.

Молодой человек вскинул брови.

— Подумаешь?.. Ты что, в лесу предпочтёшь жить?

Лок рассмеялся и запрокинул голову, снизу вверх глядя на юношу. Глаза его мягко отражали огоньки звёзд... во всяком случае, в них лучились серебристые искорки.

— Добрый ты. Добрый и наивный, как ребёнок. Вот и слушай после этого страшные истории о злобных живых мертвецах! Да и где вам с другом опыта-то житейского набраться, если вы безвылазно в Храме своём сидите и магию одну изучаете? — рассмеялся он. И добродушно посоветовал: — Рот-то закрой. Знаю я. Гими не скажу, нет... А напоследок выслушай такую историю... о моём дяде. И помни, что тому парню, о котором я тебе говорил, союзники нужны. И тебе они тоже нужны, если хочешь выполнить задуманное.

— А...

— А вот тебе и история о дяде. Коротенькая. Любит он одну красавицу. Любит до безумия, всё ей прощает! На что угодно пойдёт за её взгляд. Хотя... с женой не разводится. Жену тоже любит... — Локи усмехнулся. — Вот такой он... любвеобильный. Ну, да не о том сказ. Красавица от него куда глаза глядят готова была... даже не побоялась к лютому его врагу сбежать... якобы, шпионить... а как по мне — лишь бы от приставаний спастись. И вот... слушай меня внимательно, Эет... всё она сделала, чтобы прежнюю жизнь забыть. И красоту свою неземную спрятала даже... И случилось так, что у врагов встретила она сильного и благородного юношу. И полюбила его всей душой. А он её полюбил. Вот так, без красоты неземной. И угадай, что дальше случилось?

— Дядя? — усмехнулся Эет.

— Ну, натурально, — скривился Лок. — Куда ж без него... Пошёл войной на врагов, разбил, девушку за косы — и домой... А только что-то не заладилось дальше у него. Раскрасавица-то посылает — причём не как раньше, намёками... а открытым текстом. Стал дядя узнавать разными путями, что и как... И узнал. Что любовь у неё появилась. Вот тогда и решил... словить соперника, пакость какую над ним умудрить, помучить, прикончить... и потом его голову девушке принести: любуйся! Может, и полюбишь меня теперь, душа-девица?..

— Он у вас что... совсем того? — ахнул Эет.

— Да не секрет! — устало отмахнулся Локи. — А где искать парня-то? Вот и призывает наш дядя того хитреца, детей которого в плену держит... И говорит: как хошь изворачивайся, а хоть из-под земли достань моего соперника и поймай его! Так и сказал: найди и поймай.

— И?..

— И что? Найти он его нашёл... поймать — пока не поймал. Вот и всё, что знаю. А вот скажи мне, Эет, — прищурился вдруг Локи. — Что бы ты на месте этого нежного папаши делал?

— В союзники бы влюблённого парня взял, — сразу ответил Эет. — Если тот действительно любит девушку... Они могли бы вдвоём что-нибудь придумать, разве не так? Её бы спасли и детей...

Локи подмигнул и хлопнул Эета по плечу.

— Вот и наш герой рассудил так же! А что дальше будет — поглядим.

Эет задумчиво смотрел на мальчика.

— Станный ты, Локи, но... — он присел на корточки и посмотрел прямо в глаза Лока. Казалось, они вмещают всю скорбь мира. Не детские глаза. И, повинувшись необъяснимому порыву, юноша обнял это истрадавшееся, измученное существо. — Локи, оставайся, —

прошептал он. — И, обещаю: у тебя будет семья!

Лок рассмеялся. Немного истерически, как показалось Эту. Плечи его не расслабились.

— Спасибо, — невесело ответил наконец мальчик. — Я б остался, но... — Он опустил голову, а потом резко вскинул и прямо посмотрел в глаза Эета. — Я вернусь, — сказал вдруг он. — Если смогу. Моему дяде было предсказано, что однажды поплывёт корабль из страны мёртвых, и я поведу его. И вот тогда настанет им всем большой трындец! — мальчишка рассмеялся, тряхнув рыжими прядями. — Словом, на месте дяди я, зная об этом предсказании, держал бы одну рыжую бестию от Аталанда подальше... А вы бы пока продолжали магию изучать.

Мальчик мягко отстранился и пошёл прочь, к колоннам Верхнего храма.

— Лок... — растерянно окликнул Эет.

Локи обернулся и посмотрел на молодого мага. Взгляд его переполняли усталость и боль.

— Не допусти тебе Мортис пережить всё то, что довелось мне, — вздохнул он и оставил хранителя Храма одного.

Глава XVI

Охота на Белого Тигра

Эет

Хранитель Храма стоял в коридоре напротив двери Вирлисса и чутко прислушивался к ночной тишине. Из комнат мальчишек доносилось тихое сонное дыхание, внятное лишь чуткому слуху немёртвого, да красный отсвет пламени с алтаря ложился на плиты коридора. Ночь наполнял покой — но Эет почему-то испытывал тревогу.

Разговор с рыжим мальчишкой практически перевернул представления мага о реальности. Или дети немислимо изменились за сто лет, или этот ребёнок — не простой ребёнок.

— Вир! — тихо позвал юноша. — Вир, ты не спишь? К тебе можно?

Тишина.

— Вир!

Наконец с той стороны послышалось какое-то движение, двери распахнулись — и перед Эетом предстал сонный Вирлисс с раскиданными по плечам серебристыми волосами.

И в безукоризненной бордовой рубашке с чёрными брюками.

Эет невольно улыбнулся, мысленно возблагодарив богиню, что Вир — призрак. Будь Белый Тигр материальным существом, которому нужна настоящая одежда, на пороге могли продержаться и дольше.

— Сами не спим и другим не даём? — с изысканной язвительностью осведомился вампир. — Что случилось?

— Ты меняпустишь или через порог будем разговаривать? — кротко поинтересовался Эет.

Он всегда с удовольствием заходил в комнату друга, наслаждаясь тонкой атмосферой роскоши и уюта, которую умел создавать Вирлисс. Воздушные занавеси под бордовым бархатом штор, кровать под балдахином с белоснежными стойками, книжные полки с

великолепной подборкой самой лучшей литературы, от классиков поэзии, прозы и драматургии до мэтров философии, на полу шкура белого оленя — надо полагать, потому что Вир не сумел отыскать белого тигра — и картины на стенах.

Картины писали оба, и Вир, и Эт. Как правило, морские пейзажи. Но иногда — портреты.

Вирлисс посторонился.

— Ну? — заперев дверь, спросил он и скрестил руки на груди.

Эт вздохнул, немного расслабившись. Взгляд скользнул по портрету Фрери, стоявшему на столе, в свете ночника.

— Эт, — вздохнул Вирлисс и движением головы отбросил волосы за спину. — Ты сюда пришёл интерьером любоваться? Или, — он перехватил взгляд друга, — Фрери?

— Ага, — невольно улыбнулся Эт. — Понимаешь, потянуло со страшной силой.

Вирлисс сел на кровать.

— Эт, я тебя слушаю. Что случилось?

— Не знаю, — коротко ответил юноша. — Ничего.

— Тогда сядь, — Вир пожал плечами. — Вина хочешь? Или чаю принести?

Эт со свистом втянул в себя воздух и, вместо того, чтобы сесть, сделал круг по комнате. Разговор с Локом не давал покоя.

— Что... — начал было Эт — и замолчал.

Лок не выдал Гими ни одной тайны обитателей Храма. И тем самым словно обязал самого Эта молчать...

— Что? — спросил Вирлисс.

— Ничего, — через силу вытолкнул Эт. — Прости, что я тебя потревожил.

Он повернулся и медленно пошёл к выходу, сейчас как никогда похожий на зомби. Даже налетел на стойку балдахина.

— Эт! — Вирлисс вскочил.

Молодой человек остановился и через силу обернулся к Вирлиссу.

Вир с тревогой всматривался в его лицо, ставшее вдруг таким измученным. Так Эт выглядел, лишь когда считал себя виноватым перед ним.

— Эт, что бы там ни было, забей! — как можно беспечнее улыбнулся призрак. — Все проблемы обычно существуют только в твоей голове.

— Нет, — вытолкнул Эт. — Просто...

— Просто что? — вампир взял друга за руку и почти силком усадил на табурет. А сам присел рядом на корточки, пытаясь поймать взгляд светлых глаз, синих, как полуденное море.

— А я Локу предложил у нас остаться, — вдруг выдал Эт.

Вирлисс не сумел скрыть удивления.

— Ну... — пробормотал он наконец. — Предложил так предложил. И что он ответил?

— Что подумает.

Вирлисс невольно рассмеялся.

— Да уж... Действительно, странный мальчишка. Занятный. Ну и дальше-то что?

— Ничего... — прошептал Эт. — Много о себе рассказал... А я не могу тебе...

— И это тебя терзает? — Вир расхохотался уже в голос, запрокидывая голову. — Мортис!.. Что же ты за существо-то такое? Не можешь — и правильно. Лок тебе открывался не затем, чтобы ты направо и налево... Если он захочет что-то мне рассказать, то сам это

сделает.

— У меня... такое ощущение... что я предаю твоё доверие, — почти беззвучно признался Эет. — А почему — и сам не знаю...

— А у меня ощущение, что тебе надо лечиться. Жаль, не у кого! — хмыкнул Вир, показав клыки. — У тебя уже крыша едет.

Зомби попробовал улыбнуться. Тревога отступала...

За окном тихо падал снег, в стекле дрожало отражение танцующего огонька светильника... И мягкие отблески золотили портрет кареглазой девушки...

— Даже и не подумать, что она была богиней, — почти беззвучно заметил Эет.

Вирлисс вздохнул и поднялся. Лицо его омрачилось.

— Сказки заканчиваются, — тихо произнёс он странную фразу, не отрывая глаз от картины.

— О чём ты?

Вирлисс пожал плечами.

— Понимаешь, Эт... — медленно заговорил он. — Иногда я задаю себе вопрос... есть ли на свете девушка, которую я люблю? Или то уже мечта о любви? Прошло столько лет... я изменился... Возможно, изменилась она. Там, в Асгарде... Иной раз... Эт, я ловлю себя на том, что боюсь встречи!

— Ты разлюбил её? — прошептал Эет.

Ему почему-то стало жутко.

То чувство, что горело в нём, любовь к Госпоже, словно стало неким маяком. Оно согревало в леденящие минуты отчаяния, дарило силы, когда их, казалось, уже неоткуда было черпать, вело и направляло... и сама мысль, что можно лишиться этого внутреннего огня, повергала в ужас.

Вир криво улыбнулся.

— На тебе Заклятье, Эт, — ответил он. — Ты не сможешь разлюбить Ринн... а главное — не захочешь. А я...

— Ты?

— Я люблю Фрери. Но я начинаю сомневаться, что люблю живую девушку, а не собственную мечту. Я люблю Фрери, а не Фрейю. Я не знаю Фрейи... Понимаешь?

— Нет.

Вирлисс закусил губы.

— Меня мотает, Эт! — почти со злостью воскликнул он. — Всё, что было между нами — оно действительно было. Но мы — это по-прежнему мы?

— Ты — да, — твёрдо ответил Эет. — А она тем более, потому что ей не с чего меняться. Она мертва. Мертвее нас с тобой.

— Она богиня, а я просто немёртвый, — тихо ответил Вир, отворачиваясь. — Она в Асгарде. И кто знает...

— Я не знаю. И ты не знаешь. Ты любишь её?

— Эт...

Эет встал и, ни слова не говоря, забрал со стола Вирлисса портрет Фрей.

— Думаю, он тебе не нужен, — только и сказал юноша. — Не мучай себя. Разлюбить — не преступление.

— Эт! — Вир распахнул глаза, и в них боль смешивалась с недоумением. — Эт, поставь!..

— Спокойной ночи, — Эет, не говоря более ни слова, вышел из комнаты друга.

Вирлисс потерянно смотрел на осиротевший стол. В душе царила полная пустота, словно вместе с Эетом из комнаты ушла Фрери.

Чувства накатили с такой силой, что Вир, не помня себя, вылетел в коридор.

— Эт! — он заколотил в комнату друга. — Эт, верни!.. — кричал он, забыв о спящих мальчишках. — Верни мне её!.. Эт, будь человеком!..

Эет не открывал.

Коротко взыв, Вирлисс развоплотился и прошёл сквозь двери.

Эет стоял к нему спиной и смотрел на падающий за окном снег.

— Отдай!

— Ты что-то для себя решил? — обернувшись, холодно осведомился золотоволосый юноша.

— Что тебе башку мало свернуть! — рывкнул Вирлисс, пытаясь выдрать у Эета из рук картину. — Психолог доморощенный выискался! Не смей её больше трогать!..

— Тогда больше не говори того, что я сегодня слышал, — ответил зомби, выпуская портрет.

— Придурок! — фыркнул Вирлисс, хлопая дверью.

Эет рассмеялся, глядя ему вслед.

Гими

Гими, задыхаясь, отпрянул от замочной скважины. Он проснулся от криков и стука в коридоре, но выглянуть не посмел. И сейчас увидел, как из комнаты Эхета, словно ошпаренный, вылетел незнакомец и скрылся в дверях напротив, хлопнув ими так, что эхо прокатилось по всему коридору.

Сперва Гими подумал, что это сам Эхет — хотя зачем ему было колотиться в собственную спальню? — но в полоске света, выбившейся наружу в краткий миг, когда открывались двери, мальчик успел заметить, что волосы у человека не золотистые, а...

Гими сглотнул.

Он никогда не видел людей с такими волосами.

Сердце прыгало в горле. Губы пересохли от страха.

Наконец, решившись, мальчишка выскользнул в коридор и постучал в комнату Лока.

— Лок! Лок, ты спишь? — зашептал он.

Замок щёлкнул, и в приоткрывшейся щели возникло остренькое личико рыжего мальчишки.

— Ну? Чего орёшь?

— Я не ору... — растерялся Гими. Лок, не вступая в препирательства, втянул друга в тёмную спальню. — Это не я орал... Ты тоже от криков проснулся?

— Проснёшься тут, — буркнул Локи. — Уснуть не успел!

— Лок, кто живёт у тебя за стенкой?

— Никто не живёт, — снова буркнул Лок, отходя к окну. Снег перестал, выглянула луна, и её голубой свет ярко сиял на рыжих волосах мальчишки.

— Ну, не за стенкой. А через комнату? Ближе к залу!

— Никто не живёт! — чуть раздражённой ответил Лок.

— Но я только что видел, как туда зашёл человек! — сверкнул глазами Гимильк. — Это

он сейчас на весь коридор кричал.

Лок вздохнул.

— Гими, Эет ведь предупреждал, чтобы ты не совался, куда не просят. Наверное, сам хозяин бродит?

— У Эхета волосы золотистые. А у этого...

— У этого?.. — широко ухмыльнулся Лок.

— Серебристые, — прошептал Гимильк.

— Седые, что ли?

— Сам ты "седые"! Серебристые, клянусь Баалом!

— А разница-то в чём? — зевнул Локи.

Гими сжал кулаки.

— Ты Снежка видел?

— Так он белый, — хмыкнул Лок.

— Именно! Не скажешь же, что седой!

Локи вздохнул.

— Слушай, Гимильк, ложился бы ты спать...

Гими стоял с открытым ртом и смотрел в одну точку.

— Локи... — выдохнул он. — Так это же... Снежок!

Лок вопросительно вскинул брови.

— Снежок умеет принимать человеческий облик!

Лок молчал.

— Ну, что ты скажешь? — не вытерпел Гимильк.

— Идём!

Локи схватил Гими за руку и вытянул в коридор.

— Какая дверь?

— Напротив... Напротив спальни Эхета, — шепнул срывающимся голосом Гими. Во рту слюна пересохла, так было страшно.

Лок приник ухом к тёмным доскам.

— Что там? — шепнул Гими.

— Кто-то ходит, — кивнул Локи. — Вот не спится, а! — покачал он головой.

— Услышат... Ты бы потише...

— Нет, — усмехнулся мальчишка. — Пока я не захочу, никто нас не услышит, горе моё.

Гими захлопал глазами от такой странной уверенности.

— Идём... — несмело потянул он друга за рукав. — Идём, страшно!

— Что, уже передумал Снежка в человеческом облике смотреть?

— Что он тебе, мистерия, чтобы его смотреть? — рассердился Гимильк. — Сейчас как Эхет выйдет...

— Даже если выйдет, не увидит, — со странной усмешкой ответил Локи, и Гими отпрянул. В выражении глаз друга ему почудилось что-то недоброе.

— Лок... это ты? — прошептал он.

— Я это, я, — хмыкнул приятель. — Не трусь! Ладно, что под дверями стоять? Если боишься в чужие тайны влезать, нефиг бегать, домыслы строить и другим мешать спать!

Он повернулся и пошёл прочь. Гими кинулся следом.

— Лок! Ну что ты... Я же... я же просто предположил...

— Даже если ты прав и это Снежок, он не хочет показываться нам в человеческом

облике. А если не хочет, что лезть?

Они вошли в спальню северянина.

— Просто... просто это так... так удивительно! — смущённо улыбнулся Гимильк. — Белый тигр, который...

— А хочешь, — Лок, озорно сверкнув глазами, сел на постели, подогнув под себя ногу. — Хочешь, я его поймаю для тебя? И ты его на своём корабле увезёшь в Сидон. Хочешь?

Гими ошеломлённо захлопал глазами.

— Как... поймаешь?

— В клетку посажу, — пожал плечами Локи. — И будет у тебя время проверить, в кого он там превращается.

— Зачем... в клетку?

Локи вздохнул.

— Чтобы увезти в Сидон.

— Но... ты же не сможешь!

— Я? — оскорблённо хмыкнул мальчишка.

— И Эхет обидится. Снежок ведь его зверь. Вызволять его пойдёт. А мы раньше веснь отплыть не сможем!

— Сдаётся мне, оттепель приближается, — глядя в окно, вздохнул Локи. — Пока добираемся до лагеря, корабль как миленький оттаёт. И твой отец, увидев такой ценный трофей, да узнав, что ты его украл у могущественного мага... отплывёт твой отец! Особенно чтобы тебя во искушение не вводить, снова по острову погулять. А море будет спокойное, как летом... и не с руки Ахираму на острове сидеть, товары гноить... отплывёт он!

— Нехорошо это! — замотал головой Гимильк. — Эхет и Снежок помогли нам, а мы...

Локи пожал плечами.

— Ты прав, плохо. — И, широко улыбнувшись, обернулся к приятелю. — Что ж, не хочешь как хочешь! Иди спать.

Гими, повесив голову, поплёлся к себе. Мальчик думал, что не уснёт, но, против ожидания, провалился в сон, как только укрылся одеялом.

Дни пролетали незаметно. Хозяин Храма с радостью составлял мальчишкам компанию в зале. Он садился возле дымящейся камины, у его ног ложился белый тигр, гости пристраивались напротив за чашками душистого чая — и начинались рассказы об Атариде.

О Кораблях, что не знали преград и не боялись штормов, о драконах, о магии...

Иногда Эхет показывал фокусы: диковинных птиц, превращавшихся на глазах в небывалые цветы, перекидывал наряды Гимилька и Лока в платья, что под стать царям — а то сказочным героям. Гими слов не хватало, чтобы выразить восторг, а Локи только хмыкал, и глаза его смеялись...

Иной раз он тоже начинал рассказывать легенды — только всё о богах. Рассказывал, как сражались ваны и асы, как заключён был между ними мир, как отправили ваны в Валгаллу послами — а не то заложниками — Фрейра и Фрейю с отцом их Ньёрдом...

— А и прекрасны были эти брат с сестрой! — улыбаясь, говорил Лок. — Благой Фрейр, бог солнечного света, и сестра его, подательница жизни, Фрейя... Долго ли, коротко ли, нашёл себе Фрейр по сердцу девушку, Герд её звали, и повелевала она всеми реками, озёрами и водопадами в своей стране. Правда, не богиня была Герд, и долго не мог Фрейр решиться сочетаться с ней законным браком, но в конце концов преодолел свои колебания.

Да и отец его в Асгарде встретил свою суженую, Скади её звали... Из того же народа она происходила, что и Герд, из Ётунхейма обе... Из суровой снежной страны инистых демонов.

А вот Фрейя всё никак не могла свою судьбу встретить. Может, разборчивая слишком оказалась дочь Ванахейма? Самого Одина отвергла!

Эхет слушал внимательно, как будто Лок не сказки рассказывал, а невесть какое откровение излагал, а Снежок и подавно: замрёт — и шерстинка не шелохнётся! Весь в слух превращается...

Только Локи долго о ванах не распространялся. Больше говорил, как Один себе в жертву приносил сам себя, как на ясене каком-то висел, о девяти мирах...

Гими и помыслить не мог, что варвары такие интересные истории выдумывают!

— А расскажи, как выглядит Фрейя? — спросил вдруг Эхет, переглянувшись с белым тигром.

— Фрю... Фрейя?.. — Лок чему-то усмехнулся. — А изменчивая она, как сама земля. Летом златокудрая, глаза васильковые... Зимой волосы словно инеем подёрнуты... пепельными можно назвать, а глаза светлые, словно вода подо льдом. Весной и осенью кареглазой становится, с волосами каштановыми. Длинные они у неё, пряди выются из кольца в кольцо, сама стройная — глаз не отвести! А ещё говорят, плакать она умеет золотыми слезами. Только не всегда, а лишь по настоящей любви.

Снежок опустил голову, а потом и вовсе мордой в лапы уткнулся...

Той ночью Гими поймал Лока у дверей Эхета. Мальчишка стоял, прикинув ухом к доскам, и слушал негромкие голоса.

— Ты знаешь... я дважды видел их у неё! Дважды!

— Когда на тебя барельеф упал, это я понимаю, — тихо отвечал голос их хозяина. — А когда ещё успел?

— Когда меня Фрейр мечом ударил.

— Ах, ну да... Каких тебе доказательств ещё надо, в таком разе?

Мальчишки переглянулись.

— Вот с кем он там разговаривает, по-твоему? — кусая губы, спросил Гимильк.

— Со Снежком, конечно, — ответил Лок.

— А о ком? — со страхом выдохнул мальчик. — Они Фрейра упомянули.

— Значит, о Фрейре, — хмыкнул рыжий проказник.

— А...

— Сам спроси!

И Лок, не говоря худого слова, распахнул дверь — и втолкнул Гими внутрь.

Эхет, сидевший за столом, вскочил от неожиданности. В комнате никого, кроме него, не было.

— Гимильк?.. Что... что случилось?

Гими в панике обернулся на Лока. Рыжий подлец стоял сзади, прислонившись к стене и скрестив на груди руки.

— Гими голоса слышались через стенку, — пожал Локи плечами. — Меня позвал. А я подумал — чего гадать? Зайти и посмотреть. Ты ж, господин мой, разрешил нам к тебе заходить. В любое время. Если чего испугаемся, — Лок откровенно смеялся.

Эхет нахмурился.

— А стучать вас не учили?

— А мы шибко испугались, — Лок, скроив плаксивую мордочку, захлопал ресницами.

Гими готов был по-настоящему зареветь.

— Как видите, я один, — пожал плечами волшебник.

— Завтра сказки не рассказываем! — хмыкнул Локи. — А то Гими у нас впечатлительный!

— Лок... — Эхет смотрел с укором. — Ну ты же знаешь. Зачем ты так?

— Кто-то пострадал? — резко спросил мальчик. — Зато наш юный дознаватель больше не полезет, куда не просят.

— Лок! — сдавленным от слёз голосом крикнул Гимильк. — Ты предатель!

— Ага, — невозмутимо кивнул Локи. — Предатель. А ещё ублюдок. Давай, обзывайся.

Спорить не стану.

Он повернулся к выходу.

— Лок! — Эхет догнал его, загородил дорогу, обнял за плечи. — Лок, послушай...

— Мы завтра уходим, Эет, — ответил Локи. — Гими себя великолепно чувствует. Пусть

Снежок нас проводит.

— Ты вернёшься?

— Ты хочешь, чтобы я вернулся? — голос рыжего создания дрогнул, или это показалось

Гими?

Эхет кивнул, словно почему-то боялся заговорить.

Лок уже неподдельно моргал, пытаясь сдержать слёзы. Эхет притянул его к себе — и Локи уткнулся лицом в чёрную тунику, обнял Эхета — и плечи его затряслись от глухих всхлипов.

Гими не смел дышать.

— Прости меня... — наконец почти беззвучно выдохнул Локи, отстраняясь. — Я вернусь.

И он вышел из комнаты.

На заре, собрав дорожные мешки, мальчишки стояли в зале Верхнего храма, прощаясь с хозяином. На пороге дожидался белый тигр.

— Эет, — чуть грустно улыбнулся Локи, протягивая магу небольшую толстую книгу. — Возьми. Тут о богах... Тебе интересно будет почитать. И предсказание вельвы тоже есть.

— А... разве я пойму? — улыбнулся юноша, принимая подарок.

— Это на языке Атариды, — добродушно усмехнулся Локи. Эхет приподнял брови.

— Все вопросы — когда я вернусь, — пресекая дальнейшие разговоры, вскинул руку

Лок. — Если они у тебя ещё останутся.

— Ну... хорошо, — кивнул Эхет. — Но вы уж возвращайтесь поскорее со Снежком.

— Как получится, как получится... — невесело улыбнулся Лок. — Но ещё один подарок я тебе обещаю.

С этими словами он повернулся и вышел из Храма.

Эет

Эет долго стоял на ступенях, глядя вслед мальчишкам и Виру. Белое небо роняло хлопья снега на плечи молодого некроманта, на террасы Храма — и засыпало следы на лестнице.

Лес отсюда выглядел необъятным снежным одеялом с тёмными узорами.

Юноша повернулся и медленно зашёл под портик.

Свет дня белой тишиной окутывал Верхний храм, эхо гулко повторяло звук шагов — и

Эт вновь ощутил пронзительное одиночество.

Таким одиноким он не чувствовал себя уже очень давно.

Но ничего! Скоро вернётся Вир, а вместе с ним — эта рыжая невозможная колючка, Локи... Храм вновь наполнится голосами и беготнёй... А пока надо ловить момент. Вряд ли в ближайшее время появится возможность спокойно поработать: такой трудный ребёнок как Лок потребует неусыпного внимания и заботы. А трансформацию никто не отменял.

Тем не менее, в библиотеку идти не хотелось.

Эт медленно подошёл к фреске богини. Пальцы скользнули по изображению.

Единственная женщина, которая делила его сердце с Госпожой.

— Благостная... — прошептал он. — Подательница жизни в смерти, защитница от зла...

Он ни о чём не просил. Просто говорил, что чувствовал.

А после рассказов Лока о других богах чувствовал невероятно остро.

Луч солнца скользнул по лицу богини, заискрился в чёрных глазах...

В чёрных?

Эт взгляделся во фреску.

Под чертами Госпожи, словно камушки под водой, угадывались другие черты: те, с фрески над главным Алтарём.

Эт улыбнулся в ответ.

— Солнечная... — прошептал он. — Госпожа моя...

И словно живая рука под его рукой. Прикосновение пальцев к пальцам.

Эт затаил дыхание.

Глаза в глаза. Ладонь к ладони.

Через грань миров. Через грань реальности.

Хранитель Храма стоял, не смея шелохнуться, не смея разрушить ускользающее чудо — до тех пор, пока свет дня не погас, и синие тени вечера не легли на стены. Лик богини скрылся в неверных бликах пламени камина...

Вздыхнув, будто проснувшись, молодой маг отступил от фрески. Заниматься не хотелось совершенно. Эт вздохнул и пошёл спать.

В конце концов, у него впереди целых десять дней полного одиночества!

Конечно, Вир мог бы вернуться на ночь, но вряд ли он оставит мальчишек одних в лесу, а сам отправится в удобную кровать. Так что надо смириться: десять дней никто не нарушит уединение хранителя.

На следующее утро юноша проснулся в невероятно приподнятом настроении. Энергия била через край. Подумать только: океан свободного времени! И никто не прибежит в самый неподходящий момент с угрозами вытащить из-за книг. За косу. Ради какой-то игры в снежки. Самое время проработать уравнения полярности по формулам Гершаха — сочетания магии Воды с магией Смерти и магией Жизни. Рассчитать их общее значение в стихийном поле, сделать константой, и...

Эт сам не заметил, как пролетел день. Временами он просто поднимал голову и краем сознания отмечал, что солнечный луч падает на постель... полдень. На дверь... два часа дня... На полки с книгами, приобрёл розоватый оттенок — пять часов вечера... В какой-то момент пришлось зажечь светильник. За окном сгустилась темнота, снова пошёл снег.

Эт открыл окно, позволив влажному воздуху наполнить комнату. Эх, сейчас и в самом деле самое время играть в снежки: снег пропитался водой. Оттепель. Какая сильная

оттепель.

А вот уравнение трансформации... если в переменную основного вектора подставить найденное значение поля...

...Юноша поднял голову от рабочей тетради и с удивлением понял, что комнату наполняет голубой сумрак, светильник давно погас, а в небе за окном смутно начинают розоветь облака.

Неужели он заснул над работой?

Эт улыбнулся. Надо же так!

Маг потянулся всем телом и встал из-за стола. И медленно прошёл в Верхний храм. Надо подсыпать благовоний на алтари. Сегодня — обязанности хранителя. Формула трансформации подождёт до вечера. Если бы Вир узнал, как он позволил себе заработать, коса бы точно пострадала. Или уши.

Эт снова негромко рассмеялся.

Он вышел на балкон. Рассвет. Над морем занимался рассвет. Солнце ещё не встало, звёзды медленно гасли. В воздухе пахло талым снегом. Глухо шлёпаясь в колючие мокрые ямки на заснеженных перилах балкона, сверху, с крыши Храма, срывались тяжёлые капли.

Влажный ветер донёс с моря запах соли и йода. Совсем как весной. Неужели и побережье оттаяло? Наверное... Если уж тут, в лесу, капель, то что у воды...

Интересно, успеют ли мальчишки добраться до лагеря? Или купец, не дай Мортис, решит отплыть? Ведь он уж похоронил сына, надо полагать!

Эт покачал головой. Конечно, в Храме хватит места для обоих мальчишек, и Вирлисс прекратит валять дурака, открывшись им... Но всё равно. Лока можно понять, а вот Гимилька было бы жалко...

Что ж, впереди много работы! Три святилища. Это на целый день.

За хозяйственными заботами у юноши едва хватило времени поесть. А под вечер зомби ощутил совсем иной голод. Голод, который известен только нежити и который не спутать ни с чем другим.

Посвятив изысканиям всего полночи, Эт решил лечь пораньше, чтобы с зарёй выйти на охоту.

Следующий день немёртвый провёл в лесу. Ему удалось выследить и убить косулю, и юноша съел её полностью, сырой, помогая себе только ножом для разделки мяса.

Чёрт возьми, если мальчишки вернутся в Храм... пусть даже только Лок... надо отсрочить приближение голода настолько, насколько это возможно. Пусть Локи и понимает, с кем имеет дело, но одно дело понимать, а другое — видеть.

Некоторые вещи не должны происходить при детях. Не должны — и всё тут.

Лишь бы однажды пацан следом на охоту не увязался. Иначе придётся кое-что жёстко объяснять.

Эт съел убитую косулю, не оставив даже костей, хотя обычно довольствовался несколькими кусочками, а остальную часть добычи предпочитал в жареном виде. Но зато теперь голод не проснётся долго.

Умывшись снегом, зомби с удовольствием пошёл знакомыми звериными тропами, наслаждаясь тишиной. Глубокий снег проваливался под ногами, но немёртвый не ведал усталости. Он любовался белым небом, зелёной хвоей под тяжёлыми шапками снега, стёжками следов...

А потом упал в сугроб и, раскинув руки, с улыбкой смотрел ввысь, на размеренно

качающиеся под ветром лапы сосен, на игру белок в ветвях — и расхохотался, когда пушистый зверёк, рассерженно стрекоча, уронил прямо на лицо колючий снежный комок...

Эх, если бы рядом был Вир!

Эет вздохнул. Что поделаешь, сейчас они, наверное, только-только подбираются к лагерю. Наверное, завтра выйдут на побережье. Как-то там мальчуганы? Конечно, всё хорошо; будь иначе, Вирлисс дал бы знать, примчался бы за помощью... Просто...

Просто, оказывается, от одиночества так легко отвыкнуть — и так сложно вновь привыкать к нему...

Чёрт возьми, во что он превратил Храм? Ну ладно, Вирлисс... Вирлисс его спутник и защитник волей самой Мортис. Его присутствие даже намёком не воспринималось как нарушение приказа. Но как ударил приход в Храм мальчишек!

Вирлисс не знал. И не надо ему знать.

Чужаки. От которых Эет обязан хранить Алтарь. И зачем кому-то знать, какая боль выворачивала тело наизнанку, пока Гими лепетал, прося о помощи — там, в Верхнем храме!

Пока Гими не пообещал, что они не станут бродить по коридорам. Не станут спускаться по лестнице.

Вот тогда наступило облегчение... Несчастный зомби в очередной раз нашёл способ обойти приказ своей Госпожи.

Эет невесело улыбнулся.

Ринн... Госпожу зовут Ринн... Почему же он даже в мыслях никогда не называет её по имени? Ведь он же знает его от Вира! Пора прекращать эту порочную практику.

Он любит Го... Ларинну. С этим ничего не поделаешь и ничего тут не изменишь. И он выполняет её приказ... но делает это как-то...

Может, хватит врать самому себе? Он выполняет её приказ так, как считает нужным. Согласно его духу, а не букве. Как мог бы делать лич, а не зомби. И неважно, чего это стоит.

Он — Хранитель Храма, и только ему решать, кого считать чужаками, а кого нет. Ему, а не Заклятью Подчинения!

Скорее бы стать личом и скинуть с плеч этот груз — необходимость выполнять приказы буквально!

Госпожа была бы довольна. Она, решившая принести его в жертву ради спасения людей — она бы поняла желание своего Слуги избежать ненужных жертв.

О Мортис, сможет ли он когда-нибудь встретиться с ней?..

Впрочем, это как раз неважно.

— Госпожа... — слово едва тронуло губы — и они разъехались в широкую счастливую улыбку. Всё равно никто не видит!

"Ларинна..."

— Ларинна!.. — смеясь, крикнул Эет на весь лес.

Белочка, рассерженно заверещав, запустила сверху шишкой.

...Юноша вернулся в Храм уже в полной темноте. Вскипятив чайник, взял терракотовую чашку и удалился в спальню. Хотелось отдохнуть и расслабиться.

За окном опять валил снег, и, кажется, начал подниматься ветер. Оттепель заканчивалась. Эх, морозец прихватит — знатный получится наст. В самый раз кататься с горок в лесу.

Подумав об этом, Эет поймал себя на мысли, что не может дождаться возвращения Вира с Локом. Он точно забросит дела на несколько дней! И повеселится с друзьями...

Эет расплёл косу, дав голове отдых. Что ж, самое время почитать книжку, подаренную Локи. И расслабится, и получит информацию о противнике. Приятное с полезным...

Юноша завернулся в тёплый плед и пристроился на постели, удобно положив книгу на коленях.

Мирно шелестя, переворачивались страницы. Судя по всему, Локи дал ему запись мифов — как их рассказывали на Севере. Какова в них доля правды, ещё предстояло выяснить.

Один... Тор... Жена его, златокудрая Сив... Прекрасный и справедливый Бальдр и...

Эет нахмурился, отказываясь понимать. Отказываясь верить глазам.

...и Локи...

Локи, сын... Лаувейи...

Юноша облизнул пересохшие внезапно губы.

Как же так?..

Коварный и изменчивый бог огня. Сын богини и инистого демона.

...ублюдок ётуна...

Отец трёх чудовищ: волка Фенрира, что пожрёт солнце, змея Ёрмунганда, что обвил кольцом всю землю, и жуткой Хель... так похожей на Мортис Карающую...

Маг, у тебя были дети?..

...обмануть кого, что украсть... Так вот тот парень и старается. Из-за детей...

Эет сглотнул. Что же Локи ещё говорил? Ведь он же говорил! Что-то... важное...

...не дёргайся раньше времени...

Любит дядя раскрасавицу одну... и приказал словить соперника... так и сказал: "найди и поймай!"

Найди и поймай...

Найти он его нашёл, а поймать...

— Вир... — холодея, прошептал Эет. Книга со стуком соскользнула на пол.

— Вир!

О Мортис, четыре дня! Прошло уже четыре дня!..

Вирлисс...ещё... на Атариде?.. Или...

...принести девушке его голову...

Эет сорвался с кровати. Не помня себя, промчался через Верхний храм и выскочил на балкон.

Ветер ударил в лицо, взметнул волосы, осыпал колючей снежной крупой. Моря не было видно в белой шальной круговерти.

— Ви-и-ир!..

Ветер насмешливо вогнал крик обратно в горло.

Вирлисс

В небе плыла ночь. Над головой тяжело вздыхали под сырым ветром ветви, отягощённые мокрым снегом, и в лесу то и дело раздавались шорохи: сорвётся снежный ком, и ветка, прошумев, распрямится упруго...

Мальчишки дремали, свернувшись в клубочек на еловых лежанках. Закутались в меховую накидку Лока, прижались спиной к спине — и спят, такие беззащитные в рыжем

свете костра...

Мортис, как они вообще выжили в зимнем лесу, да ещё и дошли до Храма?..

Вир приоткрыл глаза, глянув на алые угли, и снова закрыл. Он чутко дремал, даже во сне улавливая каждый шорох, каждый запах — как могут только звери. Временами, почувствовав, как замирает огонь, вталкивал в жаркие языки брёвнышко.

Оттепель... Как кстати началась оттепель. Настоящая весна — негаданная, неожиданная. То ли некий повелитель морозов приказал зиме уйти, то ли неведомый бог тепла явил Атариде свою милость... Даже по ночам не подмерзает! Вир заметил, что на потемневших, влажных ветках кустарников начинают набухать почки, обманутые преждевременным потеплением.

Жалко... Морозы всё равно снова ударят...

Белый тигр вздохнул. В любом случае, благодаря оттепели можно продвигаться быстрее. Мальчишкам просто дышать легче — что для Лока, на бегу, немаловажно... Заставлять бежать рядом Гими, как почти сразу понял Вир, означало попусту терять время. Впрочем, Локи, казалось, воспринимал такую ситуацию как должное, а вот Гими, сразу видно, не знал, куда себя деть от стыда.

Но Вирлисс не собирался потакать его комплексам. Надо успеть. Не дай Мортис, Ахирам решит отплыть... и что тогда?

Поэтому Гимильк ехал верхом, а Локи бежал рядом. Похоже, рыжий мальчишка понимал, чем может грозить Гимильку промедление, и потому спешил, точно уходил от погони. Вставал раньше всех, быстрее всех ел на привалах, поторапливая остальных, и почти до полной темноты не позволял разбить лагерь.

Настоящий друг!

Хотя от его излишней независимости голова болела, пожалуй, больше, чем от беспомощности Гими.

Как бы там ни было, но за три дня их небольшой отряд добрался до стоянки Ахирама. Конечно, свою роль сыграл не только безумный темп, но ещё и мешки, набитые под завязку провизией, что избавляло от необходимости тратить время и силы на охоту.

Путники увидели корабль в сумерках, с высоты прибрежных скал — и Гими изо всех сил вцепился в пушистый мех на загривке Вира. Шатры были убраны, частокол брошен, и на побережье темнели пятна кострищ. Судя по всему, с зарёй Ахирам собирался выйти в море.

Чуть поодаль высился небольшой рукотворный курган.

— Лок... Смотри... — прошептал Гимильк. — Это же кенотаф. Они сложили нам пустое надгробие, кенотаф... как для тех, кого считают умершими, но чьих тел не нашли...

В голосе мальчика звенели слёзы.

В этот момент Вир остро пожалел, что Гими не владеет телепатией. Так хотелось поддержать и сказать слова ободрения!

— Гими, — Лок подошёл и положил руку на плечо друга. — Не реви. Радуйся, что успел! Ночью они не отплывут, а ты в темноте проскользнёшь на борт. Представь, сколько радости для отца будет! Сейчас разобьём лагерь, немного поспим, а под утро, в самый глубокий сон, пойдём к кораблю.

Гими только кивнул, шмыгнув носом, а Вир в который раз поразился хладнокровию и логике Лока. Казалось, этот ребёнок не способен потерять голову ни при каких обстоятельствах.

И белый тигр тоже кивнул, соглашаясь.

Сейчас он дремал, слушая, как шорохом снега осыпаются минутки, дожидаясь всем существом своим невесомой поступи утра. Надо успеть...

Ничего. Они успеют. Он разбудит мальчишек.

Хотя Локи, наверное, вскочит и сам. Вот у кого чувство времени!

Вир чуть хмыкнул. Славный паренёк. Самостоятельный и смелый. А главное — надёжный. На него можно положиться. И пусть ледяными колючками оброс — это ничего... Со временем оттаёт.

Чем больше Вирлисс присматривался к Локу, тем сильнее парнишка ему нравился. В глубине души Вир ловил себя на том, что простил рыжей бестии даже насмешки при знакомстве.

Ничего! Обратно они домчатся за день, если продержится такая чудесная погода. Вот будет для Эта сюрприз!

Вирлисс невольно хмыкнул, представив лицо друга.

Но самое весёлое начнётся, наверное, когда он примет человеческий облик при Локе! Вот тогда можно будет отыграться за все приколы, особенно за ручную киску!

Но без злобы. По-доброму...

Вирлисс мечтательно зажмурился — и вздрогнул от прикосновения.

Вскинув голову, он увидел над собой Лока. Костёр почти догорел, и в его алых отблесках лицо мальчика казалось совсем взрослым. Серьёзным и грустным.

Хотя ехидная улыбка не покидала губ... но Вир уже не обращал на неё внимания, словно на маску.

Тигр встряхнул головой. Надо же, он уснул! Уснул по-настоящему! Наверное, сказалось переутомление последних дней.

Но всё равно. Чтобы его, взрослого мага, будил одиннадцатилетний пацан... Позор!

— Что, киска? — с насмешливой лаской осведомился паренёк. — Дрыхнем? Ай-яй-яй! Ну-ка, подъём! А то как кораблик Гиминого папы догонять станем? Бегом по волнам?

Вир снова встряхнул головой, прогоняя остатки сна, и коротко фыркнул от смеха — больно уж ярко представилась картинка, как он прыгает меж волнами с Гими на спине, а рядом несётся Локи...

Лок улыбнулся в ответ.

— А ты не безнадёжна, киска. Юмор надо уметь понимать не только свой.

Вирлисс вовсе уткнулся носом в лапы, содрогаюсь от хохота. А потом, привстав, лизнул Локи в нос.

Лок потрепал по загривку.

— Давай, Снежок, буди Гими. А я костёр закидаю. Надо торопиться. Скоро звёзды гаснуть начнут. Вон, небо уж тёмно-тёмно-синее... совсем как твои глаза, сухота ты девичья...

Вир уже поднялся... но от такого заявления сел. И ошеломлённо уставился на Локи.

— Что? — вскинул брови парень. — А то я не знаю, что ты человек? За кого ты меня держишь, "киска"?.. Да и по коридорам меньше с воплями скакать надо... — он ухмыльнулся. И рявкнул: — Чего расселся, горе моё? Удивляться потом будешь! Буди давай нашего принца!

И с силой пнул ногой снег, вбросив в костёр искристый сноп инистой пыли. Пламя зашипело.

Вирлисс только моргнул — и встал, словно во сне.

Мортис, разве ж это ребёнок?.. И как у рыжей бестии получается раздавать приказы не только Гимильку, этому телёнку, но и ему, Белому Тигру?.. Даже Эет как-то признался, что порой чувствует себя при Локи неопытным малолеткой!

Впрочем, Лок прав: сейчас не до вопросов. Вирлисс толкнул лапой Гимилька.

Мальчик вскочил, потирая кулачками глаза. Вир дружелюбно мурлыкнул и мотнул головой в сторону побережья.

— Ага... я уже проснулся, Снежок! — пробормотал парнишка, неловко вставая и покачиваясь со сна. Локи затаптывал последние угольки.

— Готовы? — осведомился он. — Уж извиняйте, завтракать не предлагаю. А то вы бы ещё подольше дрыхли!

— Да, я сейчас... вот... — Гими торопливо вскинул за спину свой мешок. — Локи...

— Ну? — Лок надевал снегоступы.

— А ты... точно решил... здесь остаться? Может, поедем вместе, а?..

— Гими... — Локи выпрямился и вздохнул.

Гимильк опустил голову.

— Мне... — он шмыгнул носом. — Мне тебя не хватать... будет...

Локи поморщился.

— Ну, сырость развёл! Некогда слёзы лить. Может, ещё судьба и сведёт когда... Давай, садись на Снежка — и помчались! А то и в самом деле... вместе со мной на Атариде останешься.

Гими закусил губы и поспешно кивнул.

Вскоре они уже бежали по тёмному лесу, и в просветах меж деревьями отчётливо синело небо — глубокое, с острыми утренними звёздами.

Впереди послышался звук прибоя — волны накатывались на обледеневшие камни.

Небольшой отряд замер у высоких бортов корабля.

— Ой... — Гими растерянно заморгал. — Они... Они сходни убрали...

— Ну, понятно, — пожал плечами Лок. — Кто ж на ночь их оставит? Чтобы хищники забрались? Но у нас тут есть один хищник, которому эта высота нипочём. Верно, Снежок? — подмигнул он Виру.

Вирлисс кивнул. Лок немного нервно улыбнулся:

— Давай, Гими, держись. А мне потом хоть верёвку скинь... Обнимемся напоследок. Снежок, ты ж не против?

Вирлисс поморщился. В самом деле, ни к чему задерживаться на корабле... Проститься можно и здесь.

Он помотал головой.

— Снежок, пожалуйста! — взмолился Гими. — Это же недолго, обещаю!

Вир тяжело вздохнул — и кивнул, не скрывая раздражения.

— При первой опасности уйдём, — серьёзно пообещал Локи. — Держишься? — спросил он у Гими. Тот кивнул.

— Давай, киска, — махнул рукой северянин.

Вир взметнулся ввысь белой тенью — и плавно опустился на доски палубы. Здесь царил полная темнота, только смутно угадывались силуэты бочек, канатных бухт и ещё какой-то мореходной дребедени.

— Ой, — Гими акkuratно спрыгнул со спины тигра. — Тут надо осторожнее. Похоже, они трюм не закрыли... видимо, солонину и воду грузили. Вон, бочки. До утра, наверное,

оставили... Где же тут канат, Локу ски... ой!

Над бортом показалась голова, а затем и плечи рыжего мальчишки — и через секунду он легко спрыгнул на палубу.

— Верёвка болталась, — с широкой улыбкой пояснил он. — Бурдюки с водой, наверное, поднимали.

— Лок!

Гими кинулся на шею другу.

— Лок... — по щекам струились слёзы.

— Жаль, что нам не по пути, Гими, — тихо сказал Локи.

Вирлисс коротко рыкнул. В воздухе ощутимо пахло рассветом.

— Мы сейчас! — коротко бросил рыжий мальчишка. — Гими... давай с тобой в последний раз посмотрим на море. Вместе. И желание загадаем. На встречу. Хорошо? Ты... ко мне мало кто привязывался по-настоящему, финикиец, — опустив глаза, признался вдруг он. — Я умею это ценить.

Гими, не в силах отвечать, чтобы не расплакаться, только кивнул.

Вир, закатив глаза, улёгся на гладкие доски палубы.

Друзья, взявшись за руки, осторожно пошли на нос и долго стояли там, глядя, как светлеет полоска горизонта.

Вирлисс приподнялся, глухо прорычав.

Локи и Гими обнялись — и Локи, оставив Гимилька на носу, пошёл назад, то и дело оглядываясь.

Вир рассерженно отвернулся...

Тишину прорезал звонкий крик — и шум падения.

Вирлисс вскочил и бросился к открытой крышке. Гими, продираясь через канаты и бочки, тоже бежал к трюму.

Вир наклонился над тёмной ямой в палубе, пытаясь понять, что с Локом и почему он молчит?

Снизу послышался слабый стон. Ну вот, только этого не хватало!

Вирлисс нетерпеливо мотнул головой, поторапливая Гимилька. Пусть спускается! Возможно, потребуется его помощь. Попрошались, чёрт побери...

Подумав так, он спрыгнул в трюм.

В ноздри ударил запах мяса, воды и сушёных фруктов... Запах моря и рыбы... чего-то ещё... Вирлисс не успел понять. Резкий толчок сзади — и тигр кубарем покатился через весь трюм, ударяясь о ящики и мешки. То, что его толкнуло, обладало нечеловеческой силой.

Ещё толчок — и нос врезался в деревянные прутья. Сзади захлопнулась дверца, лязгнув замок.

Клетка.

Встрянув головой, ещё ничего не понимая, но готовясь к схватке, Вирлисс вскочил. Какого чёрта... Где Лок? А ведь ещё Гими хотел спуститься...

Вирлисс обрушил удар мощной лапы на хлипкие прутья дверцы... та даже не поддалась.

Хлестнув хвостом по бокам, Вир зло зарычал и попытался развоплотиться... и, похолодев, понял, что не может.

Странная сила, скреплявшая эту внешне бестолковую клетку, удерживала в материальной форме. Не давала уйти.

Обезумев от гнева, Вир всем телом бросился на прутья — ничего.

— Давай не будем метаться, как настоящий дикий зверь, — долетел до него из глубины трюма спокойный мужской голос.

Вирлисс зарычал, оскалив пасть и прижав уши к голове. Хвост сам бил по бокам, повинуясь звериным рефлексам.

По лестнице посыпались торопливые шаги.

— Лок! Снежок! — крикнул тонкий детский голос. — Где вы?

Вирлисс зарычал ещё яростнее, пытаясь предупредить Гимилька, велеть ему убираться...

— Лок! Где...

Услышав бешеный рык Снежка, мальчик замер на ступеньках.

В темноте трюма вспыхнул огонёк, осветивший всё тесное пространство: деревянный потолок, стены, бочки, мешки... Большую клетку с напряжённо замершим белым тигром... Гимилька на лестнице.

И стоявшего в углу Лока.

Огонь горел ясно и ровно — прямо на раскрытой руке рыжего мальчишки.

— Смотри, Гими, — улыбнулся он. — Я обещал тебе поймать Снежка — и я поймал его.

Вирлисс бросил на Гимилька стремительный неверящий взгляд — но паренёк только ртом воздух глотнул от изумления.

— Ты с ума сошёл?.. — прошептал Гими, не сводя безумно расширенных глаз с огненного лепестка на открытой ладони. — Я... отказался же...

— Ещё бы, — усмехнулся уголками губ Локи.

Он щёлкнул пальцами — и крышка трюма с грохотом захлопнулась. А потом отвернулся от Гими и не спеша направился к Виру. Мальчишка шёл — и с каждым шагом становился старше: выше и шире в плечах.

Напротив клетки Вирлисса остановился уже мужчина — совершенно без возраста, с худым лицом, покрытым рыжей щетиной — и с глазами древними, как мир.

Гимильк как стоял — так и сел на ступеньках. И только медленно головой замотал, словно отказывался верить происходящему...

Воздух наполнился запахом озона — и у Вира не осталось более вопросов.

Он глухо зарычал.

Мужчина стоял над ним, и губы его кривились в привычной саркастической усмешке — но глаза смотрели грустно и внимательно.

— Вот я тебя и поймал, Вирлисс, — негромко произнёс он. — Ты можешь стать собой: сейчас ты в пространстве бога.

С лестницы донёсся прерывистый вздох: Гими втянул носом воздух, но более ничем не выдал своего присутствия.

Вирлисс снова ответил рычанием, показав клыки.

— Ну, порычи, порычи, — покладисто ответил Локи. — Когда будешь готов говорить, тогда и поговорим. Я не спешу. Это против тебя время работает.

Вир гневно фыркнул. Локи пожал плечами.

— Не хочешь слушать? А стоило бы... На Эта своего надеешься? Так он всего лишь маг. Много все ваши маги против богов навоевали? Много вы вдвоём против блокады сумели сделать? Имей в виду — её я ставил...

Белый тигр приподнял губы, обнажив клыки. Локи негромко рассмеялся:

— А на богиню вашу уповать... Я тебя умоляю! Сейчас корабль отойдёт от берегов Атариды, а твоя богиня очень слаба. Она мало что способна сделать вне своего Храма, а уж вдали от острова — и того меньше. Моя же сила, напротив, возрастет. И задерживаться в этих водах я не стану, можешь мне поверить... Очень скоро я подниму шторм, — при этих словах Гимильк вскинул голову — и в его взгляде отразилось болезненное, абсолютное понимание. Из прокушенной губы по подбородку потекла алая струйка. Локи продолжал: — И шторм отнесёт это злосчастное судно обратно на север. Туда, где власть ванов и асов беспредельна. Оттуда мы с тобой прогуляемся в Асгард, ибо тебя очень хочет увидеть Один.

— Зачем? — глухо спросил Вирлисс, поднимая голову. Он сидел, обняв колени руками, и с ненавистью смотрел на Локи. Волосы его, рассыпаясь по плечам в чёрном плаще, падали вдоль лица серебристым водопадом.

На лестнице коротко вскрикнул бледный Гими — и замолчал, зажав рот руками. И застыл неподвижно, только глаза безумно расширились...

Локи рассмеялся.

— О-о, наконец-то! Киска решила вступить в диалог. Разумно. И первый вопрос немисливо оригинален... "Зачем"! А от кого я тебе при первой встрече приветик передавал? Фрю-Фрю тебя до сих пор забыть не может. Столько золота наплакала — все девять миров купить можно! А Фрю-Фрю из-за кого попало золотыми слезами рыдать не станет.

Дыхание перехватило.

Вирлисс моргнул, и взгляд его стал беззащитным, едва не умоляющим.

— Ты... видел Фрери?

— Ну... — Локи, улыбаясь, сел на пол возле клетки. — Видел, доводилось.

— Ты её знаешь?.. — горло сжималось. — Ты...

— Если считать знакомством то, что она дважды спасла мне жизнь... а я избавил её от необходимости выходить замуж за одного ретивого ётуна — то да. Мы знакомы.

Вирлисс сжал прутья клетки, поднявшись на колени — чтобы видеть глаза сидящего на полу Локи.

— Замуж?.. — пробормотал он.

— Да не волнуйся, — Локи поморщился, как от зубной боли. — Пришёл к нам один, на всю голову ударенный... Из инистых демонов. Солнце ему, луну, и Фрю-Фрю в придачу... За строительство. Короче, Один согласился, в качестве приза за постройку стеночки...

— Какой стеночки? — Виру казалось, что он видит кошмар.

— Да не важно, какой! — отмахнулся Локи. — Укрепления Асгарда ему возводили... Важно то, что я не забываю, когда мне спасают жизнь. Уберёг я твою раскрасавицу. Не выдали её замуж. — По лицу рыжего бога вновь скользнула тень, но Локи встряхнул головой, словно отбрасывая дурные воспоминания, и глаза его потеплели: — Вот с тех пор мы с Фрю-Фрю и подружились... По-хорошему так подружились, не хмурься. Без пошлостей всяких. Правда, Одину о том не отчитываемся... да и зачем ему знать, что его дорогая недотрога жалуется рыжего ублюдка? — Локи невесело усмехнулся.

— Подожди! — Вир стиснул прутья так, что пальцы побелели. — С чего ей спасать тебе жизнь? Какое замужество? Если ваш Один любит Фрери... как он мог согласиться кому-то отдать её?

Локи пожал плечами.

— Вот у него и спроси.

При этих словах Гими вскочил, открыл рот... и снова сел. Губы его вздрагивали, но

брови хмурились. Мальчишка ловил каждое слово.

Вирлисс молчал, не отрывая измученных, требующих глаз с худого лица.

Локи вздохнул.

— Ну, что тебе рассказать? Сначала я Фрю-Фрю особо не жаловал... Когда она в Асгарде появилась. А тут ещё Один за ней увиваться начал... Я и подумал, что воспользуется девчонка ситуацией, а не то и саму Фригг подвинет... жену Одина. Знаешь, сколько я разных вертихвосток на своём веку повидал? И богинь в том числе. Они, может, при мужьях все такие неприступные и добродетельные, а рога я многим богам в Асгарде понаставил... — Локи рассмеялся с горьким сарказмом. — Не за что мне их уважать, понимаешь? Ни асов, ни асинь. И цену их показной добродетели я знаю. Ну и думал, что Фрю такая же... особенно когда она с дварфами во все тяжкие пустилась. То ли чтобы Одина позлить, то ли с отчаяния... Представь, Вирлисс: Одину — от ворот поворот, а сама с четырьмя дварфами четыре весёлых ночи... с каждым по одной. За ожерельице! — Локи рассмеялся.

Вир то бледнел, то краснел.

— Это ложь... — прошептал он. — Ложь! Фрери не могла... не стала бы...

— Да не переживай ты так, — примирительно усмехнулся рыжий бог. — Это ещё до знакомства с тобой было. Очень уж она, видно, хотела Одину досадить. Я тогда не удержался, дал ему знать... и ожерелье это у неё выкрал... Рассказал, чтобы Высокого позлить, да и, если честно, думал Фрейю проучить... И после этой истории решил, что Фрю на меня огромный зуб затаила.

— Мне ты рассказываешь... чтобы тоже позлить? — гневно сузил глаза Вирлисс. — Не верю ни единому слову!

Локи пожал плечами.

— Думаю, она бы не захотела тебе лгать. Но сама рассказать тоже не сумела бы. Вот и мучилась бы, бедняжка. А я её от этого избавил. Теперь ты знаешь.

— Заботливый... — Вирлисс скрипнул зубами.

— Да не особо, — устало вздохнул Локи. — Но пожил чуток побольше, чем ты. И добра Фрейе хочу. Потому что потом... как-то так получилось... Влип я очень сильно. Я ж только наполовину бог, по матери. По отцу я демон. Ётун. И как-то в Ётунхейме... путешествовали мы там с Одinom. Попал я в плен к одному неслабому очень парню. Тьяцци его звали. В плен попал на глазах у Одина — но заметь, Вирлисс, отец богов даже не почесался меня выволить... Я шибко и не надеялся, впрочем. Пришлось самому крутиться, да и Одина хотелось проучить! Обаял я похитителя, бия себя в грудь, что из одного мы с ним народа... Составили с этим Тьяцци план... выкрасть яблочки, что асам позволяют сохранять вечную молодость. И хранительницу их, Идунн... Сказано — сделано. Выкрал я. — Локи рассмеялся, покачав головой. — Ой, что тут началось... Один чуть до потолка не скакал. "Бог", тоже мне! — Сын Лаувейи презрительно искривил губы. — А потом... — Локи вздохнул и опустил голову. — В тот раз не получилось у меня выкрутиться. Припёрли меня боги к стенке, все скопом... Я уж и с жизнью попрощался, — он невесело хмыкнул, глядя мимо пленника. — Детей только мне жаль было. Так я им хоть как-то помогаю... с Тором этим, бугаём безмозглым, просто так, что ли, по Утгарду катаюсь?.. Ему только позволь... на Ёрмунганде отыграться... — Локи поморщился и, встряхнувшись, продолжал: — Так вот, Вир, и подходит тут к Одину Фрейя. И просит у него — за меня! Говорит — исправит он, что сделал. А я ему помогу, своё волшебное оперение дам... Не ожидал я, если честно! — Локи тряхнул головой и серьёзно посмотрел на Вирлисса. — И ведь ей, дочери ванов, эти яблоки

никуда не упирались. Ваны и без них вечно молоды. А тут — такой шанс от Одина со временем избавиться... Со всех сторон выгодно было Фрю-Фрю, да ещё и руками асов со мной счёты свести... Полюбоваться, как они мне голову отрежут. Вот и выходит, что Фрю меня пожалела. Это после подянки, какую я ей подложил! — он вздохнул. — Вот с тех пор я себе и поклялся, что больше никогда Фрю не трону. Кого угодно, только не Фрю...

— А второй раз? — напряжённо спросил Вир.

— А второй раз Одину потребовались сокровища подземного народа, дварфов. Люди дварфов называют гномами... хотя не такие уж они и маленькие. Пониже людей, но не сильно. Зато крепкие очень. И мастера великолепные. Создали массу дивных вещей... — Локи вздохнул. — Началось всё с того, что подшутил я над жёнушкой Тора... после рыбалки, на которой Тор моего сына чуть не убил. — Рыжий бог скрипнул зубами. — Побрил её налысо ночью, как с девицами лёгкого поведения поступают! А и то, с чего бы мне у неё в спальне оказаться?.. — Локи хмыкнул. — Ну, неважно... Проучил я Тора, взбеленился он. А над Сив я ж подшутил только... Ей-то зла особо не желал. Отправился к дварфам, попросил выковать для Сив новые волосы, из чистого золота, чтобы росли, как живые... те выковали. А в нагрузку сделали ещё кое-какие полезные вещи. Скидбладнир, например...

— Что? — Вирлисс вздрогнул.

— Да-да, — Локи лукаво скосил глаза на пленника. — Скидбладнир. Который я потом в добровольно-принудительном порядке Фрейру подарил. А он тебе.

— Что это? — тепла в голосе Вира не прибавилось, но нотки любопытства пленник не сумел сдержать.

— Не всё сразу, Белый Тигр, не всё сразу... — рассмеялась рыжая бестия. — А Одину мало показалось этих безделушек! Ещё требует. Пригласил дварфов в Асгард. А дварфы тоже не дураки ведь... просто так работать не станут. Тогда я их на "слабо" взял. Спорим, говорю, что вы ничего лучше уже не создадите? А они: "На твою голову, сын ётуна". Мне, честно, поплохело... Смотрю на Одина и надеюсь, что откажется он от такого... пари. А тот кивает. Давайте, мол, спорим на голову Локи... — ас скрипнул зубами. — И когда создали они ему Мьёлльнир, Молот Молний... И ещё кое-что создали... неважно! Суди, говорят, отец богов: лучше эти вещи тех, что уже поднесли тебе, или нет? А что Одину важнее: вещицы эти диковинные или голова рыжего ублюдка? Выбор-то очевиден... И Фрю меня второй раз своим волшебным оперением вырчила. Улетел я тогда...

Повисла тишина. Огонёк на ладони худощавого мужчины горел ровно и как-то... безжизненно?

Меж бровями Вирлисса залегла складка.

— Локи... — наконец медленно произнёс он. — Ответь мне на один простой вопрос, Локи. Ты ненавидишь Одина. Какого чёрта ты ему служишь?

— Дети, Вирлисс, — бог огня печально понурился. — Со мной... да пусть что угодно делает! Только ведь сначала с ними расправится, понимаешь?

Вампир опустил голову.

— Ты... отдашь меня ему? — И тихо добавил: — Из-за детей?

— Лок... — раздался тихий, но странно твёрдый голос с лестницы. Гими... Они совсем забыли о Гими!

Локи обернулся.

— Лок... Ты обещал. Ты при мне их богине обещал, что ничего... никакого вреда им не причинишь. — Мальчик поднялся и, выпрямившись, напряжённый, словно струна, смотрел

на рыжего бога.

— Обещал, — кивнул Локи. — Что не причиню никакого вреда или ущерба. Обрати внимание, Гими: я ничего у них не украл. Какой ущерб? Никакого. И киске нашей... — он усмехнулся, — ничего не отрезал. Так какой вред? Вот и выходит — сдержал я слово. — Локи развёл руками.

Вирлисс скрипнул зубами и опустил голову. Волосы, скользнув по плечам, закрыли лицо.

Ни один бог Асгарда никогда не услышит от него мольбы о пощаде. Но... быть может... перед смертью... доведётся увидеть Фрери?

— А зачем он Одину? — не отступал мальчишка. Он стал очень бледным, дыхание прерывалось от волнения, но держаться паренёк старался невозмутимо. — Ты можешь нам рассказать? Снежок... он о девушке только и думает, совсем о себе забыл... а ты на его вопрос так и не ответил.

— Голову его надо Фрейе показать. Чтобы Фрю успокоилась уже, наконец, — широко ухмыльнулся сын демона. — И тосковать прекратила. И верить, что он оживёт. Вампиры с отрезанной головой не воскресают. А если душу убить... ну, призрака... тем более.

Вирлисс закрыл глаза. О Мортис...

Бедняжка Фрери. Ну за что ей всё это? За что?..

Гимильк вздёрнул подбородок.

— Разве это — не вред?!

— Так не я ж его причиню, — Локи снова развёл руками.

— Ты... ты... — Гими сжал кулаки, выпрямившись. Каштановые кольца волос рассыпались по плечам. — Знаешь, ты кто?! А ещё называешь себя другом этой Фрю!.. Ты называл себя и моим другом — а на самом деле... ты меня как приманку использовал... для них! Для Эхета и Снежка!

— Гими... — попытался прервать мальчика Вир.

Гимильк, Гимильк... Что ж ты творишь, глупый?.. Не знаешь, счастливцев, на что способны боги Асгарда!

Тот не обратил внимания.

— И руку мне сам мог вылечить, разве нет? Да ты... ты всех используешь, кто у тебя на пути попадает, а потом плачешься, что никто не любит тебя, бедненького!

— Гими!

— Детьми прикрываешься... а сам трусость свою оправдываешь... Ты... ты ничем не лучше Одина своего!..

Локи сжал губы и сузил глаза.

Вирлисс, от страха за мальчишку потеряв голову, схватил Локи за руку через прутья клетки.

— Не трогай его! — взмолился он. — Не слушай!.. Он... он ещё не понял, кто ты... он бы не посмел...

— Я всё понял! — звонко выкрикнул Гимильк. — Снежок, не заступайся за меня!

— Замолчи!.. — рявкнул Вир.

Гими набрал в рот побольше воздуха — но ничего не успел возразить. Его прервал смех Локи.

— О-ох, клянусь священным источником Урд! Как трогательно! — он замолчал, резко оборвав смех. — А теперь послушайте меня. Как ты думаешь, Гими, его разлюбезная Фрери

стала бы со мной разговаривать, да ещё и приветы этому дураку влюблённому передавать, если бы думала, что я вред ему причиню?

Гими проглотил собравшиеся было сорваться слова и медленно сел. Вирлисс разжал прутья и поднял на Локи растерянный взгляд.

— Фрю-Фрю! — поучительно поднял кверху указательный палец сын Лаувейи. — Говорю же, мы с ней друзья.

— Знаешь... — пробормотал Вир. — Я бы тебе поверил... если бы не сидел в клетке. Ты ведь и Фрери мог обмануть...

— Мог, — кивнул Локи. — Но у меня не так много друзей, чтобы ими разбрасываться. Вирлисс обессиленно закрыл глаза. Это существо...

Оно словно обитало за пределами логики. Или это такая изопрённая пытка: найти смысл в поступках полубога, полудемона? Вампиру казалось, что ещё немного — и разум покинет его.

Надеяться? Злиться? Друг перед ним или враг?

— Я ничего не понимаю! — измученно прошептал Вирлисс.

— Ну, наконец-то! — облегчённо вздохнул Локи. — Когда сосуд пуст, его можно наполнить...

Вир уткнулся пылающим лбом в холодные прутья.

Мортис, где же ты?.. Помоги! Та, которой я однажды вручил свой дух, помоги мне!..

Локи поцокал языком.

— А не надо... — осуждающе покачал он перед лицом Вира длинным худым пальцем. — Не надо считать себя умнее богини. Она знала, что я сделаю. И Фрейя знала.

Вирлисс молчал. Мир раскалывался на части, трескался, словно старое зеркало — и с дребезгом рушился в чёрную пустоту...

— Я отпущу тебя, Белый Тигр, но надо было сначала поймать, — вздохнул Локи. — Поймать тебя приказал мне Один. Он приказал найти и поймать... но он забыл приказать доставить тебя в Асгард! — рыжий плут лукаво усмехнулся.

— Разве это не подразумевается? — тихо спросил Гими. Вирлисс не мог вымолвить ни слова: мысли разбегались и путались.

— Откуда я знаю, что там у него подразумевается, а что нет! — хмыкнул Локи. — А Фрю-Фрю возможность не упустила восточку передать своему ненаглядному...

Вирлисс медленно поднял голову. В глазах затеплилась надежда.

— То есть... ты... меня отпустишь?

— Разумеется, — усмехнулся бог огня. — И не только из-за Фрери твоей.

— А... зачем ты меня вообще ловил? Если...

— Чтобы выполнить приказ, — Локи терпеливо пожал плечами. — Ну вот Эет твой... тоже приказ вроде как выполняет. Подразумевается, что твой друг любому чужаку глотку должен перегрызть. А Гими, вон, жив и здоров. Всего лишь под обещание, что не будет соваться куда не велено.

— А Мортис... она...

— А Мортис нужен союзник против Одина, — посерьёзней Локи. — И вам с Эетом он тоже нужен. И мне. Не считаешь, что всё складывается очень удачно?

Вирлисс снова прикрыл глаза.

Снаружи уже доносились голоса, звук шагов, потом корабль вздрогнул — и закачался на волнах. А потом послышались равномерные удары вёсел.

— Отплыли... — философски отметил Локи.

— Как же Снежок вернётся?! — Гими вскочил.

— Да вернётся, — поморщился сын Лаувейи. — Едва я клетку открою, как исчезнет.

Здесь исчезнет, а у себя в комнате появится...

— Это правда? — быстро спросил Гимильк.

Вирлисс только обессиленно кивнул.

— Так отпусти же его! — воскликнул мальчик. — И тогда я прошу тебе обман...

— Условия ставит! — восхитился Локи. — Отпущу, я же сказал. Но сначала надо поговорить...

— Я тебя слушаю, — тихо ответил юноша. — Чего ты от меня хочешь?

— Да что с вас обоих возьмёшь? — отмахнулся Локи. — Что с тебя, что с Эета... Это я от Мортис хочу. Чтобы однажды, когда силу вернёт, мне помогла. Ибо сила у неё небывалая. Моя дочь — она всего лишь тень вашей Мортис. В прямом смысле. Блик, отражение. И таких у вашей богини много... Ибо она — Изначальная. За то Один её и боится. Так вот, она тоже от меня кой-чего хотела. Чтобы я блокаду снял.

Вирлисс вздрогнул и вскинул взгляд.

— И я снял, — кивнул Локи. — В знак союза между мной и нею. Она в ответ дала мне возможность выполнить приказ Одина, "поймав" тебя. А теперь слушай сюда, — деловито заговорил Локи. — У меня было три поручения, когда я к вам отправлялся. От Одина, от Фрейи и от Фрейра. От Фрейра даже не поручение, а так... — мужчина поморщился. — Нытьё одно. Чтобы я по возможности Скидбладнир ему нашёл. А ведь Скидбладнир всё ещё у тебя. С твоим телом лежит где-то под руинами. Искать его... — Локи фыркнул. — Может, я и нашёл бы, если б захотел... только мне интересней, чтобы эта вещь у тебя оставалась.

— Что такое... Скидбладнир? — запнувшись, спросил Вирлисс. — Его ведь эти... дварфы создали, если я верно понял?

— Верно, — кивнул Локи. — И, вообще-то, он мой. Один раз меня Высокий... попросил Фрейру его подарить. Ну, второго раза не будет. Светлый бог сам отдал Скидбладнир... ну, так тому и быть! Нефиг теперь скулить, чтобы вернули.

— Локи, что он такое? — потеряв терпение, жёстче заговорил Вирлисс.

Локи рассмеялся.

— Интересно, да? Это корабль.

— Корабль? — у Вира глаза на лоб полезли. — Там же свёрточек какой-то!

— Свёрточек, — довольно блестя глазами, кивнул рыжий. — А ты его развернуть не пробовал?

— Развернуть?... — пробормотал Вир.

— Ага, — ухмыльнулись в ответ. — Скидбладнир тем и ценен: в кармане можно унести, а надо — развернётся в корабль, способный как плыть по морю, так и по суше скользить... и никакие леса и горы ему не преграда. Не страшны ему ни штормы, ни землетрясения. Всегда дует ему благоприятный ветер, а на борт поднять может всё воинство Асгарда... а не только трёх человек и дракона. Мелочи! — Локи пожал плечами.

Вирлисс закусил губы так, что клыки вонзились в нижнюю, и по подбородку потекла кровь. Белый Тигр не обращал внимания.

— Значит... Фрейр нам...

— Он вам дал больше чем шанс, только объяснить "забыл", — презрительно фыркнул Локи. — Вроде и перед сестрой чист, и перед Одним. А потом меня в лицемерии

обвиняют!

Между бровей призрака-вампира залегла глубокая складка.

— Значит, я... смогу...

— Да, Вирлисс, — торжественно кивнул Локи. — Ты сможешь попасть на Скидбладнире в Асгард. И — только на нём. Даже те Корабли, что строили маги Атарида, при всём их совершенстве, не смогут пересечь грань реальности, выйти за пределы вашего мира, Мидгарда. Для Скидбладнира же нет преград... в пределах миров ясеня Иггдрасиля. Просто скажи кораблю, куда ты хочешь попасть, и он сам найдёт дорогу.

Вирлисс вскочил — и, ойкнув, стукнулся головой о потолок клетки.

— Открой!

— Что, уже побежал?.. — с деланным изумлением распахнул зелёные глаза Локи. — За Фрери? Ой, как верно я сделал, что тебя в клетку посадил... Сейчас бы ты пропал, не дослушав, и самое важное упустил бы. — Бог огня рассмеялся. — Сиди. Куда спешить-то?

— Но...

— И Мортис верно сделала, что твоё тело и земное тело Фрейи камнями завалила. Доберёшься ты с Этом до Скидбладнира, только когда вы оба готовы будете, не раньше. — Локи замолчал и чему-то усмехнулся. — А забавно будет, — прошептал он себе под нос, — если Скидбладнир Нагльфаром и окажется. М-да...

— Чем? — ошеломлённо спросил Вирлисс. — Чем окажется?

— Нагльфаром. Было предсказание, что в день, когда суждена Одину и Асгарду гибель, выплывет из страны мёртвых корабль... Имя его Нагльфар. И к Асгарду поведу его я.

Вирлисс облизнул пересохшие губы.

Локи невесело усмехнулся.

— Правда, я бы не стал буквально все эти предсказания толковать... Кто его знает, как там будет? И будет ли?.. Но в том, что однажды из страны мёртвых к Асгарду корабль всё же поплывёт, я, глядя на тебя, не сомневаюсь! — Рыжий бог широко улыбнулся и подмигнул.

И Вирлисс неуверенно улыбнулся в ответ.

— А почему ты Снежка мёртвым называешь? — с лестницы спросил Гимильк.

— Потому что я призрак, — коротко ответил за Локи Вир.

Гими глубоко вдохнул — и не нашёл, что сказать. Наверное, вопросов было слишком много...

— Да, потому что Атарида — страна живых мертвецов и некромантов, — посмеиваясь, подтвердил Локи. — Только они, сам видишь, Гими, какие. Иные люди пострашнее...

Мальчик нахмурился.

— Значит... из страны мёртвых поплывёт волшебный корабль. Он может плавать везде, да?

— В пределах девяти миров Иггдрасиля, — уточнил Локи. — Хорошие ты вопросы задаёшь, Гимильк. Скажем, в тот мир, откуда пришла их богиня, Скидбладнир не попадёт.

Вирлисс снова сжал прутья клетки.

— Ты знаешь о мире, из которого... — голос прервался.

— А вот теперь я тебя выпущу, — улыбнулся рыжий плут. — Вот теперь ты не убежишь, пока всё не выслушаешь!

Он подкинул огонёк с ладони вверх, и тот, взмыв под самый потолок, свернулся в тёплый шар, ровно освещающий всё пространство.

— Ну, чего ждёшь? — сварливо осведомился Локи у Вира. — Или мне самому перед

тобой двери открывать? А вот перетопчешься!

Вирлисс, неуверенно улыбнувшись, толкнул дверцу клетки. Та легко поддалась, и пленник, наклонившись, вышел наружу, перешагнув через ноги бога и приблизился к замершему на ступеньках ребёнку. Сев рядом, обнял за плечи.

Гимильк приник всем телом, и, наконец расслабившись, задрожал, словно лист на осеннем ветру.

— Всё хорошо, — прошептал Вир, крепче прижимая мальчика к себе.

— Снежок... я не знал... я не думал, что он... тебя... — всхлипывал Гими.

— Локи — друг, — успокаивающе ответил вампир. И, вздохнув, с улыбкой добавил: — А Снежок я только в звериной ипостаси. Вообще-то меня зовут Вирлисс. Но можно просто Вир.

Гими уткнулся лбом в его плечо. Он ещё вздрагивал, но плечи потихоньку расслаблялись.

— Ну, устраивайтесь поудобнее, — широко разулыбался, глядя на них, Локи. — И будет вам ещё одна сказка. Последняя.

Далеко-далеко отсюда, так далеко, что и на Скидбладнире не добраться, а только крутейшую магию использовать, лежит одна страна. Неважно, как её называют, а важно то, что благой Создатель всего сущего, творя ту Вселенную, отпустил в неё своих помощников. Двух богов и одну богиню. Изначальных. Не единожды помогали они ему в сотворении миров, так что и мысли не возникло у Создателя, будто случится что-то плохое. Прекрасная богиня любви, дарующая жизнь, и её муж, столь же благостный, сотворили в том юном мире две волшебных расы: лесной и морской народ. Альвами или эльфами лесных называют. Морских русалками зовут... Третий бог создал народ подземный, dwarфов. И демонов инистых, ётунов. И асов, себе в помощники... Сам Создатель тоже не остался в стороне и населил тот прекрасный край людьми. Всем там было хорошо. Нашлось место даже драконам, — Локи улыбнулся и ехидно добавил: — Их кто творил, не спрашивайте; может, на совместном празднике все трое вместе ухитрились... после какого-нибудь по счёту... тоста.

Вирлисс и Гими со смехом переглянулись, и Вир пожал плечами. Локи продолжал:

— Вроде, удалось творение богам. Благодать и красота повсюду. Мир и процветание. Казалось, можно и к Создателю возвращаться. Только... что-то вдруг разладилось. Головой клянусь, не знаю, что стряслось, только леса эльфов вдруг начали гореть и полниться чудовищами. В земле трещины разверзались, и шёл оттуда ядовитый дым, уничтожавший всё живое. Богиня Силинель и её муж пришли в отчаяние, но ничего не могли поделать. Их силы не доставало, чтобы справиться с этой напастью.

— Как это? — прошептал Гими. — У богов?..

Локи пожал плечами.

— И боги не всеильны. Даже Изначальные.

— А Создатель? — спросил Вирлисс.

— Говорят, у Создателя принцип: каждый должен уметь отстаивать своё счастье. Быть может, он для того и попустил появление зла в том чудном мире, кто знает? Быть может, испытание готовил его жителям и своим помощникам... Я не берусь судить поступки самого Всеблагого, — бог огня вздохнул. — Как бы там ни было, но эльфы бежали в ужасе, и всё, что могли их творцы — лишь оберегать свой народ в дороге... А путь эльфов лежал через горные кряжи, где в своих пещерах обитали dwarфы...

Локи замолчал и нахмурился, подтянув колени к подбородку.

Тишина нарушалась только мерными всплесками волн о борта... или то вёсла тревожили зимние воды океана?

— Что... Что же было дальше? — не выдержал Гимильк.

— Не знаю, что там случилось. Решили дварфы, что эльфы пришли с войной, и взялись за оружие. Возможно, сами эльфы в том виноваты... ну, не с потолка же взял подземный народ, что перед ними враги. Недоразумение или нет — словом, случилась битва. Эльфам некуда было отступать, дварфы же сражались за родные очаги... Мало кто выжил в том побоище, — Локи вздохнул и поморщился. Он словно видел то бранное поле — и душа его до сих пор кровоточила. — А потом... Потом явились божественные супруги к повелителю дварфов. Богиня могла только рыдать о своих погибших детях, а её муж набросился с обвинениями на друга. Почему, значит, ты не удержал своих головорезов? Да как они посмели наших эльфов, самую совершенную расу... и так далее... и всё в том же духе... Слушал, слушал это Один... — Вир и Гими вздрогнули, — ...да и не сдержался. Врезал хорошенько эльфийскому богу. А тот... нет, чтобы заткнуться... — Локи поморщился. — Впрочем, может, и заткнулся бы, если бы рядом не было его разлюбленной Силинель. А как перед любимой женой себя трусом или слабаком выставить? Словом, сцепились они с Одним знатно. Один в раж вошёл и... Силинель уж пыталась их разнимать, на колени кинулась, в ноги Одину... А тот... ну, когда входит наш Высокий в боевое неистовство, его только смерть остановит. — Локи тяжело вздохнул. — Так он своего друга и убил. На глазах у его жены. Да и ей самой досталось, бедной.

Повисло молчание. Никто не решался даже вздохнуть. Через некоторое время рыжеволосый рассказчик тихо продолжил:

— Силинель была богиней любви. Её любовь убили. Что осталось несчастной? Что осталось в ней?..

Вирлисс опустил голову. Гими облизнул пересохшие губы.

— Так потеряла себя эта богиня. Разум её помутился, а в сердце воцарилась вечная ночь. Но не хотела она мучить уцелевших эльфов, потому оставила их и пошла в земли людей. Хотела Силинель одного — отомстить Одину. Жестоко отомстить. Она подняла с кладбищ мертвецов, которые, уничтожая всё на своём пути, двинулись в земли дварфов. И любой, убитый ими, тут же пополнял ряды этой жуткой армии. Убить же их самих было почти невозможно, поскольку по сути они и не жили...

— Так Силинель стала Мортис? — тихо спросил Вирлисс.

— Да, — просто ответил Локи. — Она уничтожала целые страны, насылая чумовое поветрие, лишь бы увеличить свои силы — и они возрастали... Люди, драконы, дварфы... Однажды она перестала щадить даже эльфов. И вот это расчудесное войско, столь же похожее на будущих обитателей Атариды, как Мортис Карающая на Мортис Милосердную, добралось до земель Одина. И камня на камне не оставило... Мортис же явилась в покои бога дварфов... только на ту пору его там не оказалось. Где прятался, сказать не могу, но, видимо, хорошо прятался, поскольку не нашла его та, что к тому времени стала самой Смертью. А от Смерти укрыться — это действительно извернуться надо.

Впрочем, Мортис, казалось, успокоилась. Появилась у неё другая цель: узнала богиня, что можно оживить её мужа. Правда, сложно это было, но... реально.

Думаю, для бедной девочки эта возможность стала спасением. Сохранила ей разум... или даже вернула его, не дерзну судить. Взялась Силинель вплотную за своих новых

подопечных и дала им не только способность двигаться по земле, но мыслить, чувствовать, созидать... Сотворила она из нежити новую расу, одним словом. Чтобы лучше могли они её понимать и выполнять приказы. Бессмертный народ, чьё бессмертие поддерживалось чужими жизнями. Конечно, простым людям в их владениях тогда несладко приходилось... ну, не о том у Сили голова болела. Как мужа оживить, только и помышляла... — Локи вздохнул. — Знаешь, Вирлисс, мало какая женщина может так любить, как Сили! Я вот только Фрери, пожалуй, назову, а так... — он раздумчиво покачал головой. — Нет, не встречал!

— И что же случилось дальше? — прошептал Вир.

— А дальше оживила она своего ненаглядного. А он...

— Что — он?

— Он сказал, что теперь она недостойна его любви. Недостойна — и всё тут! И к эльфам ушёл. Очень это Сили подкосило, — Локи покачал головой. — Ну, да что поделаешь? Пыталась она что-то ему доказать — да ничего путного не вышло! — бог огня рукой махнул. — Так они и разбежались. Дварфы с эльфами помирились, Один с воскресшим приятелем на брудершафт выпили... А Сили... что Сили? Ей остался её новый народ. Который в том мире ненавидели все, кто только мог. Было за что, конечно... — Локи пожал плечами. — Сили ж их создавала как оружие. Самое совершенное оружие. Убийство у нежити в крови.

Вирлисс опустил голову. Локи, помолчав, закончил:

— И что тут говорить? Объединились все расы против немертвых, все боги. Во главе с Одним и мужем Сили. Взяли приступом столицу, где стоял Храм... тот самый Храм. Вирлисс. Ваш. Мортис едва успела его перенести сюда, в этот мир. Ну, остальное ты знаешь... Из истории.

— А как Один тут оказался? — спросил Вирлисс.

— А Один вместе с её бывшим мужем так боялись, что однажды она сил накопит и вернётся, как уже один раз сделала, что решили отыскать и уничтожить её народ, чтобы Мортис уже никогда не смогла своё могущество восстановить. Ибо — верой и молитвами сила бога прибывает. С помощью магии разослали разведчиков во все сопредельные Вселенные, куда могла девочка переместиться, волоча следом такую громадину, как Храм... Верно ведь рассудили! Не могла она с ним далеко убежать. Эльфийский шпион так и не вернулся, а вот дварф сумел. Говорит, схватили эльфа, не смог я его вытащить. Что с ним стало, не знаю.

— Кажется, я знаю... — усмехнулся Вирлисс, показав клыки. — Зря его Эт жалел.

Локи довольно улыбнулся и покачал головой.

— Подземелья Храма полны Прошлым... — задумчиво обронил он. — Ну, что ж? Один узнал, где искать Мортис. А узнав, отправился следом. Только... как бы понятней сказать... Так он торопился, что не думал переносить с собой своих приверженцев, дварфов. Думал уже в этом мире новых создать, или переманить у местных богов. Только сомневался, что один справится... И вот тогда...

— Он решил взять с собой — тебя? — уточнил с улыбкой Вирлисс. — Иначе откуда тебе всю историю знать?

— Соображаешь! — ухмыльнулся Локи. — Меня и ещё одного аса, Хёнира. Здесь мы сотворили что-то вроде собственной мини-Вселенной, прямо внутри этого мира. Копию Ётунхейма, Муспельсхейма... мир для альвов, мир для дварфов... Заселили их, как могли. И

разместили так, чтобы реальный мир, человеческий, оказался ровно посередине. Здешние боги, боги тех стран, у которых стали мы приверженцев отнимать, возмутились было... Известно это теперь, как война ванов с асами. Позже Ванахейм девятым миром вошёл в Великую ось Иггдрасиля. Хёнира Один удачно к ванам как заложника отослал, в обмен на Фрейра и Фрейю... и у меня с Высоким всё окончательно наперекосяк пошло. Мало того, что никогда Один меня особо не жаловал, хотя и отдавал должное моей ловкости, так ещё я в Асгарде остался единственным, кто знает истинную силу "отца богов", да и всю историю со "злой богиней смерти". Это местным молодым богам можно саги петь о гнусности Мортис и о собственной доблести. А мне-то без толку. Вот такая сказка, детки... Понравилась?

Вирлисс только молчаливо покачал головой.

Гими облизнул пересохшие губы.

— Локи... а как же ты теперь вернёшься в свой Асгард? Ведь Один на тебя разгневался! Ты же Снеж... Вира отпустил.

— И блокаду снял, — тихо добавил Вир, сжав плечо Гимилька.

Рыжий бог усмехнулся.

— Выкручусь, не впервой! — легкомысленно отмахнулся он. — Да и Фрю-Фрю поможет, если что. А про блокаду Высокий и не узнает! Кто ему скажет? Уж не я, это точно! — Локи рассмеялся совсем как мальчишка: озорно и заливисто, и в этот миг снова показался Вирлиссу бесшабашным сорванцом.

— Мы ещё увидимся, Локи? — спросил вампир.

— Куда мы денемся? — фыркнул бог огня. — Теперь уж, надеюсь, вы к нам...

Вирлисс вздохнул и встал.

— Тогда...

— погоди! — остановил его властный голос Локи. — Я обещал Эту ещё один подарок. Последний. Вирлисс, какие кристаллы он думает использовать, чтобы создать объединяющее поле для трансформации? Огонь или Воду?

Вирлисс сглотнул ком в горле.

— Воду, — тихо ответил молодой маг.

— Держи! — в руке Локи появился ледяной, словно подёрнутый инеем, минерал. — Воткни его в землю на острове, и там, где ты это сделаешь, появится рудник.

Юноша в замешательстве смотрел на волшебный камень.

— Что? — приподнял бровь Локи. — Он не кусается.

Вирлисс молчал, глядя под ноги.

— Вир, это энергия Воды, а не Жизни. Бери же!

— Я знаю. Но... я не смогу его унести, — с отчаянием прошептал призрак. — Я не могу развоплощать вместе с собой и предметы!

Локи рассмеялся, покачав головой.

— Хорошо же ты о богах думаешь, Белый Тигр. Бери! Если я сказал, что ты сможешь забрать этот кристалл с собой — ты сможешь.

— Спасибо, — с глубокой признательностью прошептал вампир, беря камень. — Рудник нам действительно понадобится.

— А то! — довольно хмыкнул бог лукавства. — Ну, что ж... Вот теперь тебе пора, Вир. И тебе, Гими. Пока с отцом наговоритесь... Имей в виду: к вечеру я подниму шторм.

— Зачем? — испуганно вскрикнул Гимильк.

— Чтобы быстрее доставить вас в безопасные воды, на корабельные пути, — пожал плечами Локи. — Не волнуйся, судно не пострадает. Раз я вас сюда привёл, мне и обратно выводить.

Мальчик шмыгнул носом.

— Вы... вы ещё встретитесь. А я? Я с вами уже больше не увижусь, да?..

Вирлисс опустил глаза.

— Боюсь, что да, Гими. Мы прощаемся навсегда.

— А ты, Лок? — всхлипнул Гимильк.

Локи развёл руками.

— Не знаю. Но если куда влипнешь, или потребуется помощь — помолись мне. Твою молитву я всегда услышу, — бог огня подмигнул, щёлкнул пальцами — и крышка трюма, пропустив внутрь свет зимнего дня, с грохотом откинулась. Наверху послышались изумлённые крики. — Вылезай.

Гими бросился к Локи и Виру, порывисто обнял их и бегом кинулся вверх по ступенькам.

Остановившись у самого люка, мальчик обернулся и махнул рукой своим необыкновенным друзьям. Они с улыбками помахали ему в ответ — и пропали, словно их и не было.

Глава XVII

На новую ступень

Эет

Руки тряслись. Эет, стоя у стола, лихорадочно запихивал в дорожную сумку всё необходимое для построения пентаграмм Поиска и Переноса в пространстве. На столе лежала раскрытая книга с описанием ритуала.

Создать Портал...

Молодой маг никогда этим прежде не занимался, но сейчас было не до колебаний. Спуститься в подземную лабораторию и... помощи, богиня!

О Мортис...

Из пальцев с грохотом вывалилась банка со свечами. Чёрт побери!

Эет нагнулся и поднял. Она выскользнула снова. Во второй раз поднять получилось. Теперь она категорически отказывалась впихиваться в сумку.

Эет остановился и глубоко вздохнул. Спокойно. Только спокойно. Если Вирлисс на Атариде, он его разыщет. Если нет — всё равно разыщет и отправится следом. И вытащит, куда бы его ни спрятали. И к чёрту все приказы на свете!

Он оставит Храм. Ничего с этими алтарями не делается. Как стояли сто лет, так и ещё постоят. Ведь он всё равно вернётся. Вернётся вместе с Виром...

Юноша прикрыл глаза.

Будет больно.

Ну и чёрт с ним!

Зомби захлопнул книгу и последней отправил в сумку.

Закидывая ремень на плечо, Эет развернулся...

...прислонившись к притолоке двери, на него смотрел Вирлисс и, скрестив руки на

груди, широко улыбался.

— Привет, — сказал вампир. — А ты куда собираешься?

Сумка с грохотом рухнула на пол. Эет промчался через комнату и заключил Вирлисса в объятия.

— Вир!.. О богиня, ты... это ты? С тобой всё в порядке? — он отстранился, сумасшедшими глазами вглядываясь в лицо друга.

— А с тобой?

Эет разжал руки. Плечи начали вздрагивать: поднимаясь из груди, наружу рвался истерический смех. Зажав рот руками, Эет смеялся короткими глухими приступами, больше похожими на всхлипы.

— Вир... Всё нормально... просто я... я идиот...

— Ну, это давно известно, а в чём проблема-то? — Вирлисс внимательно смотрел на хохочущего Эета, у которого слёзы катились по щекам, и во взгляде вампира наконец что-то оттаяло. Вир подошёл и положил руку на плечо друга. — Эт, Локи же меня отпустил...

Эет вздрогнул и замолчал, как будто ему вбили кляп в рот. И вскинул изумлённые, расширившиеся глаза на Вирлисса.

— Отпустил? — быстро спросил он. — То есть, ты знаешь, кто такой Локи?

— Знаю, — вздохнул Вирлисс.

Эет сжал губы в тонкую линию. Глаза сузились.

— Какого чёрта ты тогда спрашиваешь, куда я собираюсь и что со мной такое?

— А откуда я знаю, куда ты собираешься? — гадски усмехнулся Вирлисс, показав клыки.

— А догадаться ты не пробовал? — вкрадчиво осведомился Эет, поднимая с пола сумку и наматывая ремень на кулак.

— Богиня! — сделал огромные глаза Вир. — А я-то думал, что для семейных сцен обязательна женитьба! Какое заблуждение!.. Вот уже и не выйти никуда... не выпить, не погулять...

— Вирлисс!.. — выругавшись, рывкнул Эет, замахиваясь сумкой. Вампир, смеясь, уклонился.

— Добро пожаловать домой! — хохотал он, уворачиваясь от Эета.

— Я! Чуть с ума! Не сошёл!.. — орал Эет, пытаясь огреть Вира. В сумке гроыхали стучаясь друг о друга, банки с магическим инвентарём. — А тебе смешно!..

— А тебе не было бы смешно?.. — взмыв к потолку, осведомился вампир. — Извини, нас не было четыре дня, а ты только в ночь на пятый изволил почесаться? Да моя голова могла уже давным-давно стол Одина украшать вместо пресс-папье, а ты только книжку раскрыл! Обхохочешься!

— Ну, знаешь! А ты... ты мог бы...

— Что? — полюбопытствовал сверху Вирлисс.

Эет обессиленно упал на стул.

— Уходи, — тихо сказал он. — Уходи, я разговаривать с тобой не хочу.

— Встать в позу оскорблённой невинности — самое беспрюигрышное решение, конечно, — фыркнул Вирлисс. — И это вместо того, чтобы спросить, о чём мы с Локи говорили.

Эет скрипнул зубами.

— Знаешь, Вир... однажды я тебя придушу. Своими руками.

Вирлисс рассмеялся, плавно опускаясь вниз. И верхом сел на стул напротив, облокотившись на спинку.

— Да как без этого? Вот только сначала историю послушаешь...

Эет глубоко вздохнул.

— Вирлисс... я иногда тебе поражаюсь. Тебе всё хихоньки-хаханьки. Ты едва избежал плена и смерти, и уже готов скакать, как...

— Конечно, после сидения в клетке очень хочется поскакать, — согласно хмыкнул Вир, пожимая плечами.

— В клетке?.. — Эет вскинул голову, и глаза его блеснули гневным переливом. — Локи тебя посадил в клетку?

— И, кстати, правильно сделал, — кивнул Вир. — А то я бы не услышал массу прелюбопытных и полезных фактов.

— Ну, знаешь... "Правильно сделал!" — хранитель Храма не находил слов. — Всё это время ты сидел в клетке?

— Да нет, — Вир пожал плечами. — Локи меня ещё днём отпустил. А мне очень уж захотелось проверить, когда до тебя дойдёт, что случилось несчастье...

...Потрескивал фитиль в светильнике на столе. За окном завывал буран.

Эет глубоко вздохнул. Ноздри его затрепетали.

— Тихо, тихо... — примирительно поднял руки Вирлисс. — Мне ещё надо было местечко подыскать... чтобы кристалл воткнуть. Понимаешь, Локи нам офигенный подарок отвалил: рудник кристаллов Воды! — глаза вампира восторженно сверкнули. — Ты представляешь? Дал мне минерал и говорит: воткни его, где пожелаешь, и там, где ты это сделаешь, появится рудник. Вот я его и... втыкал, — невинно сообщил Вир, чуть-чуть отодвигаясь вместе со стулом.

Эет медленно встал.

— Вот я тебе сейчас воткну...

Вампир тоже поднялся.

— Что это вы... имеете в виду? — широко ухмыляясь, провокационно осведомился он.

Но Эету было уже всё равно. Он, не сводя глаз с этой возмутительно довольной физиономии, засучил рукава.

— Вот что имею, — коротко бросил он, — то и введу.

— Извращенец, — Вирлисс, задыхаясь от смеха, выпрыгнул из комнаты.

— Я тебе воткну! Я тебе сейчас так воткну!.. Проверить ему хотелось! — и Эет кинулся следом.

Они ворвались в Верхний храм и пронеслись по нему, опрокидывая камины. Эет окончательно выйдя из себя, огромным прыжком перелетел через вампира, схватил за завязки плаща — и от души врезал в челюсть.

Вирлисс с грохотом полетел через весь зал, собирая по пути столики и стулья.

— Ты что? Совсем с ума сошёл?! — рявкнул он, вскакивая и вытирая кровь из рассечённой губы. Издевательская улыбочка наконец исчезла с его лица.

Эет вздохнул и скрестил руки на груди.

— Как ни странно, ещё нет. Хотя с таким идиотом, как ты, мог бы.

Вирлисс, мрачно покосившись на златокудрого зомби, начал отряхивать полы чёрного плаща.

— Успокоился? — буркнул он.

— Инцидент исчерпан, — кивнул Эет. — Теперь я готов тебя слушать.

Шипя, вампир промакивал тыльной стороной ладони кровь из разбитого рта.

— Я не уверен, что теперь могу говорить...

Эет прошёл через зал, поднимая по дороге опрокинутую мебель.

— А ты развоплотись, — холодно посоветовал он, садясь в кресло. — А потом снова материализуйся. Как рукой снимет.

Вирлисс смешливо фыркнул — правда, чуть резче, чем обычно.

— О, богиня... Эет, что ж ты нервный-то такой?..

Эет стремительно повернул голову, но в зале уже никого не было: Вир развоплотился.

— Нервный? — зло спросил он у пустоты. — А ты знаешь, что я собирался послать к чёрту Заклятье Подчинения и отправиться тебя спасать, обалдуя? А ты знаешь, чего мне стоит даже ничтожное отклонение от приказа? Ты ж понятия не имеешь, что означает быть зомби и притом иметь свободную волю!..

— Ладно, ладно, — примирительно ответил Вирлисс, материализуясь у колонн балкона. — Извини, что сомневался в тебе. Просто...

— Просто что? — щелчком пальцев, даже не оборачиваясь, Хранитель возжёт пламя во всех кадилницах.

— Просто ты прирождённый лич, Эт, — вздохнул Вир, проходя в зал. — А я, если честно...

— Что? Никогда их не любил?

— Нет, что значит "не любил"? — Вирлисс пожал плечами. — Просто всегда считал, что им всё безразлично, кроме их науки. Им всё равно, как они выглядят, во что одеты, сыты или нет... И люди тоже безразличны.

— Ага, — Эет встал, скрестив руки на груди, и отвернулся к фреске. — А вампирам безразлично всё, кроме их шмоток. И крови, конечно.

— Эт... Ну, Эт... — Вирлисс подошёл и положил руку на плечо. — Ну, прости. Ты мой лучший друг. Я... сам на нервах до сих пор, если честно. И меня переклинило. Прости.

Эет развернулся и крепко сжал Вирлисса в объятьях.

— Богиня... ну какой ты идиот... — прошептал он.

И Вир так же крепко обнял его в ответ.

— Рассказывай! — улыбнулся Эт. — Рассказывай о подарках, о разговоре... рассказывай всё! С ума сойти... у нас в гостях был бог, а мы... — он покачал головой и усмехнулся. — Хороши же мы оба, ничего не скажешь...

— Как я понял, Локи один из старейших богов Асгарда, — вздохнул Вир, отходя за стойку с чайным сервизом, чтобы налить себе чаю. — И если он не хотел, чтобы мы его узнали... — он пожал плечами. — Ты будешь?

— Ага, от чашечки не откажусь, — рассеянно ответил Эет, садясь на своё место. — А в мифах сказано совсем другое...

Вирлисс снова пожал плечами. Подошёл с двумя терракотовыми чашками, от которых тонкими струйками поднимался душистый пар, и отдал одну Эету. И сел в кресло напротив.

— Видишь ли, он родился в том мире, откуда пришла... — он на секунду запнулся, — Мортис. А в нашем — помогал Одину творить Асгард... словом, не перебивай.

Они сидели в освещённом кадилницами зале Верхнего храма, слушали, как воеет снаружи метель, пили чай — и Вирлисс негромко рассказывал. Эет временами хмурился, порой улыбался; несколько раз, кажется, собирался прервать — но сдерживался.

Наконец Вир добрался до истории Силинель.

Об её любви, о мести...

И об её муже.

Когда рассказ закончился, в зале воцарилась полная тишина. Только билось пламя на алтаре — так неистово, словно его растревожил ветер. Тени метались по стене, скрывая лик богини.

Оба друга молчали.

И Эет тихо произнёс — совсем не то, что думал услышать Вирлисс:

— Я... всегда знал... что она... женщина.

Вир приподнял бровь. Эет чуть улыбнулся.

— Я никогда не думал о ней только как о богине смерти. Мне всегда казалось, что наши жрецы чего-то недоговаривают. Что богиня, дающая новую жизнь умершим, не может не любить эту самую жизнь. Тем более не может противопоставлять себя всему живому. А в какой-то момент... — он замолчал.

Вирлисс внимательно смотрел на хранителя Храма, чуть склонив набок голову, и Эет продолжил:

— В какой-то момент я стал видеть её во снах. Изредка. Такой, какой мы видели её там. На фреске у главного Алтаря.

Вампир с задумчивой улыбкой покачал головой.

— Значит, не случайно она... выбрала именно тебя.

— То есть?

— Не знаю, как тебе удалось, но ты единственный, кто в Мортис угадал Силинель. Через столько тысячелетий... Возможно, она сама... хотела бы стать прежней?

Эет улыбнулся уголком рта.

— Препней? Вряд ли. Она мудрее и сильнее, чем была. Но, мне кажется, она в самом деле хотела бы... обрести утраченную часть своего "я". Соединить обе половинки своей души: жизнь и смерть. Вновь обрести любовь... Только я не знаю, возможно ли это.

Вирлисс долго молчал, чему-то задумчиво улыбаясь, и смотрел на Эета.

— Мне кажется, — произнёс он наконец, — это уже случилось.

Эет почему-то покраснел.

— Ты... о чём?

Вирлисс усмехнулся.

— Да так... Ни о чём. Спать я хочу, устал зверски! — вампир поднялся. И добавил со смехом: — Суток пять прошу не будить.

— Пять? — рассмеялся Эет.

— Ну или до утра, — примирительно хмыкнул призрак. — А утром я покажу тебе, где у нас теперь новый рудник.

— Вир!

— Спокойной ночи!

И Вирлисс вышел из зала.

Эет остался один. Поднявшись, юноша подошёл к фреске и, запрокинув голову, внимательно смотрел на изображённую там женщину. Как всё переплелось! Богиня избрала его своим служителем. Хранителем Храма. И избрала его Господу своим земным воплощением. Связала их узамы Заветов Подчинения, в основе которого...

Эет не осмелился додумать. Неужели Вирлисс намекал, что...

Юноша невольно отступил на шаг. Невероятно дерзкая мысль!

— Богиня... Кто моя Госпожа? — прошептал он. — Ларинна?.. Или Ты?

Ровно билось пламя в кадильнице. За стенами Храма завывала пурга.

— И есть ли разница? — почти беззвучно выдохнул зомби.

Богиня молчала. Она всегда молчала.

Но рано или поздно Эет получал ответы на все свои вопросы. На все свои молитвы.

Будет ли ответ... на сей раз?

И на этот ли вопрос хочется получить ответ? Не задаёт ли его сердце другой — тот, который не осмелится произнести даже в мыслях?

Ах, Локи, Локи... Твой визит так много прояснил — но ещё больше запутал!

Довольно!

Эет сжал пальцами раскальвающиеся виски. Закрыв глаза. Довольно... Богиня — это богиня. Его Госпожа — это его Госпожа. Он любит Госпожу. Обычную женщину. Пускай безнадёжно и не по своей воле... но — обычную женщину.

И не надо... Не надо...

Нужно знать своё место!

Только почему Заклятье Подчинения позволяет ему такие... дерзкие мысли? Позволяет Госпоже... иметь соперницу, кем бы она ни была?

Но если Госпожа и богиня — одна и та же девушка...

Эет провёл языком по пересохшим губам. Чёрт побери...

Нет, хватит! Хватит. Он ещё подумает об этом. Потом. Возможно. А сейчас... У негс впереди много работы. Надо разработать ритуал трансформации. И...

Эет почти бегом оставил зал Верхнего храма.

Захлопнув за собой дверь спальни, юноша остановился как вкопанный. Что он хотел? Зачем сюда пришёл? Может, надо пойти в библиотеку? Или разобрать сумку? Да, пожалуй... разобрать сумку.

Она так и валялась на полу, на том самом месте, куда он отшвырнул её, бросившись за Вирлиссом. Из неё вывалилась злополучная коробка со свечами.

Эет нагнулся. Коробку на полку... Сумку на стол... На свет механически извлекались: книга, кубки, бутылки с магическими эликсирами... Шнур для размётки пентаграммы... Мелки...

Всё по местам. Книгу надо... отнести... обратно в хранилище. Чёрт, вспомнить бы, в каком отделе брал. Ходил, как в тумане. И до сих пор...

Эет скользнул взглядом по обложке. Хорошая. Кожаный переплёт. И гвоздики металлические... Кажется, это ведь та самая... "Кривые Пространства: создание меж-мировых порталов". Когда-то именно она натолкнула его на мысль искать библиотеки университета.

Меж-мировые порталы.

Хм.

По краю сознания бродила какая-то мысль, но никак не желала обретать чёткость.

Эет развернул тяжёлый том. Взгляд даже не скользил — плавал меж строчками. Выхватывал отдельные слова...

Да что с ним, с учёным и магом, происходит?

Нет, в таком состоянии работать невозможно.

Эет одним движением стянул с себя тунику и рухнул на постель. Закинув руки за голову,

он смотрел на потолок, на трепещущий золотой блик светильника — и поражался полной пустоте в голове. Потом закрыл глаза и попытался представить законченную формулу. Какая она... совершенная и безупречная, как истина в последней инстанции. Найденная формула трансформации зомби — в лица.

Это прорыв. Невероятный прорыв в некромансии.

А помимо прочего — и единственный шанс. Шанс стать полноценным некромантом.

Формула не желала воображаться. Вместо неё пред глазами вставала фреска в полутёмном зале. Вот только лица изображённой женщины не рассмотреть...

За что, богиня? Чем я провинился перед тобой?..

Эет глубоко вздохнул. К чёрту! После всех этих треволнений недолго и с ума сойти. Сейчас пойти на кухню и налить себе вина.

Сейчас...

Он шёл по тёмным коридорам, не зажигая света, находя путь лишь по памяти. Спуск по бесконечной лестнице... Где же та дверца в закуток с винами?

Эет распахнул дверь — и отшатнулся.

Лучась золотистым светом, на полке возлежала формула трансформации — совершенная и безупречная, как улыбающаяся гусеница. Над ней колечками поднимался ароматный дымок — потому что цифры курили. Они сидели, свесив вниз ножки, болтали ими и, хихикая, показывали ручками на оторопевшего Эета.

Он стоял, не в силах закрыть рот, и не отрывал взгляда от дымящего междусобойчика. Почему же он не захватил с собой тетрадь? Или хоть что-то...

— Всё дело в том, с какой стороны ты смотришь! — пропищал знак минуса. — Потому что с другой стороны всё кажется совсем не так!

— Но ничего по сути не меняется! — согласно пробубнила толстая пятёрка.

— Я... знаю. Я понял... — сглотнув, пробормотал Эет. — Я размышлял не над принципом, а над реализацией... я...

Цифры снова захихикали и начали раскручивать полку, как огромную карусель. На белой лошадке сидела Ларинна, а на белом тигре — Силинель.

— Ничего по сути не меняется! — кричали обе.

Эет охнул, попятился, запнулся о порог и с грохотом полетел на пол.

Он лежал рядом с собственной кроватью, и за окнами занималось утро.

— Чёрт... — Эет, морщась, потёр локоть. — Сон...

Он чувствовал себя совершенно разбитым.

Кряхтя, он медленно поднялся с пола. Не одеваясь, подошёл к столу, развернул тетрадь — и записал в неё формулу трансформации. Прекрасную и совершенную, как истина в последней инстанции.

...Интересно, умеют ли гусеницы улыбаться?..

Эет поднял голову, глядя в окно. Буря утихла, снег падал большими пушистыми хлопьями. Во всём мире была разлита невероятная тишь... Она скользила белым светом по раскрытой тетради, по распущенным волосам, окутывала комнату.

Вот и всё.

Так выглядит утро победы.

Со страниц тетради на мир смотрела формула трансформации. Вместе с уравнением магического поля.

Вот и всё.

Эт глубоко вздохнул. Губы сами расползались в улыбку. В груди начинало разливаться странное чувство...

Предвкушение.

Маг зажмурился. А потом раскрыл глаза и ещё раз внимательно всмотрелся в торопливо записанные цифры.

Всё верно. Впрочем, он и так знает, что всё верно.

Что ж... Теперь дело за малым.

Эт не спеша оделся, спустился в лаборатории Храма, так же неторопливо выбрал там несколько сосудов с необходимыми ингредиентами, потом зашёл в хранилище магических кристаллов, взял там по ящичку с кристаллами Смерти и с кристаллами Жизни, два ящичка с кристаллами Воды — чёрт, почти весь запас! Хорошо, что Локи подарил целый рудник...

Интересно, как-то там Локи? Выкрутится?..

...и пошёл в комнату над Алтарём.

Юноша сделал несколько ходок туда и обратно. Надо было принести светильники, шнур для размётки, мел... Кадильницу. И, главное, найти предмет для филактерии.

Филактерия...

Эт давно думал, что же можно использовать в этом качестве.

Стеклянные склянки не хотелось.

В филактерии содержится то, чего стремится избежать маг, становясь личом. Смертные маги запирают в ней свою гибель... возможность гибели. Лич с разбитой филактерией столь же уязвим, как обычный человек. Но...

Эт ещё раз представил формулу трансформации — и чуть не запнулся.

Богиня...

Маг остановился посреди коридора.

Он — уже Бессмертный! Он — уже немёртвый. Он проводит ритуал, чтобы получить полную силу некроманта. На уровень лича его поднимет не бессмертие, а свобода в использовании магии.

Следовательно... если уничтожить филактерию...

Дыхание перехватило. Чёрт побери!

Он уже не сможет создать новую, в отличие от обычного лича. Он просто потеряет силу мага. Навсегда.

Он станет беспомощным, как обычный человек. Сохранив ясность разума, волю, бессмертие... он лишится смысла своей жизни.

Богиня...

Но ведь филактерией может быть любая вещь, не так ли?

Прости меня, Мортис... Силинель... прости. Я проведу ритуал не в комнатке над Алтарём... если ты позволишь.

Не надо никакого сосуда.

Эт вернулся к себе, взял защитные перчатки и Жезл Власти — и вышел в коридор. На краткий миг юноша задержался у двери Вирлисса. Словно прощаясь, дотронулся кончиками пальцев. Вир... Прости. Это не твой риск.

И юноша торопливо пошёл к той лестнице, что вводила к подземельям Храма — и дальше, тайными переходами, к комнате над Алтарём.

В комнате сияли светильники. Все магические принадлежности, разложенные на столе, ждали ритуала. Ещё немного...

Эт передвинул лампу, открывая двери в святилище.

Спуск по коридору из тёмного кристалла. Когда-то он не светился. Теперь, уже несколько лет, по камням прокатывались переливы зелёного мерцания, волнами скользя по коридору и освещая путь идущему.

Эт с улыбкой дотронулся до стены, словно погладил камень. Наверное, тут есть и их с Виром скромная заслуга...

Зелёное пламя магических светильников коснулось глаз. Из открытого зева Лабиринта пахнуло холодной пустотой.

Юноша вновь стоял перед величайшей святыней Атариды, но на сей раз не затем, чтобы выполнить обязанности Хранителя.

Он поднял взгляд на фреску.

Силинель...

О да. Те два храма — они принадлежат Мортис. Но этот — Силинель. Подательницы жизни. В смерти.

Зомби преклонил колени.

— Прости меня за дерзкую просьбу, Благостная, — прошептал он, склонив голову. — Но твои враги могущественны и коварны. Я не должен вступать в эту битву с незащищённой спиной. Силинель... Я молю тебя... Позволь мне связать свою силу с твоей. Силинель... это слишком важно, чтобы я дерзнул просить о знаке, если ты против. Я молю тебя дать знак, если ты согласна!

Сам не веря, что произнёс эти слова, Эт превратился в воплощённое внимание.

Пламя на алтарной чаше вспыхнуло белым, вскинулось ввысь — и в этом ослепительном свете, затмившем вечный ровный свет святилища, зомби увидел, что богиня на фреске улыбнулась... и...

...взмах тонкой руки — и перед магом на камень Алтаря упала роза.

Эт сглотнул. Пальцы вздрогнули, коснувшись цветка.

Живые лепестки. Нежные... От них струился тонкий аромат. Помимо воли юноша поднёс розу к лицу, вдыхая лёгкий, головокружительный запах.

— Спасибо, — прошептал хранитель Храма.

Эт просто не знал, что ещё сказать. Что ответить на такой явный знак расположения богини. Юноша немного растерялся.

Он не чувствовал радости или восторга. Душу переполняли благоговение и благодарность. И облегчение.

Значит, вот так. И богиня знала, как всё сложится, когда руками Ларинны делала его немертвым.

Чтобы однажды у Алтаря прозвучала эта просьба...

Он поднялся. Скользнул пальцами по ободку алтарной чаши.

— Спасибо, — шепнул некромант ещё раз. И, подняв открытый взгляд на богиню, чуть улыбнулся уголком рта: — Это... Ты же понимаешь, что это будет что-то вроде нашего обручения, Сили. И я обещаю, что буду... — Эт глубоко вздохнул. Нет, он сходит с ума. Но роза... роза в его руке... — Я обещаю, что буду тебе лучшим мужем, чем тот, из-за которого ты вынесла столько страданий. И может быть... однажды... так или иначе... как Ларинна или как Силинель... ты придёшь ко мне. Когда будешь готова. А я буду служить тебе и любить тебя... моя Госпожа.

Он вышел из святилища и, вернувшись в комнату над Алтарём, забрал оттуда всё

необходимое.

Раза два или три... туда и обратно... по мерцающему коридору.

И вот наконец дверь за спиной мага закрылась в последний раз.

И беззвучно сомкнулась стена, отрезав от святилища переходы Лабиринта.

Эт бросил последний взгляд на фреску над Алтарём и, запретив себе думать о чём-либо, кроме ритуала, начал разметку комнаты.

Круг Преобразования. Внутри — магическая звезда. И светильники по периметру Круга.

Между ними — кристаллы Воды.

Теперь... Магические кристаллы Смерти и Жизни — внутри звезды. Попарно — в основании каждого луча. И по кристаллу Воды — в вершины.

Смешать в кубке магические ингредиенты, создав эликсир Трансформации...

Эт глубоко вздохнул. Всё готово. Дело за малым — активировать заклятье. Пока не призвана Сила — это не более чем меловые линии на полу. И не более чем красиво расставленные камни.

Сила должна скользить свободно. Не встречая никаких преград. А в той реальности, где начерченная мелом линия является барьером, барьером может стать и любая материальная вещь.

Эт вышел за пределы Круга и, раздевшись донага, аккуратно сложил свою одежду за Алтарём, у самого входа в святилище.

Медленно, почти торжественно, расплёл волосы и, тряхнув головой, позволил им рассыпаться вдоль спины.

Вот теперь — в центр святилища. В центр магического знака.

Юноша повернулся лицом к фреске и, выпрямившись, посмотрел прямо на богиню. Обнажённым он стоял перед ней, не сводя взгляда, и в уголках его губ таилась улыбка. Кажется ли ему, что там, над Алтарём, нет росписи? А только девушка с пепельными волосами? Живая девушка, стоящая в стенной нише... И на её губах неверным бликом солнца трепещет ответная улыбка — не смея стать явной. И глаза, эти чёрные глаза! Дрожат ресницы, то и дело опускаясь — и вновь взлетая, словно стыдясь собственной робости.

Женщина. Божественно прекрасная женщина, которую так долго заставляли забывать о своей сути... И так трудно, наверное, вспоминать и принимать её вновь...

Эт тепло и совсем открыто улыбнулся Силинель.

— Всё будет хорошо, Сили, — ободряюще прошептал молодой маг.

Он отсалютовал кубком с эликсиром своей божественной покровительнице, словно пил за неё, и медленно, несколькими глотками, осушил до дна.

Терпкий вкус, ни на что не похожий...

Эт поставил кубок у своих ног, выпрямился и, сосредоточившись, произнёс первое заклинание.

Активация.

С лёгким треском по Водным кристаллам проскочила фиолетовая молния.

Эт широким жестом воздел руки — и, повинувшись его движению, с линии Круга взметнулась ввысь сияющая стена. Сомкнулась куполом над головой.

По контурам магической звезды с треском пробежали световые линии — и тоже стенами вытянулись вверх, стремясь слиться с общим полем.

Вспыхнули зелёным огнём кристаллы Смерти.

Бело-золотым — кристаллы Жизни.

Рассыпая искры и гудя, их энергии молниями били ввысь, сливались с сияющим куполом энергии Воды, смешивались в нём — и магическое поле гудело, вибрируя от собственной нарастающей мощи.

Через тело словно пропустили электрический разряд. Ещё. И ещё...

По коже давно бежали мурашки, волосы реяли над головой.

Пора!

Эт произнёс заклятье Преобразования.

Дыхание перехватило.

Перед глазами вспыхнул и замелькал рой разноцветных пятен, невероятный коловорот...

Веретено. Мать так часто пряла... и нить наматывалась на веретено...

На Эета, как на веретено, наматывалась незримыми нитями новая суть — а старая, разматываясь, опадала.

Новая энергия, новая природа — в кости, в плоть, в вены и кровь...

И, словно с веретена, пройдя сквозь его тело, свивалась в пульсирующий, сияющий клубок — где-то вовне.

И вот, натянувшись, энергетическая нить вздрогнула и замерла. Юноша ощущал её поющую вибрацию всем своим существом.

Вращение прекратилось внезапно. Эт, не в силах более держаться на ногах, мягко упал на колени в центре знака. Поле, мерцая, рассеивалось. Уходило, гасло...

Кристаллы превратились в пыль.

А в луче звезды, что указывал на Алтарь, полыхая изумрудным светом, сиял шар...

Безграничное могущество Эета. Его способность к магии. Его часть.

Несколько минут... есть лишь несколько минут... чтобы успеть заключить это в предмет. В любой предмет.

Иначе — энергия рассеется.

Оставив новообращённого лича без магии. Навсегда.

Преодолевая невероятную слабость, Эт поднялся. Повинуясь жесту своего создателя, шар взмыл в воздух — и устремился к монолиту Алтаря. И повис над пульсирующим пламенем.

Свет могущества Силинель и свет могущества Эета смешивались и, словно питая друг друга, разгорались всё ярче.

— Да будет... этот Алтарь... твоим хранилищем, — тихо выдохнул маг. И произнёс заклятье Печати.

Перед глазами с рёвом плеснулось зелёное пламя, ослепив и оглушив. Пол под ногами содрогнулся — и наступила тишина. Глаза постепенно, отходя от яркого света, снова начали различать предметы...

Эт встряхнул головой, шатаясь, подошёл к Алтарю и обессиленно опустился на ступени. Немного собравшись с силами, молодой маг поднялся, натянул на себя одежду — а потом взял Жезл Власти.

Единственный взмах вернул залу первоначанный вид.

Юный лич задумчиво смотрел на опустевшее святилище. Кадильницы, светильники — всё исчезло. Вернулось на свои места, повинуясь его воле.

Множественный перенос предметов в пространстве...

Неплохо.

Эт усмехнулся уголком губ и устало встряхнул головой, перекидывая волосы набок. Они тяжёлым золотым водопадом упали на плечо — и ниже, рассыпаясь по груди и спине.

Словно ничего и не изменилось.

Хранитель Храма поднял взгляд на фреску. Богиня улыбалась ему.

— Благодарю, Силинель... — прошептал лич.

А потом в последний раз преклонил колени перед Алтарём, поднялся и, сначала медленно, а потом всё убыстряя шаг, пошёл назад.

Он задержался лишь, чтобы забрать розу из верхней комнаты.

Усталость отступала. Как можно чувствовать усталость, когда теперь перед ним столько открывается! Наконец... наконец возможно испробовать на практике все те заклинания, что оставались под запретом долгие сто лет!

И можно будет...

Эт остановился. Сто лет он запрещал себе думать об этом. Но лич — не зомби. Заклятье Подчинения не столь беспощадно к высшей нежити — и откровенная мысль о неповиновении уже не отзывается во всём теле болью...

Возможно ли... отбить у Госпожи... себя самого? Возможно или нет?

Ледяной озноб. И такая смертная тоска в сердце.

Наверное, возможно... Но разве это не означает — потерять любовь? То единственное, что в самые ужасные минуты давало силы? И надежду...

И к чему ему свобода? К чему?..

Чтобы иметь возможность однажды не бросить в беде друга...

Но, чёрт же побери... Локи ясно дал понять, что сейчас им с Виром ничего не угрожает. Что они должны дальше изучать магию и, когда будут готовы, отплыть в Асгард на Скидбладнире... Когда они будут готовы! Да и потом... не означает ли попытка освобождения прямое оскорбление богине? Ведь Госпожа — её воплощение! А ведь он клялся Силинель, что будет ей...

О богиня, он действительно осмелился произнести это?..

Эт снова поднёс цветок к лицу, вдыхая его нежный аромат.

Может, и ради своего обещания нужно попробовать избавиться от Заклятия? Чтобы душу не раздирала эта раздвоенность: Сили или Ринн...

Хотя они обе и сказали во сне, что разницы нет...

Эт усмехнулся. Нет, что же это такое: на безлюдном острове ухитриться запутаться в женщинах!.. Он действительно — гений.

Впрочем, ещё будет время подумать об этом. А пока — взглянуть на рудник кристаллов Воды и подумать о дальнейшем изучении магии Храма. Ведь они с Виром колупнули только верхушку айсберга! А Локи посоветовал...

Эт закусил губы, чтобы не рассмеяться. Локи. Вечный насмешник. Похоже, Вирлисс заразился его своеобразным чувством юмора. Что ж, зачем отставать?..

Эт, душа смех, кинулся бежать по коридорам. Так и есть... Белый Тигр ещё не проснулся... неудивительно! После вчерашнего... Отлично!

Юноша нырнул в свою комнату, щелчком пальцев наполнил водой стоявшую на столе вазу, поставил туда розу — и начал лихорадочно рыться на полках. Эта не подойдёт... эта тоже... а вот эта ничего!

В руки легла изящная прозрачная скляночка с золотой крышечкой. Кусая губы, чтобы не расхохотаться, Эт наполнил её мерцающим зеленоватым светом.

— Вир!.. — крикнул он, выбегая в коридор. — Вир, проснись!

Новообращённый лич с азартом пнул двери друга.

— Ну чего ты орё?.. — начал было протирающий глаза вампир — и запнулся.

Эет стоял перед ним с широченной улыбкой, торжествуяще воздев над головой сияющую склянку.

Вирлисс ахнул.

— У меня получилось! — счастливо выдохнул Эет, блестя глазами. — У меня получилась трансформация, Вир!

— Это?.. — Вир кивнул на склянку, не сводя с неё взгляда.

— Что? — пытаюсь сдержать смех, осведомился Эет.

— Это... филактерия?..

— Интересно, а что ещё можно использовать в качестве филактерии? — осведомился хранитель Храма. — Традиционно это всякие там флакончики, баночки, скляночки...

— И ты меня не разбудил! — возмущённо фыркнул Вирлисс.

— Как это не разбудил? А сейчас ты что, тоже спишь? — невинно осведомился приятель.

— Ну-ну, — ехидно покачал головой Вир. — Я тебе ещё припомню...

— Вир, ну в самом деле... Я не хотел тебя беспокоить. Сегодня утром мне приснилась формула, понимаешь? И я решил не откладывать.

— Ах, он решил не откладывать, — хмыкнул вампир, показав клыки. — Вечно этот зуд ваш... личовский. Лишь бы провести эксперимент, да побыстрее, а всему остальному отыщется масса оправданий.

— Вир!

— Что — Вир? Сам меня не разбудил, а сейчас — Вир? — Вирлисс схватил Эета за руку и втянул в комнату. — Ну что ты стоишь в коридоре, как приклеенный? Заходи и рассказывай!

Эет вздохнул, улыбнулся и опустился на мягкий табурет. И смотрел, как Вир достаёт с полки бокалы и кувшин вина.

— Это надо отметить! — провозгласил Вирлисс. — Вечером у нас банкет в Верхнем храме, а сейчас — за победу!

Он разлил алое вино по чеканным бокалам белого золота и протянул Эету. Молодой лич поставил свою склянку на край стола и принял кубок из рук друга.

— За победу! — согласно ответил он.

Чаши, встретившись, зазвенели.

— А теперь рассказывай! — выпив, буквально приказал Вирлисс. — Хоть законченную формулу покажи. Ты сам-то понимаешь, какой это прорыв?!

— Ага, — улыбаясь до ушей, ответил Эет. Он придвинулся к столу и пододвинул к себе тетрадь Вира. — Я вообще хочу систематизировать свои исследования и написать книгу для библиотеки Храма. Не вечно же мы с тобой тут одни куковать будем... Сейчас, я тебе покажу формулу. Где тут у тебя самописцы?..

Он нагнулся к ящикам стола — и локтем, случайно, зацепил склянку. Секунда — и она со звоном раскатилась по полу осколками.

Вирлисс только коротко втянул воздух.

— ...! — прошептал он, переводя полный ужаса взгляд на Эета.

Эет беззвучно ахнул — и прикусил губу.

— Что ты сидишь? — коротко бросил Белый Тигр. Лицо стало бледным и решительным. — Быстро собирай заново все ингредиенты, ноги в руки — и в комнату над Алтарём! Там ведь ритуал проводил? Быстро!..

— Вир...

— Да шевелись ты, горе моё! — Вирлисс, схватив Эета за шиворот, стащил хранителя Храма с табурета и повлёк к дверям. — Размётку стёр уже, нет?

— Вир, да отпусти меня!

Вирлисс разжал пальцы.

— Что ты так распсиховался? — приводя в порядок воротник, мрачно буркнул Эет. — Можно подумать, у нас тут стихийное бедствие.

Вир скрестил руки на груди и блеснул клыками в своей фирменной улыбке.

— А и верно, — вкрадчиво протянул он. — Что это я так распсиховался из-за этого обалдуя?.. Вот как раз мне шанс на ритуал посмотреть, от и до... Так что ты давай... пошевеливайся. А то мне любопытно...

— Размечтался! — хмыкнул Эет. — Сейчас, буду я для тебя персонально всё повторять! И вообще... — юноша отвернулся. — Пошутил я.

— В смысле... пошутил? — вампир нахмурился.

— Ну, давай я тебе всё по порядку расскажу, — почти взмолился Эет. — И успокойся ты! Словом, смотри...

Он подошёл к столу и, подвинув тетрадь, написал в неё формулу трансформации вместе с уравнением поля. Вир внимательно смотрел через плечо.

— Видишь? — спросил Эет. — Так вот, я...

— Гений... — каким-то деревянным голосом произнёс Вирлисс. — А ты сам свою формулу до конца понял?

— В смысле? — Эет обернулся, нахмурившись.

— В том-то и в смысле! — Вирлисс тяжело сел, буквально обрушился на постель. Он улыбался, но губы вздрагивали. Вампир потянулся за кувшином с вином, плеснул себе почти полный кубок и выпил залпом. Эет заметил, что руки друга трясутся. — Богиня...

— Что? — прошептал Эет, сам заражаясь тревогой Вира. — Что случилось-то?..

— Что у тебя в филактерии было?

— В филактерии? — Эет недоумённо моргнул, а потом до него дошло. — А! Способность к магии, да. Ты понял? Так вот, дальше смотри...

— Ты что, совсем того? — рывкнул Вирлисс, вскакивая. — И потом меня обвиняют в легкомыслии?.. Это мне всё — хихоньки-хаханьки? Ты понимаешь, что не сможешь её восстановить? Не сможешь!..

— Да, я понимаю. И вот поэтому...

— Что — поэтому? Что ты сейчас собираешься делать? — Вирлисс заметался по комнате совсем как зверь в запертой клетке. И вдруг резко остановился. Глаза его прищурились. — Ты же не можешь не понимать! Ты её сдублировал? Сдублировал, да? У тебя есть запасная?

Эет улыбнулся — и с ладошки его вспорхнула огненная бабочка. Закружила по комнате.

— Вир, успокойся. Магия со мной. Это была не филактерия. Я пошутил...

— Пошутил?.. — тихо спросил Вирлисс.

И всё, что успевал заметить хранитель Храма — это кулак Вира, летящий в лицо. В следующую секунду Эет уже врезался в стену, и сверху ему на голову обрушилась картина.

— Ты мне ещё пейзажи попорти... — со зловещей вкрадчивостью заметил вампир, со скрещенными руками вставая над личом. — Только порви их... своей дурной головой!

— Ты что?.. — Эет невольно схватился за глаз. — Тебя какая муха укусила?

— Наверное, твоя вчерашняя, — невозмутимо сообщил Вир. — Вставай! Или тебе тут коврик постелить?

— Ой... — Эет тяжело поднялся. Плечи начинали вздрагивать от смеха — и вот уже лич хохотал в голос, запрокидывая голову. И ему вторил хохот Ви́ра. Оба ржали, не в силах остановиться, еле переводя дыхание и вытирая слёзы с глаз.

— Ну вот... Теперь мы квиты... — простонал вампир — и они захохотали пуще прежнего.

— Тебе дальше-то рассказать? — просмеявшись, выдохнул Эет, падая на кровать друга и прислоняясь спиной к стене.

— Ну, расскажи, — ещё посмеиваясь, сел прямо на стол вампир.

И Эет всё рассказал. И о ритуале, и о розе, что сейчас стояла в его комнате в вазе, и о создании филактерии... Правда, лич умолчал о самой малости: о своём обещании Силинель. Это — только меж ним и нею...

Вирлисс мог лишь потрясённо покачать головой. В глазах таилось восхищение.

— Ну, ты даёшь... — только и произнёс он. — И, кстати, отличная идея.

— Какая? Сделать Алтарь филактерией? — улыбнулся Эет. — Я знаю. Дерзкая, но беспроегрешная.

— Ну, это понятно, — отмахнулся Вир. — Я говорю о ложной филактерии. Зачем кому-то ещё знать, в чём хранится твоя сила?

— Хм... — Эет усмехнулся, склонив голову набок. — А ведь ты прав, Вир! Надо создать обманку. Мало ли... кого ещё сюда принесёт.

— И я о том же! — Вирлисс хлопнул друга по плечу. — Ну что, идём готовить праздничный обед?

— Кто готовить-то будет, тиграша?.. — ехидно осведомился лич.

— У тебя отлично получается, — невозмутимо пожал плечами Вирлисс с самой обаятельной из своих улыбок.

— Ну-ну... — Эет рассмеялся. — Я однажды освящу именем Мортис какие-нибудь предметы и притащу их на кухню и в прачечную. Ибо нефиг! Пусть там тоже будет пространство богини.

— Гений... — расхохотался Вирлисс. — Надо же, а мысль неплоха! Этак я тебя ещё и готовить поучу, — и увернулся от дружеского тычка. — Пошли давай, жрать охота...

— Да уж, — Эет, фыркая от сдерживаемого смеха, поднялся. — Действительно, есть хочется...

Он вдруг запнулся и нахмурился, поймав себя на странном ощущении. Да, голод...

Не может быть!

Голод.

Ведь он только вчера сожрал сырой целую косулю! Неужели так повлиял расход магии? Или... изменение внутренней природы?..

— Ты чего? — Вирлисс недоумённо смотрел на него.

— Да так... Ничего... — Эет попытался улыбнуться уголком рта. — Говорю же... есть хочется.

Он решительно вышел из комнаты.

Чёрт возьми! Конечно, он помнил об этой проблеме, но не думал, что она возникнет вот так сразу... надеялся, что у него будет ещё немного времени...

Голод личей утолялся лишь человеческой плотью. На Атариде им отдавали самых страшных преступников.

Эет на секунду прикрыл глаза и вздохнул. Надо будет найти плащ с глубоким капюшоном, чтобы закрывал лицо. В конце концов... он же знал, на что шёл.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Речь идёт о волке Фенрире.

[2] Мировой змей Ёрмунганд.

[3] Богиня смерти, повелительница Хельхейма, самого нижнего из девяти миров ясеня Иггдрасиля.

[4] Миф о Бальдре.